

В монографии прослеживается становление и развитие многосторонних отношений Сербии и России накануне и в годы Великого Восточного кризиса 1875-1878 гг. Исследуется становление знаний и представлений о Сербии и ее народе в российской печати. Важной составляющей пропаганды дела освобождения и объединения сербского народа стала деятельность московских славянофилов. В этом контексте исследуется их литературное творчество, и, прежде всего «Послание к сербам из Москвы», а также практическая деятельность по организации обучения сербских студентов, помощи сербским церквям, организации Славянского съезда в Москве и открытию в России Сербского подворья. Анализируется также политика официальной России, в том числе личная позиция императора Александра II и его окружения по сербскому вопросу. Особое внимание уделяется реакции российского общества на события на Балканах. Ярким примером сочувствия и сострадания российских людей борющейся Сербии стало массовое движение добровольцев. На базе российских архивов реконструируются этапы добровольческого движения и его характер. Позиция российских правительственных кругов была достаточно сдержанной в начале Восточного кризиса, однако по мере подъема общественного движения в поддержку братского народа она меняется. Для спасения Сербии от разгрома в октябре 1876 г. российское правительство предъявило ультиматум Османской империи с требованием прекратить военные действия и покинуть территорию княжества. Начавшаяся вскоре русско-турецкая война 1877-78 гг. обуславливалась во многом стремлением добиться и независимости Сербии. В этой войне впервые два государства - Сербское княжество и Российская империя - выступили как военные союзники. Итоговые документы войны - Сан-Стефанский и Берлинский договоры - не полностью удовлетворили сербские чаяния. В монографии анализируются причины сербско-русских разногласий на завершающем этапе кризиса.

Кузьмичева Людмила Васильевна НАД СЕРБИЕЙ СМILУЙСЯ ТЫ, БОЖЕ!

Кузьмичева Людмила Васильевна НАД СЕРБИЕЙ СМILУЙСЯ ТЫ, БОЖЕ!

Очерки истории русско-сербских отношений накануне
и в годы Великого восточного кризиса 1875-1878 гг.

Кузьмичева Людмила Васильевна
«НАД СЕРБИЕЙ СМИЛУЙСЯ ТЫ, БОЖЕ!»
**Очерки истории русско-сербских отношений накануне
и в годы Великого восточного кризиса 1875-1878 гг.**

ЦЕНТАР ЗА РУСКЕ И ИСТОЧНОЕВРОПСКЕ
СТУДИЈЕ „М. ЈОВАНОВИЋ“ ФИЛОЗОФСКОГ
ФАКУЛТЕТА УНИВЕРЗИТЕТА У БЕОГРАДУ
ИНФОРМАТИКА А.Д.
РУСКИ НАУЧНИ ИНСТИТУТ
Библиотека „Руско-српски односи кроз историју“
Бр.1

Главни и одговорни уредник
проф. др Ирина Антанасијевић

Рецензенти
Проф др Сузана Рајић
Проф др Јарослав Вишњаков

Лектура и коректура
Биљана Рацковић

Прелом њекста
Ђорђе Секерезовић

ISBN 978-86-81328-09-5

Кузьмичева Людмила Васильевна

«НАД СЕРБИЕЙ СМИЛУЙСЯ ТЫ, БОЖЕ!»

Очерки истории русско-сербских отношений
накануне и в годы Великого восточного кризиса
1875-1878 гг.

Београд, 2022.

Над Сербией смилуйся ты, Боже!
Заедают нас волки янычары!
Без вины нам головы режут,
Наших жен обижают, позорят,
Сыновей в неволю забирают,
Красных девок заставляют в насмешку
Распевать зазорные песни
И плясать басурманские пляски.
Старики даже с нами согласны:
Унимать нас они перестали,—
Уж и им нестерпимо насилье.
Гусяры нас в глаза укоряют:
Долго ль вам мирволить янычарам?
Долго ль вам терпеть оплеухи?
Или вы уж не сербы,— цыганы?
Или вы не мужчины,— старухи?
Вы бросайте ваши белые дома,
Уходите в Велийское ущелье,—
Там гроза готовится на турок,
Там дружину свою собирает
Старый сербин, воевода Милош.

А.С. Пушкин

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ВВЕДЕНИЕ	11

Глава I.

«Кто такие славяне? Почему мы любим славян и зовем их нашими братьями». Сближение России и Сербии.	57
1. Как в России узнали и полюбили сербов.....	57
2. Сербский вопрос и московские славянофилы в 50-60-х гг. XIX в.	65
3. Москва встречает сербов. Этнографическая выставка и Славянский съезд 1867 г.	78
4. Братья по вере. Сербское Подворье в Москве	94

Глава II.

Тревожный год (июль 1875 - июнь 1876 гг.)	115
1. Был ли Йован Ристич русофилом или русофобом	115
2. Восстание в Герцеговине и Боснии. Позиция Сербии и России.....	124
3. Российские и австрийские инициативы по решению кризиса	137
4. «Моему дорогому народу!» Война объявлена.	149
5. «Ташкентский лев» в Сербии. Обстоятельства приезда М.Г. Черняева.	156

Глава III.

Неравная схватка. Сербо-черногорско-турецкая война 1876 г. и Россия	171
1. Начало войны. Рейхштадтское свидание.	171
2. Русское общество и сербо-турецкая война.	182

3. События сербо-турецкой войны на страницах журнала «Пчела»	186
4. Русское добровольческое движение в Сербию	202
5. Спасти братскую Сербию! Финальный этап первой сербо-турецкой войны и Россия.	236

Глава IV.

Союзники. Россия и Сербия в годы русско-турецкой

войны 1877 - 1878 гг.	255
1. Миссия генерал-лейтенанта Никитина в Сербии	255
2. Начало русско-турецкой войны и Сербия.	265
3. Сербо-русские переговоры по вопросу о вступлении Сербии в войну. Вторая сербо-турецкая война.....	278
4. Сербские обиды. Сербо-русские отношения на заключительном этапе восточного кризиса 1875-1878 гг.	300
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	335
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	341
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	367

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приближается дата 150-летия начала Великого восточного кризиса 1875-78 годов, во многом определившего не только судьбу балканских народов, Османской и Российской империй, но и всей европейской истории. В 1878 г. изменилась карта Европы, на ней появились новые независимые государства – Сербия, Черногория и Румыния, обрела автономию Болгария и де-факто расширила за счет Боснии и Герцеговины свои границы Австро-Венгерская империя.

Взаимоотношения России и Сербии сыграли огромную роль в развитии событий этого кризиса. Тому как развивались эти отношения накануне и во время кризиса и посвящены настоящие очерки. Они не претендуют на всеохватность многообразных связей России и Сербии, которые требуют многогранного исследования. Тема Великого восточного кризиса, его кануна и последствий не новая, она активно разрабатывалась в историографии, получила обширнейшую публикацию документов и серьезные монографические исследования по тем или иным аспектам кризиса. Вместе с тем, некоторые сюжеты, в том числе, русское добровольческое движение в Сербию, еще ждет новых исследований и публикаций документов. В этой книге мне хотелось остановиться на некоторых важных сюжетах истории и формирования как государственных, так и общественных связей народов двух стран, показать как проходил процесс их взаимного узнавания.

Сербия и Россия прошли в последние двести лет непростой исторический путь. В двух кровопролитных мировых войнах они были союзниками. Но дружба и сотрудничество народов двух стран имеет более глубокие корни, в том числе и в событиях 1875-78 гг. Значительный вклад в изучение истоков сербо-русских связей в новое время внес мой учитель профессор Виктор Георгиевич Карасев, предложивший мне

много лет назад исследовать характер отношений России и Сербии в 1875-78 гг.

Когда я впервые стала заниматься этой темой, совсем другими были границы и государственное устройство наших стран. С тех пор произошли серьезные перемены, но неизменной остались глубокая взаимная симпатия народов Сербии и России.

Главным стимулом для моей работы всегда были любовь и уважение к Сербии и ее народу, к истории этой многострадальной страны. Появлением этой книги я обязана инициативе и поддержке российского и сербского ученого Алексея Юрьевича Тимофеева, которому я искренне признательна. Я хочу выразить глубокую благодарность замечательным сербским ученым Латинке Перович, Сузане Раич, Михайло Воеводичу, Радошу Люшичу, Славенко Терзичу и многим другим моим сербским коллегам, всегда тепло принимавшим меня в своей чудесной стране и так много помогавшим мне и моим ученикам в исследовательской работе.

ВВЕДЕНИЕ

Поначалу российские читатели узнавали Сербию по газетным и журнальным статьям, в основном перепечатанным из европейских журналов. Но уже в первые десятилетия XIX в. на страницах русских изданий появились материалы побывавших за границей студентов, военных, ученых, путешественников-славянофилов¹. Образ Сербии и сербов периода Первого и Второго сербских восстаний и борьбы за автономию стал более рельефным, он обрел свою литературную огранку. Особое место занимает в популяризации сербской истории и культуры творчество А.С. Пушкина. Во время пребывания на юге России в 1821 г. молодой поэт был лично знаком с некоторыми из сербских повстанцев. Впоследствии он продолжил сербскую тему в своем творчестве². Наиболее ярко это проявилось в 1835 г. в стихотворном цикле «Песни западных славян», где наряду с блистательными интерпретациями сербских эпических песен великий русский поэт дал и яркие портреты лидеров сербских восстаний Карагеоргия и Милоша Обреновича. Начальная строка стихотворения А.С. Пушкина «Воевода Милош» из этого цикла и стала частью названия настоящей книги.

В 1840-60-х гг. в российском обществе, особенно в среде московских славянофилов, интерес к Сербии и ее истории проявлялся не только в литературно-публицистической деятельности, но и в практических шагах по оказанию помощи братскому народу. Славянские комитеты и благотворительные общества предоставляли стипендии сербским студентам в

1 Открытие «братьев-славян». Русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века. СПб., Нестор. 2018.

2 Об истоках интереса А.С. Пушкина к сербской теме см.: Кузьмичева Л.В. Пушкин и Балканы // Югославянская история в новое и новейшее время (К 80-летию профессора В.Г. Карасева). М., 2002.

России, оказывали материальную поддержку сербским православным храмам, приглашали сербских ученых и общественных деятелей участвовать в совместной работе.

В шестидесятые-семидесятые годы XIX века вассальное княжество Сербия сделало решающий прорыв на пути перехода к политической, экономической и культурной самостоятельности. В эти годы во многом окончательно была определена внешнеполитическая программа Сербии, достигнуты значительные успехи в ликвидации турецкого военного присутствия на территории княжества, установлены контакты с соседними народами и странами Балканского полуострова с целью создания совместного союза для борьбы с Османской Портой. В 1869 году была принята первая собственная конституция Сербского княжества, сменившая октроированную «Турецкую конституцию» 1838 г. Наконец, это время, когда на политическую арену Сербии вышли молодые специалисты, подготовленные в лучших высших учебных заведениях Европы. Они были призваны заменить «пречанцев» - сербов из Австрии, которые во многом определяли направление правового и политического развития сербского государства на начальном этапе его становления. Главным условием для дальнейшей модернизации Сербского государства было обретение независимости.

В этот важнейший период кануна войн за независимость 1876-78 гг. были заложены основы сербской государственной модели, определившие впоследствии и политическую судьбу страны. Водоразделом внутри этого насыщенного событиями периода является 1868 год ознаменованный трагическими обстоятельствами гибели сербского князя Михаила и начала правления регентов, которые умело руководили молодым князем Миланом даже и после достижения им совершеннолетия.

Восстановление сербской государственности во многом отличалось от развивающихся параллельно процессов создания греческого, итальянского, румынского государств

или собирания германских земель в одно государство. Сербская специфика, во многом определившая характер и темпы воссоздания государства заключалась в следующем:

1. Географическая проблема: воссоздание сербского государства начиналось и развивалось на территории не являвшейся историческим центром прежнего средневекового государства. Ядром объединения сербского народа стала пограничная область Османской империи - Белградский пашалык. Политическим лидерам Сербии предстояло определить границы будущего Сербского государства, четко обосновав и аргументировав свои территориальные претензии. Во многом это было сделано в ходе разработки внешнеполитической программы княжества «Начертание» в 1844 г.³

2. Этническая проблема: процесс складывания сербской нации был осложнен не только включением значительной части сербского этноса в разные государства и политические системы, но и резкой конфессиональной дифференциацией. Само понятие сербства в этот период было весьма условным. Предстояло выработать программу – культурную, языковую, конфессиональную для решения задач сербской национальной интеграции.

3. Социальная проблема: политическая элита княжества находилась в стадии формирования, отсутствовали национальное дворянство и средний класс, не было административно-бюрократического опыта. Интеллектуальная и предпринимательская элита сербов была сосредоточена в основном вне княжества, в Австрии, и интегрирована в австро-венгерскую экономическую и политическую систему.

3 Подробный анализ истории и содержания этого документа: Лужић Р. Књига о Начертанију: национални и државни програм Кнежевине Србије (1844). Крагујевац, Јефимија. 2003; Никифоров К.В. «Начертание» Или Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М.: «Индрик», 2015.

Сложность и масштаб проблем, которые предстояло решать молодому государству очертил известный югославский философ и этнопсихолог Владимир Дворникович⁴: «Крестьянское движение самоуправления противостоящее централизации – истоки которого возможно лежат еще в старых славянских богомильских инстинктах – патриархальные обычаи и традиции, гайдучество, идущее еще из средневекового и турецкого времени, аграрный примитивизм и социальная структура малых крестьянских наделов (каковой в Европе больше нигде не было!) – все это были тяжелые препятствия для того, чтобы стремительно переодеться в западноевропейский государственный мундир. Две династии и несколько партий вели между собой жестокую борьбу за право на свой манер натянуть этот мундир на сербский крестьянско-патриархальный народ. Следовало преодолеть вековую пропасть – лихорадочная спешка и известная инертность балканского человека сменяли друг друга в каком-то причудливом и беспокойном ритме. Решительно и в сжатые сроки необходимо было одновременно преодолеть и вековые атавизмы и проблемы современной европейской государственной организации. Стремясь догнать своих соседок, каковыми были старые европейские страны, с которыми волей-неволей молодая Сербия должна была бороться и состязаться, она порой обессиливала и ослабевала»⁵. Дворникович отметил также и несомненное влияние внешнего фактора, в особенности европейских войн, на характер и темпы объединения сербского народа.

4 О Владимире Дворниковиче (1888-1956) и оценке его творчества в историографии см. -- Roksandić Drago. "Karakterologija Jugoslovena" Vladimira Dvornikovića i njezina recepcija u srpskoj i hrvatskoj kulturi. // Roksandić Drago. Srpska i hrvatska povijest i "nova historija". Zagreb. 1991. S.227-257, а также Предисловие Жарко Требьешанина к сборнику трудов Дворниковича -- Дворниковић В. Борба идеја. 1995. С.5-26.

5 Дворниковић В. Борба идеја. С. 62.

Российские общественные деятели славянофильского круга понимая, какой объем задач стоит перед молодым сербским государством, предложили свои рекомендации в объемном «Послании» (1860 г.). Эти советы неоднозначно были восприняты сербскими политиками, главной целью которых в это время было обретение окончательной независимости страны и объединения сербского народа.

Решить эту задачу предполагалось вооруженным путем, подняв на борьбу с Османской империей и другие балканские народы. С этой целью планировался первый балканский союз 60-х гг. XIX в, но смерть его лидера, князя Михаила, приостановила этот процесс. Новый этап борьбы за независимость пришелся на 70-е годы XIX в. в годы Великого восточного кризиса.

Восточный кризис 1875-1878 гг. включает в себя целый ряд событий: Боснийско-герцеговинское восстание 1875-78, Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии, сербо-черногоро-турецкие войны 1876-77 гг. и русско-турецкую войну 1877-1878 гг., а также целый ряд переговоров, договоров и трактатов великих держав по восточному вопросу.

Сербо-турецкая война 1876 г. продолжавшаяся четыре месяца и закончившаяся поражением Сербии, спасенной от окончательного разгрома и захвата русским ультиматумом Османской империи от 18 октября 1876 г. явилась прологом и поводом для подготовки к последней в XIX веке русско-турецкой войне 1877-78 гг. Эта кровопролитная война, победа в которой досталась России невероятно дорогой ценой, на долгие годы затмила для исследователей драматические события сербо-турецкой войны, примеры мужества и героизма сербских воинов и прибывших к ним на помощь русских добровольцев.

Проблемой русско-сербских отношений в 1875-78 гг. и участия русских добровольцев в сербо-турецкой войне я начала заниматься почти сорок лет назад, еще в студенческие

времена, работая над дипломным сочинением. Тогда же по итогам моих изысканий я написала короткую статью о русских добровольцах⁶, затем включила эту тему в свою кандидатскую диссертацию⁷, текст которой остался неопубликованным, но частично был напечатан в виде автореферата и нескольких статей⁸. За прошедшее время я встречала обширные заимствования из текста моей диссертации без ссылок на меня⁹. Это также стало одной из причин издания настоящей книги.

-
- 6 Кузьмичева Л.В. Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г // Россия и Восточный кризис 70-х гг. XIX в, Москва, МГУ. 1981 . С. 77-98.
 - 7 Кузьмичева Л.В. Сербо-русские отношения в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва. МГУ. 1986.
 - 8 Кузьмичева Л.В. Сербо-русские отношения в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Москва. МГУ. 1986; Кузьмичева Л.В. Русско-турецкая война 1877-78 гг. и Сербия //Славянский альманах. 1996, Том 199. Москва. 1997. С.68-86; Кузьмичева Л.В. Благими намерениями... Сербский вопрос на заключительном этапе русско-турецкой войны 1877-78 гг. // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1875-1878 гг, место издания Москва.2006.С. 91-108; Кузьмичева Людмила. Русија и припреме Србије и Црне Горе за рат са Турском у пролеће 1876. Околности доласка у Србију М.Г. Черњајева // Делиград од устанка ка независности 1806-1876. Београд, 2007. С. 247-262; Кузьмичева Людмила. Русско-српска ратна сарадња у Источној Србији 1876-1878 //Међународни научни скуп Браничево у историји Србији. Зборник радова. Пожаревац-Београд. 2008.С. 517-534; Кузьмичева Л.В. Австро-русские инициативы по решению Восточного кризиса и начало сербо-турецкой войны 1876 года // Средняя Европа: проблемы межнациональных и международных отношений (XII-XX вв.), место издания Алетейя СПб. 2008; Кузьмичева Л.В. Штаб М.Г. Черняева и русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 года// Међународни научни скуп Алексинац и околина у прошлости (2016:Алексинац) Зборник радова са међународног научног скупа Алексинац и околина у прошлости, 500 година од првог писаног помена 1516-2016, одржаног 3. септембра 2016. године у Алексинцу. Алексинац Завичајни музеј Алексинац, 2016. С.255-280.
 - 9 Так, воронежская исследовательница практически дословно с моими ссылками опубликовала параграф главы моей диссертации: Ю. В. Власова. Политика России в деле урегулирования сербо-турецкого

Для балканских народов первостепенной в этот период была задача освобождения от многовекового турецкого ига и создания независимых национальных государств. Борьба балканских народов столкнулась с резким противодействием великих держав Запада, стремившихся к сохранению статус-кво на Балканах. Именно поэтому в отечественной исторической литературе второй половины XX века восточный кризис 1875-1878 гг. традиционно рассматривается как «переплетение и обострение процессов внутреннего упадка Османской империи, роста буржуазно-национального освободительного движения на Балканах и противоречий между великими державами в этом районе»¹⁰.

Стремлению молодого сербского государства к получению независимости и территориальным приращениям противодействовала, прежде всего, Австро-Венгрия, не желавшая создания сильного славянского государства вблизи своих южных границ. Опорой своей национально-освободительной борьбы сербский народ так же, как и другие балканские славяне, традиционно считал Россию, на протяжении десятилетий выступавшую защитницей национально-освободительных движений народов Балканского полуострова.

События восточного кризиса, его причины и особенности изучены достаточно полно, тем не менее существуют еще вопросы, недостаточно исследованные, и, по-прежнему, вызывающие разногласия и споры. К их числу принадлежит проблема характера сербо-русских отношений в период восточного кризиса 1875-1878 гг.

Задачу достижения независимости страны сербский князь Михаил в 1860-е годы, во время создания Балканского союза, собирался решить вооруженным путем при поддержке

конфликта 1876 г. // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета Серия: Социально-гуманитарные науки Выпуск № 2 (10), 2016. С. 25-32.

10 Нарочницкий А.Л. Берлинский конгресс. Россия и южные славяне - «Новая и новейшая история». 1979. № 2. С.72.

России, однако в последний год своего правления он изменил свои намерения, пошел на переговоры с Австро-Венгрией, обещающей ему поддержку в получении Боснии и Герцеговины.

Австрийский консул в Белграде Б. Калай записал с сожалением в своем дневнике 10 июня 1868 г., в день убийства князя Михаила; «Он был нашим искренним другом... врагом русской политики» и добавлял, что уже через год можно было бы рассчитывать на то, что «русское влияние окончательно будет уничтожено в этом крае»¹¹. Эту политику сближения с Австро-Венгрией продолжали и регенты в 1867-1870 гг., когда Австро-Венгрия обещала Сербии помочь получить Боснию и Герцеговину в обмен на нейтралитет в австро-прусской войне и при условии, что Сербия не будет помогать национально-освободительным движениям хорватов и сербов в Венгрии¹². Но австрийский император Франц-Иосиф и его министр иностранных дел Андраши не посвящали сербское правительство в тонкости своей политики, и вскоре стали очевидны экспансионистские устремления Австро-Венгрии на Балканах.

В 1870-72 гг. сербское наместничество во главе с Йованом Ристичем неудачно пыталось решить вопрос о Боснии и Герцеговине, а также о провозглашении независимости Сербии, а князя Милана - королем, путем дипломатических переговоров с Турцией. Для осуществления этой цели Ристич обратился к русскому правительству с просьбой поддержать сербские претензии. Министр иностранных дел Российской империи А.М. Горчаков полагал их преждевременными и необоснованными, и в составленном по этому поводу в 1872 г. докладе Александру II, характеризовавшем русско-сербские отношения за предыдущие 30 лет¹³, отмечал, что регенты

11 Калай Б. Дневник Беџамина Калаја. 1868-1875. Београд - Нови-Сад. 1976. С.31.

12 Чубриловић.В. Србија и Аустрија у XIX веку // Велике силе и Србија пред први светски рат. Београд, 1976. С.1-36.

13 См. публикацию документов: Поплыко Д.Ф. Проблема освобождения народов Балканского полуострова в русско-сербских отношениях

активно искали поддержку у Австрии, и лишь когда стало ясно, что им нечем оправдать свое бездействие на протяжении четырех лет своего правления в глазах общественного мнения, обратились к России. Обращаясь за помощью к России, Йован Ристич стремился укрепить одновременно и позиции своего правительства. Известно, что князь и Ристич внешне в 1872-74 гг. следовали русским рекомендациям, а в действительности настойчиво искали покровительства Австро-Венгрии.¹⁴ В историографии утвердилось мнение, что причиной того, что с 1878 г. Сербское княжество открыто придерживалось проавстрийской ориентации явилась позиция России, оставившей Сербию в угоду создания «Великой Болгарии». Существует мнение, что после поражения Сербии в сербо-турецкой войне, Россия утратила интерес к Сербии, ущемляла сербские интересы в пользу Болгарии. Каков же был истинный характер сербо-русских отношений в годы восточного кризиса? Как формировалось сочувственное отношение к Сербии и ее народу в российском обществе, достигшее своего апогея в 1876 г. в форме добровольческого движения? Попытка решить эти вопросы предпринимается в настоящем исследовании.

За рамками настоящей работы остались сюжеты, полувившие уже монографическое исследование: русско-черногорские и сербо-черногорские отношения периода восточного кризиса¹⁵ и непосредственные боевые операции Первой и Второй сербо-турецких войн¹⁶.

начала 70-х годов XIX в. // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 8. С. 173-191.

14 Историја српског народа. књ. 5. Т. 1. Београд, 1981. С. 362-368.

15 Хитрова Н. И. Россия и Черногория. Русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878-1908 гг. М., ИРИ РАН, 1993. Јовановић Р. Политички односи Црне Горе и Србије 1860-1878. Цетиње, 1977.

16 Опачић П., Скоко С. Српско турски ратови 1876-1878. Београд, БИГ, 1981.

Хронологически работа охватывает преимущественно события, связанными с началом и завершением восточного кризиса 1875-1878 гг. - начало боснийско-герцеговинского восстания (июль-август 1875 г.) и подписание Берлинского трактата - июль 1878 г. Однако для понимания степени включенности официальной России в сербские проблемы и характеристике истоков сочувствия российского общества к борьбе Сербии за независимость в первой главе представлены некоторые сюжеты становления русско-сербских государственных и общественных отношений.

Даты в работе даются по старому стилю (юлианскому календарю).

Источники и некоторые проблемы историографии

В работе использованы источники различного плана: официальные, актовые материалы и дипломатическая переписка: соглашения, договоры, протоколы, ноты, меморандумы, инструкции, донесения, записки, телеграммы, письма, отчеты и т.п.; документы личного происхождения (переписка, мемуары, дневники, личные бумаги; материалы периодической печати)

Значительная часть источников всех трех типов опубликована в различных сборниках документов. При этом документы официального характера помещены как в сборниках, посвященных международным отношениям второй половины XIX века в целом¹⁷, так и в сборниках документов, непосредственно относящихся к событиям восточного кризиса 1875-1878 гг. Событиям восточного кризиса 1875-1878 гг.,

17 Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 гг. Составитель И.В. Козьменко. М., 1952; Русско-германские отношения. 1873-1914 гг. Документы из секретного архива бывшего министерства иностранных дел. М., 1922.

национально-освободительной борьбе балканских народов в этот период, русско-турецкой войне 1877-1878 гг. посвящено немало изданий документов как в нашей стране, так и за рубежом. Уже в 1898-1913 гг. Военно-исторической комиссией Генерального штаба русской армии была предпринята публикация 97 томов (выпусков) «Сборника материалов по русско-турецкой войне 1877-78 гг. на Балканском полуострове»¹⁸, а также 9 томов «Описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове»¹⁹, в приложениях к которым публиковались многочисленные документы. Особую ценность для изучения характера русско-сербских отношений периода восточного кризиса представляют шесть томов «Особого прибавления»²⁰ к «Описанию русско-турецкой войны», изданных в секретном порядке небольшим тиражом. Эта публикация содержит не только тексты дипломатических документов - Берлинского меморандума, Лондонского протокола и т.д., но и документы о планах предстоящей русско-турецкой войны и предполагаемого в ней участия Сербии, а также предполагаемых территориальных изменений на Балканском полуострове. В работе широко использованы материалы шестого выпуска этой публикации: «Документы из секретных бумаг генерал-адъютанта Милютина».²¹ Этот выпуск, необыкновенно ценный для исследования позиции России по отношению к Сербии в 1875-1878 гг., включает документы как официального характера, так и частные письма к Милютину.

18 Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. ТТ.1-97. СПб.,1898-1911.

19 Описание русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Т.-IX. СПб.,1901-1913.

20 Описание русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Особое прибавление. СПб.,1899-1911. Вып. I-VI. Далее - Особое прибавление...

21 Особое прибавление... Вып. VI. СПб.,1911.

Событиям кризиса посвящена 3-х томная публикация документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига», включающая в себя официальные документы, частную переписку, материалы периодической печати.²² Дополняет эту ценнейшую публикацию сборник документов «Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875-1878 гг.»²³, выпущенный к столетнему юбилею русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Черногорский исследователь Б. Павичевич подготовил к изданию обширную трехтомную публикацию документов преимущественно из Архива внешней политики Российской империи «Россия и Боснийскогерцеговинское восстание»²⁴. Эту публикацию продолжил в 2008 г. сборник документов «Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878», публикация которого была задумана еще в конце 1980-х годов²⁵.

В 2011 г. материалы по истории русско-сербских отношений, в том числе и событий Великого восточного кризиса в исследуемый период вошли во второй том публикации документов «Москва-Сербия. Белград-Россия»²⁶, в подготовке которого я принимала участие.

История боснийско-герцеговинского восстания, события первой и второй сербо-турецких войн нашли отражение в публикациях документов, осуществленных в Сербии спустя несколько лет после событий восточного кризиса 1875-1878 гг.

22 Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1961-1967. тт.1-3. Далее - ОБТИ.

23 Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875-1878 гг. М., 1978.

24 Русија и Босанско-херцеговачки устанак 1875-1878. Приредило Бранко Павичевић. Титоград, 1985. Св. I.; 1986. Св. II; 1988. Св. III.

25 Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. Документы. М., Индрик. 2008.

26 Москва – Србија, Београд – Русија, Документа и материјали, том 2, Друштвене и политичке везе 1804–1878. Београд – Москва: Архив Србије, Главное архивное управление города Москвы, Государственный архив Российской Федерации, 2011.

Это публикации документов, предпринятые И. Павловичем, В. Джорджевичем и др.²⁷ В Югославии была осуществлена публикация ряда сборников документов, существенно пополнивших источниковую базу для изучения внутренней и внешней политики Сербии исследуемого периода. Сборник протоколов заседаний совета министров Сербии²⁸, подготовленный к печати Н. Шкеровичем дополнил и уточнил вышедшие в Белграде в 1923 г. записи заседаний совета министров, которые вел видный политический деятель Сербии Еврем Груич²⁹. Для изучения вопросов, связанных с позицией сербского и русского правительств, других европейских государств в период между Сан-Стефано и Берлином, чрезвычайную ценность представляет сборник документов «Сербия 1878 г.»³⁰. Он включает в себя не только документы сербских архивов, но и материалы архивов Лондона, Вены, Берлина и представляет несомненный интерес для анализа внешнеполитической программы Сербского княжества, определившей его последующую многолетнюю ориентацию на Австро-Венгрию. Закулисную сторону сербской дипломатической деятельности, планы и программы сербского правительства на различных этапах восточного кризиса отражает переписка двух известных сербских политических деятелей - министра иностранных дел Йована Ристича и сербского представителя в Константинополе - Филипа Христича³¹.

27 Устанак у Босни од 1875 до 1878 год. Грађа за новију српску историју рата за ослобођење. Нови Сад.1884; Грађа за историј у српско--турског рата 1876-1878 године. Страни извори. (Прикупио Павловић). Београд.1911,1914 (Т.1-2); Ђорђевић Вл. Србија на Берлинском конгресу. Београд.1890.

28 Записници седница Министарског Савета Србије. 1862-1893.Београд, 1952.

29 Записи Јеврема Грујића. Књ.3. Београд.1923.

30 Србија 1878. Документи. Београд.1978.

31 Писма Јована Ристиа Филипу Христићу од 1870 до 1873 и од 1877 до 1880. Београд, 1931; Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868-

Позицию различных политических группировок в Сербии по вопросам войны и мира, внешнеполитической программы помогают определить стенограммы заседаний Народной скупщины Сербии³². Этой же задаче, а также задаче выявления общественного мнения в Сербии и за границами княжества, в эмиграции, -служит публикация материалов прогрессивной газеты Св. Милетича «Застава»³³.

Дневники и мемуары известных русских политических и общественных деятелей Д.А. Милютин, П.А. Валуева, Д.Г. Анучина, М.А. Газенкампа, Ф.В. Чижова, А.А. Киреева³⁴, а также сербских политических и общественных деятелей М. Миличевича, М. Петровича, П. Тодоровича, Н. Крстича, Й. Мишковича, М. Пирочанца и австро-венгерского политика Б. Калая позволяют восстановить ход событий, выявить основные направления в политической жизни Сербии и России. Большой интерес представляет дневник известного сербского публициста, соратника Светозара Марковича Перы Тодоровича³⁵. Доброволец в сербо-турецкой войне 1876 г., он состоял при штабе Тимоко-Моравской армии в должности секретаря канцелярии начальника штаба. Ему принадлежит острая, иногда гротескная оценка штаба генерала Черняева, но вместе с тем он с большим уважением отзывался о боевых подвигах русских добровольцев и сербских воинов³⁶.

Среди обширного мемуарного наследия участников событий восточного кризиса выделяются воспоминания русских дипломатов, военных и общественных деятелей: русско-

1880). Београд,1953.

32 Стенографске белешке о седницама Народне скупштине за 1875 и 1877. Београд. Крагујевац. 1875-1878.

33 «Застава» о Босни и Херцеговини. књ.1-4. Сарајево.1953-1956.

34 Дневники Ф.В.Чижова и А.А.Киреева хранятся в ОР РГБ.

35 Сложный путь эволюции политических взглядов П. Тодоровича нашел отражение в монографии: Перовић Л. Пера Тодоровић. Београд, 1983.

36 Тодоровић П. Дневник једног добровољца. Београд.1964.

го посла в Константинополе, участвовавшего в заключении Сан-Стефанского мирного договора - Н.П. Игнатьева; посла в Лондоне, участвовавшего в работе Берлинского конгресса - П.А. Шувалова; русского дипломата Ю.С. Карцева, использовавшего в своих записках архив своего дяди - русского консула в Белграде в 1875-1877 гг. А.Н. Карцова; других общественных деятелей России, участников сербо-турецкой и русско-турецкой войн - М.Х. Рейтерна, Д.А. Скалона, И.С. Аксакова, Н.Н. Дурново, К.И. Воронича, Г.А. Деволана, Н.В. Максимова, А.Н. Хвостова, В. Яшерева и др. Особенно интересны для характеристики позиции сербского правительства по вопросу о союзе с Россией в ходе русско-турецкой войны, а также в период между Сан-Стефано и Берлином - мемуары генерала Г.И. Бобрíkова, находившегося в Сербии по заданию русского правительства для подготовки сербской армии - с августа 1877 г. по май 1878 г., и принимавшего участие в работе Берлинского конгресса³⁷.

Из мемуаров и дневников сербских общественных деятелей и сербских военных использованы воспоминания Л. Калевича, Вл. Джорджевича, С. Груича, М. Милоевича, Ст. Бинички, Р. Алимпича, Й. Мишковича, Н. Крстича, М. Пирочанца. К мемуарной литературе тесно примыкают исторические сочинения и публицистика, принадлежащие перу непосредственных участников изучаемых событий. Среди сочинений такого рода следует назвать работы выдающегося сербского политического деятеля, руководившего сербской внешней политикой практически на всем протяжении восточного кризиса 1875-1878 гг. - Йована Ристича, в том числе и его сочинения, подписанные псевдонимом «Любич». Его двухтомная «Дипломатическая история Сербии в период серб-

37 Бобрík Г.И. В Сербии. Из воспоминаний о войне 1877-1878 гг. СПб., 1891; Он же. Воспоминания о Берлинском конгрессе 1878 г. // Русский вестник. 1889. Т. 205. № 12.

ских войн за освобождение и независимость»³⁸ - неоценимый источник для изучения характера сербо-русских отношений периода восточного кризиса. Выявлению степени объективности Й. Ристича до некоторой степени помогают работы его оппонента, известного политического деятеля Сербии Милана Пирочанца³⁹, выступавшая с критикой сочинений Й. Ристича.

Составить более полное представление о характере сербско-русских отношений в исследуемый период позволило изучение материалов отечественных архивов: Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ), Архива Внешней Политики Российской империи (АВПРИ), Российского Военно-исторического архива (РГВИА), Российского Государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Отдела письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), Рукописного отдела Института Русской Литературы (Пушкинский дом) (РО ИРЛИ), Архива Югославии (А), Архива Сербской Академии Наук и Искусств (АСАНУ).

В работе использованы также материалы русской и сербской периодической печати, содержащие отклики на события на Балканах.

Некоторые проблемы историографии Великого восточного кризиса 1875-78 гг.

Восточный кризис 1875-78 гг. стал объектом пристального внимания историков сразу же после его окончания и интерес к этой проблеме не ослабевает до сих пор⁴⁰. Сложно

38 Ристић Ј. Дипломатска Историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност. 1875-1878. Београд, 1896. Т.1-2.

39 Пирочанац М.С. Поводом једне «Дипломатске историје». Београд, 1896.

40 Анализ историографии Великого Восточного кризиса не раз был предметом исследований как отечественных, так и сербских ученых:

даже просто перечислить все те публикации, статьи, заметки, которые появлялись в России в связи с событиями восточного кризиса 1875-1878 гг. Прежде всего, это связано с тем, что эти события стали органической частью и яркой страницей отечественной истории в связи со вступлением России в войну с Турцией.

Участие русских добровольцев в сербо-турецкой войне 1876 г. явилось поводом к многочисленным работам мемуарного и публицистического характера, связанным с историей этого движения, непосредственными боевыми действиями, общим ходом войны. По большей части сочинения основаны на личных впечатлениях, не имеют документальной основы и представляют интерес лишь как источники мемуарного характера, либо как публицистические заметки, отражающие отношение различных слоев русского общества к событиям кризиса. В связи с восстанием в Боснии и Герцеговине, а затем сербо-черногорско-турецкой войной, вызвавшими огромный интерес к этой части Балканского полуострова, вышли в свет сочинения по истории, литературе, географии балканских славян, в том числе Сербского княжества (В.И. Ламанский, И.И. Срезневский). Вопросы сербо-русских дипломатических отношений вплетались в общую канву истории восточного кризиса, носили поверхностный характер и занимали незначительное место в работах по дипломатической истории России (Горяинов С.М., Жигарев С.А., Мартенс Ф.Ф., Терехов А.К., Соловьев С.М.). В них получили освещение лишь некоторые вопросы деятельности русской дипломатии в период

Данченко С. И. Начало Великого Восточного кризиса 70-х годов XIX в. и русское общество: проблема отечественной историографии // *Славяне и Россия: исторический контекст и проблемы историографии.* М., 2015. С. 209-235; *Войводиц М.* Русско-сербские отношения периода Восточного кризиса 1875–1878 гг. в сербской историографии // *Россия и Сербия глазами историков двух стран.* СПб., Алетей, 2010. С.114-128.

восточного кризиса, ввиду недоступности дипломатических документов.

Значительно расширилась источниковая база исследователей с завершением многолетней работы Военно-исторической комиссии, издавшей с 1898 по 1914 гг. 97 томов «Сборника материалов по русско-турецкой войне на Балканском полуострове», 9 томов «Описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове» и 6 томов секретного «Особого прибавления к описанию русско-турецкой войны на Балканском полуострове». Эти две последние публикации не только содержат уникальные документы для исследования проблем национально-освободительных движений южных славян и отношения к ним официальной России, но и были первыми попытками анализа характера отношения русского правительства к этим движениям⁴¹.

Особое место в характеристике русско-сербских отношений периода восточного кризиса 1875-78 гг., значения для их дальнейшего развития Сан-Стефанского и Берлинского договора занимают многочисленные работы русских общественных деятелей либерально-славянофильского и панславистского направлений (И.С. Аксаков, А.А. Киреев, Н.Я. Данилевский, Р.А. Фадеев, К.Н. Леонтьев и др). В этих работах содержатся общие соображения по поводу ошибок русской дипломатии, вызвавших утрату русского влияния в Сербии. Труды эти являются неоценимым источником для изучения общественно-политических течений в России

41 См., например: Описание русско-турецкой войны 1877-78 гг. на Балканском полуострове. Т.1. Обстановка перед войной. СПб., 1901. Вводная статья «Взгляд на причины войны и положение России к ее началу» - излагает основные этапы деятельности русской дипломатии в период кризиса, а в главе III анализируются причины, заставившие Россию отказаться от мысли о кооперации с Сербией в начале кампании 1877-78 гг.

II половины XIX в., сущности славянофильских и панславистских доктрин⁴².

Новая волна интереса к сербо-турецкой войне 1876 г., характеру русско-сербских отношений была вызвана подъемом национально-освободительной борьбы южных славян в 1908-1913 гг. Этот период характеризуется выходом в свет мемуаров и дневников видных политических деятелей, принимавших в прошлом непосредственное участие в событиях восточного кризиса - М.А. Газенкамф, Н.П. Игнатъев, Д.А. Скалон, Г.И. Бобриков, Д.Г. Анучин и др. Появляются работы, в которых делаются попытки проанализировать динамику русской политики по отношению к Сербии на всех этапах восточного кризиса (А.А. Башмаков, Ю.С. Карцев, Н.Р. Овсянный). Племянник русского консула в Белграде, дипломат, много лет работавший на Ближнем Востоке, Ю.С. Карцев, используя документы, оставленные ему А.Н. Карцовым, посвятил свою работу дипломатической стороне русско-сербских отношений⁴³. Карцев впервые остановился на характеристике двух направлений в царской дипломатии по отношению к подготовке сербо-турецкой войны: с одной стороны, официальная политика мирного урегулирования конфликта, проводившаяся Горчаковым, Новиковым, с другой - позиция русского посла в Константинополе Игнатъева, считавшего, что «сербо-черногорская авантюра – единственно оставшийся шанс прижать Турцию к стенке и заставить ее покориться»⁴⁴. Долгие годы эти положения Карцева переключивались из од-

42 Подробно рассматривается и оценивается литература такого рода в статье: В.В. Зайцев. Русско-сербские отношения конца 70-х - начала 80-х гг. XIX века в русской дореволюционной историографии // *Etudes balkaniques*. Sofia. 1983. № 3. P.40-57.

43 Карцев Ю.С. За кулисами дипломатии // *Русская старина*. 1908. Т.133. С.87-96. 341-349. 563-571; Т.134. С.67-76. 303-315. 471-484. Т.135. С.3-12.

44 Карцев Ю.С. За кулисами дипломатии // *Русская старина*. 1908. Т.СXXXIV. С.72-73.

ной в другую работу в западной историографии, полностью заслоняя объективную неизбежность сербо-турецкой войны. Двойственность русской дипломатии в изложении Ю.С. Карцева служит в этих работах аргументом для обвинения России в намеренном втягивании Сербии в войну.

В начале XX в. делаются попытки характеристики отношения русского общественного мнения к балканскому вопросу и его роли в поддержке славянских народов в 1875-1878 гг. (П.А. Корнилов, С.С. Татищев). Вновь исследователи обращаются к анализу русского добровольческого движения в Сербии (Н.Р. Овсяный, А.К. Градовский), в том числе и участия русских народников в добровольческом движении⁴⁵.

По-новому попытался поставить в 1915 г. вопрос о противоречиях «между сербскими националистами и славянофилами-националистами» В.И. Пичета⁴⁶. Он выявил социальные и идеологические разногласия дворянско-монархического характера позднего славянофильства и буржуазного национализма сербской интеллигенции, однако в оценке русского добровольческого движения он придерживался традиционного для дореволюционной историографии мнения о «черняевских молодцах».

Вопросы сербо-русских отношений в период восточного кризиса не привлекали внимания исследователей в первые годы формирования советской исторической науки. Лишь в 1934-35 гг. появляются исследования на новом архивном материале. К этому времени были опубликованы в «Красном архиве» важные международные акты царской дипломатии, позволяющие выявить характер русской политики на Балканах. Вполне в духе эпохи «разоблачения реакционной сущности царизма» проблема исследовалась в трудах К.А. Пуш-

45 Богучарский В. Русское освободительное движение и война за освобождение Болгарии. // Современник. 1911. №3. С.181-220.

46 Пичета В.И. Предисловие к публикации писем М.Г. Черняева и П.А. Кулаковского к И.С. Аксакову // Голос минувшего. 1915. № 9.

каревича⁴⁷ и А. Попова⁴⁸. К.А. Пушкаревич в своей работе утверждал, что общественное движение в поддержку славян было инспирировано славянскими комитетами, негативную оценку давал он и русскому добровольческому движению. А. Попов, разоблачая своекорыстные интересы России на Балканах, сгущал краски, приписывая царскому правительству организацию сербо-турецкой войны, для чего, по его мнению, были привлечены «так долго остававшиеся не у дел славянофилы». Гипотеза А. Попова о том, что и сербо-турецкая война, и участие в ней русских добровольцев были организованы царским правительством, абсолютно не подтверждена документально.

Заслуга создания нового направления в изучении вопроса сербо-русских отношений периода восточного кризиса принадлежит С.А. Никитину, исследовавшему самые различные аспекты этой проблемы. Публикация новых источников, привлечение материалов русской прессы, всестороннее изучение экономической, политической истории исследуемого периода как России, так и Балкан, - все это делает весьма значительным вклад С.А. Никитина в изучение проблемы. В своих статьях и монографиях⁴⁹ ученый убедительно доказал независимость действий славянских комитетов от правительства, показал их роль в укреплении русско-южнославянских связей. Много внимания уделял историк не только общественному подъему в защиту южных славян, но и глубокому анализу русской внешнеполитической программы, деятельности русской ди-

47 Пушкаревич К.А. Балканские славяне и русские «освободители» (Славянские комитеты и события на Балканах перед русско-турецкой войной 1877-1878 гг.) // Труды института славяноведения АН СССР. Л., 1934. Т. II. С. 189-229.

48 Попов А. Наступление царской России на Балканах // Авантюры русского царизма в Болгарии. Сб. док. сост. П. Павлович. М., 1935.

49 От вводной статьи к публикации документов в «Славянском сборнике» М., 1948. до монографии «Славянские комитеты» М., 1960.

пломатии на Балканах⁵⁰. В результате многолетних исследований, основанных на тщательном изучении источников, С.А. Никитин пришел к выводу, что русская политика, исходящая из собственных целей, объективно играла прогрессивную и освободительную роль, она привела к освобождению южных славян и других балканских народов от национального угнетения и открывала дорогу социально-экономическому прогрессу и всесторонней модернизации этих молодых государств. Вместе с С.А. Никитиным публикацией документов и анализом различных аспектов русско-южнославянских связей занимались П.Я. Мирошниченко, И.В. Козьменко, Е.М. Шатохина, Н.В. Зуева, Т.Г. Снытко. Для дальнейшего исследования вопроса большое значение имела советско-болгарская публикация документов в трех томах: «Освобождение Болгарии от турецкого ига»⁵¹.

В 50-60-е гг. в советской исторической науке продолжается углубленное изучение русско-сербских связей и отношений второй половины XIX в. При этом акцент делается на исследование позиций русского общественного мнения по отношению к освободительной борьбе южных славян, непосредственного участия представителей различных слоев русского общества в событиях этой борьбы. Разработка этой темы более детально продолжается в 70-80-е гг. Подтверждением тезиса С.А. Никитина о всенародном характере российского движения в поддержку балканских славян служат работы, посвященные отношениям к событиям восточного

50 Начиная с первых его статей: Русская политика на Балканах в начале восточной войны// -Вопросы истории 1946. № 4; Подложные документы о русской политике на Балканах в 70-х гг. XIX в. - Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946. № I и далее в многочисленных статьях. среди которых следует выделить статью: Русская дипломатия и национально-освободительное движение южных славян в 50-70-е гг. XIX в. (1963). 2-е изд. - 1971 г.

51 Освобождение Болгарии от турецкого ига. ТТ. I-III. М., 1961-67.

кризиса в различных районах России и в различных слоях русского общества.

Материалы конференций⁵², посвященные 100-летию кризиса, а также приуроченные к юбилею издания источников⁵³, монографии - явились новым вкладом в исследование проблемы⁵⁴. По-прежнему большое внимание уделялось дипломатической истории кризиса. Следует отметить, что много в этом направлении было сделано учеными, занимающимися историей России XIX в. (Н.С. Киняпина, Л.И. Нарочницкая, С.Л. Чернов). Разработкой вопросов международных отношений в период кризиса, противоречий между великими европейскими державами, повлиявшими и на решение балканской проблемы исследовалась в трудах В.Н. Виноградова, К.Б. Виноградова, Т.М. Исламова, В.К. Волкова и др. Исследования этих ученых констатируют, что на всех этапах восточного кризиса 1875-1878 гг. России приходилось в одиночестве, в условиях международной изоляции отстаивать интересы балканских славян. Опасность новой войны с коалицией европейских государств заставляла русскую дипломатию частично отступать от первоначального плана создания независимых славянских государств.

Формально, основным на всем протяжении кризиса был вопрос о судьбе восставших провинций Боснии и Герцеговины; закономерен, поэтому интерес, проявляемый отечественными историками к этим провинциям Балканского полуострова, экономическим, дипломатическим, социальным

52 100 лет освобождения балканских народов от османского ига. М., 1979; Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981.

53 Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875-1878. М., 1978.

54 Писарев Ю.А. Восстание в Боснии и Герцеговине 1875-1878 гг. в освещении русской и советской литературы // *Balkanica. Belgrade*, 1976. Кн. 7. С.153-165; Хевролина В.М. Восточный кризис 1875-1878 гг. и русско-турецкая война в новейшей советской литературе // *Вопросы истории*. 1980. № 5. С.127-135.

аспектам боснийско-герцеговинского восстания и австрийской оккупации (В.Н.Кондратьева, Д.Ф.Поплыко, А.В.Карасев, Е.К.Вяземская). «Балканских исследований», подготовленных Институтом славяноведения и балканистики⁵⁵.

Специального исследования, охватывающего взаимоотношения России и Сербии на всех этапах восточного кризиса до сих пор нет. Этот пробел в историографии вопроса отмечался еще в 1975 г. академиком А.Л. Нарочницким, писавшим, что «...к сожалению, отношения России с Сербией и Черногорией, дипломатические переговоры с ними в 1875-1878 гг. до сих пор еще не освещены в достаточной мере в советской историографии»⁵⁶.

Вместе с тем начальный период кризиса получил в отечественной историографии оценку. Так, К.Л. Струкова, неоднократно обращавшаяся к сюжетам сербской истории периода восточного кризиса⁵⁷, на основе архивных материалов анализировала позицию русской дипломатии по отношению к военным приготовлениям Сербии летом - осенью 1875 г. и показала, что и после требования держав, сербский князь не препятствовал военной подготовке своего правительства.

Не нашли отражения в отечественной историографии некоторые вопросы, связанные с сербо-русскими отно-

55 Балканские исследования. Вып. 3. Освободительные движения на Балканах. М., 1978; Балканские исследования. Вып. 4. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и Балканы. М., 1978. Балканские исследования. Вып. 8. Балканские народы и европейские правительства в XVIII - начале XX вв. М., 1982.

56 Međunarodni naučni skup povodom 100-godišnice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama u istočnoj krizi 1875-1876. godine. Sarajevo. 1977. Т. I. S.35.

57 См., например, Струкова К.Л., Хитрова Н.И. Сербия и Черногория в войне с Турцией (1876-1878 гг.) // Балканские исследования. Вып.4. М., 1978. С.43-76. Струкова К.Л. К истории русско-сербских межгосударственных отношений в 1875 г. // Балканские исследования. 1982. Вып. 8. С.192-221.

шениями в период между Сан-Стефанским и Берлинским договорами. К числу таких неисследованных проблем принадлежит и вопрос об отношении Сербии к русским планам использования ее в качестве союзницы в предполагавшейся весной 1878 г. войне с Австро-Венгрией. Представляется необходимым подробнее остановиться и на анализе русской политики в отношении интересов Сербии в ходе Берлинского конгресса⁵⁸.

Понять причины некоторого охлаждения в отношениях между Россией и Сербией в 80-е гг. XIX в. позволяет статья В.В. Зайцева⁵⁹. Его работа посвящена характеристике русско-сербских отношений после получения Сербским княжеством независимости. Обращаясь к итогам русско-турецкой войны, автор приходит к выводу, что истоки русско-сербских разногласий 80-х гг. следует искать в решениях, принятых в Сан-Стефано и Берлине, недовольстве Сербии позицией России в сербо-болгарских пограничных спорах. Впервые в отечественной историографии В.В. Зайцев упомянул, правда вскользь, и о миссии капитана Чичагова в Сербии в июне 1878 г.

Более ста лет сербские историки занимаются проблемами восточного кризиса 1875-1878 гг. - решающего этапа в получении независимости Сербским княжеством.

В центре внимания исследователей всегда находился вопрос о значении внешнего фактора для истории Сербии этого периода. Внимание историков на протяжении многих лет в рамках этой проблемы было приковано к двум сюжетам: роль внешнего влияния в связи с началом Сербией и Черно-

58 Частично эти вопросы нашли отражение в монографии - Чернов С.Л. Россия на завершающем этапе восточного кризиса 1875-1878 гг. М., 1984.

59 Зайцев В.В. К вопросу о становлении межгосударственных русско-сербских отношений в конце 70-х - начале 80-х годов XIX в. // Вопросы новой и новейшей истории. Киев, 1984. Вып. 30. С.80-87.

горией войны 1876 г. и анализу решений Сан-Стефанского и Берлинского мирных договоров.

Первые работы сербских историков, посвященные различным аспектам восточного кризиса 1875-78 гг., основным его событиям и оценке его итоговых документов, были написаны участниками событий. Центральное место среди них занимает фундаментальная работа видного политического деятеля Йована Ристича (1831-1899 гг.), руководившего в период восточного кризиса внешней политикой Сербии. Его двухтомная «Дипломатическая история Сербии во время сербских войн за освобождение и независимость»⁶⁰ не только одна из первых работ, посвященных событиям 1875-1878 гг., не только первое в сербской историографии сочинение по дипломатической истории, но и ценный исторический источник. В книге опубликован ряд документов, отражающих место Сербского княжества в системе международных отношений в исследуемый период. Одновременно появляются и другие работы полумемуарного характера сербских политических, военных, общественных деятелей: С. Груича, В. Джорджевича, С. Гопчевича, Ч. Миятовича и др.

В межвоенный период в королевской Югославии вопросы восточного кризиса, позиции великих держав, раздела освобожденных от османского ига территорий приобретают новое звучание. Появляются попытки оправдать действия сербского правительства накануне Берлинского конгресса, которое, исходя из своих узких, территориальных интересов, пошло на сделку с Андраши, на долгие годы подчинившую Сербию австрийскому влиянию. В. Попович был первым югославским историком, обратившимся к сюжетам социально-экономической истории, прежде всего Турецкой империи, попытке комплексного изучения внутренней и внешней по-

60 Ристић Ј. Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност. 1875-1878. Београд, 1896-1898. Т. I-II.

литики Сербии, других балканских регионов, взаимосвязи национального и общеисторического⁶¹. Основным выводом, к которому приходит В. Попович по вопросам политической истории восточного кризиса 1875-1878 гг., сводится к тому, что сербы самостоятельно решили стоявшие в то время перед ними исторические задачи, а ограниченность достигнутых результатов объясняется вмешательством внешних факторов⁶².

Особое место в изучении восточного кризиса принадлежит ученику В. Поповича, академику В. Чубриловичу, исследовавшему различные стороны этой проблемы. Уже в первой своей книге о боснийском восстании 1875-78 гг., не потерявшей до сих пор научного значения⁶³, а также в ряде работ и статей 30-х гг. В. Чубрилович охарактеризовал освободительное движение южных славян не как инспирированное извне, а как вытекающее из назревших социально-экономических вопросов в зависимых от Турции территориях. Он ввел в оборот ряд новых архивных материалов, причем впервые – турецкого происхождения. Оригинальна и его трактовка позиции России по вопросу судьбы Боснии и Герцеговины в годы восточного кризиса⁶⁴. Постоянным стремлением русской дипломатии, по мнению ученого, была автономия Боснии и Герцеговины по примеру Сербии и Румынии, и именно на это были направлены ее усилия в 1875-1876 гг. И вынужденно соглашаясь с предложениями Андраши о судьбе Боснии и Гер-

61 Поповић В. Источно питање. Београд, 1928; Он же. Европа и српско питање у периоду ослобођења 1804-1918. Београд, 1940.

62 О вкладе В. Поповича в югославскую историческую науку см. Самарцић Р. В. Поповић. Нове концепције источног питања // Писци српске историје. Београд, 1976. Књ.1.

63 В. Чубриловић. Босански устанак 1875-1878. Београд, 1930.

64 Чубриловић В. Райхштатски споразум (8 јул 1876) // Српски књижевни гласник. Нова серија. Београд, 1931 . Књ. XXXIII . Бр. 3 . С.187-194; Бр.4 . С. 285-293; Он же и Ђоровић Владимир. Србија од 1858 до 1878 године. «Српски народ у XIX веку». Београд, 1938. Књ.3

цеговины, Россия активно противодействовала в 1875-1876 гг. намерениям Австро-Венгрии оккупировать эти территории.

Послевоенная югославская историческая наука существенно расширила источниковую базу проблемы. Были осуществлены публикации мемуарных, дипломатических документов, переписки видных сербских деятелей⁶⁵. Задача поиска и публикации новых источников для решения вопросов дипломатической истории кризиса, анализа внутренних причин восстаний неоднократно ставилась югославскими историками⁶⁶.

Известный сербский ученый академик Милорад Экмечич, внесший большой вклад в изучение проблем восточного кризиса, в особенности, социально-экономических аспектов восстаний в Боснии и Герцеговине⁶⁷, анализируя достижения югославской историографии этого вопроса, утверждал, что после 1945 года продолжается изучение двух сторон восточного кризиса: аграрной и дипломатической. Он отмечал, что «в первом случае югославская наука добивается действительно высоких результатов и может внести свой вклад в мировую историографию, в то время, как в вопросах дипломатической подоплеку восточного кризиса она отстала».⁶⁸ В значительной степени этот пробел восполнился в связи с празднованием столетнего юбилея восточного кризиса. Югославская историческая наука обогатилась материалами нескольких крупных

65 В этом направлении активно работали: Г. Якшич. В. Вуйкович. Н. Шкеревич. В. Стоянчевич. Р. Самарджич.

66 См. В. Стоянчевић. Издања архивске граhe и историографија у Србији о српско-турским ратовима 1876-1878 године за последних сто година // Архивски преглед. Београд, 1979. № 1. С. 33-50.

67 Это в первую очередь выдержавшая два издания его монография «Ustanak u Bosni. 1875-1878». Sarajevo. 1960 (Drugo izdanje - Sarajevo, 1973), а также ряд его статей.

68 М.Екмечић Резултати jugoslovenske iatoriografije о istočnom pitanju 1875-1878 // Jugoslovenski iatorijjski časopis. № 1-2. 1977. S.59.

международних конференција, посвећених овоме догађају⁶⁹. Војне историци П. Опачић и С. Скоко написали књигу, подрочно осветљавајућу ход првој и другој србо-турецких војна⁷⁰.

Владимир Стојанчевић, у својим радовима посвећених периоду међу Сан-Стефанским и Берлинским договорама⁷¹ останао је на веома оштрим односима Русије и Србије у периоду међу Сан-Стефаном и Берлином. Србски ученик изјавио је нове идеје за југословенску историографију о тежњи Русије напредне Берлинске конгресе не само не оштрајати Србију у територијалном плану, као што често тврђило се у литератури, но, напредне, о жељани Русије савремено с Србијом покушати се супротставити австриској окупацији Босне.

Вл. Стојанчевић, нареду с другим истраживачима⁷², много пажње удеоља национално-ослободитељној борби у периоду кризе становника јужних и југо-источних округа Србије. Ово је цео савез његових радова о Лесковцу, об ослобод-

69 Међународни научни скуп поводом 100-годишнице устања у Босни и Херцеговини, другим балканским земљама у истој кризи 1875-1876. године. Сарајево, 1977. Т. 1-3; Србија у завршној фази велике источне кризе (1877-1878) Историјски институт. Зборник радова Књ.2. Београд, 1980; Отпор аустроугарској окупацији 1878. године у Босни и Херцеговини – Сарајево, 1979. (Академија наука и уметности Босне и Херцеговине. Посебна издања. Књига XLIII); Стогодишњица црногорско-турског рата 1876-1878. Титоград, 1978. Црногорска наука и уметности. Научни скупови. Књ.5; Македонија во источната криза 1875-1881. Симпозиум. Скопје, Македонска академија на науку и уметности. 1978.

70 Опачић П., Скоко С. Српско-турски ратови. 1876-1878. Београд, 1981.

71 В. Стојанчевић. Србија и Русија од Санстефанског мира до Берлинског конгреса // Отпор аустроугарској окупацији ... Сарајево, 1979. С. 203-214.

72 Илић Н. Ослобођење Јужне Србије 1877-1878. Београд, 1977 ; Шалипуровић В. Устанак у западном делу Старе Србије 1875-1878. Титово Ужице, 1968; Војводић М. Ослобођење југоисточне Србије 1877-1878. // Војводић М. Србија и балканско питање (1875-1914). Нови Сад, Матица Српска. 2000. С.7-21.

дении Пирота, о сербском управлении в освобожденных и присоединенных территориях, базирующихся на глубоком и всестороннем изучении не только центральных, но и, в первую очередь, местных архивов⁷³. Закономерно, что круг интересов Вл. Стоянчевича приводит его к изучению сербо-болгарских споров и противоречий по поводу пограничных территорий⁷⁴.

По-прежнему не сходят с повестки дня оценки результатов Сан-Стефано и Берлинского конгресса. При этом такие историки, как В. Чубрилович, М. Экмечич все-таки более объективно подходят к решениям Сан-Стефанского мирного договора и яростно обрушиваются на Берлинский конгресс. Это и понятно: если в первом случае Босния и Герцеговина становилась автономной провинцией, судьба которой могла повторить судьбу Сербии и Румынии, то Берлин перечеркнул подобные перспективы, отдав обе территории Австро-Венгрии. Но современные историки не могут отрицать того, что, выторговав у Австро-Венгрии прирезку территорий в западном направлении в ходе переговоров Ристича с Андраши перед Берлинским конгрессом, Сербия потеряла неизмеримо больше - она попала в зависимость от Австро-Венгрии, обещава ей льготный торговый договор, и строительство желез-

73 См. Стојанчевић Вл. Југоисточна Србија у време ослобођења 1877-78 // Лесковачки зборник. XV. Лесковац, 1975; Он же. Прошлост Пиротског Краја у периоду ослобођења 1874-1878 // Историјски часопис. Књ. XXVII. Београд, 1980; Он же. Пироћанци и пиротски Крај у национално-ослободилачком покрету српског народа у XIX в. (до 1877) // Пиротски зборник. 8-9. Пирот, 1979.

74 Стојанчевић Вл. «Коџибаша» Трнске казе Аранђел Станојевић и српско-бугарски спор око Трна и Знепоља 1878-1879 // Историјски часопис XXV-XXVI. Београд, 1979. Стојанчевић В. Србија и Бугарска од Санстефанског мира до Берлинског конгреса. Београд, 1986; Стојанчевић В. Србија, Русија и Бугари од Цариградске амбасадорске конференције до Берлинског конгреса (1876-1878) // Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века: међународни научни скуп 23-25. септембар 2010. Београд, САНУ, 2011. С. 121-133.

ной дороги через Белград в австро-венгерские земли, а также регулирование судоходства по Дунаю Австро-Венгрией.

В сербской историографии последних лет появилась целая плеяда молодых историков, разрабатывающих новые направления в изучении восточного вопроса. Это Милош Ягодич, анализирующий последствия Великого восточного кризиса для Сербии, Момир Самарджич написавший книгу о становлении сербо-болгарских отношений после 1878 г., Отраднo отметить, что в сербской историографии появилась серьезная, основанная на первоклассных источниках работа, посвященная восточной политике Дизраэли⁷⁵. Милош Кович, автор этой работы, продолжает дело своего учителя М. Воеводича, много сделавшего для анализа международного контекста восточных кризисов⁷⁶.

Особое место в современной историографии принадлежит монографии Сузаны Раич, давшей совершенно новое представление о характере сербской внешней политики в 1868-1878 гг.⁷⁷ Сузана Раич сумела охватить в своей работе как широкую панораму европейских событий (франко-прусская и австро-прусская войны, Лондонский протокол, обстоятельства складывания Союза трех императоров), так и внутренние проблемы трех основных игроков на Балканском поле – Австрийской, Российской и Османской империй. Все три империи находились в стадии глубокого реформирования, что с одной стороны способствовало созданию благоприятной обстановки для сербских инициатив, но одновременно и серьезно затрудняло их реализацию. В первую очередь это

75 Ковић Милош. Дизраели и Источно питање. Београд, 2007.

76 См., например, Војводић М. Србија и балканско питање (1875-1914). Нови Сад, Матица Српска. 2000; Војводић М. О неким аспектима последица кризе 1875–1878. на Србију // Велика Источна криза и српско питање. Београд. Историјски институт. 2019. С. 7-15.

77 Рајић Сузана. Спољна политика Србије. Између очекивања и реалности. 1868-1878. Београд, Српска књижевна задруга. 2015.

касалось незавершенности военной реформы в России, что сдерживало ее внешнеполитические инициативы. Бесспорной заслугой автора является и анализ хода реформ танзимата в Османской Турции. Автор на основании обширнейшей источниковой базы проанализировала подготовку и ход сербо-турецкой войны 1876 г. Особого внимания заслуживает глубокий разбор ею характера сербо-черногорских отношений и особенностей заключения сербо-черногорского военного союза. Сузана Раич глубоко погрузилась в обстоятельства ведения двух сербо-турецких войн. Вполне понятно, что автор пытается понять и оправдать правительство маленького, обескровленного первой войной сербского княжества не желающего рисковать летом 1877 г. новым участием в битве двух империй – Российской и Османской. Выжидательная тактика кабинета Ристича, вступившего в войну, несмотря на призывы России, только 2 декабря 1877 г. представляется автору вполне оправданной. Позволю себе не согласиться с этим выводом, полагаю, что позднее вступление Сербии в войну во многом определило и характер русской политики в отношении формирования границ Сербии по итогам русско-турецкой войны 1877-78 гг. Автор с большим уважением относится к предшествующей историографии, но вместе с тем полемизирует с историками, упрощенно представляющими международные связи молодого Сербского княжества. Безусловно, монография Сузаны Раич на сегодняшний день наиболее полное, комплексное, новаторское исследование внешней политики Сербии в 60-е-70-е гг. XIX в.

Восточному кризису посвящено значительное число трудов западных исследователей. В западной историографии обнаружилась тенденция к сведению сербо-русских отношений периода восточного кризиса к проявлению «гегемонизма и колониализма» России, ее «панславистских устремлений» Б. Самнер, М.А. Андерсон, Б. Елавич, М. Петрович, М. Стояно-

вич. Талантливый американский исследователь Д. Маккензи⁷⁸ внес большой вклад в изучение русско-сербских отношений периода Восточного кризиса и участия в сербо-турецкой войне русских добровольцев. Его работы получили высокую оценку специалистов благодаря фундаментальности источниковой основы и скрупулезности исследования⁷⁹. Завершающей работой Маккензи, посвященной изучению Восточного кризиса явилась его монография о графе Игнатеве⁸⁰, с характерным заголовком «Граф Н.П. Игнатев. Отец лжи?».

События в Югославии 90-х годов XX века вызвали на Западе новый интерес к изучению сербской истории. Глубокий анализ того, как интерпретируется и искажается ход и последствия Великого восточного кризиса, и роль Сербии в современной англо-американской и немецкой историографии принадлежит сербскому историку Александру Растовичу⁸¹. Ученый считает, что стремление сербского правительства добиться освобождения и объединения сербского народа представлено в работах Н. Малькольма (N. Malkolm), Р. Дони (R.J.Donia), Д. Хапчика (D. Hupchick), М. Гленни (M. Glenny) и некоторых других авторов обобщающих работ по истории Балканского полуострова как агрессивная и экспансионистская политика, нашедшая свое продолжение и в XX в. Такие

78 Mackenzie D. *The Serbs and Russian Pan-Slavism*. N.Y..1967; Mackenzie D. *The Lion of Tashkent*. Athens, 1974. MacKenzie D. *Serbia and Russia to 1918* // Европа и Срби : међународни научни скуп 13-15. децембра 1995. – Београд, Историјски институт САНУ, Нови Сад, Православна реч. 1996; MacKenzie D. *Serbs and Russians*. New York, 1996.

79 Козьменко И.В. Д. Маккензи. Сербь и русский панславизм. 1875-1878. Рецензия // Вопросы истории. 1969. № 1. С.188-181.

80 Mackenzie D. *Count N.P.Ignat'ev. The father of lies?* New York, Columbia University Press.2002.

81 Растовић Александар. Савремена тумачења Велике источне кризе Берлинског конгреса у англосаксонској историографији // Велика Источна криза и српско питање. Београд, Историјски институт. 2019. С.129-152.

ревизионистские трактовки кризиса и его итоговых документов призывают историков, считает Раствович, «вновь возвращаться к анализу этих событий и объяснять их характер и последствия, опираясь исключительно на факты и научные методы в истории, которую современные ревизионисты долгого девятнадцатого и короткого двадцатого века оставили и, к сожалению, заменили часто ненаучными и идеологизированными парадигмами»⁸².

Восточный вопрос в его классической формулировке – дележ наследства Османской Империи, и в первую очередь Европейской Турции – вступил в последней четверти XIX в. в решающую и самую динамичную фазу. В сущности, именно в это время определяются не только государственные перспективы молодых балканских государств, но и судьба целостности и стабильности всего Европейского пространства. Ибо то, что происходит на Балканах в начале XXI в., есть продолжение и результат заложенных в то время основ. Сегодня мы говорим не только о трагическом состоянии сербского этнического пространства, о межбалканских конфликтах, но и о том, что журналисты именуют эффектным, но размытым термином «очаги напряженности». На самом деле речь идет не об очагах напряженности, а о серьезной деформации всей европейской модели мирного сосуществования. Этот крен произошел в результате нарушения геополитического равновесия в конце XIX – начале XX вв., в том числе и как следствие Великого восточного кризиса 1875-1878 гг.

В исторической литературе постепенно проявился отход от традиционного определения восточного вопроса единственно как следствия отставания Турции от Европы и ее неспособности удержать в целостности свои территории.

Милорад Экмечич, в своей обобщающей работе по истории сербов в новое время дал глубокий анализ самой

82 Раствовић Александар. Савремена тумачења... С. 151.

категории восточного вопроса и предложил следующее новое определение: «Восточный вопрос – это вопрос перераспределения влияния, мощи и территории между консолидированной Западной Европой и Россией за счет Османской империи в период ее исторического отставания с 1683 до 1923 гг.»⁸³.

Это определение заслуживает, на наш взгляд, особого внимания историков международных отношений. Автор уточняет хронологические рамки проблемы и активных участников решения восточного вопроса. Предложенные сербским историком нижняя и верхняя границы существования восточного вопроса 1683 г. поражение турок под Веной и 1923 г. Лозаннская конвенция об обмене населением с Грецией и конец Османской империи уже вошли в историографическую практику. А вот акцентирование Экмечичем роли России в самом формировании явления *восточный вопрос* представляется нам абсолютно новаторским для зарубежной историографии. Сербский ученый так раскрывает и детализирует свое положение: «Без роли России как великой мировой силы нет «Восточного вопроса», поскольку Россия своим появлением у ворот Константинополя вовлекла и балканские народы в эту историческую схватку»⁸⁴.

По сути дела с активным использованием института нот великих держав к Турции, а это после Парижского мира – процесс перманентный, мы можем говорить о прецеденте международного вмешательства во внутренние дела страны, не справляющейся, по мнению этого международного сообщества, с решением своих внутренних проблем. Это интервенция в защиту «прав угнетенных социумов». Что-либо подобное в отношении скажем колониальной политики Великобритании в Индии, подавление восстания сипаев или опиумные вой-

83 Экмечич М. Дуго кретање између клања и орања: историја Срба у Новом Веку: 1492-1992. Београд, 2008. С.74.

84 Ibidem.

ны, или, скажем, России, и ее политики в польском вопросе, пока еще не применялось, хотя и дискутировалось. Таким образом, политика великих держав в отношении Османской империи – это прежде всего вопрос *международного права* и права арбитража и способа вмешательства во внутренние дела, включая вооруженную интервенцию.

В последней из серии русско-турецких войн XVIII-XIX вв. – русско-турецкой войне 1877-78 гг., впервые в качестве цели и задач войны провозглашалась идея решения внутренних османских проблем вооруженным путем. Причем происходит это в период второго этапа реформ танзимата, то есть реальных усилий Османской империи решить свои внутренние проблемы путем радикальных реформ.

Итак, *первая лакуна* в изучении истории восточного вопроса в 70-80-х гг. XIX в. это вопрос правовой оценки международного участия в его решении. В том числе следует проанализировать и сербский аспект вмешательства, поскольку именно вассальная Сербия и полунезависимая Черногория выступили против Порты как гаранты прав единоверных и единокровных братьев в Боснии и Герцеговине. Во всяком случае, таков был официальный предлог к началу боевых действий двух балканских княжеств против своего сюзерена – Османской империи. Таким образом, довольно неожиданно для великих держав, только еще разрабатываемая тактика коллективного вооруженного вмешательства во внутренние дела Порты для решения ее же внутренних проблем, реализовалась силами ее собственных слабых и нелегитимных в международно-правовом смысле вассалов. И лишь через полгода после их поражения в войну вступило равное по статусу и мощи государство – Российская империя.

Интересным в свете вышесказанного нам кажется оценка международного контекста Великого восточного кризиса 1875-78 гг., которую предложил известный российский исто-

рик-балканист В.И. Косик: «Шла «европеизация» Балкан, т.е. цивилизованный грабеж владений султана»⁸⁵.

До последнего времени практически не изучался в компаративном плане *имперский аспект проблемы обострения восточного вопроса*. Это проблема анализа причин и составляющих компонентов приближения краха великих империй Европы: Российской, Австро-Венгерской, Германской, Османской, а позднее и Британской. В сущности, нарушение баланса, произведенное в отношении Османской империи, потянуло за собой цепную реакцию, которую можно определить как национально-освободительные движения, а можно говорить об атомизации имперского пространства. Для нашей историографии вопрос имперской солидарности, изучение мер, направленных на сохранение и укрепление империй тема достаточно новая. В западноевропейской и американской историографии она уже давно активно разрабатывается. Признанный специалист в этом плане Эрик Хобсбаум, любопытны и размышления английского историка Доменика Ливена предложившего в одной книге компаративный анализ истории трех «сухопутных» империй – Австро-Венгерской, Османской и Российской⁸⁶.

В отечественной историографии такой компаративный анализ имперского пространства и межимперских отношений применительно к событиям кризисов 80-х гг. XIX в. впервые провел М.Ю. Золотухин⁸⁷.

85 Косик В.И. Футурология прошлого (К вопросу об исторической памяти) // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1875-1878 гг. М., 2006. С. 145.

86 Ливен Доменик. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007.

87 Золотухин М.Ю. Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885-1888 гг.). М., 1993.

Существенным вкладом в изучение проблемы судьбы Российской империи как активного участника в решении восточного вопроса явились книги известных отечественных специалистов В.Н. Виноградова⁸⁸ и В.М. Хевролиной⁸⁹. Их монографические труды посвящены двум ключевым фигурам русской дипломатии периода Великого восточного кризиса – князю А.М. Горчакову и графу Н.П. Игнатьеву. Выход в свет этих фундаментальных работ во многом поколебал многие существующие штампы и стереотипы в отношении позиции России в решении судьбы европейских владений Османской империи.

В.М. Хевролина уже в 1997 г. в главе «Восточный кризис 70-х годов XIX в.» в многотомной публикации по истории внешней политики Российской империи указала на неподтвержденность источниками некоторых устоявшихся оценок позиции России по боснийскому вопросу⁹⁰. Автор многочисленных работ по истории русско-балканских связей и отношений, В.М. Хевролина предложила также и дифференцированный подход к оценке русского движения в помощь славянским народам Османской империи.

Глубокий анализ разногласий в правящих кругах Российской империи по вопросу тактики в решении восточного вопроса во второй половине XIX в. содержит и ее монографическое исследование, посвященное Н.П. Игнатьеву. В контексте обозначенной выше проблемы изучения имперского пространства, чрезвычайно важным представляется нам тезис российской исследовательницы, выдвинутый в дискуссии с немецким историком Г. Хюниген: «На наш взгляд, действия Игнатьева во многом диктовались именно гуманными сооб-

88 Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005.

89 Хевролина В.М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2004.

90 История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. С. 178.

ражениями. Интересы славян, которые он горячо защищал в отличие от руководства МИД, сочетались у него всегда с интересами России, как и у славянофилов 60-70-х годов, с которыми он был близок. Славянофилы так же, как и Игнатьев, пеклись об имперских интересах и подчиняли дело освобождения и объединения славян задачам усиления внешнеполитической мощи России»⁹¹.

В.Н. Виноградов, признанный специалист по истории международных отношений в своем исследовании дипломатической деятельности князя А.М. Горчакова предложил новый взгляд на формирование русской балканской политики во 60-70 гг. XIX в.

Автор подчеркивает трезвый взгляд А.М. Горчакова на перспективы славянской государственности, его убежденность, что «лидеры балканской буржуазии после освобождения обратят взоры не к самодержавию, а в сторону Запада с его соблазнительным рынком, передовым строем, конституционными порядками и гражданскими свободами, и позиции официальной России в регионе не окрепнут, а ослабнут»⁹².

В.Н. Виноградов не только представил весь спектр дипломатических усилий, предпринятых Горчаковым для мирного решения Восточного кризиса 1875-78 гг., но и рельефно показал, в чем причина успеха его противников как внутри страны, так и в Европе. Глубокий знаток политики Британской империи, В.Н. Виноградов в своих работах также дал убедительный портрет Б. Дизраэли и его деятельности по крушению российских планов в отношении будущего Балкан.

В целом в изучении Великого восточного кризиса в последние годы можно выделить несколько направлений.

91 Хевролина В.М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2004. С. 220.

92 Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005. С.212.

Во-первых, это новый подход к его интерпретации в обобщающих трудах. Со времени выхода в свет «Истории XIX века» под редакцией Лависса и Рамбо прошло более ста лет, и традиция создания обобщающих трудов стала достаточно устойчивой. В последние двадцать лет появилось несколько трудов, которые призваны показать русскую и европейскую политику в период Великого восточного кризиса в контексте общеевропейской и мировой истории. Прежде всего, это касается многотомной публикации по истории международных отношений на Балканах в XVIII - начале XX в. под редакцией д.и.н. В.Н. Виноградова⁹³.

Предыстория и сами события Великого восточного кризиса детально проанализированы в одном из томов публикации⁹⁴. Существенное место заняли проблемы восточного вопроса в новых работах отечественных авторов по истории международных отношений⁹⁵ и истории внешней политики Российской империи⁹⁶.

Во-вторых, это монографии, посвященные активным участникам событий кризиса. Наряду с работами указанны-

93 Это фактически шесть книг, первые три из которых объединены общим названием «Международные отношения на Балканах»: Международные отношения на Балканах, 1815-1830 гг. М., 1983; Международные отношения на Балканах, 1830-1856 гг. М., 1990; Международные отношения на Балканах, 1856-1878 гг. М., 1986; а следующие три вышли под другими названиями: История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004; В пороховом погребе Европы, М., 2003; За балканскими фронтами Первой мировой войны, М., 2002. Таким образом два века международных отношений на Балканах были представлены в этой многотомной публикации, создание которой во многом заслуга В.Н. Виноградова.

94 Международные отношения на Балканах, 1856-1878 гг. М., 1986

95 Медяков А.С. История международных отношений в новое время. М., 2007. (Глава 10. Восточный вопрос начала XIX в. - 1856. С.215-246, а также два раздела Главы 14. Восточный вопрос в 1856-1875 гг. и Восточный кризис 1875-1878 гг. С. 332-346).

96 Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). М., 2006.

ми выше в последние годы появились книги американских, сербских и отечественных историков, посвященные русским военным, государственным деятелям, членам императорской фамилии и дипломатам, непосредственно участвовавшим в событиях 1875-1878 гг., сербским политическим деятелям Й. Ристичу, М. Пирочанцу, В. Джорджевичу, представителям сербской династии Обреновичей.

В-третьих, опубликованы новые документы, позволяющие внести коррективы в устоявшиеся схемы. В первую очередь, это давно ожидаемый том, посвященный русской политике в отношении Боснии и Герцеговины в годы Великого восточного кризиса⁹⁷. В российской и сербской историографиях наметился поворот в сторону анализа катастрофических последствий для имперского пространства, которые имела русско-турецкая война 1877-78 гг.

Национальные балканские историки, выставив в очередной раз счет России, которая не выполнила всех их чаяний и надежд⁹⁸, все же отходят от индигенного, локального подхода в изучении основных событий и последствий кризиса. В сербской историографии наблюдается отказ от огульных обвинений России в национальном предательстве Сербии в пользу болгар, и поворот в сторону анализа международной ситуации в целом.

Так, известный сербский специалист по истории Балкан XIX века Радош Люшич в своем недавнем обобщающем труде

97 Россия и восстание в Боснии и Герцеговине 1875-1878. Документы. М., 2008.

98 Любопытно, что даже, рассказывая об истории создания и функционирования сербского министерства иностранных дел, появившегося во многом благодаря русским усилиям, автор не преминул упрекнуть Россию в том, что Сербия не участвовала в заключении Сан-Стефанского договора. Автор заявляет: «... русские ни в коем случае не могли допустить, чтобы такая маленькая, да еще и вассальная страна, была бы их партнером» – Popović Bogdan. Istorija Ministarstva inostranih dela Srbije. Beograd. 2005. S. 111.

«Сербская государственность в 19 веке»⁹⁹ предпринял попытку не просто констатировать предпочтение Россией болгарских интересов сербским, но и объяснить причину такого курса. Сербский историк справедливо объясняет это как характером русско-австрийских взаимных договоренностей, так и собственно имперскими интересами России. Представляется, что это позволяет взвешенно и объективно оценить результаты русско-турецкой войны 1877-78 гг. Р. Люшич подчеркивает также, что русская дипломатия даже в драматических обстоятельствах Берлинского конгресса делала все возможное для отстаивания интересов Сербии и Черногории¹⁰⁰.

Необходимо сказать несколько слов об истории **изучения русского добровольческого движения в Сербию в 1876 г.** Сразу после окончания событий Великого восточного кризиса появилось немало работ непосредственных участников событий, в том числе и участников сербо-турецкой войны¹⁰¹. В них анализировались причины неудачи сербской кампании 1876 г., давались характеристики русским и сербским военным, изучался опыт русско-сербского взаимного узнавания. А опыт этот оказался не слишком лучезарным.

99 Люшић Радош. Српска државност 19. века. Београд, 2008.

100 Ibidem. С. 162-168.

101 См., например, Гейсман П.А. Славяно-турецкая война 1876,1877,1878 гг. и ее значение в истории развития восточного вопроса. СПб., 1878. Ч.1. С.80-82. Груич С. Сербско-турецкая война 1876 года. // Славянские известия. 1907. № 2-3 № 6-7 Дурново Н.Н. К истории сербо-турецкой войны 1876 г. // Исторический вестник. 1899. № 2. Т.XXV. Мещерский В.П. Правда о Сербии. Письма. СПб.,1877. Максимов Н.В. Две войны. Воспоминания из событий последних войн. 1876-1877 гг. СПб.,1879. П-ов Н. Воспоминания добровольца о сербо-турецкой войне 1876 г. // Русский вестник. 1877, Т.129. № 5. Ржевусский А.А. Памятные дни // Русский вестник 1881. Т.153.С. 646-677. Мещерский В.П. Правда о Сербии. Письма. СПб.,1877. Хвостов А.Н. Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан. Письма. СПб.,1877. Яшеров В. В Сербии 1876-1877 гг. Записки добровольца //Русский вестник 1878. Т. 133. С. 213-214.

Отношения прибывших на сербскую войну русских военных и сербских офицеров, солдат и крестьян стали на долгие годы предметом многочисленных работ. Взаимное разочарование, вполне объяснимое неудачами тяжелой и неравной по силам сражающихся сторон войны, отразилось и на дальнейшем характере русско-сербских отношений. Определенная дистанцированность и осторожность будет наблюдаться как в политических, так и в общественных отношениях двух стран на протяжении многих лет. Это отразилось и на характере сербских и российских исследований сербо-турецкой войны вплоть до Первой мировой войны. Эта новая катастрофическая война, страшная бойня, которая завершилась крушением четырех империй, в том числе и Российской, заставила по-новому оценить опыт прошедших совместных боевых действий России и Сербии в 1876-78 гг.

Тональность работ русских военных историков-эмигрантов изменилась и не только из-за признательности к принявшей их сербской земле, но и благодаря объективному анализу источников, в том числе и воспоминаний. Среди русских эмигрантов в Сербии были и те, кто сам участвовал в сербо-турецкой войне 1876 г., были и родственники русских добровольцев¹⁰². Именно к королю Александру Карагеоргиевичу в 1922 г. обращалась дочь генерала Черняева Антонина с просьбой помочь ей в бедственном ее положении¹⁰³ и сетуя на то, что Пашич на ее письмо не счел нужным ответить.

Во второй половине XX века русское добровольческое движение 1876 года стало, наконец, предметом исследования советских ученых. Это в первую очередь труды С.А. Никитина, Т.Г. Снытко, Н.Н. Яковлева¹⁰⁴.

102 Архив Југославије. Ф. 74. Д.20-86, Д.20-274.

103 Архив Југославије. Ф.74. Д.21-191.

104 Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 гг. М., 1960; Снытко Т.Г. Из истории народного движения в поддержку борьбы южных славян за свою независимость в 1875-1876 гг. // Обществен-

Долгие годы тема русского участия в сербо-турецкой войне разрабатывалась не слишком активно, порой ограничиваясь простым, практически дословным переписыванием моей давней статьи о русских добровольцах¹⁰⁵. После долгой и вполне идеологически объяснимой лакуны в последнее время стали появляться труды, посвященные деятельному участию российского общества в судьбе балканских народов. Из оригинальных, не компиляторских, а вполне самостоятельных отечественных работ можно отметить труды много и очень плодотворно работающего А.А. Поповкина, в частности рукопись его диссертации¹⁰⁶. Также интересна и вполне оригинальна диссертация молодой исследовательницы А.Ю. Шепелевой, основанной на материалах локальных поволжских и уральских архивов¹⁰⁷.

Личность генерала М.Г. Черняева, возглавившего русское добровольческое движение в Сербию по-прежнему волнует исследователей, ему посвящают книги¹⁰⁸ и статьи,

но-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957. С. 78-106; Яковлев Н.Н. Русское добровольческое движение на Балканах в 1876 г. // Ученые записки Куйбышевского педагогического института. Вып. 15. Куйбышев, 1955. С.177-206; Он же. Добровольческое движение сербов и болгар в сербо-турецкую войну 1876 года // Първи Международен конгрес по българистика. София, 23 май-3 юни, 1981. Доклади. Т.1. София, 1982, С.640-648.

- 105 Так, например, А.В. Огороков в своей монографии дословно переписывает большие фрагменты моей статьи без кавычек, с моими же сносками на источники, в том числе и архивными, но в сноску вставляет и отсылку к моей статье. См. : Огороков А.В. Русские добровольцы. М., Яуза, Эксмо, 2007. С.33-39. Не проще ли было взять в кавычки мой текст и писать «Цит. по...» ?
- 106 Поповкин А. А . Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге. Воронеж, 2013. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук.
- 107 Шепелева А.Ю. Вклад народов Поволжья и Южного Урала в борьбу южных славян за национальное освобождение. Саратов, 2014. дисс. на соискание уч. степени к.и.н.
- 108 Корнилович Э.А. Генерал славянской рати. Минск, Беларусь. 2007.

публикуют его труды¹⁰⁹. Безусловно, наиболее полным биографическим трудом остается фундаментальная монография Д. Маккензи «Ташкентский лев»¹¹⁰.

Также как и при жизни, Черняев удостаивается диаметрально противоположных характеристик. Так, А.Л. Шемякин с присущей ему страстностью охарактеризовал русского генерала как человека, в котором «весьма посредственные способности уживались с крайне гипертрофированным самомнением»¹¹¹. В то же время в недавней статье белорусской исследовательницы В.В. Сергеенковой мы встречаем следующую характеристику русского генерала на сербской службе: «Таким образом, без преувеличения можно говорить о том, что Михаил Григорьевич Черняев — личность неординарная, бескорыстная, правдивая, честная, смелая. Он не умел и не хотел приспособливаться к желаниям и понятиям правящих кругов, придворных разного рода и звания. Он был прям и упорен в своем поведении, даже если его своенравие разрушало карьерный рост. И даже несмотря на столь большие карьерные перепады он смог немало сделать для укрепления позиций России в сложной геополитической борьбе того времени. Благодаря М. Г. Черняеву стремительно была завоевана Туркестанская область, именно с его активных действий началось освобождение южных славян от турецкого ига»¹¹².

109 Черняев М. Г. Статьи, письма, воспоминания. М., Издательство Московского университета. 2018.

110 MacKenzie D. The Lion of Tashkent. Athens, 1974.

111 Шемякин А.Л. Генерал М. Г. Черняев и Сербская война. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 2. М., 2006. С.213. Исследователь продолжил свою деятельность по разоблачению апологетов Черняева в полемике с авторами статей о Черняеве и добровольцах С.А. Кочуковым и О.А. Червинской. См.: Шемякин А.Л. М.Г. Черняев и Сербия // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник к 50-летию О.Р. Айрапетова. М., Регнум, 2012. С.187-200.

112 Сергеенкова В.В. Белорусская составляющая биографии российского генерала Михаила Григорьевича Черняева // Российские и славянские исследования. Вып. 8. Минск : БГУ, 2013. — С. 308.

По-видимому, ученым еще предстоит дать объективную оценку различным сторонам жизни и деятельности «Ташкентского льва».

Существенным прорывом в изучении добровольческого движения стал вышедший недавно сборник материалов международной конференции, включивший в себя как новые подходы к изучению проблемы, так и документальные свидетельства¹¹³.

113 Руски добровољци у Србији 1876.: тематски зборник радова = Русские добровольцы в Сербии 1876.: тематический сборник трудов. Руски научни институт : Центар за руске и источноевропске студије М. Јовановић Филозофског факултета Универзитета у Београду, Институт славјановедения Российской академии наук. Београд - М., 2022.

Глава I.

«Кто такие славяне? Почему мы любим славян и зовем их нашими братьями». Сближение России и Сербии.

1. Как в России узнали и полюбили сербов.

В разгар событий Великого восточного кризиса 1875-1878 гг. – Боснийско-герцеговинского восстания и сербо-черногорско-турецкой войны в Москве была напечатана небольшая книжечка «Кто такие славяне? Почему мы любим славян и зовем их нашими братьями»¹¹⁴. Чрезвычайно крупный шрифт и подзаголовок «Для народного чтения» свидетельствуют, что предназначена книжка была для широкого распространения в городах и всяких офенями-книгоношами. Автор этого произведения писательница Екатерина Дмитриевна Поливанова растолковывала русскому читателю, преимущественно из крестьян и мастеровых, что сближает русских и славян, и прежде всего сербов, с российским народом, описывала их героическое прошлое и борьбу за освобождение от турецкой власти. Читатель не только узнавал о ключевых событиях сербской и черногорской истории, о Первом и Втором сербских восстаниях, но и знакомился с современной ситуацией на Балканах, с характером боснийско-герцеговинского восстания. В книжечке подчеркивалась тесная связь балканских славян с Россией и содержался призыв оказывать им братскую по-

114 Оброк Е. [Поливанова Е.Д.] Кто такие славяне? Почему мы любим славян и зовем их нашими братьями. Для народного чтения. В пользу страдающих славян. М., 1876.

мощь. Характерен и гриф на книжечке: «Дозволено цензурой 21 августа 1876 г.», то есть она вышла в самый разгар тяжелых боев сербо-турецкой войны.

Но если простому народу надо было объяснять смысл происходивших на Балканах событий, то для большинства образованной, читающей публики южнославянская тема была хорошо знакома по многочисленным публикациям в прессе, дневникам и мемуарам участников русско-турецких войн 1806-1812 и 1828-1829 гг., по материалам славянофильской публицистики.

Отношения России и Сербии к этому времени уже были разносторонними и многогранными. Их зарождение и становление относится к средневековью, что нашло отражение в исторической литературе¹¹⁵. В XVIII в. эти связи укрепились в ходе русско-турецких войн и переселения нескольких тысяч сербских граничар с семьями в Российскую империю¹¹⁶. На протяжении веков не прерывались и русско-сербские церковные связи.

Ключевым моментом в становлении новой фазы русско-сербских отношений стала первая треть XIX в. Именно в 1804 - 1830 гг., в результате активных антиосманских выступлений сербов Белградского пашалыка, сопровождаемых дипломатической и военной поддержкой России родилось новое государство – Сербское княжество. В 1830 г. сербский народ вновь обрел государственность, утраченную четыреста лет назад в ходе османского завоевания. Этот период в разви-

115 См.: Турилов А. А. Исследования по славянскому и сербскому средневековью. Београд: Чигоја штампа, 2014; а также публикацию документов: Москва — Сербия. Белград — Россия: Сборник документов и материалов. Т. 1: Общественно-политические связи XVI—XVIII вв. — Москва-Белград, 2009.

116 Лециловская И.И. Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб., Алетейя, 2006; Костяшов Ю.В. Сербия в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997.

тии русско-сербских отношений не раз становился предметом исследования как отечественных, так и сербских историков¹¹⁷.

Важным фактором для решения сербской государственной задачи в это время была многогранная и многосторонняя поддержка России. Она выражалась в военном сотрудничестве и совместных боевых операциях в ходе русско-турецких войн 1806–1812 и 1877–1878 гг., и в дипломатической поддержке Россией сербских интересов, и в русской помощи Сербской православной церкви.

В ходе Первого сербского восстания (1804-1813 гг.) был заложен фундамент будущего сербского государства, сформированы первые органы новой системы власти в лице Правительствующего Совета Сербского. Это время выдвинуло сербских политических лидеров, среди которых и вождь сербских повстанцев Георгий Пётрович (Чёрный Георгий, Карагеоргий), родоначальник будущей сербской правящей династии Карагеоргиевичей. После поражения восстания Карагеоргий и его сподвижники нашли убежище в России, где им были пожалованы земли и оказана материальная помощь. Весной 1815 г. вспыхнуло Второе сербское восстание, лидер которого Милош Обренович стал первым правителем Сербского княжества и родоначальником второй сербской династии – Обреновичей. В последующие почти полтора столетия династии Обреновичей и Карагеоргиевичей, сменяя друг друга, находились у власти в Сербии.

117 Достян И.С. Россия и балканский вопрос : Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. — М. : Наука, 1972. Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития : конец XVIII - середина 30-х гг. XIX века. Санкт-Петербург, Алетейя, 2007. Кудрявцева Е.П. Россия и Сербия в 30-40-х годах XIX века. Ин-т рос. истории. - М. : Ин-т рос. истории РАН, 2002. Она же. Россия и становление сербской государственности. 1812–1856. М., Ин-т рос. истории РАН, 2009.

Для России двадцатипятилетний временной отрезок с 1804 по 1830 гг. также характеризуется целым рядом знаковых событий. Прежде всего, это активная внешняя политика, сопровождающаяся войнами: участие в антинаполеоновских коалициях, Отечественная война 1812 г., разгром Наполеона, две русско-турецкие войны, две русско-персидские войны. Эти напряженные четверть века русской истории тесно связаны с балканским вопросом в целом, и сербским в частности. Роль и место России в поддержке сербских требований и военная кооперация русских войск с сербскими повстанцами в годы русско-турецкой войны 1806-1812 гг. хорошо изучены и получили документальное подтверждение в публикациях документов¹¹⁸.

Сербо-русское сближение разворачивалось не только в области военного сотрудничества и дипломатической поддержки Россией сербских требований, но и в общественном, культурном, научно-познавательном плане. Сербские сюжеты появляются на страницах российских газет и журналов, поначалу как информация о происходящих там событиях, но постепенно приобретали все новые краски. Публиковались переводы сербских народных сказаний и песен, записки русских путешественников, побывавших в Сербии¹¹⁹. Это было обусловлено, с одной страны, непосредственными контактами русских

118 Наиболее значительными публикациями документов из российских архивов являются: Первое сербское восстание и Россия. М., 1980-1983. Кн. 1-2.; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX в. Документы. М., 1997. Москва – Србија, Београд – Русија = Москва- Сербия, Белград-Россия. Документа и материјали. Сборник документов и материалов. Том 2. Друштвене и политичке везе 1804-1878. Обществено-политичке везе 1804-1878 гг. Белград–Москва. 2011. Политичке и культурне одношенија Русије и Србије у 30-50-е године XIX века: документи руског МИД М., Наука, 2013.

119 Открытие «братьев-славян»: Русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века. СПб., Нестор, 2018.

военных и дипломатов с сербскими повстанцами, а с другой стороны растущим интересом в научной и общественной среде к истории, этнографии и культуре славянских народов. Именно в это время закладываются основы научного славяноведения в России, в том числе и изучения языка и истории Сербии.

Во время Первого сербского восстания в ходе русско-турецкой войны 1806–1812 годов против войск султана вместе сражались сербские повстанцы, возглавляемые Карагеоргием и части русской регулярной армии. Однако, Россия вынуждена была прекратить боевые действия и подписать мирный договор в Бухаресте, так как начиналась Отечественная война 1812 года. Турецкий султан нарушил восьмую статью этого договора, в которой гарантировалась амнистия сербским повстанцам. Вместо обещанной по русско-турецкому договору автономии Белградский пашалык подвергся опустошительной и кровавой карательной операции. Десятки тысяч сербов были убиты, больше сотни тысяч бежали в Австрию.

Народы России и Сербии объединили в эти годы серьезные беды и испытания. Сербия пережила кровавое подавление османскими войсками Первого сербского восстания осенью 1813 г., а Россия в 1812 г. подверглась наполеоновскому нашествию.

После Венского конгресса Российская империя, внесшая существенный вклад в разгром наполеоновской Франции, укрепила свой международный авторитет и вновь вернулась к проблемам Европейской Турции. Сербский вопрос был главным в это время для российской дипломатии, усилия которой были направлены на то, чтобы заставить османские власти выполнить условия VIII статьи Бухарестского мирного договора. Эту задачу решал русский посланник в Константинополе граф Г.А. Строганов¹²⁰. Прибыв в турецкую столицу в сентябре

120 Строганов Григорий Александрович (1770 - 1857), граф, русский дипломат. С 1817 по 1821 – российский посланник в Константинополе. О вкладе Г.А. Строганова в решение сербского вопроса см.: Е.П.

1816 г. на военном фрегате, он сразу же взял решительный тон в переговорах с османскими властями. В ноябре 1816 г. на совещании у реис-эфенди он потребовал немедленного выполнения V и VIII статей Бухарестского трактата о Молдавии, Валахии и Сербии¹²¹. Переговоры проходили чрезвычайно трудно, реис-эфенди обвинял сербов в невыполнении условий договора и требовал вывода русских войск с кавказского побережья.

Не получив русского согласия, османские власти в марте 1817 г. ввели в Белград 10.000 солдат. В ответ Строганов направил Порте ноту протеста 2(14) марта 1817 г.¹²² Ситуация несколько изменилась в пользу России в 1817 г. с приходом к власти нового реис-эфенди Салих Мехмед-эфенди, склонного идти на соглашение с Россией. Но, несмотря на это, все усилия Строганова по сербской проблеме не увенчались успехом. Сербские депутаты в Стамбуле не получили ожидаемого хатт-и-шерифа о внутреннем управлении Сербии. Строганов продолжал вести переговоры по сербскому вопросу, к которым присоединялись и сербские депутаты, прибывшие в Стамбул в конце 1820 г. Однако все усилия русского дипломата оказались безрезультатными. Новый этап в решении сербского вопроса был связан с началом греческого восстания 1821 г.

Сербский князь Милош пытался действовать самостоятельно в обход русского посольства. Так, летом 1817 г. Милош направил благодарственное письмо султану, в котором даже не упомянул о нерешенных вопросах двусторонних отноше-

Кудрявцева. Российский дипломат Г.А. Строганов (1770-1857) // Новая и новейшая история. 1993. № 4.

121 Достян И.С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972. С. 145-147; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. М., 1997. С.137-138.

122 Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. М., 1997. С.142-143; Внешняя политика Российской империи М., 1974. Сер. II. Т. I (IX). Док.147.

ний¹²³. Вслед за этим он отправил султану голову Карагеоргия, убитого по его приказу¹²⁴. В ноябре 1817 г. Милош Обренович был избран на скупщине наследственным верховным князем Сербии и прилагал все усилия, чтобы это было подтверждено Портой.

Важную роль в осуществлении контактов сербского князя и русского правительств играл Михаил Федорович Герман¹²⁵, который в 1816-1822 гг. являлся поверенным Милоша Обреновича в Бухаресте¹²⁶, откуда выезжал для ведения дипломатических переговоров в Петербург¹²⁷. На основании этих переговоров российским Министерством иностранных дел были сформулированы «Условия соглашения между Портой и Сербией»¹²⁸.

Вопрос об авторитарных устремлениях Милоша Обреновича был специально рассмотрен в Петербурге в начале 1820 г. и Г.А. Строганову было сообщено, что императорский двор согласен на признание наследственного княжения Обре-

123 Письмо Г.А. Строганова М.Ф.Герману в связи с благодарственным адресом М. Обреновича султану // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. М., 1997. С.158-159.

124 О роли Милоша в гибели Карагеоргия см. Донесение Г.А. Строганова К.В. Нессельроде о направлении М. Обреновичем благодарственного адреса турецкому султану и о гибели Карагеоргия // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. М., 1997.С. 158-169.

125 Михаил Герман родом из Разлога (совр. Македония) о нем см.: Цамбазовски Климент. Македонци у Кнежевине Србији у првој половини 19 века. Зборник радова Десетог конгреса Савеза историчара Југославије, Београд 1998. С. 186-187.

126 Москва – Србија, Београд – Русија = Москва- Сербия, Белград- Россия...С.108-125; 644-648.

127 О полномочиях М.Ф. Германа Милош сообщал Александру 15 февраля 1816 г. – Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. М., 1997. С.128-129.

128 Там же. С.129-131.

новичей при условии издания султаном специального указа о регламентации положения князя в Сербии. Это означало, что власть князя должны быть ограничена¹²⁹.

Греческое восстание 1821 г приостановило дипломатические переговоры о судьбе Сербии. Расхождения между позициями Порты и Петербургского кабинета о методах урегулирования отношений с повстанцами были настолько существенными, что в июле 1821 г. Россия отозвала своего посланника в Стамбуле Г.А. Строганова. Дипломатические отношения России и Османской империи были восстановлены лишь в 1826 г. с приездом нового русского посланника А.И. Рибопьера. В марте 1826 г. Порте была вручена российская нота, в которой наряду с прочими требованиями было и требование выпустить из заключения сербских депутатов, и немедленно урегулировать статус Сербского княжества. Порта согласилась на уступки и осенью 1826 г. была подписана Аккерманская конвенция, призванная разрешить спорные вопросы в отношениях России и Турции. Особое место в конвенции уделялось сербской проблеме. Пятая статья конвенции требовала проведения в жизнь решений Бухарестского мира в отношении Сербии.

Окончательно вопрос о признании Османской Портой Сербской автономии был решен только в результате победоносной русско-турецкой войны 1828-29 гг. по условиям Адрианопольского мирного договора (сентябрь 1829 г.)¹³⁰. Особый акт этого договора был посвящен политическому положению Сербии и ее будущим взаимоотношениям со своим сюзереном. Султан Махмуд II в 1830-33 гг. издал хатт-и-шерифы регламентирующие автономное политическое положение Серб-

129 Достян И.С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972. С. 171.

130 Текст договора опубликован в: Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб., 1869.

ского княжества. Завершился почти двадцатилетний период дипломатических и военных усилий России по реализации VIII статьи Бухарестского договора. Сербское княжество начинало самостоятельную политическую жизнь, но при этом продолжало рассчитывать на русскую поддержку как в задачах территориального расширения, так и в вопросах укрепления политических позиций. Такая помощь и поддержка продолжалась оказываться Россией Сербии как в политическом, так и военном плане в 40-60 гг. XIX в¹³¹. Совершенно новым направлением в русско-сербских связях стало общественное движение в защиту Сербии и ее интересов.

2. Сербский вопрос и московские славянофилы в 50-60-х гг. XIX в.

Одно из самых значительных общественно-политических явлений России XIX в. – славянофильство, оказалось тесно связано с судьбой Сербии. Целая плеяда выдающихся русских философов и богословов, литераторов и ученых, общественных деятелей и предпринимателей представляли это течение русской политической мысли. Это был не только тесный круг единомышленников, но и родственников. Семьи Киреевских-Елагиных, Аксаковых, Гильфердингов несколькими поколениями были представлены в славянофильском движении.

Одним из направлений деятельности славянофилов стало изучение истории и современного им состояния зарубежных славянских народов¹³². Особое внимание уделялось

131 Кудрявцева Е.П. Россия и Сербия в 30-40-х годах XIX века. Ин-т рос. истории. - М. : Ин-т рос. истории РАН, 2002. Она же. Россия и становление сербской государственности. 1812–1856. М., Ин-т рос. истории РАН, 2009.

132 Чуркина И.В. Россия, славянофилы и зарубежные славяне. Очерки истории. М., Индрик, 2020. С.7-34.

Сербии и сербам. Сербские проблемы были известны славянофилам не понаслышке. Некоторые из них, как например, А.С. Хомяков участвовали в русско-турецкой войне 1828-29 гг., многие как Ф.В. Чижов и В.А. Панов путешествовали по сербским землям. Историки и филологи славянофильского круга М.П. Погодин, И.И. Срезневский, О.М. Бодянский, Н.А. Попов изучали Сербию профессионально.

Московские журналы «Телескоп», «Москвитянин», «Московский сборник», «Вестник Европы» регулярно помещали материалы о Сербии, записки путешественников и ученых, побывавших в сербских землях, очерки истории и литературы братского единоверного народа.

Особую роль в популяризации сербской истории и культуры занимал Московский университет, где в 1835 г. как и в других университетах России была открыта кафедра истории и наречий славянских. Москва стала центром славянских исследований, и не случайно именно здесь появилось первое фундаментальное исследование по истории русско-сербских отношений¹³³.

Московский круг славянофилов включал в себя выдающихся деятелей науки, культуры, предпринимательства и меценатства. Власти пристально следили за деятельностью славянофилов, подозревая их в распространении антиправительственной пропаганды. Дошло даже до тюремного заключения Ф.В. Чижова и Ю. Самарина. Допрошен был и И.С. Аксаков, которому предложено было объяснить сущность идейной платформы славянофилов. Ему удалось убедить власть в патриотических намерениях славянофильского круга.

Для славянофилов было очевидно, что назрела насущная необходимость в печатном и организационном органе. Это стало возможным в середине 50-х гг. XIX в. в эпоху под-

133 Попов Н.А. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г. М., 1869.

готовки и проведения в России великих реформ. Во главе большей части московских славянофильских изданий встал И.С. Аксаков. Редактируемые им газеты и журналы: «Русская беседа» (1856—1860), «Молва» (1857), «Парус» (1859), «День» (1861—1865), «Москва» (1867—1868), «Москвич» (1867—1868), «Русь» (1880—1885), жестко контролировались цензурой, зачастую накладывался запрет на их издание. Несмотря на это, славянофильская печать широко освещала события политической жизни славянских народов, и в первую очередь южных славян, и особенно сербского народа.

С 1842 по 1859 год в Сербии воцарилась соперничающая с Обреновичами династия Карагеоргиевичей. После изгнания Милоша и его семьи князем был избран Александр Карагеоргиевич, сын легендарного вождя Первого сербского восстания.

Побывавшие в Сербии в 1840–1850-е годы путешественники из России с недоверием относились к новому режиму. Произшедший в Сербии в конце 1858 года переворот, изгнание князя Александра Карагеоргиевича и триумфальное возвращение старого князя Милоша с сыном Михаилом в Белград были восприняты славянофилами с энтузиазмом.

30 ноября 1858 г. в Сербии была созвана не собиравшаяся уже 10 лет скупщина, на которой князю Александру были предъявлены обвинения в нарушении конституции и узурпации власти и предложено покинуть страну. В конце 1859 года, когда в Сербию вернулись Обреновичи и страна стала перед выбором пути – парламентаризм или диктатура, лидер московских славянофилов А.С. Хомяков у себя в деревне засел за капитальный труд, который он впоследствии озаглавил: «К сербам. Послание из Москвы»¹³⁴. Анализ переписки и статей Хомякова свидетельствует, что он хорошо был осведомлен о

134 Подробнее о характере «Послания» См. : Кузьмичева Л.В. А.С. Хомяков и сербский вопрос // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист. (Сборник статей в 2-х томах. Отв. редактор Б.Н. Тарасов) М., Языки славянских культур. 2007. Том.1. С. 89-105.

происходивших в Сербии событиях, этому способствовало и его личное знакомство с некоторыми сербскими интеллектуалами, среди которых был и выдающийся ученый Вук Караджич. Письма Хомякова этого периода убедительно свидетельствуют, что эту свою работу он считал чрезвычайно важной для всего славянофильского дела¹³⁵.

Славянофилы хорошо знали обстановку в Сербии. Они получали известия от своих корреспондентов из Сербии и аналитические сводки из Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Исследователь славянофильского движения в России Н.И. Цимбаев утверждает, что для Славянского отдела Аксаковской газеты «День» (1861-1865) Министерство иностранных дел предоставляло материалы, которые раньше давало только в «Санкт-Петербургские ведомости», поскольку материалы по славянской тематике обрабатывали чиновники МИД слависты В.И. Ламанский и А.Ф. Гильфердинг¹³⁶. Московские славянофилы состояли в дружественной переписке с настоятелем русской посольской церкви в Вене Михаилом Федоровичем Раевским, занимавшим этот пост с 1842 по 1884 г. и владевшим как в силу порученной ему миссии, так и по личной инициативе, колоссальной и первоклассной информацией о событиях на Балканах¹³⁷.

Глубокие знания истории и современных событий в Сербии выразились в подборе публикаций по сербской проблематике в редактируемой Хомяковым и Аксаковым «Русской Беседе» (1856-1860). Особый интерес представляют публикации в этом журнале периода подготовки и написа-

135 Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М., 1900. Т.8. С. 379, 384, 386.

136 Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной – жизни пореформенной России. М., 1978.С. 77.

137 Деятельность М.Ф. Раевского в этом направлении см.: Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., Институт славяноведения РАН, 2011.

ния «Послания» – 1858-1859 гг. В это время сербская история прошлое и настоящее анализируются практически в каждом номере журнала¹³⁸. Особого внимания заслуживают корреспонденции из Белграда сербского писателя и ученого М. Миличевича, ставшего в 1860 г. редактором правительственной газеты «Србске новине». Его статьи: «Семейная община по селам сербским, известная под именем задруги» (1858. Т.3), «Сербская община» (1859. Т.6), и особенно его заметки участника Святоандреивской скупщины: «Рассказ очевидца о Скупштине» (1859. Т.1) и «Письмо из Белграда» (1859. Т.2) – несомненно свидетельствуют о глубоком внимании редакции журнала к изменению политической ситуации в Сербском княжестве.

И.С. Аксаков в своем «Заключительном слове» по поводу запрещения издания «Русской Беседы», дал такую оценку работы, проделанной редакцией в 18 вышедших томах журнала: «Нам удалось возвести славянский вопрос из области археологического интереса в область живого деятельного сочувствия и оживить умственное движение в кругу наших литературных славянских собраний»¹³⁹.

Больших иллюзий в отношении князя Милоша славянофилов не имели, они рассчитывали на его сына – князя Михаила и его соратников. Ситуация в Сербии виделась им критической – ибо речь шла не только о выборе пути политического развития маленького балканского княжества, но и о судьбах других славянских народов, для которых Сербия была опорой в деле их собственного освобождения от иноземного господства, а за Белградом утвердилась слава «Пьемонта южных славян».

138 Ровнякова Л.И. Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е годы XIX века). Очерки. Ленинград, 1986. С.31–65, 230–232.

139 Аксаков И.С. Отчего так нелегко живет в России. М., 2002. С.109–110.

В этот очень важный и для Сербии, и для славянства в целом момент Хомяков и обращается с «Посланием», в котором и даются рекомендации строительства нового сербского государства с учетом опыта, который прошла за последние 150 лет Россия. Собственно эту стостраничную работу Хомякова, можно считать итоговой в его рассуждениях прежде всего об историческом пути собственной страны¹⁴⁰.

«Послание» подписали кроме Хомякова, Ф. Чижов, Иван и Константин Аксаковы, Ю. Самарин, М. Погодин, И. Беляев, Н. Елагин, П. Безсонов, П. Бартенев, А. Кошелев. – т.е. практически весь цвет русского славянофильского движения. Решено было текст Послания перевести на сербский язык, отпечатать за границей и доставить в Сербию, и в другие земли, где проживали сербы. Организацию всего этого дела взял на себя И.С. Аксаков, отправившийся весной 1860 г. за границу на пять месяцев, с целью познакомиться со славянскими землями¹⁴¹. Однако, когда в июле 1860 г. И.С. Аксаков добрался до Белграда, его ждало серьезное разочарование. Политическая ситуация в стране была напряженной, находящийся при смерти старый князь Милош разогнал сербских либералов, приведших его к власти, и ввел в стране режим диктатуры.

В сентябре 1860 г., когда И.С. Аксаков приехал в Вену и занялся подготовкой к печати рукописи «Послания», из России пришла весть о смерти Хомякова. Аксаков написал А.Д. Блудовой в конце октября из Вены: «Я печатаю теперь в Лейпциге одно из последних произведений Хомякова, это “По-

140 Наряду с оригинальным Лейпцигским изданием 1860 года, хранящемся во многих российских библиотеках, «Послание» было в России впервые опубликовано только в третьем, дополненном издании сочинений Хомякова. В предшествующих оно отсутствовало, вероятно, по цензурным соображениям. См.: К Сербам. Послание из Москвы // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 1. С. 377– 408.

141 И.С. Аксаков в его письмах. (Письма 1851-1860 годов). М., 1892. Т.3. С. 27.

слание к сербам” от нас всех, им и нами всеми подписанное. Оно печатается (с нашими подписями) на русском и сербском языке вместе. Политического тут ничего нет. Цель послания передать заблаговременно сербам нашу горькую опытность, чтобы они не впали в наши ошибки, – оно не назначается собственно для продажи, но назначается для чтения сербам, которым и будет доставлено с честною явностью. Когда будет готово я Вам пришлю. Оно имеет характер совершенно духовного послания»¹⁴².

Книжечка была отпечатана в Лейпциге на двух языках страницы слева (четные) по-русски, справа (нечетные) – по-сербски. На обложке название также на двух языках «Къ Сербам. Послание из Москвы. Лейпцигъ. У Франца Вагнера» и «Србљима. Послание изъ Москве. У Лейпцигу кодъ Фране Вагнера». Но это было вовсе не просто «духовное послание», а программа построения самобытного сербского государства в соответствии со славянофильскими убеждениями.

Прежде всего сербов предостерегали от эксклюзивного национализма – «не возгордитесь перед другими славянами своими успехами в обретении независимости». Идеологической основой государства, несмотря на либеральные доктрины его устройства должно быть православие, а не идеализм или материализм. Необходимо также сохранение существующего у сербов естественного равенства, не допуская деления на благородных и низших. Заимствуя технические достижения Запада, следовало сохранять национальную самобытность, особенно в языке. В качестве негативного примера приводилась эпоха Петра I в России, когда «вся земля русская обратилась как бы в корабль, на котором слышатся только слова немецкой команды». При этом сама эпоха преобразований Петра оценивалась Хомяковым в целом положительно. Предостерегались сербы и от тотальной вестернизации: «Учитесь у западных народов,

142 Хомяковский сборник. Томск. 1998. С.279.

это необходимо, но не подражайте им, не веруйте в них, как мы в своей слепоте им подражали и веровали. Да избавит Вас Бог от такой страшной напасти!»

Не обойдена была вниманием и специфически сербская проблема – распыленность сербского народа, наличие большого числа сербов в Австрийской империи. Опасаясь, что именно австрийские сербы и будут пропагандистами тотальной европеизации, Хомяков писал: «А их просим мы не слишком доверять своей мнимой мудрости и помнить, что они приступили к вашему союзу не как чистейшие и безусловно лучшие, но напротив того, как люди, несколько искаженные и требующие, так сказать, внутреннего омовения от иноземной проказы». Эти предупреждения не могли не вызвать негативной реакции у «австрийских сербов», что и почувствовал Аксаков во время своего пребывания в Воеводине. Он был принят там чрезвычайно холодно, а иерархи Карловацкой православной патриархии и вовсе отказались с ним встречаться. Об обстоятельствах аксаковского посещения Воеводины оставил яркие воспоминания известный сербский политический и общественный деятель Яков Игнятович. Эти мемуары проанализировала в своей статье «Утраченные иллюзии» большой знаток русской и сербской общественной мысли сербская исследовательница Латинка Перович¹⁴³.

Призывая сербов сохранять национальные традиции в одежде, языке, обычаях, защищать нравственные идеалы и способствовать чистоте семейных отношений Послание призывало не поддаваться западному влиянию: «Не вдавайтесь в соблазн быть европейцами. <...> Не надевайте на свою умственную свободу щегольского ошейника с надписью “Европа”». При этом в этом нравоучительном документе содержались и прогрессивные пожелания – отмена смертной казни,

143 Перович Л. Утраченные иллюзии. Иван Аксаков и сербский писатель Яков Игнятович// Родина. 2003. № 10. С. 63–64

защита свободы мнений и свободы печати, распространение знаний, доступность образования.

Советы московских славянофилов неоднозначно были приняты в Сербии¹⁴⁴. Русский дипломат В.Ф. Кожевников, который в 1859-1860 был секретарем русского посольства в Белграде писал о реакции, которое вызвало «Послание» среди сербов княжества: «Сошлюсь прямо на слова любимого и уважаемого мною Ивана Сергеевича Аксакова. Читая эту рукопись в Белграде, он сказал: “Жаль, что не имею никакого права изменить что-либо в этом послании; поймут ли сербы все то, что здесь высказано и не слишком ли рано говорить им так откровенно о наших ошибках и старых грехах?” Последствия показали, что Иван Сергеевич, действительно не ошибся, и что сербы не оценили, или не умели оценить хорошую сторону этой душевной исповеди»¹⁴⁵.

В отечественной историографии сложилась традиция писать об исключительно негативном восприятии творения Хомякова в Сербии. Начало было положено Н. Г. Чернышевским в статье «Самозванные старейшины», опубликованной в «Современнике» (1862. № 3–4). Там содержалась уничижительная критика «Послания», издевка над ее авторами, каковыми могут быть «только люди до крайности скудные разумением обстоятельств и потребностей исторической жизни, да и всяким разумением чего бы то ни было». И. С. Аксаков был этим чрезвычайно возмущен. Обстоятельства возникшей полемики проанализировал известный отечественный ученый С. А. Никитин¹⁴⁶. Он полностью встал на сторону Чернышевского

144 О том, как интерпретируется смысл и значение «Послания» в сербской историографии: *Войводиц М.* Русско-сербские отношения периода Восточного кризиса 1875–1878 гг. в сербской историографии // Россия и Сербия глазами историков двух стран. СПб., Алетей, 2010. С.127–128.

145 Там же.

146 Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., Наука. 1970. С. 202–211.

и его единомышленников и пришел к выводу, что основные идеи «Послания» «совершенно вне плана развития сербской жизни и без всякой связи с реальными интересами и стремлениями сербов»¹⁴⁷. Авторитет профессора С.А. Никитина, глубокого знатока российских архивов и периодики, исследователя деятельности славянских комитетов, аналитика русской внешней политики на Балканах, был так велик, что и его ученики в нашей стране, и некоторые сербские ученые ссылались на утверждение о неприятии «Послания» как на очевидный факт¹⁴⁸.

Не отступая в целом от постулатов Никитина, все же некоторые из сербских ученых пытались выявить истинный отклик на творение Хомякова в Сербии. Особая роль принадлежит здесь выдающемуся сербскому ученому Милораду Экмечичу. Анализируя «Послание», он остановился на русском видении будущего Сербии. Прежде всего это касается вопроса о чистоте Православия в Сербии. Ученый пишет, что сербское православие отличалось еще до наступления эры модернизации от русского и греческого, а русские славянофилы приложили немало энергии, чтобы выявить слабые места в сербском христианстве. Они говорили о чересчур самостоятельном характере церкви, у которой есть свои национальные святые, и о снисходительности пастырей к тому, что верующие не имеют привычки посещать храмы, удивляло их и чрезмерное подчинение церкви государству¹⁴⁹. Экмечич видел в этом

147 Там же. С. 206 — 207.

148 См.: Карасев В. Г. Сербский демократ Живоин Жуевич. М., 1974. С. 105. Автор, ссылаясь на своего учителя С. А. Никитина, тем не менее разъясняет сущность выступления Н. Г. Чернышевского как часть бескомпромиссной полемики со славянофилами; Ровнякова Л. И. Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50 — 70-е годы XIX века). С. 40–42; Вулетић В. Руси и Срби у сусрету. Нови Сад, 1995. С. 44–48.

149 Екмечић М. Стварање Југославије 1790–1918. Београд, 1989. Т. 2. С. 81–83.

давление и дидактизм со стороны славянофилов, ратующих за «истинное православие» в стране, где начинаются процессы секуляризации. Русские славянофилы, согласно Экмечичу, еще до Крымской войны были настроены на решительную критику происходящего в Сербии сближения с католицизмом.

Интересен вывод ученого, что «Послание» недооценено исследователями в контексте его значения для сербской и югославянской истории того времени. Ученый полагал, что до сих пор нет глубокого научного исследования того влияния, которое оказало «Послание» на современную ему сербскую политику. Важно, что послание было привезено в Белград, где часть сербской интеллигенции полностью согласилась с его выводами. Экмечич считает, что без анализа этого влияния непонятен исторический путь либеральной партии, почему в ней было так мало национальных жизненных соков. По мнению ученого, влияние идеологических наставлений (порука) «Послания к сербам» ощущалось до 1878 года, и именно они стали причиной исторической катастрофы сербской национальной идеи после начала Герцеговинского восстания 1875 года вплоть до Берлинского конгресса. В 1876 году сербское национальное движение целиком попадает в руки русских славянофилов. Экмечич утверждает, что славянофилы стремились к созданию славянского союза с центром в России и для этой цели собирались использовать сербов в качестве тарана, они финансировали сочинение И. Ткалаца 1853 г. и использовали призыв Я. Игњатовича 1856 г., которые в той или иной степени пропагандировали сербо-русское сближение для противостояния западному миру.

Общее отношение Экмечича к инициативе славянофилов – негативное: они-де свернули сербов с истинно верного пути строительства национального сербского государства. Вывод ученого представляется спорным, поскольку именно в это время цели и славянофилов, и собственно сербской национальной программы «Начертание» во многом совпадали:

это был план освобождения славянских народов Балканского полуострова от турецкого господства. Сербский ученый считал необходимым продолжить исследование откликов, которые получило «Послание» в Сербии. Эту мысль развивает и последователь Экмечича Милан Суботич. В своей монографии, посвященной либеральной идее и практике в Сербии, он уделил анализу «Послания» целую главу¹⁵⁰, а затем занялся анализом политических идей славянофильства¹⁵¹.

О том, какую громадную роль сыграли труды А. С. Хомякова в формировании идеологии творца Югославии, выдающегося сербского политика Николы Пашича, написал А. Л. Шемякин¹⁵². Ученый доказал, что, именно базируясь на трудах Хомякова, Никола Пашич создавал идеологическую основу своего оригинального проекта нового сербского государства.

О том, что «Послание» самим славянофилам представлялось документом вполне корректным по отношению к славянам, свидетельствуют слова Аксакова, сказанные им в 1860 г.: «Мы рады, что успели кажется рассеять ложные понятия, какие существовали у нас и у славян о русском панславизме и убедили наших братьев, что сочувствие наше чуждо посягательства на их самостоятельное развитие; признание прав на самобытность каждой славянской народности было всегда девизом русского славянофильства»¹⁵³.

Одним из главных достижений московского славянофильского круга стало создание в 1858 г. Славянского благотворительного комитета в Москве¹⁵⁴.

150 Subotić M. Sricanje slobode. Niš, Gradina 1992. S. 107-158.

151 Subotić M. Političke ideje klasičnog slovenofilstva // Tokovi istorije. 1999. № 1- 4. S. 7 -35.

152 Шемякин А. Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868 —1891). М., 1998. С. 301– 318.

153 Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России. М., 2002. С.110.

154 Заслуга изучения истории создания и деятельности славянских комитетов принадлежит С.А. Никитину - Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 гг., М., 1960.

В 1857 г. представители московского общества обратилась к министру иностранных дел А.М. Горчакову с просьбой об основании Славянского благотворительного Комитета¹⁵⁵. 26 января 1858 г. было получено решение императора Александра II об открытии Славянского благотворительного комитета в Москве.

Славянский комитет в Москве сразу же развернул активную работу по пропаганде славянского дела. Для этого активно была задействована славянофильская печать, где не только содержались призывы к пожертвованиям в пользу балканских славян, но и широко и подробно освещалась их политическая и культурная жизнь. Число членов славянского комитета неуклонно росло, особое место стали занимать в нем представители московского купечества. Во многом это было связано с активной деятельностью авторитетного экономиста и предпринимателя, стоявшего у истоков создания Славянского комитета Федора Васильевича Чижова.

Целью Славянского комитета было активно способствовать просвещению и образованию южных славян, всемерно поддерживать православную церковь в их землях.

После создания автономного Сербского княжества, планы по воссозданию государственности стали вынашивать и другие южные славяне – боснийцы, черногорцы, болгары. Осуществление этих задач требовало подготовки кадров национальной интеллигенции, которая приступит к просвещению своего народа. С другой стороны стремительно распространявшееся влияние западных социальных доктрин – либерализма и социализма, а также активизация католической пропаганды на Балканах требовали разработки системы противодействия. Еще одной серьезной проблемой для русского правительства

155 Краткий отчет о десятилетней деятельности (1858 – 1868 гг.) Славянского благотворительного Комитета в Москве, составленный секретарем его Н.А. Поповым. М., 1868. С. 1-2.

стала стремительно распространявшаяся идея славянской взаимности, и ее политическая интерпретация – панславизм. Активизация этого направления среди славян Австрийской империи, приведшая в 1848 г. к первому славянскому съезду в Праге заставляла искать альтернативные методы. Выработывалась русская политическая доктрина в отношении славянского вопроса, носившая теперь характер не только религиозного единства православных, но и идею единой этнической общности славян.

Особое место, поэтому в деятельности Московского славянского комитета уделялось формированию кадров славянской интеллигенции в России. Сербские студенты получали стипендии славянских комитетов, а также помощь в разрешении их повседневных проблем¹⁵⁶. Несомненной заслугой Московского славянского комитета было создание училища для южнославянских девочек при Алексеевском монастыре. Его выпускницы возвращались на Балканы и продолжили дело женского просвещения и образования.

Не менее важным мероприятием Московского славянского комитета была организация Славянского съезда в Москве.

3. Москва встречает сербов. Этнографическая выставка и Славянский съезд 1867 г.

Весной 1867 года Москва стала центром крупного научного, культурного и политического события. Впервые в России проводилась масштабная Всероссийская этнографическая выставка, ставшая одновременно и первой общеславянской выставкой. Для участия в подготовке и работе выставки были приглашены представители зарубежных славянских народов,

156 См.: Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856-1875 гг. М., Индрик, 2019. С. 265-294.

в том числе и сербы¹⁵⁷. Приезд славянских депутатов в Россию знаменовал собой и работу второго в истории славянского съезда, а первый прошел в Праге в мае 1848 г. в разгар революционных событий в монархии Габсбургов.

Политическая ситуация и на этот раз была непростой. Австрийская монархия, в которой славяне составляли около половины населения, преобразовывалась в дуалистическую Австро-Венгрию, где для славянских народов политическая автономия не предусматривалась. Это вызвало резкие протесты австрийских славян и стремление их лидеров найти поддержку извне.

Поездка в Россию в таких условиях для славян Австро-Венгрии была во многом политической демонстрацией и поэтому с подозрением была воспринята австрийскими властями. Многие из государственных служащих Дунайской монархии, выехавших в Москву на выставку по возвращении подверглись гонениям, в том числе и увольнением без права на пенсию. Официальная Россия, не желая обострения отношений со своим союзником – монархией Габсбургов, старалась придать московскому мероприятию культурно-просветительный характер. Однако это никого не могло обмануть, было ясно, что австрийские славяне, в том числе и сербы Военной границы, Далмации и Воеводины ехали в Москву за помощью.

Не менее сложной была ситуация и у так называемых «турецких славян». Эти славяне Османской империи – сербы, хорваты, болгары, черногорцы – готовились к общебалканскому восстанию. В Османской империи проводились карди-

157 Всероссийской этнографической выставке 1867 г. была посвящена научная конференция в Санкт-Петербурге в 2007 г., где были представлены доклады, характеризующие все основные этапы подготовки и работы выставки, в том числе и участия в ней южных славян. См.: Россия и славянский мир на этнографической выставке 1867 г.: Материалы Международной научной конференции, посвященной 140-летию первой этнографической выставки России. СПб., 2009.

нальные реформы танзимата, что вызывало недовольство и бунты мусульманского населения. В ответ христиане также брались за оружие и выдвигали лозунги национальной независимости. Оформлялся план единого выступления балканских народов против Порты, с целью создания самостоятельных государств. Во главе формирующегося первого Балканского союза вполне естественно встало единственное официально признанное государство у зарубежных славян - княжество Сербия. Поэтому сербы княжества ехали в Россию с целым рядом конкретных вопросов и проблем, связанных с предстоящей неравной вооруженной борьбой с Османской империей.

Итак, Всероссийская выставка была с одной стороны важнейшим российским имперским мероприятием, представившим все многообразие населения и его повседневной жизни в огромной стране и положившим начало оформлению этнографической науки в России. С другой стороны это была демонстрация языкового, культурного, духовного и исторического единства зарубежных славянских народов с народами России¹⁵⁸.

Панславистская окраска выставки пугала Европу, тем более, что выставка шла параллельно с Всемирной Парижской выставкой демонстрирующей достижения западной цивилизации, и казалось, что российская выставка организована ей в противовес. Это не могло не вызвать негативной реакции в Европе и подозрений в экспансионистских намерениях России. Многие деятели славянской культуры именно поэтому не решились приехать в Москву. Все же группа из 81 депутата прибыла в Россию.

158 Материалы по подготовке и проведению выставки были по ее завершении опубликованы: Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 года. М., Университетская типография, 1867 и переиздана к 150-летию выставки: Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд 1867. М., Русская цивилизация, 2017.

Их общение, переговоры, речи на чествованиях в Москве и Петербурге составили ту деятельность, которая получила название Московского славянского съезда. С.А. Никитин, которому принадлежит глубокое и фундаментальное исследование истории Славянского съезда в Москве считал, что по «форме он и не был съездом, а большим и торжественным политическим турне», но тот круг вопросов, который обсуждался в ходе этого турне – славянское единство и взаимность, общеславянский язык, освободительная роль России - дает «право всю совокупность собраний обозначить понятием съезда»¹⁵⁹.

Инициатором организации Всероссийской этнографической выставки стало созданное в 1863-1864 гг. при Московском Императорском университете Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ).

Московский Славянский благотворительный комитет насчитывал в своих рядах немало профессоров университета. И, вполне естественно, что один из них историк-славист Нил Александрович Попов¹⁶⁰ возглавил славянский отдел Распорядительного комитета выставки. На заседании ОЛЕАЭ от 24 ноября 1865 г. ученый обосновал правомерность включения в экспозицию выставки материалов, дающих представление о жизни зарубежных славян. Попов считал, что это будет не сложно сделать, так как многие славянские ученые занимаются этнографией своих народов и могут помочь с экспонатами. Он представил список лиц и организаций, с которыми Обществу нужно было связаться для помощи в организации отдела славянской этнографии¹⁶¹.

159 Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 гг. М., 1960. С.152-159,181.

160 Нил Александрович Попов (1833-1892) – историк-славист, профессор, автор фундаментальных работ по истории Сербии. Активный деятель Московского славянского комитета.

161 Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 года. М., Университетская типография, 1867. С. 20-21.

Всероссийская этнографическая выставка была торжественно открыта в московском Манеже 23 апреля 1867 г. ее почетным председателем, великим князем Владимиром Александровичем. Продолжалась выставка почти два месяца и была закрыта в воскресенье 18 июня.

Три основных отдела выставки включали наряду с российскими и экспонаты, посвященные славянским народам. В первой части выставки были представлены искусно выполненные композиции из одетых в национальные костюмы фигур. Из 400 представленных фигур, 66 составляли западные и южные славяне. Выполненные в натуральную величину искусными художниками, куклы-манекены полностью соответствовали антропологическим особенностям представляемых народов. С этой целью скульпторами были изучены фотографии и рисунки, изображающие все представленные на выставке народы. Западные и южные славяне составляли 66 из 400, выставленных фигур.

Сербский раздел вызывал особый интерес, так как композиционно был выстроен очень выигрышно. Многофигурная сцена представляла слепого серба-гуслара, вокруг которого собрались слушатели, одетые в разные виды сербской национальной одежды.

С 20 апреля по 2 мая в Москве находился император Александр II. 24 апреля он вместе с цесаревичем-наследником и цесаревною осмотрел Всероссийскую этнографическую выставку. Император и его семья также непосредственно участвовали в подготовке выставки – они предоставили экспонаты из своих личных коллекций, в том числе славянские костюмы и украшения¹⁶².

162 О черногорских национальных костюмах царской коллекции см. Хартанович М.В. Исторический аспект этнографического памятника: черногорские костюмы в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук // Рос-

Масштабы выставки, высокая художественная ценность экспонатов, мастерски исполненные манекены, живописные сцены из жизни народов России и славян делали выставку необыкновенно привлекательной и занимательной как в эстетическом, так и научном отношении. Выставка пользовалась чрезвычайной популярностью, за два месяца работы ее посетило около 90 000 человек. Сумма, вырученная от продажи билетов, позволила не только покрыть расходы по ее устройству, но и вернуть меценату В.А. Дашкову предоставленные им 20 000 рублей.

Славянских гостей, прибывших в начале мая в Петербург с нетерпением ожидали в Москве, особенно это касалось единоверных сербов, которые известны были своей борьбой за независимость.

Сербская группа на Московской этнографической выставке была самой представительной и многочисленной из всех приехавших славянских делегаций. Она насчитывала 28 человек, из которых 12 сербов были жителями Сербского княжества, а 16 человек представляли сербов из Австрийской империи. Кроме сербов на выставку прибыли и 2 представителя Черногории, а также 10 человек из хорватских земель и 3 словенца. Таким образом, югославы составляли абсолютное большинство из приехавших на выставку славянских депутатов – 43 человека из 81 участника. На втором месте по численности была чешская делегация, составлявшая 27 человек.

Но, пожалуй, именно сербы являли собой наиболее сложную и запутанную картину национального единения. Сербов разных территорий Австрийской и Османской империй разделяли не только административные границы, но и менталитет, историческое прошлое, особенности выработки национальных программ.

Расходились они и по многим принципиальным вопросам, таким как возможность югославянского объединения и роли России в поддержке южных славян. Фактически, приехавшие сербы представляли собой пять разных регионов проживания: Воеводина, Военная Граница, Далмация, Гражданская Хорватия и Сербское княжество. При этом на выставке не были представлены сербы османских владений, например, Старой Сербии или Боснии и Герцеговины. По-видимому, это было сделано намеренно, чтобы не вызывать подозрений у османских властей об участии России в подготовке восстания на Балканах. Вполне достаточно было для тревоги в Стамбуле и того, что в дни работы выставки, в Белграде находились русские военные специалисты, целью которых было усовершенствование сербской армии.

Сербское княжество было единственным государственным образованием у зарубежных славянских народов, имеющим официальный статус и международное признание. Решение о подготовке было принято на правительственном уровне, и поддержано морально и материально сербским правителем - князем Михаилом Обреновичем. Серьезный и профессиональный подход к подготовке к участию в выставке выгодно отличал сербов от других славян.

Официальное приглашение принять участие в выставке получило и Сербское ученое общество 1 апреля 1866 г.¹⁶³ В Сербии к участию в выставке отнеслись как к серьезно-политическому мероприятию. Был создан специальный подкомитет для подготовки экспонатов к выставке. Отбор и покупка предметов поручались Милану Миличевичу¹⁶⁴ пи-

163 Грађа за биографски речник чланова Друштва српске словесности, - Српског ученог друштва, Српске краљевске академије 1841–1947. Београд. 2007. С. XV-XVII

164 Миличевич оставил подробные воспоминания о подготовке к выставке и участии в ней сербской делегации: Миличевић Милан. Етнографска изложба и словенски састанак у Москви, 1867 // Годишњак Матице

сателю и крупному государственному чиновнику, секретарю Сербского ученого общества Янко Шафарику и художнику Стевану Тодоровичу, который отвечал за изготовление иллюстраций. Финансировать предприятие должно было государство, а личным покровителем стал сербский князь Михаил Обренович. 1 января 1867 г. князь Михаил выделил для организации участия в выставке 200 дукатов, а позже добавил еще столько же.

Австрийским сербам приглашение принять участие в выставке было направлено через Матицу Сербскую в Новый Сад с просьбой отобрать костюмы из Срема, Бачки, Баната и Славонии. Однако негативное отношение к выставке Матицы Сербской привело к тому, что подготовкой к выставке занялись отдельные добровольцы.

23 апреля 1867 г. перед выездом в Москву главу делегации Сербского научного общества Милана Миличевича принял князь Михаил. В соседней зале ожидал аудиенции у князя перед тем как турецкие гарнизоны навсегда покинут Сербию последний их командующий Риза-паша. Это важнейшее для Сербии политическое событие было достигнуто при помощи русской дипломатии и свидетельствовало о последовательности официальной России в деле защиты интересов Сербского княжества.

Миличевич также сообщал, что и князь, и Илия Гарашанин дали им политические напутствия в отношении России, они просили рассказать русским официальным лицам о тех проблемах, с которыми столкнется Сербия в случае войны против Турции. Князь, прежде всего, указывал на слабость нерегулярной сербской армии.

српске, VII, 1885; Миличевич М. Славянские гости у русского царя (14 мая 1867 г.). [Пер. с сербскохорв. Предисл. П. И. Бартенева]// Русский Архив, 1885. Кн. 1, Вып. 4. С. 644-648.

Сербская делегация из княжества состояла формально из четырех человек – три указанных выше члена Сербского Ученого Общества и М. Петрониевич как официальный представитель правительства. Однако, к ней присоединились еще 8 человек: Ковачевич, Владан Джорджевич, Милорад Медакович, Йован Милинкович, Драгутин Петкович, Тома Павлович, Любомир Радивоевич и Антон Немец.

Установить точное число сербов, приехавших в Россию не просто. Список сербской делегации, представленный в российском отчете о выставке и список, приложенный к воспоминаниям Миличевича, различаются. Это объясняется размытостью самого термина «сербы» в то время. Критерии национальной идентификации были не ясны, и порой включали в себя и конфессиональный компонент. Так, в российском отчете о выставке выделены сербы княжества, а сербы из Австро-Венгрии разделены на собственно сербов и на «далматинцев-католиков и жителей хорватской Военной Границы»¹⁶⁵. Таким образом, в списке Миличевича указаны Мато Пуцич, Котур и Мусулин, не попавшие в российский список сербов. Миличевич включил также в свой список и Антона Немца¹⁶⁶, который традиционно в русской историографии причислен к чешской делегации. И хотя принято считать, что сербов было 28, реально сербская группа состояла из 31 человека.

8 мая 1867 г. славянская делегация прибыла в Петербург, который встретил их неожиданными в это время года крупными хлопьями снега и толпами приветствующего их народа. В докладе III отделения императору о встрече славянской

165 Всероссийская этнографическая выставка ... С.142-151.

166 Немец Антон – чех, переселившийся в Сербское княжество, обучал молодых сербских специалистов работе на государственных водяных мельницах. См. Живети у Београду: Документа Управе града Београда. Књ. 3. Београд, 2005. С. 264-265. Это именно его фамилия, контрастирующая с славянским пафосом выставки развеселила недоброжелателей славянского съезда в России см. Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. М., 1960. С. 191.

делегации в Петербурге говорилось: «При многочисленном стечении публики оказано ей большое сочувствие, выражавшееся словами «Слава». От станции железной дороги по пути до гостиницы «Бель-вю» депутация была приветствуема толпами народа¹⁶⁷. Программа пребывания в российской столице была чрезвычайно насыщенной.

В честь славянских представителей устраивались обеды, приемы, концерты. Сербов особенно тронуло исполнение произведений сербского композитора Корнелия Станковича во время церковной службы 10 мая в дворцовой церкви графа Шереметьева. Не менее ярким событием было для них и прозвучавшее на концерте в городской думе 12 мая новое сочинение Н.А. Римского-Корсакова «Сербская фантазия».

Но главными для сербов княжества были встречи с теми, кто мог бы помочь решить Сербии ее политические задачи. 10 мая члены сербской делегации Миличевич, Шафарик, Тодорович, Джорджевич и Полит-Десанчич были приняты директором Азиатского департамента Стремоуховым, который отвел их в кабинет канцлера Горчакова, имевшего с ними продолжительную беседу. Сербы получили надежду на русскую помощь и гарантии денежного займа¹⁶⁸.

14 мая славянские депутаты были приняты императором Александром II. Царь отдельно беседовал с сербской делегацией и осведомился, освобожден ли Белград от турецких гарнизонов. Услышав, что это произошло еще до отъезда сербской делегации, добавил: «Я сделал все, что мог». Биограф Александра II С.С. Татищев пишет, что принимая сербских делегатов и «выслушав приветствия депутации, государь ответил на него следующими словами: «Благодарю вас за ваши добрые желания. Мы сербов всегда считали за своих родных

167 Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф.109 С.А. Оп. 4 а. Д. 413. Л.2.

168 Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. М., 1960. С.198.

братьев, и я надеюсь, что Бог готовит вам в скором времени лучшую будущность. Дай бог, чтобы желания ваши скоро исполнились»¹⁶⁹. Сербская делегация была вполне удовлетворена этим приемом, который укрепил их уверенность в том, что император поддерживает их планы.

15 мая славянские депутаты отправились из Петербурга в Москву¹⁷⁰. На Николаевском вокзале их приветствовали тысячи москвичей. В Москве славяне пробыли с 16 по 27 мая.

Московская программа для славян была не менее напряженной и насыщенной чем в Петербурге. Но здесь больше внимания уделялось посещению исторических памятников, соборов, монастырей и других святынь древней русской столицы. Славяне побывали в Кремле, в Чудовом монастыре, где их принял московский митрополит.

Сербы, также как и другие члены славянской делегации, исповедующие православие воспринимали Москву, не только как древнюю столицу славянского государства, но еще и как духовный центр. Вполне естественным было, поэтому, их воодушевление при посещении московских церквей и монастырей, а особенно во время посещения Троице-Сергеевской Лавры.

Наиболее значимыми для славянских депутатов были встречи с московской общественностью, учеными, представителями делового мира. Собственно эти встречи и составили тот комплекс переговоров, обмена мнениями, выработки пер-

169 Татищев С.С Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С.436.

170 В докладе III отделения императору от 15 мая 1867 г. указывалось: «Славяне сегодня в 5 ч.п[о]п[олу] д[ни] отправились с особым поездом в Москву. Из гостиницы до николаевской железной дороги шли пешком. Несколько публики их провожало, а на дебаркадере собралось человек до 1000, кричали «Ура!», но экстаз далеко был не тот, с которым их встречали. Вообще заметно, что к ним пригляделись, и что они больше всего возбуждали симпатии в распорядителях их приемом // ГАРФ. Ф.109 СА. Оп. 4 а. Д. 413. Л.21-21 об.

спектив межславянских связей, которое и называется теперь Московским Славянским съездом

Москва ошеломила славян своим радушным приемом. Они все говорили об этом и в своих московских выступлениях, и по возвращении домой. Гостеприимство москвичей, хорошая организация, доброжелательность и домашняя, семейная атмосфера контрастировали с парадно-холодным Петербургом и оправдали все ожидания славян.

Но не все было гладко в отношениях славян и их гостеприимных хозяев. Разногласия возникли по ключевым вопросам, связанным с распространением идей славянской взаимности, и доминанты России в этом процессе. Одним из таких спорных вопросов стало предложение, обсуждавшееся на обеде устроенном в честь славянских делегатов Московским императорским университетом, об использовании русского языка как общего и единого для межславянского общения. Борцы за национальную самобытность, и самостоятельную государственность среди славянских гостей решительно выступили против этого предложения. Мотивировали они тем, что богатый литературный русский язык будет угрожать развитию национальных славянских языков. К аргументам, высказанным представителем чешской делегации Ф. Ригером, присоединились и сербы Милан Миличевич и Владан Джорджевич¹⁷¹. Неприятно поразили московских хозяев и выступления славянских гостей, осуждающих русскую политику в польском вопросе. На торжественном обеде в Сокольниках, данном Московской городской думой с пламенной речью в защиту поляков вновь выступил Ригер. Спустя шесть дней в Москву пришло известие об очередном покушении на императора Александра II. В Париже, где русский царь участвовал в открытии Всемирной выставки, в него стрелял поляк Березовский. Естественно, что Ригер в этой ситуации оказался

171 Владану Джорджевичу посвящена аналитическая монография Сузаны-Раич: Рајић С. Владан Ђорђевић: Биографија поузданог обреновићевца. Београд. Завод за уџбенике, 2007.

в довольно сложном положении и, как пишет Миличевич, поспешил покинуть Москву.

Пребывание славянских гостей в России способствовало также и установлению новых научных, культурных и политических контактов зарубежных славян и России. Был налажен обмен книгами, научными статьями и докладами. Члены сербской Омладины нашли в Москве единомышленников среди русских студентов. Их пригласили участвовать во втором съезде Омладины в Белграде в 1868 г.

Было принято решение проводить славянские съезды регулярно, один раз в два года «в наперед установленном месте». Было даже конкретизировано время проведения съездов – с 1 августа по 1 сентября, а также очерчены задачи: «На этих съездах будут подвергаться свободному обсуждению различные вопросы в видах научного, литературного, художественного и вообще нравственного сближения славян»¹⁷².

Очередной съезд было решено провести в Белграде в 1869 г. Это решение было подтверждено и на тайном внеочередном славянском съезде, проведенном в мае 1868 г. в Праге¹⁷³.

В Сербии идея проведения съезда в Белграде была поддержана князем Михаилом и правительством. Однако съезд в Белграде так и не состоялся, причин было не мало, это и убийство князя Михаила, и сдержанная позиция регентов, крушение Балканского союза и, наконец, нежелание провоцировать турецкие власти, все-таки княжество было вассальным и формально подчинялось Порте.

Впечатления от пребывания в Москве были огромными и славяне спешили поделиться ими по возвращении домой. Появилось немало восторженных публикаций, в том числе и в Сербии. К ним относится серия статей Владана Джорджевича,

172 Всероссийская этнографическая выставка ... С.410-411.

173 Харциева Г.Ю. «Тайный Славянский съезд» 1868 г. в Праге // Славянские съезды XIX-XX вв. М.,1994. С. 92-98.

публиковавшихся в газетах «Застава» в Нови-Саде и «Србия» в Белграде. В будущем известный политический деятель, а в то время молодой студент-медик из Вены, Джорджевич был выбран для поездки венской сербской молодежной организацией «Зора» в Москву как представитель Омладины. Его публикации сослужили ему плохую службу. Он уехал в Москву, не поставив в известность Министерство просвещения Сербии, которое направило его на учебу в Вену. За это Джорджевич был лишен государственной стипендии¹⁷⁴. Этот инцидент был не единственным негативным последствием его поездки в Москву, им чрезвычайно заинтересовались австрийские власти. На него было тут же заведено секретное досье, куда были занесены все его выступления и встречи в Москве, а также публикации и контакты в Вене. Фактически, в результате он попал под контроль тайной полиции Австро-Венгрии.

Свои впечатления о выставке сразу после возвращения из Москвы напечатал и Лаза Костич. В воеводинской газете «Застава» с конца июня по август 1867 г. он опубликовал очерки об участии в Московской этнографической выставке под заголовком «Дни и ночи на московской Выставке». В Москву Костич приехал прямо с Парижской всемирной выставки, что позволило ему сравнить два эти мероприятия. С присущим поэту-романтику образным видением ситуации он писал, что Париж собрал со всего мира своих почитателей и поклонников, которых пригласил как гостей к своему праздничному столу. Россия же, по его мнению, собрала свою семью и всех своих домашних, всех своих родственников¹⁷⁵.

Спустя много лет эти два участника выставки вновь обратились к воспоминаниям о ней. В 1910 г. в ответ на антирусские выступления в печати Владана Джорджевича, Лаза Костич вновь обратился к своим впечатлениям о пребывании

174 Рајић Сузана. Владан Ђорђевић. Београд, 2007. С.33.

175 Вулетић Витомир. Руси и Срби у сусрету. Нови Сад, 1995. С.263-269.

в России. Он подчеркнул большое значение выставки для сербов¹⁷⁶.

Появились в сербской печати и откровенно негативные публикации о выставке. Так, Михаил Полит-Десанчич опубликовал в «Заставе» 11 февраля 1868 г. статью «Русские и их немецкие хозяева», полную разочарования и яда, возмущаясь немецким засильем в России. В полемику с ним вступил Лаза Костич в статье «Санкт Петербург и Москва» напечатанной в «Заставе» в марте 1868 г. В ней он показал своим читателем разницу между модернизированным на западный манер Петербургом и славянским, народным, православным центром, каким была Москва. Для понимания этой разницы автор представил широкую панораму русской истории¹⁷⁷.

Выступление в печати Полит-Десанчича не осталось незамеченным в России, ведь в российском отчете о выставке ему давалась развернутая весьма хвалебная характеристика¹⁷⁸. Статьи Полит-Десанчича подверглись критическому разбору в «Современной летописи». Цитировались, в частности, его слова из опубликованной им по возвращении с выставки статьи в пражской газете «Политик»: «Нас упрекают за симпатии к России; но эти симпатии имеют границы: если когда-либо Россия станет угрожать самостоятельности Сербии, она встретит в сербах врагов еще более ожесточенных нежели в поляках»¹⁷⁹. Сербы княжества не были столь категоричны, они понимали, что сербское дело во многом зависит от позиции

176 Костић Л. Из мога живота. Београд, 1988. С. 304.

177 Вулегић Витомир. Руси и Срби у сусрету. Нови Сад, 1995. С.263-269; См. также : Прелог Милан. Др М. Полит и свеславенски конгрес у Москви године. 1867 // Летопис Матице српске. Књ. 313. Нови Сад, 1927.

178 Всероссийская этнографическая выставка...с 144-145.

179 Цит. по: Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. М., 1960. С.245.

России. Это подчеркнул в своих воспоминаниях о выставке М. Миличевич¹⁸⁰.

Вклад сербов в дело организации выставки был высоко оценен. Целый ряд лиц и организаций были отмечены наградами и медалями Общества по организации выставки. Высшей почетной наградой, присуждаемой «лицам не только, обеспечившим успех выставки, но и оказавшим особенное нравственное содействие», был награжден князь Сербии Михаил Обренович. В наградном листе подчеркивалось, что награда вручается за просвещенное содействие предприятию Общества, а также «за назначение 400 дукатов для приобретения этнографических предметов из княжества Сербии и поручение этого дела Белградскому ученому Обществу».

Почетная награда второй категории, которую вручали лицам и организациям «оказавшим особенно важные услуги по устройству выставки и по составлению коллекций» была присуждена Сербскому Ученому Обществу в Белграде «за назначение особого комитета для приобретения в различных местностях Сербии этнографических предметов для выставки и за присылку этой коллекции». Кроме того, были награждены большими серебряными медалями: протопресвитер Урош Милутинович «за составленную им коллекцию костюмов и фотографий из Дольнего Срема и за обстоятельное описание их» и Никола Вукичевич¹⁸¹, директор приготовительной

180 Миличевич Милан. Етнографска изложба и словенски састанак у Москви, 1867 // *Годишњак Матице српске*, VII, 1885; Миличевич М. Славянские гости у русского царя (14 мая 1867 г.). [Пер. с сербскохорв. Предисл. П. И. Бартенева]. – *Русский Архив*. 1885. Кн. 1. Вып. 4. С. 644–648. (Перевод по изд.: Миличевич М. Етнографска изложба и словенски састанак у Москви 1867. Београд, 1884).

181 Вукичевич Никола (1830–1910) – директор учительской школе в Сомборе, организатор школьного дела, автор школьных учебников и издатель педагогического журнала. См. *Југословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског 40–80 године века*. Том II. Књига I. Београд, 1989. С.192–193.

школы народных учителей в городе Сомбор «за составление значительного собрания одеяний и фотографий из сербских округов Венгерского Баната и подробное описание».

Малая серебряная медаль была вручена Милану Миличевичу, первому секретарю министерства народного просвещения Сербии «за принесенные в дар фотографии и за описание сербских одеяний». Бронзовая медаль была присуждена жителю Белграда Милану Симичу «за женское одеяние из Сербии»¹⁸².

4. Братья по вере. Сербское Подворье в Москве

Священник, общественный деятель, дипломат, настоятель в 1842-1884 гг. церкви при российском посольстве в Вене – Михаил Федорович Раевский на протяжении сорока с лишним лет координировал деятельность по развитию и укреплению русско-сербских церковных связей¹⁸³. В своих донесениях и отчетах в Министерство иностранных дел России он давал взвешенную и объективную картину положения православной церкви в Австрийской империи и на Балканах¹⁸⁴.

Обращаясь к характеру русско-сербских отношений в новое время, следует напомнить, что последние сто лет историками нашей страны почти полностью игнорировалась, казалось бы, очевидная истина о значении именно духовного фактора в этих отношениях. Для активных творцов

182 Всероссийская этнографическая выставка ... С.98-110.

183 Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40-80 годы XIX века М., 1975; Югословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевог 40-80 године XIX века. Том II. Књига I. Београд, 1989.

184 Всестороннему изучению роли М.Ф. Раевского в укреплении русско-югославянских связей и отношений посвящена монография: Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., Институт славяноведения РАН, 2011.

русской политики на Балканах православие было не только и не столько инструментом для проведения своей линии во внешней политике, оно было основой их мировоззрения, а его сохранение и защита были одной из главных политических задач. Развал Османской империи никогда не входил в русские планы, однако, защита православия и православных жителей Турции от посягательств на их религиозную свободу всегда была важным пунктом в российско-турецких отношениях. И когда Порта не в состоянии была гарантировать защиты своим подданным-христианам, российское правительство считало нужным вмешаться, в том числе и вооруженным путем.

Русско-сербские церковные связи развивались в середине XIX в. в традициях, заложенных в предшествующие столетия. Это, прежде всего, материальная помощь деньгами, утварью, богослужебными книгами сербским церквям и монастырям. И, конечно же, дипломатическая поддержка, которую оказывал православным подданным султана российский МИД через своего посланника в Константинополе и консулов на Балканах.

Церковная жизнь сербов осложнялась раздробленностью сербского этнического пространства. Сербский народ к началу XIX был разделен не только политически, находясь в составе Османской и Австрийской империй, он подчинялся и разным церковным юрисдикциям. Собственно, речь идет о трех разных церковных территориях. Во-первых, это большая часть сербского населения, находившаяся в составе Османской империи и подчинявшаяся Константинопольской патриархии. Во-вторых, это собственно территория Белградского пашалыка, получившая в 1830 г. статус автономного Сербского княжества. И, наконец, это около полутора миллионов сербов, проживающих на территории Австрийской монархии, церковной главой которых был Карловацкий митрополит (с 1848 г. – патриарх). Кроме этих трех церковных общин, существовали еще и сербские обитатели на Афоне.

Таким образом, русско-сербские церковные связи во многом зависели от политических отношений России с Османской империей и Австрией. В тех случаях, когда возникали политические затруднения, помощь церковной жизни южных славян оказывали российские благотворительные организации.

Монастыри и церкви Старой Сербии, Боснии и Герцеговины других районов нуждались в постоянной поддержке не только политической, но и материальной. Эту поддержку осуществляли как официальные церковные и политические организации Российской империи, так и частные лица. Большую роль в деле налаживания систематической, адресной помощи православным духовным лицам и учреждениям в Османской империи сыграли частные благотворительные организации. Одним из лидеров такого кружка была известная петербургская придворная дама графиня А.Д. Блудова¹⁸⁵. Особенно интенсивной и разнообразной стала деятельность ее благотворительного кружка в Петербурге после назначения на должность настоятеля русской посольской церкви в Вене М. Ф. Раевского. Человек одаренный, начитанный, владеющий языками, он был хорошо осведомлен о ситуации в Австрии и Турции и стал координатором русской помощи балканским славянам. Его обширная переписка свидетельствует о многочисленных контактах с сербскими и русскими общественными и политическими деятелями. Одним из постоянных его адресатов была А.Д. Блудова, которая получала от него информацию, куда и какую следует направить помощь.

После признания автономии Сербского княжества в 1830 г. начинается новый этап по укреплению сербской национальной церкви. В Белграде в 1832 году, под юрисдикцией

185 О деятельности кружка графини А.Д. Блудовой см: Чуркина И.В. К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам //Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII-XX . М.,1987. С.62-75.

Константинопольского Патриархата была учреждена автономная митрополия, получившая в 1879 году автокефалию, признанную Вселенской патриархией.

Сербский митрополит Петр Йованович (1833-1859 гг.) понимал необходимость укрепления национальных церковных кадров. В 1836 г. он основал в Белграде первую семинарию, ставшую центром по подготовке духовенства. В 1846 г. для обучения в Киевскую духовную семинарию приехали шесть сербских учащихся. Среди этих первых русских стипендиатов был и Милое Йованович, ставший впоследствии сербским митрополитом. С именем этого выдающегося церковного и политического деятеля связано развитие и становление сербской богословской литературы, реорганизация церковной структуры, подготовка священнослужителей. После окончания в 1849 г. Киевской духовной семинарии, а затем Киевской духовной академии он в 1853 г. был пострижен в монахи с именем Михаил.

По возвращении на родину в 1854 г. он занял пост епископа Шабацкого, а уже в июле 1859 г. был избран сербским митрополитом. Дважды занимал митрополит Михаил высший церковный пост Сербского княжества: с 1859 по 1881 г., и затем после нескольких лет политической эмиграции с 1889 по 1898 гг. Роль и место митрополита Михаила в укреплении и расширении сербо-русских связей далеко выходят за рамки только церковных отношений. Он активно участвовал в политической борьбе в Сербии, а находясь в вынужденной эмиграции, даже готовил государственный переворот в своей стране¹⁸⁶. Митрополит Михаил был одним из активных деятелей по укреплению русско-сербских духовных связей.

186 Об этом красноречиво свидетельствует переписка митрополита Михаила с лидером сербской политической оппозиции Николой Пашичем, опубликованная А.Л. Шемякиным: Митрополит Михаило и Никола Пашић. Емигрантска преписка (1884-1888). Београд. 2004.

Самыми верными его союзниками на этом поприще были московские славянофилы.

Современный исследователь русско-сербских церковных связей А.А. Поповкин, изучая биографию митрополита Михаила пришел к выводу, что есть основания предполагать, что он встречался со славянофилом, питомцем Оптинских старцев, Иваном Киреевским¹⁸⁷ еще в 1853 г. Познакомившись с этим лидером московского славянофильского круга, митрополит Михаил установил впоследствии прямые контакты и с деятелями Московского славянского комитета, состоял с ними в переписке и даже принимал участие в их заседаниях. Митрополит информировал своих московских корреспондентов также и о состоянии церковных дел у сербов соседней Австро-Венгрии.

Области компактного проживания сербов в Австрии находились под пристальным вниманием М.Ф. Раевского. Он состоял в переписке с церковными иерархами края. Особенно интенсивной эта переписка стала в связи с ситуацией, сложившейся там в ходе революции 1848-49 гг.¹⁸⁸ Территории, населенные сербами стали ареной революционных сражений и многие православные храмы и монастыри были разорены и разрушены венгерскими революционными войсками. За помощью к России обратился избранный на пост патриарха митрополит Раяич. По его просьбе Раевский написал о бедственном положении сербской церкви в Австрии А.Д. Блудовой, а та после переговоров с обер-прокурором Синода

187 Поповкин А.А. Благотворительность митрополита Сербского Михаила (Йовановича) <http://www.rusline.ru> (analitika (2010 (05 (07 (blagotvoritelnost_mitropolita_serbskogo_mihaila_jovanovicha)

188 О сербской православной церкви Воеводины см.: Достян И.С., Карасев А.В. Православная церковь и складывание сербской нации // Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. С. 185-188.

графом Протасовым посоветовала патриарху обратиться к русскому правительству¹⁸⁹.

Раячич направил с просьбой о помощи в восстановлении разрушенных храмов русскому императору Николаю I письмо, опубликованное вскоре в «Северной пчеле»¹⁹⁰. Эта публикация, также как и цикл статей М.Ф. Раевского о бедственном положении сербов Австрии, появившейся в 1848-49 гг. на страницах «Северной Пчелы», способствовали решению русского Святейшего Синода разрешить в течение года собирать пожертвования в русских церквях в пользу сербов. Наряду с этим и кружок графини А.Д. Блудовой начал активную работу по сбору пожертвований. На собранные ими средства удалось восстановить и снабдить церковной утварью и богослужебными книгами более сотни церквей и несколько народных школ¹⁹¹. Сербский патриарх Раячич высоко оценил эту помощь России воеводинским церквям¹⁹².

Деятельность митрополита Михаила и лидеров славянских комитетов шла по трем главным направлениям:

Первым направлением стала подготовка будущих кадров священнослужителей и преподавателей духовных и училищ и церковноприходских школ, как в княжестве, так и в целом в османской части сербского языкового ареала. Славянофилы давно размышляли над тем, как помочь сербам в восстановлении традиций духовной жизни.

189 Письма графини Блудовой и М.Ф. Раевскому по вопросу помощи воеводинским церквям и монастырям см : Југословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског 40-80 године XIX века. Том II. Књига I. Београд, 1989. С.43-96., а также: Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40-80 годы XIX века. М., 1975. С. 47-53.

190 Там же. С 63.

191 Там же. С. 64.

192 Москва – Србија, Београд – Русија = Москва- Сербия, Белград- Россия документа и материјали=сборник документов и материалов. Том 2=Т.2. Друштвене и политичке везе 1804-1878= Обществено-политические связи 1804-1878 гг Београд –Москва (Белград–Москва. 2011. С.201-203.

Стихийный, «домашний» характер сербского православия был хорошо известен в России, неоднократно являлся предметом анализа в славянофильских (и не только) изданиях. Вполне закономерной явилась идея, рожденная в кругах московской профессуры – организовать подготовку грамотных, хорошо образованных женщин, будущих матерей семейств. Для девочек из южнославянских земель уже существовал южнославянский пансион, но его работа была непродуктивной. Решено было создать два училища одно при Фундуклеевской гимназии в Киеве, и другое при Московском Алексеевском монастыре. Собственно последнее и стало предметом особой заботы московского славянского комитета. Обширная переписка Нила Попова, митрополита Михаила и настоятельницы монастыря матушки Антонии свидетельствует о необыкновенно серьезном подходе к делу. Это касалось не только подбора собственно кадров учащихся, но и, прежде всего учителей. К созданию училища было привлечено и Министерство иностранных дел. Н.А. Попов регулярно сообщал о состоянии дел в Азиатский департамент, откуда поступали средства на обучение славянских девиц. Девочек обучали не только закону божьему, правописанию, но и геометрии, физике, пению, рисованию. Особое внимание уделялось изучению родного, сербского языка. Лучшая из воспитанниц – Екатерина Стойкович и сама преподавала в пансионе. В сербской литературе есть свидетельства о судьбах других воспитанниц пансиона. На родине они занимались по преимуществу педагогической работой.

Важнейшая роль отводилась, конечно, собственно сербским церковным иерархам. Они как пастыри своего народа, должны были соответствовать этой высокой миссии. Конечно, это в идеале, но и в России не всегда можно было найти абсолютно безупречных служителей церкви. Русское правительство уделяло большое внимание поддержке православия в сербских землях и, в первую очередь, способствовало

подготовке кадров священнослужителей. С начала 40-х гг. XIX в. сербские студенты прибывают Россию чтобы получить образование в духовных семинариях и академиях. Обучение осуществлялось за счет российской стороны. По возвращении домой русские выпускники активно участвовали в сербской церковной, политической и культурной жизни. Большая часть из них становилась священнослужителями, многие достигли епископских и митрополичьих постов. Другие поступали на государственную службу, где остро ощущалась нехватка в образованных людях. Так, например, выпускник Киевской духовной академии Алимпие Васильевич, долгие годы занимал пост министра просвещения Сербского княжества. Министерство иностранных дел России внимательно следило как за судьбой выпускников русских учебных духовных заведений, так и в целом за состоянием церковной жизни в Сербии. Об этом свидетельствуют письма и донесения российских консулов в Белграде. Российское руководство рассчитывало, что подготовленные в России священнослужители будут способствовать как укреплению православия на сербских землях, так и развитию русско-сербских связей¹⁹³.

Второе направление деятельности Московского славянского комитета - всесторонняя материальная помощь православным церквям на Балканах и церковноприходским школам, в том числе и строительство новых храмов.

Славянский комитет активно собирал частные пожертвования чтобы «доставлять южным славянам денежные средства на пользу церквей, училищ и других истинно полезных учреждений», «доставлять им пособия книгами, утварью, всем тем, что может способствовать к поддержанию православия, в отношении к церквям и училищам», и, «наконец, вспомо-

193 Пилипович Радован. Сербь в богословских учебных заведениях России во второй половине XIX века - мнение царского дипломата // Русский сборник. Т. XIV, М., 2013. С. 95-152.

ществовать в Москве молодым славянам, приезжающим для образования»¹⁹⁴.

Результатом этой деятельности стало строительство нескольких новых храмов в Южной Сербии (Ниш) и в Боснии, а также помощь в ремонте монастырей и церквей. Повседневная церковная жизнь требует больших вложений для покупки богослужебных книг, церковной утвари, облачения. Эта работа также активно осуществлялась Московским комитетом вместе с Св. Синодом и Азиатским департаментом МИДа. Особое место здесь принадлежало и частным лицам – жертвователям, в основном из числа купечества¹⁹⁵.

С созданием в 1858 г. Московского славянского благотворительного комитета основным центром по сбору пожертвований в пользу сербских православных монастырей и церквей стала Москва, а Петербургское общество во главе с А.Д. Блудовой вскоре закрылось. Московский славянский комитет разработал специальную программу помощи православному населению Османской империи, и, в первую очередь, школам при церквях и монастырях. Большую поддержку в этом оказывали комитету русские дипломатические представители на Балканах. Особенно активно сотрудничали с Московским славянским комитетом русские консулы в Сараево¹⁹⁶.

Третье направление в деятельности Московского славянского комитета в деле укрепления позиций сербской церкви – было открытие Сербского Подворья в Москве¹⁹⁷.

194 Краткий отчет о десятилетней деятельности (1858 – 1868 гг.) Славянского благотворительного Комитета в Москве, составленный секретарем его Н.А. Поповым. М., 1868. С. 2-3.

195 Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856-1875 гг. М., Индрик, 2019. С.207-294.

196 Хевролина В.М. Православная церковь в Боснии и Герцеговине в 50-70-х годах XIX в. и Россия // Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С.195 - 205.

197 Кузьмичева Л.В. Открытие Сербского Подворья в Москве в 70-е гг. XIX века // Историки-слависты МГУ: Кн. 8: Славянский мир: в поисках

Благодаря активному сотрудничеству митрополита Михаила с деятелями Московского славянского комитета удалось решить один из самых важных и сложных вопросов русско-сербских церковных связей – открыть в 1874 г. в Москве постоянное представительство сербской церкви – Сербское Подворье.¹⁹⁸

В подготовке открытия Подворья активно участвовало и Российское министерство иностранных дел. Именно оно через своих представителей в Сербии проверяло благонадежность кандидатов на пост настоятеля Подворья. Критерием благонадежности служила политическая деятельность сербских священнослужителей. И здесь совпали мнения Св. Синода, МИДа и Московского славянского комитета. Либеральное умонастроение сербского священства, в том числе и самого митрополита Михаила, активного члена Либеральной партии Сербии, вызывало в России серьезные опасения относительно будущего сербской церкви.

Идея открытия Подворья принадлежала с российской стороны Николаю Николаевичу Дурново, а с сербской митрополиту Михаилу. Обе эти фигуры, знаковые в становлении и развитии русско-сербских общественных, политических и духовных связей, встретились в 1869 г. в Москве и приняли решение ходатайствовать об открытии подворья. Задача была непростой, так как еще не было случая, чтобы открывалось иностранное подворье не в ранге Патриархии.

идентичности М., 2011. С. 301-313; Пузовић Предраг. Подворје српске цркве у Москви // Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века: међународни научни скуп, 23-25. септембар 2010. Београд, САНУ. 2011. С.77-93.

198 Москва – Србија, Београд – Русија = Москва-Сербия, Белград-Россия документа и материјали=сборник докумената и материјалов. Том 2=Т.2. Друштвене и политичке везе 1804-1878= Обществено-политически вези 1804-1878. г. Београд-Москва (Белград-Москва). 2011.С.282-323.

Подворье должно было, по мнению членов Славянского комитета, служить делу политического объединения сербского народа и создания автокефальной сербской церкви. Об этом прямо пишет в своей записке об открытии Подворья Н.Н. Дурново: «Сербское Подворье должно зависеть от митрополита княжества Сербии; до тех пор, покуда все сербы не соединятся в одно государство, тогда Подворье будет зависеть от Сербского патриарха»¹⁹⁹.

Подворье должно было стать также центром по сбору пожертвований, поступающих от различных учреждений и частных лиц Российской империи в пользу не только православных храмов, но и бедствующего славянского населения Османской империи. Оно также должно было вести учет всех учащихся, прибывших из сербских земель в Россию, оказывать им материальную поддержку и помогать в случае возникновения каких-либо трудностей.

Организационная и подготовительная работа продолжалась более пяти лет, в течение которых сербской и российской стороне пришлось преодолеть немало трудностей. Открытию Подворья препятствовали несколько факторов.

Во-первых, формально сербская церковь не была автокефальной, а подчинялась Константинопольской патриархии, чье Подворье в Москве уже существовало.

Во-вторых, возникли и объективные трудности, связанные с подысканием храма и оплатой расходов по компенсации его бывшим владельцам. Поиски подходящего здания и улаживание формальностей с московскими светскими и духовными властями растянулись до конца 60-х гг. XIX в. Хлопоты эти, как, впрочем, и дальнейшее решение всех проблем Подворья, взял на себя Московский славянский благотворительный комитет и, в первую очередь, его секретарь Н.А. Попов и де-

199 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1750. Оп. 1. Д. 43. Л. 29 об.

ятельный член Н.Н. Дурново. Роль последнего была особенно значимой, о чем и сообщил его современник протосингел Платон²⁰⁰, автор первой истории Сербского Подворья в Москве.

В 1869 г. Москву посетил митрополит Михаил, прибывший в Россию для участия в праздновании 50-летия Киевской духовной академии. Во время этого визита и была выработана программа совместных действий Московского славянского комитета и сербской стороны по открытию Подворья в Москве.

Подворье сербской церкви призвано было осуществлять многогранную деятельность по укреплению и развитию русско-сербских связей. Особенно актуальна роль этого учреждения была в период до получения Сербией независимости в 1878 г. Если Российская империя в Сербии была представлена открывшемся в 1838 г. консульством, то представительства Сербского княжества, находящегося в вассальной зависимости от Османской империи, в России не было. Для решения насущных проблем сербское правительство вынуждено было всякий раз направлять специальные миссии, не имеющие дипломатического статуса. Таким образом, Подворье фактически в первую очередь являлось первым официальным представительством Сербии в России. Но все же, главная работа Подворья лежала в области церковных, культурных и

200 Платон (в миру Миливое Йованович) (1874-1941) – протосингел, сербский выпускник Московской духовной академии, профессор Ягодинской учительской семинарии. По рекомендации митрополита Михаила подвизался на Сербском подворье в качестве иеромонаха. Книга «Сербское Подворье в Москве» была написана им в 1898 г. на сербском языке во время учебы в Москве, по случаю 25-летия открытия Подворья. В 1902 г. увидел свет русский перевод сочинения Платона. После его мученической кончины в годы Второй мировой войны он был прославлен сербской церковью в качестве священномученика Платона епископа Банялужского. См. о нем: Дурковић-Јакшић Љ. Платон Јовановић епископ бањалучки. Крагујевац, 1986; Йович Платон, иеромонах. Священномученик Платон (Йованович) Епископ Банялужский. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия. Сергиев Посад, 2008.

научных связей России и Сербии. Московские славянофилы стали хлопотать о передаче Сербскому Подворью пустующей церкви Кира и Иоанна на Солянке и принадлежащих ей территории и построек. Эта церковь, известная с XVII в., была перестроена в 1765-1768 гг. Церковь знала славные времена расцвета и благополучия, но жестоко пострадала в войну 1812 года. Разрушенный и ограбленный в годы наполеоновского нашествия храм, так и не смог вернуть былого значения.

3 июня 1871 г. в Московском славянском комитете были получены сведения из Петербурга о том, что Св. Синод принял положительное решение об открытии в Москве Сербского Подворья. Теперь следовало согласовать этот вопрос с российским внешнеполитическим ведомством. Лишь спустя год, 2 июня 1872 г. Азиатский департамент Министерства иностранных дел России через своего консула в Белграде Н.П. Шишкина сообщил митрополиту Михаилу о разрешении открыть Подворье. Однако решение двух важных вопросов затянули открытие Подворья еще более чем на два года.

Первый вопрос был связан с урегулированием с московскими духовными властями вопроса о передаче Сербскому Подворью церкви Кира и Иоанна на Солянке и принадлежащих ей территории и построек. Вопрос о выкупе церкви Кира и Иоанна и ее территории был решен благополучно после того, как в 1872 г. сербское правительство выделило на эти цели 10 тыс. рублей.

14 мая 1873 г. с одобрения императора Александра II был издан указ Св. Синода об открытии Сербского Подворья. В нем, в частности, говорилось: «Святейший Синод, приняв во внимание, что сербская православная митрополия по своему положению в княжестве несамостоятельном и расположенном между мусульманским населением, заслуживает оказания помощи со стороны единой верной ей Российской церкви, признал возможным допустить учреждение в Москве Подворья для означенной митрополии *не в пример другим*

заграничным православным учреждениям»²⁰¹. Тем самым подчеркивалась исключительность такого шага, и нежелание Св. Синода сделать его прецедентом. В июне 1873 г. московское епархиальное начальство определило порядок совершения сделки по передаче церкви Кира и Иоанна сербской стороне.

Вторым сложным вопросом, затянувшим официальное открытие Подворья, стало утверждение кандидатуры его настоятеля²⁰². Российское Министерство иностранных дел, озабоченное распространением революционных и либеральных идей в Сербском княжестве, в том числе и среди духовенства, решительно отказало во въезде в Россию предложенному митрополитом Михаилом кандидату архимандриту Нестору²⁰³, обвиненному русским консулом в Белграде Н.П. Шишкиным в «либеральном умонастроении»²⁰⁴. Архимандрит Нестор (Попович) любимый ученик митрополита Михаила окончил Киевскую духовную академию. Этот прекрасный знаток догматики и богословия, известный публицист, четыре года обучавший богословской науке сербского князя Милана Обреновича, характеризовался русскими дипломатами крайне негативно. Однако позднее, после его скоропостижной смерти в 1884 г., российский МИД занес его в список самых талантливых выпускников русских духовных учреждений²⁰⁵.

201 Цит. по : [Синкел Платон] Сербское Подворье в Москве. (Краткий исторический очерк). Составил Синкел Платон. М., 1902. С. 12-13.

202 Кузьмичева Л.В. Сербское подворье в Москве в последней четверти XIX — начале XX вв. Проблема подбора кадров // Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. М., Институт славяноведения РАН, 2018. С.172-185.

203 Нестор – (Николай Попович) – (1833 -1884). Обучался в Киевской Духовной академии, с 1863 г. был профессором, а затем ректором Белградской семинарии. В 1883-84 гг. - епископ Нишской епархии.

204 ОР РГБ. Ф.239. П.13. Д.47.Л. 23-23 об.

205 Пилипович Р. Сербы в богословских учебных заведениях России во второй половине XIX века – мнение царского дипломата // Русский сборник: исследования по истории России. Том XIV. М., 2013. С. 115.

Открытие Подворья осложнялось сомнениями российского МИД в политических взглядах и самого митрополита Михаила. Его принадлежность к либеральной партии, контакты с Омладиной и другими оппозиционными правительству кругами с подозрением воспринимались в Петербурге. Российские консулы в Белграде Н.П. Шишкин и А.Н. Карцов давали крайне нелицеприятные характеристики как деятельности самого митрополита, так и его окружения. Именно поэтому почти на год растянулось утверждение кандидатуры на пост настоятеля Подворья. И, хотя, предполагалось, что «Подворьем управляет архимандрит, назначаемый из Сербии, из лиц знакомых с русским языком», на деле оказалось, что последнее слово все-таки за российской стороной и прежде всего за Азиатским департаментом Министерства иностранных дел.

Ответственность за нравственное состояние сербского духовенства консул Карцов возлагал на митрополита Михаила: «Не менее пагубно отразилось вредное направление главы сербской церкви на духовенстве белом. Правда, что его распущенность и безнравственность не достигли еще тех пределов как среди монашествующих, но, следуя примеру своего владыки, священники более занимаются борьбою внутренних политических партий, чем отправлением духовных треб прихожан, в которых вследствие этого все глубже и глубже укореняются чувства неуважения к своему духовенству, вместе с полным к вере и церкви равнодушием»²⁰⁶.

Еще в июле 1869 г. глава русского генерального консульства в Сербии А.С. Троянский, извещая МИД о нравственном состоянии сербского клира, тесно связывал этот вопрос с политической перспективой объединения сербского народа: «... в княжестве Сербии, где, насколько мне известно, православию находится, к крайнему сожалению, в большом упадке и

206 Уједињена Омладина Српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. Нови Сад, 1977. С. 351

где пастыри церкви, постоянные посетители кофеен и гостиниц, занимаются преимущественно решением всевозможных политических вопросов, оставляя в стороне вопросы веры и ни мало не заботясь о просвещении народа в духе чистого православного учения. С упадком же религии, служащей связующим и объединяющим южнославянские племена началом, естественно должен подвергнуться сомнению самый вопрос о их политическом существовании»²⁰⁷.

Об этом же пишет русский консул в Белграде Н.П. Шишкин, которого митрополит Михаил обвинял в том, что он из личной неприязни очернил архимандрита Нестора в глазах русского правительства и «успел представить человеком безнравственным и вольнодумцем, между тем как он монах самый смиренный и поведения безукоризненного»²⁰⁸.

Н.П. Шишкин, вернувшись в июне 1873 г. после почти годового отсутствия в Белград, встретился с митрополитом Михаилом и вновь убедился в его политической активности, связанной с поддержкой культурно-политической организации сербов Омладины, считавшейся в российском министерстве иностранных дел революционно настроенной и именовавшейся Шишкиным «красной». Российский консул сообщал в Петербург: «Митрополит до того увлекся своими связями с Омладиною и преследуемыми ею происками, что занимается исключительно политическими соображениями. Все три правительства, составившиеся одно за другим в течение моего здесь 10-летнего пребывания, видели высокопреосвященного в рядах оппозиции; митрополия сделалась сборным местом недовольных и еще недавно, когда образовывалось министерство после смерти генерала Блазнаваца, князь Милан имел в руках список министров, составленный в доме его высокопреосвященства, и в присутствии своих приближенных

207 Там же. С.111.

208 Там же. С.350.

выразился, что покровительство митрополита в его глазах есть ручательство полной неблагонадежности»²⁰⁹.

Заменявший Шишкина А.Н. Церетелев в своих донесениях также критически характеризовал деятельность митрополита Михаила и не выдал Нестору разрешения на въезд в Россию. Митрополиту Михаилу пришлось искать другого кандидата. Им стал архимандрит монастыря в Горняке (Белградская митрополия) Савва (Грбович) (1825?–1880), который возглавил Подворье в мае 1874 г.²¹⁰ и оставался на этом посту до самой смерти.

Подворье было торжественно освящено 30 ноября 1874 г. и вело активную деятельность по сбору пожертвований для православных церквей Боснии, Герцеговины, Старой Сербии и Далмации. В годы Великого восточного кризиса 1875-1878 гг., когда вся Россия была охвачена сочувствием к балканским славянам и их борьбе за независимость, Сербское Подворье стало важнейшим центром в деле организации помощи Сербии и Черногории.

Охлаждение русско-сербских отношений в начале 1880-х гг. и фактическое изгнание королем Миланом из Сербии митрополита Михаила отразилось и на судьбе Подворья. В 1883 г. Подворье было временно закрыто. Исследовательница истории сербской православной церкви в 1878-1920 гг. Ю.А. Колиненко так характеризует сложившуюся ситуацию: «Продолжение затянувшегося конфликта Сербии и России было перенесено на русскую почву. Жертвой очередной разыгранной партии пало сербское подворье в Москве, закрытие которого было «асимметричным» ответом уязвленных действиями Белграда русских властей»²¹¹.

209 Там же. С.326.

210 ОР РГБ. Ф. 239. П. 8. Д. 32. Л. 15-16.

211 Колиненко Ю.В. Сербская православная церковь в 1878–1920 гг.: национальная идеология и политическая практика. М., 2016. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. С. 169.

В 1889 г., в связи с изменившимися политическими обстоятельствами в Сербии и отъездом из страны короля Милана, отказавшегося от престола в пользу сына, митрополит вернулся в Сербию, а Подворьем до мая 1891 г. продолжал управлять архимандрит Иоанникий.

Закрыто Подворье было в 1918 г., а 25 марта 1919 г. Югославянский совет рабочих и крестьянских депутатов²¹² направил письмо в НКВД РСФСР о взятии им в свое ведение домов, принадлежащих Сербскому государству, заявив, что «берет с сегодняшнего дня в свои руки все дела, касающиеся домов 4/б и б по Солянке (Сербское подворье), принадлежавших Сербскому (в настоящее время объединенному югославянскому государству), предварительно опечатав бывшее помещение архимандрита Михаила и назначив управляющего делами т. Ольрома управляющим означенных домов»²¹³. Революционному Югославянскому совету оказалась близкой революционная атеистическая пропаганда в новой России, объявившей войну церкви и ее институтам²¹⁴.

212 Югославянский совет рабочих и крестьянских депутатов (по другим документам Югославянский совет рабочих и солдатских депутатов) образован в Москве 20 марта 1919 г. В принятой на собрании резолюции отмечалось, что избранному Советом Исполнительному комитету (Президиуму) поручается взять в свое управление все дома, принадлежавшие сербскому государству и югославянской буржуазии; доходы от них направлять в фонд, из которого черпают поддержку революционная пропаганда в Югославии; взять в свои руки ведение и управление сербским консульством. Подробнее см. И.Д. Очак. Югославянские советы в России в 1918 - 1921 годах // Вопросы истории, № 6, Июнь 1966, С. 44-55.

213 Москва-Сербия. Белград-Россия. Т. 4: Русско-сербские отношения. 1917-1945 гг. Белград-М., 2017. С. 248-249, С. 368.

214 Храм св. Кира и Иоанна был разрушен в 1933 г. Сейчас на его месте остался лишь перестроенный приходской дом (Солянка, 4). Восстановлено Сербское подворье в Москве лишь в 2001 г., но уже на территории другого храма, хотя и неподалеку от прежнего места.

Итак, московские славянофилы не только хорошо знали состояние церковной жизни на сербских землях и знакомили с ним через свои периодические издания широкую общественность. Они занимали деятельную позицию по укреплению позиций православия в Сербском княжестве и в целом среди славянского населения Балкан, используя для этого целый арсенал средств. Это и материальная помощь православным храмам на Балканах, и формирование новых, хорошо образованных кадров сербского духовенства. Лучшие умы московских славянофилов А.С. Хомяков, И.С. Аксаков, А.Ф. Гильфердинг, Н.А. Попов в своих богословских, исторических и публицистических трудах предлагали планы совершенствования сербских церковных институтов, программу нравственного и духовного воспитания сербского народа. В Сербии их предложения встречались неоднозначно, были и ярые противники русского вмешательства в строительство нового сербского государства. Но усилия московских славянофилов не пропали даром, они способствовали формированию в сербской православной церкви нового образованного слоя священников и монашествующих, среди которых просияли впоследствии имена светочей православия Николая Велимировича и Иустина Поповича.

Российские общественные деятели, и в первую очередь славянофилы внесли большой вклад в пропаганду славянского дела. Сербский историк С. Терзић полагает, что хотя они и способствовали углублению интереса российского общества к сербам и остальным славянам, но «все же не обладали решающим влиянием на русское общество», а также «не имели реального представления о сложном и очень хрупком политическом положении Сербии и сербских земель»²¹⁵. Пред-

215 Терзић С. Срби у политичко-културним концепцијама руских словенофила (шездесете - седамдесете године XIX века) // Зборник Матице Српске за историју. 102 (2/2020). С.98-99.

ставляется все же, что в славянофильских кругах и объем знаний и представлений о Сербии и ее народе, а также масштаб распространения ими этой информации в российском обществе был весьма значительным, но у них не было ясного понимания того каким путем должны решаться политические задачи Сербии. Об этом, в частности, свидетельствовало и знаменитое «Послание» к сербам. При этом необходимо отметить, что руководство славянских комитетов обладало порой значительно большим авторитетом в сербских церковных и политических кругах, нежели официальные представители российского министерства иностранных дел. Об этом красноречиво свидетельствует история с открытием Сербского Подворья в Москве.

Итак, к началу 1870-х гг. российская общественность уже не только была хорошо осведомлена об истории и настоящем положении Сербии, но и оказывала благотворительную помощь братскому народу. Крепли и личные связи политиков, ученых и общественных деятелей двух стран. Российская пресса регулярно помещала материалы о сербской жизни. Поэтому, когда грянула гроза 1875-76 гг. русское общество, уже хорошо знакомое с задачами освобождения южных славян, откликнулось сразу же и в разных формах, от сбора пожертвований до отправки добровольцев.

Глава II.

Тревожный год (июль 1875 - июнь 1876 гг.)

1. Был ли Йован Ристич русофилом или русофобом

Одним из первых сербских политических деятелей твердо уверовавших в необходимость модернизации княжества и был «творец» сербской истории и одновременно ее исследователь Йован Ристич (1831-1899 гг.). В анализируемых событиях Великого восточного кризиса он играл настолько значимую и весомую роль, что необходимо дать ему характеристику. Тем более, что в российских политических кругах он имел не лучшую репутацию русофоба, а многие современники в Сербии считали его последовательным русофилом. Итог этим суждениям подвел российский император Александр III, заявивший о Ристиче в период охлаждения русско-сербских отношений в начале 80-х гг. XIX в.: «Он не враг России, но фальшивый партизан русский»²¹⁶. Тем самым русский царь хотел сказать о том, что Ристич не всегда был последователен в деле консультаций с Россией. Но, наверное, точнее было бы сказать, что Ристич был подлинным патриотом своей страны, искавшим выгоды для нее и в лавировании между великими державами.

Можно с уверенностью сказать, что ни одно политическое событие в Сербии 60-90-х гг. XIX в. не обошлось без прямого и непосредственного участия Йована Ристича. Он руководил сербской внешней политикой, добываясь призна-

216 АВПРИ. Ф. ПА. Д. 433. ЛЛ. 3-3об.

ния и понимания великими державами сербских интересов, был лидером им же созданной либеральной партии Сербии, неоднократно возглавлял правительство, участвовал в разработке и принятии двух сербские конституций (1869 и 1888 гг.) Крестьянский сын, получивший отличное европейское образование, он с рачительностью и основательностью настоящего хозяина использовал все свои знания и способности на пользу делу, которое исполнял.

По образованию Ристич был историком, и своим коллегам-историкам он оставил серьезные аналитические разборы современной ему политической истории, в которой он был одним из главных действующих лиц. Йован Ристич оказал настолько сильное воздействие на формирование всей модели сербского государства второй половины XIX в., что конечно же, не мог быть обойден вниманием тех, кто занимался сербской историей 19 века²¹⁷. В 2004 г. увидела свет книга о Йоване Ристиче американского историка Д. Маккензи²¹⁸. О сложности поставленной задачи, говорит то, что Д. Маккензи, как он сообщил в интервью сербским журналистам, начал готовиться к работе над этой книгой ровно пятьдесят лет назад²¹⁹. В 2020 г. сербский исследователь Даниэл Радович защитил весьма обстоятельную и новаторскую докторскую диссертацию «Йован Ристич. Биография государственного деятеля»²²⁰.

217 В связи с 150-летием со дня рождения Й. Ристича в Белграде в 1981 году была проведена научная конференция, результатом которой стал сборник трудов: Живот и рад Јована Ристића// Српска Академија наука и уметности. Научни скупови. Књ. XXV. Председништво. Књ. 5. Београд, 1985.

218 Mekenzi D. Jovan Ristić – evropski državnik. Beograd. 2004.

219 Дејвид Мекензи. Историчар. Круна српске дипломатије// НИН. 16.06.2005. С.36-37.

220 Радовић Д. Јован Ристић. Биографија државника. Докторска дисертација одбрањена на Филозофском факултету Универзитета у Београду, 2020.

Йован Ристич был отправлен за казенный счет в конце 40-х годов в числе нескольких десятков таких же юношей на учебу в Европу. В Берлине он прослушал курс лекций основателя немецкой историографической школы дипломатии Леопольда Ранке. Школа Ранке стала для Ристича основой его научной и практической деятельности. И как Ранке-историк стал творцом идеи Германской империи, так Ристич-историк работал над реализацией идеи воссоздания мощного сербского государства. В 1852 году он получил степень доктора философии в Гейдельбергском университете и отправился в Париж, где овладел необходимым для дипломата французским языком, а также занимался историческими изысканиями в парижских библиотеках. Он вернулся на родину в 1854 г. Мечтой его было занять кафедру истории²²¹, но пришлось стать правительственным чиновником. Он мечтал стать хорошим историком и специализироваться по дипломатической истории, а стал хорошим чиновником, который творил историю дипломатии.

Политическая карьера Ристича стала одной из самых значимых и плодотворных в сербской истории XIX в. Он неоднократно возглавлял сербское правительство, несколько раз был министром иностранных дел, дважды регентом при малолетних Обреновичах. При его непосредственном участии Сербия осуществила главные и решительные действия на пути к обретению статуса независимого государства. Так, в 1867 г. после пятилетних дипломатических усилий Ристича и при помощи России удалось добиться вывода с территории вассального сербского княжества всех турецких солдат. И, хотя формально княжество продолжало подчиняться султану и платить ему дань, этот акт был важнейшим шагом на пути к независимости.

221 Јовановић Слободан. Јован Ристић - писац и историчар// Јован Ристић. Историски списи. Београд. 1940. Предговор. С.7.

В 1869 г. была принята сербская конституция, разработанная при непосредственном участии Ристича и его единомышленников. Она получила название либеральной конституции и декларировала широкие права сербских органов государственного управления, в первую очередь скупщины (парламента). Предшествующая конституция была дарована Сербии султаном в 1839 г., называлась «Турецкой конституцией», что подчеркивало контроль Порты за внутренней сербской жизнью. Теперь удалось от этого контроля избавиться²²². Конституция 1869 г. действовала дольше всех сербских конституций – с перерывами – 26 лет²²³.

И, наконец, решающий шаг и главное дело его жизни – организация вооруженной борьбы за независимость Сербии. Война вассального княжества Сербии против своего сюзерена – Османской Турции, началась в июне 1876 г. и закончилась уже в ходе русско-турецкой войны 1877-78 гг. решениями Берлинского конгресса. Война обескровила Сербское княжество, но ее итогом была политическая независимость.

Для Ристича, достижение этой цели было связано с необходимостью добиваться поначалу независимости княжества и его юридического статуса субъекта международного права. На протяжении почти двадцати лет своей дипломатической деятельности Ристич ощущал все тяготы политической зависимости автономного сербского княжества. Он сделал все, что было в его силах, для достижения политической независимости Сербии. Наградой ему стали обвинения и упреки во всех слоях общества. До конца жизни ему приходилось оправдываться и извиняться за мелкие просчеты и за крупные

222 См. Љушић Радош. Јован Ристић и уставно питање 1869. године // Живот и рад Јована Ристића. Београд, 1985. С.191-213.

223 Popović-Obradović Olga. Ideja i praksa ustavnosti u Srbiji 1869-1914: između liberalne i «narodne» države// Rusija, Srbija, Crna Gora. Beograd. 2000. S.28.

стратегические ошибки, совершенные в годы борьбы Сербии за независимость.

Последние годы его политической карьеры прошли в письменной и устной полемике со своими политически противниками. Среди них особую активность проявляли лидеры напредняцкой (прогрессистской) партии Милутин Гарашанин и Милан Пирочанац. Оппоненты подвергли уничижительной критике усилия Ристича на дипломатическом поприще, полагая что его деятельность была цепью ошибок, не принесших Сербии реальных выгод. Ристич ответил сразу несколькими серьезно документированными статьями и книгами, в которых он убедительно аргументировал каждый свой шаг на внешнеполитическом поприще – от вывода турецких гарнизонов в 1867 г. до начала сербо-турецкой войны 1876 г.

Особый ответ ему пришлось держать за свое так называемое «русофильство». Хотя в это самое его русофильство не верили даже в России²²⁴. Но вместе с тем он был решительным противником охлаждения отношений с Россией, реально оценивая современную ему политическую ситуацию. Ристич обладал огромным дипломатическим практическим опытом, ему были хорошо известны возможности России как на международной арене в целом, так и в балканских делах в частности.

Антирусские выпады напредняков подвергались едкой критике в газете «Српска независност», органе либеральной партии, авторство многих статей в которой, как можно предположить, принадлежит самому Ристичу. Так в статье под убийственно ироничным названием «Состояние напряженности между Россией и Милутином Гарашининым» (февраль 1888 г.) говорится, что Гарашанин полагает, будто именно его грозные выпады так напугали Россию, что она поспешно

224 Кузьмичева Л.В. «Фальшивый партизан русский». Йован Ристич и обретение Сербией независимости// Родина. 2003. № 10. С.70-74.

вооружается, передислоцирует войска и собирается заключить военный союз с Англией и Францией²²⁵.

Ристич в целой серии своих работ вынужден был объяснять оппонентам, почему Сербия не решилась на самостоятельную борьбу с Турцией, а просила вмешательства в том числе и военного, России. Милутин Гарашанин обвинял Ристича в том, что Сербия свернула с верного пути в 60-е годы «покорно привязав все будущее Сербии к русскому государственному кораблю»²²⁶. В ответ на это Ристич в очередной раз совершенно определенно заявил, что у Сербии не было никаких шансов ни самостоятельно, ни в союзе с балканскими народами решить свои внешнеполитические задачи. Единственным реальным союзником и покровителем Сербии могла выступить только Россия, при этом Ристич неоднократно повторял, что он всегда рассматривал союз с Россией как средство и путь к освобождению, но не как самое содержание этого освобождения²²⁷.

В своем ответе на обвинения Гарашанина Ристич писал, что события войны 1876 г. ясно подтвердили, что «идея о том, что балканские народы смогут прийти к освобождению самостоятельно, оказалась прекрасным и пустым мечтанием, возвращаться к которому больше уже нет возможности»²²⁸. Ристич и его соратники по Либеральной партии решительно отстаивали тезис о громадном позитивном значении русской поддержки в деле достижения Сербией независимости. Так, когда после изгнания из Сербии митрополита Михаила в австро-венгерской прессе появились статьи приветствующие этот шаг как знак освобождения Сербии от «терроризма русской империи», газета «Српска независност» выступила со следующим заявлением: «Этот русский терроризм остановил бешеные турецкие орды на Джунисе, в то время как вся несла-

225 Српска независност.1888. №11. 27. 02/

226 Гарашанин Милутин. Два наместништва. Београд, 1892. С. 40-41.

227 Ристић Јован. Да кажемо још коју реч. Београд, 1894. С.20.

228 Ристић Јован. Једно наместништво. Београд, 1892. С.17.

вянская Австро-Венгрия в голос кричала, что Сербию следует стереть с лица земли... Этот русский терроризм развернул над Балканским полуостровом знамя общего освобождения всех христианских народов и принес в жертву миллионы деньгами и неисчислимые тысячи сыновей России...»²²⁹.

Второе обвинение, которое выдвинули М. Гарашанин и М. Пирочанац против Ристича – его реакционная внутренняя политика, в особенности в отношении сербского парламентаризма и консервативности статей Конституции 1869 г.

Милутин Гарашанин в обличительной брошюре «Два наместничества» писал: «Конституция, которую наместничество в 1869г. дало Сербии, была не только неполной, не только ошибочной, но и в полном смысле слова политически аморальной»²³⁰. Ристич отдавал себе отчет в сдержанности и определенной консервативности конституции 1869 г. Но он подчеркивал, что именно этот постепенный, «умеренный» подход к изменениям политических реалий в стране и есть залог ее стабильности, так необходимой для решения стратегических задач. Юный Ристич принял в Воеводине участие в революционных событиях, и этот опыт оставил на всю жизнь у него недоверие к такому пути решения государственных проблем, а также откровенную неприязнь к сторонникам революционных преобразований. Умеренность и постепенность, расчет и последовательность – вот принципы, которые он считал необходимыми для достижения поставленной цели, а ей он служил всю жизнь. Об этой своей идее и цели он много размышлял, но открыто сказал лишь в выступлении 17 октября 1882 г. на Съезде «Дружины помощи сербской литературе», отмечая роль своей партии в сербской истории:

«Зачатая в дни известного идеалистического движения (1848), она возрасла во времена, которые не знали теперешнего

229 Српска независност.1881. №15. 25 .X.

230 Гарашанин Милутин. Два наместничства. Београд, 1892. С.51.

материалистического течения, а знали чистые, незамутненные народные предания; вполне естественно, что либеральная партия, всю свою прошедшую деятельность демонстрировала в качестве главной кардинальной задачи своей программы стремление объединить в естественных этнографических границах разбросанные части нашего народа, вернув ему облик нашей прежней исторической славы и мощи как в политическом так и в церковном отношении»²³¹.

Сдержанность конституции 1869 г он объяснял так: «... наиболее сильной стороной нашей конституции является то, что она стоит на почве умеренности. Это же самое я сказал бы и обо всех наших свободных учреждениях, в том числе и о прессе, которую мы в 1870 г. привели в рамки законности. Господа мои, не может, реакция наступить от умеренности, она приходит от резких и непоследовательных шагов»²³².

Одной из главных черт Ристича-политика была неизменность и твердость его позиций по жизненно важным вопросам строительства сербского государства. Он мог менять тактику, но его стратегические установки оставались неизменными. Так, 26 января 1889 г., спустя почти двадцать лет он вновь повторяет свою мысль в «Обращении к членам народно-либеральной партии»:

«Чтобы сохранить драгоценные народные завоевания, чтобы жить в безопасности и развиваться, мы должны защищаться от двух течений, которые обычно наиболее опасны для всякой конституционности: от реакции и от неумеренности. Ибо также как повсюду гражданские свободы сталкиваются с реакционным давлением, стремящимся их выявить и уничтожить, также с другой стороны неумеренность и чрезмерная

231 Архив Српске Академије Наука и Уметности (Архив САНУ). Фонд Јована Ристића. VII-2. 8/220.

232 Ристић Јован. О слободима и о слободној штампи у Србији. Београд. 1879. С. 20-21.

активность вызывают реакцию и часто становятся кладбищем народных свобод»²³³.

При этом заслуга Ристича состоит, по нашему мнению, в том, что он трезво оценил потенциал собственного народа и государства. В идеализации сербской действительности его упрекнуть трудно, но при этом надо сразу оговориться, что Ристич никогда не позволял снисходительного, покровительственного тона в отношении своего народа. Редкий случай среди политиков, когда неудачи в войнах и мирном строительстве не инкриминируются тупости, невежеству и лености населения, с которым приходится жить и работать. Ристича отличал истинный патриотизм, далекий от самолюбования и ложного пафоса. Он педантично разбирает все те следствия особенности сербской истории, которые не позволяют механически переносить на сербскую почву западноевропейские институты²³⁴.

Из материалов биографа Ристича²³⁵ следует, что для Ристича приоритетными были задачи внешнеполитические, и именно им он стремился подчинить систему государственного устройства. Любимое его выражение, которое он возможно заимствовал из письма к нему в июле 1877 г. А. Орешкови-ча²³⁶ – «во время шторма кормчий не должен спрашивать пассажира, как ему управлять кораблем». И такой шторм ему пришлось пережить в 1875-1878 гг.

233 Архив САНУ. Фонд Јована Ристића. VIII-2. 8/26.

234 О роли Ристича в модернизации сербской политической жизни: Кузьмичева Л. В. Јован Ристич о проблемах государственного строительства в Сербии // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.). СПб., Алетейя, 2006. С.187-198.

235 Петровић Бранко. Јован Ристић. Биографске и мемоарске белешке. Београд, 1912.С.5-6.

236 Архив САНУ. Фонд Јована Ристића. III-4. 3/1319.

2. Восстание в Герцеговине и Боснии. Позиция Сербии и России.

О готовящемся в Герцеговине восстании русские дипломатические представители начали оповещать свое правительство уже в феврале-марте 1875 г.²³⁷ В этих же сообщениях говорилось о том, что турки тщательно укрепляют свои крепости в Герцеговине и активно вооружаются. Одновременно шла речь и о происках Австрии в Боснии и Герцеговине, об усилении ее влияния среди католиков этих провинций²³⁸, высказывались предположения, что Австро-Венгрия «не прочь возбудить войну»²³⁹, т.е. поднять на восстание эти провинции, а затем присоединить их. Особенно укрепилась эта мысль у русских представителей в Рагузе (Дубровнике) и Мостаре после посещения Далмации императором Францем-Иосифом, за визитом которого в апреле-мае 1875 г. они наблюдали и отражали в своих донесениях²⁴⁰.

Одновременно в конце апреля русский консул в Рагузе А.С. Ионин сообщил об усилении генерал-губернатором Боснии и Герцеговины налогового гнета. Ионин писал, что «Дервиш-паша как будто вовсе не боится смут, а напротив ищет их», как бы нарочно непомерными податями возмущает народ, что вызывает формирование чет в Герцеговине.²⁴¹ В это

237 АВПРИ. ГА-VA2 Д. 747. Рагуза. 1875. ЛЛ.25-28. Донесение Ионина П. А. Стремоухову от 2 (14.II)1875; ОБТИ Т.1. С.19-21. Документальная основа изучения российской позиции по вопросу Боснии и Герцеговины существенно пополнилась с выходом в свет в 2008 г. сборника документов преимущественно из Архива внешней политики Российской империи, подготовленного российскими учеными: Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М., Индрик, 2008.

238 АВПРИ. ГА-VA2. Д.633. Мостар.1875. ЛЛ.22 об.-23. Донесение Славолобова Игнатьеву 25.II.1875.

239 АВПРИ. ГА-VA2 Д.747. Л.17.

240 Там же. ЛЛ.71-79. 83-86. 91-103 и др.

241 Там же. ЛЛ.87-90 об.

же время русский вице-консул в Мостаре Я.П. Славолубов сообщал Игнатьеву об отношении герцеговинцев к предполагаемому упразднению русского вице-консульства в Мостаре: «Тогда некоторые из мостарцев, считая себя наиболее прозорливыми, прибегли к следующему толкованию: «Россия упраздняет вице-консульство потому, что предстоит восстание в Герцеговине. Этим она одобряет восстание. По миновании же восстания снова будет открыто здесь консульство»²⁴².

В России пристально следили за отношением к готовящимся событиям со стороны правительств Сербии и Черногории. В апреле 1875 г., сообщая о растущем числе герцеговинских беженцев в Черногории, Ионин доносил, что черногорский князь «жалуется на происки сербской партии действия и на ее агентов в Мостаре, которые... главным образом раздражали народное чувство и возбудили эмиграцию в Черногории. Без этих нарушений, говорит князь, несмотря на беспорядочность и угнетение турецкой администрации, христиане не решились бы бросить свои дела и земли»²⁴³.

Естественно, что Россия опасалась вмешательства в герцеговинскую борьбу прежде всего граничащей с Герцеговиной и постоянно ей сочувствующей Черногории. Русский консул в Рагузе получил инструкции рекомендовать князю Николаю держать строгий нейтралитет. Особенно тревожили русское правительство сообщения газеты «Застава» о возможности замены князя Милана на сербском престоле черногорским князем Николаем. Русское министерство иностранных дел постоянно контролирует характер сербо-черногорских отношений, которые были в этот период довольно натянутыми. Так, в феврале 1875 г. в донесении Ионина с удовлетворением отмечалось, «что подгорицкое дело возбудило размен мыслей и частые сношения между черногорским и сербским

242 АВПРИ. ГА-ВА2. Д.633. ЛЛ.48-48 об.

243 Там же. Д.747. ЛЛ.55об.-56.

правительствами, результатом которых было, как кажется, установление более искренних отношений между ними», прибавляя при этом, что этому процессу сближения вредят частые смены кабинетов в Сербии²⁴⁴. В своем донесении «о составе, деятельности и целях оппозиции в Сербии» русский консул в Белграде Шишкин в конце января 1875 г., характеризуя планы оппозиции по поводу занятия сербского престола, в качестве одной из распространенных версий приводил слух о том, что «оппозиция намеревается, изгнав князя Милана, призвать на княжение князя Черногорского...»²⁴⁵. Специально запрошенный по этому поводу Ионин, доносил, что, скорее всего, это выдумки Омладины, но при этом предупредил князя Николая, что «такое увлечение вызовет порицание Императорского правительства и указывал князю на статьи «Заставы», его компрометирующие»²⁴⁶. Князь полностью отрицал подобные предположения. Однако, сербское правительство обратилось с жалобой к русскому правительству о связях князя Николая с Омладиной и о его претензиях на сербский престол²⁴⁷.

Сам Ионин в частном письме к Стремоухову 11 апреля 1875 г. считал подобные опасения сербского правительства вполне обоснованными: «...одною из вещей, усложняющих положение, мне кажется непомерно разрастающаяся популярность князя Николая, несмотря на то, что, по-видимому, действует он как консерватор и ретроград, да и иностранных держав слушается, хотя за это самое князя Милана народ хочет прогнать. Но дело в том, что сербы ищут человека, - а на безлюдье и Фома - дворянин, и хотя какие-нибудь зерна сильной и здоровой организации, и с одной стороны, проповедуя социализм и красные учения: обращают взоры на деспота, князя

244 Там же. ЛЛ.25-26.

245 АВПРИ. ГА-УА2. Д.265. Л.29 об.

246 Там же. Д.747.ЛЛ.53-53 об.

247 Там же. Д.747.ЛЛ.53-53 об.

Черногорского»²⁴⁸. Князь Николай категорически отрицал перед русским представителем «участие в заговоре Омладины» и в свою очередь жаловался на белградское правительство, которое «само подстрекает их (деятелей Омладины и «венгерских радикалов» - Л.К.) на такие мысли и служит их распространению, бестактно давая чувствовать свою зависть или страх перед популярностью князя Николая»²⁴⁹. С опровержением подобных слухов князь Николай выступил 26 мая со статьей в цетиньской газете «Глас Црногорца». Он отметил, что о его претензиях на сербский престол кроме «Заставы» сообщил еще целый ряд европейских газет, в том числе и русский «Голос», и, что особенно прискорбно, распространился слух, что этого желает Россия. Подобные вымыслы, продолжает князь Николай, направлены на то, чтобы помешать Сербии и Черногории совместно выполнять свою главную задачу - свержение ига²⁵⁰. Черногорский историк Р. Йованович отмечал, что основанный на этих слухах конфликт между Сербией и Черногорией отвечал бы чаяниям тех государств, и, прежде всего, Австро-Венгрии, которые все усилия прилагали к тому, чтобы не допустить сербо-черногорского сотрудничества²⁵¹.

В связи с началом восстания в Герцеговине 23 июня 1875 г. русское правительство стало инициатором совместного воздействия великих держав и, прежде всего, Австрии и Германии на Турцию с тем, чтобы предупредить углубление кризиса. Для русского правительства важно было предупредить и возможное вмешательство в борьбу Черногории и Сербии²⁵². А такая возможность была весьма вероятна. В Сербии активно

248 Там же. Л.436.

249 АВПРИ. ГА-VA2 Д.747. Л.105.

250 «Глас Црногорца». № 20. 26 мая (7 июня) 1875 г.; АВПРИ. ГА-VA 2. Д.747. Л.106-107.

251 Јовановић Р. Политички односи Црне Горе и Србије. 1860-1878. Цетиње. 1977. С.244-245.

252 ОБТИ. Т.1. Док.8, 9.

действовали комитеты помощи повстанцам, общественное мнение было настроено в поддержку восставших. Собирались средства, создавались добровольческие отряды. Главный комитет помощи восставшим, под председательством митрополита Михаила призывал помочь восстанию распространиться на Боснию и Старую Сербию²⁵³. «Старинная вражда сербов к Турции была разбужена выстрелами в Герцеговине, и произвела общее воинственное настроение в княжестве»²⁵⁴ - так позднее характеризовалась сложившаяся ситуация русским министерством иностранных дел.

Разъясняя русскому послу в Вене Е.П. Новикову позицию России в деле согласования совместных действий с Австро-Венгрией по предупреждению нарастания событий возникшего кризиса, Жомини писал о восставших, что «было невозможно запретить им искать спасения в восстании, выбрав для этого благоприятный момент, действуя совместно и по хорошо задуманному плану. Чтобы обеспечить им успех, достаточно было разуверить их относительно возможности интервенции Австрии против них в том случае, если они одержат верх. Эта цель была достигнута провозглашением принципа невмешательства»²⁵⁵.

Вести о герцеговинском восстании застали Сербию в состоянии политического кризиса, вызванного роспуском Скупщины и борьбой партий накануне выборов в Скупщину, назначенных на 3 августа 1875 г. Князь Милан в это время в связи с помолвкой отправился в Вену, где беседовал с Андраши и Новиковым. В ходе этих бесед Милан ознакомился с позицией держав тройственного союза по герцеговинскому вопросу, предполагающей мирное урегулирование и прекращение восстания. Об этом же сообщал Милану Й.

253 Историја српског народа. Књ.5. Т.1. Београд, 1981. С.369-370.

254 АВПРИ. Отчеты МИД. Отчет МИД за 1875 г. Л.155 об.

255 ОБТИ. Т.1. Док.16.

Маринович²⁵⁶. Сербии предлагалось немедленно прекратить формирование добровольческих отрядов для участия в восстании, запретить пропаганду войны с Турцией. Милан по возвращении обратился к главе правительства Д. Стефановичу с требованием принять меры к прекращению военной агитации и посылки добровольцев²⁵⁷. Но остановить движение в поддержку повстанцев, искусно подогреваемое Комитетами помощи восстанию, было уже невозможно. Русский консул в Белграде Карцов, который неоднократно в период пребывания князя Милана в Вене сообщал министру иностранных дел М. Богичевичу о соглашении между тремя великими державами по поводу восстания в Герцеговине и давал понять «правительству его высочества, что, содействуя восстанию, оно рискует лишиться покровительства и сочувствия Европы»²⁵⁸, 3 августа сообщил шифрованной телеграммой Жомини: «Я выхожу от князя. Он просит меня немедленно довести до сведения государя императора, что министерство и весь народ единогласно требуют войны и ему нет иного исхода, как вести войну или отказаться от княжения и тем допустить здесь революцию и анархию. Вместе с тем князь ходатайствует известить его положительно: допустит ли Россия занятие Сербии австрийцами, если она вступит в Турцию. По словам князя, должно вспыхнуть восстание в Боснии шестого августа»²⁵⁹. В это время заменяющий находившегося в отпуске Горчакова А.Г. Жомини предпринимал попытки выяснить через Новикова планы Андраши в случае возможного углубления кризиса с тем, чтобы выработать единую с Австро-Венгрией политику²⁶⁰.

256 М. Пирочанац. Поводом једне «Дипломатске историје». Београд, 1869. С.14-15.

257 Историја српског народа. К.5. Т.1. С.370-371.

258 ОБТИ. Т.1. Док.14.

259 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 год. Д.12.ЛЛ.3-3 об.

260 ОБТИ. Т.1. Док.16.

Пока же шла выработка совместного плана действий, русское министерство иностранных дел считало необходимым удержать Сербию от выступления, ибо это могло повлечь вынужденное нарушение Россией принципа невмешательства. Поэтому 7 августа Карцову было предписано: «Повторите князю решительно от имени государя императора, что если Сербия предпримет наступательные действия против Турции, его величество принужден будет предоставить ее всем последствиям подобного вызова, каковы бы не были тяжки для страны и для князя»²⁶¹.

Между тем невыполнимая задача сдержать движение в пользу поддержки восстания заставила консервативное министерство Д. Стефановича уйти в отставку. На выборах в Скупщину победу одержали либералы, из которых князь сформировал новое правительство. Главою правительства стал Стевча Михаилович, но фактически им руководил занявший пост министра иностранных дел Йован Ристич. В литературе принято считать, что молодой сербский князь, вопреки собственной воле, под давлением обстоятельств вынужден был пойти на соглашение с Ристичем²⁶². Представляется, однако, что князь Милан к моменту начала восстания в Боснии прекрасно понимал, что лишь Ристич и либералы, составляющие большинство в Скупщине, и пользующиеся поддержкой народа, могут быть опорой в его планах создания Великой Сербии. Еще в январе 1875 г., сообщая об очередном министерском кризисе, Шишкин доносил, что князь Милан «мечтает о новом министерстве, в состав которого вошли бы Ристич, Груич и Маринович»²⁶³.

Милан, зная, что русское правительство было против либералов, и особенно против Ристича, создавшего, по мне-

261 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875 г. Д.12. Л.38.

262 См. Историја српског народа. Књ .5. Т.1. С.370.

263 АВПРИ. Ф. ГА-V АЗ. Д.265. ЛЛ.278-278 об.

нию русских дипломатов, своим четырехлетним управлением княжеством «то затруднительное положение, в котором оно ныне находится»,²⁶⁴ лицемерно уверял Карцова 20 августа, «что окончательно потерял всякую надежду на возможность исправления своего положения и утратил последние силы к борьбе с либералами, в руки которых предался, после долгих колебаний, взяв Ристича, как единственно возможного при личном составе настоящей скупщины»²⁶⁵. Карцов был уверен, что князь Милан полностью подчинится рекомендациям России. Однако Маринович, характеризуя сербского правителя, основными его качествами полагал непостоянство, изумительную самоуверенность и отмечал, что для достижения цели князь идет на любое средство, не заботясь о том, согласуется ли оно с правилами чести и нравственности²⁶⁶.

Министерство Ст. Михайловича - Й. Ристича тотчас получило утвердившееся затем название «министерства действия». Центральной фигурой этого министерства был Йован Ристич, роль которого в последующих событиях кризиса настолько значительна, что ни один из исследователей кризиса не обошел его вниманием²⁶⁷. Современники Ристича, в особенности после выхода в свет его книги «Дипломатическая история Сербии», винили его во всех неудачах и поражениях в период восточного кризиса, в преждевременности вступления в войну, в незначительности достигнутых после двух лет борьбы результатов. Полемизируя с радикалами в конце 90-х гг., Ристич, защищая внешнеполитические принципы, которых он придерживался в период кризиса, заявлял, что в силу исто-

264 Там же. Л.79.

265 АВПРИ. Ф. ГА-V АЗ. Д.265. Л.169-169 об.

266 Там же. Л.36-36 об.

267 Анализ позиции Ристича в период кризиса 1875-78 гг. представлен в работе: Радовић Д. Јован Ристић. Биографија државника. Докторска дисертација одбрањена на Филозофском факултету Универзитета у Београду, 2020. С.165-212.

рических задач Сербии, каждое правительство должно было сделать хоть маленький шаг вперед по пути освобождения и этот шаг был сделан²⁶⁸. Ристича зачастую характеризуют в историографии как творца сербской независимости, подчеркивая его роль в благожелательных для Сербии решениях Берлинского конгресса²⁶⁹. Основной его внешнеполитической целью, безусловно, было достижение независимости, но при этом планы его всегда и непременно включали территориальное расширение княжества, и прежде всего, путем присоединения Боснии. Вся внешняя политика Сербии этого периода направлена в сторону Боснии. Допустить, чтобы боснийский вопрос решился без нее, а, тем более, против нее, правительство Михайловича-Ристича положительно не могло²⁷⁰. Безусловно, начиная кампанию по подготовке к войне, первое «министерство действия» понимало неизбежность такого решения. Ситуация складывалась так, что, не поддержав повстанцев, Сербия теряла надежду на осуществление своих планов. Иначе это министерство просто не могло поступить. Вопрос о независимости и присоединении Боснии уже поднимался ранее Ристичем в период регентства, когда он выдвигал планы разрешения его мирным, дипломатическим путем, то пытаясь выторговать Боснию у Турции, обещая собирать там дань в пользу султана, то намереваясь провозгласить независимость Сербии, а сербского князя объявить королем в связи с его совершеннолетием. За поддержкой он обращался к России, которая крайне неодобрительно воспринимала эти нереаль-

268 Лубић. (Псевдоним Й. Ристича - Л.К.) Још мало светлости о нашим последним ратовима за ослобођење и независност од 1875-1878 (поводом једног реферата). Београд, 1898. С.14.

269 См. доклады научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Й. Ристича: Живот и рад Јована Ристића. Српска академија наука и уметности. Научни скупови. Књ. XXV. Председништво. Књ. 5. Београд, 1985.

270 Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Друго издање. Београд, 1982. С.257-258.

ные прожекты, заявив, что «осуществление их не только не допускает ни малейшей возможности успеха, но неминуемо подвергнет Сербию великим бедствиям»²⁷¹. Теперь ситуация складывалась иначе и заслуга Ристича в том, что он попытался использовать благоприятную ситуацию в сочетании с патриотическим подъемом в Сербии для достижения уже давно лелеемых целей.

Опытный и осторожный политик, Й. Ристич, чтобы не вызвать преждевременного вмешательства внешних сил, тщательно конспирировал после прихода к власти «министерства действия» организацию помощи повстанцам. Формально - требования держав удовлетворены: запрещено формирование добровольческих отрядов и переброска их в Боснию, закрыта граница с Боснией, туда послан для надзора Р. Алимпич²⁷². Но действительные намерения нового министерства проявились в ходе заседаний скупщины, открывшихся 28 августа в Крагуеваце. Речь князя на открытии скупщины вероятно подготовленная не без помощи Ристича, была составлена так, что должна была успокоить державы. В ней князь заявил, что Сербия не может быть равнодушной к борьбе повстанцев, но «в то же время выразил уверенность в успехе дела умиротворения, предпринятого великими силами и Оттоманским правительством»²⁷³. Вслед за этим, 31 августа князь уехал в Белград, как бы снимая с себя ответственность за дальнейшие решения скупщины. Правительство же осталось в Крагуеваце, чтобы вместе с народными представителями обсудить адрес, который был бы ответом на речь князя, т.е. определить положение, «которое Сербия займет в критический и запутанный

271 Д.Ф. Поплыко. Проблемы освобождения народов Балканского полуострова в русско-сербских отношениях начала 70-х гг. XIX века // Балканские исследования. Вып.8. М.,1982. С.173-191.

272 Ристић Ј. Дипломатска историја... Т.1. С.44.

273 Там же. С.46-48.

момент»²⁷⁴. Первым выступил Ристич, который, характеризуя международное положение Сербии в случае войны с Турцией, заявил, что нет оснований верить в общепалканское движение на стороне Сербии, твердо рассчитывать можно только на союз с Черногорией. На поставленный ему Недичем вопрос - должна ли Сербия опасаться вооруженного вмешательства Австро-Венгрии - Ристич ответил, что она не пойдет на это без согласования с двумя своими союзниками, а маловероятно, «что Россия, так много сделавшая для создания княжества, согласилась бы на то, чтобы его захватили вооруженным путем»²⁷⁵.

На протяжении всей своей политической карьеры Ристич реально рассчитывал на помощь лишь одной из великих сил - России. Это подчеркивается в ряде исследований²⁷⁶, а В. Чубрилович высказывался наиболее категорично: «Он считал, что Сербия должна всегда в своей внешней политике на Балканах опираться на Россию... Этой политики - опоры на Россию, независимо от того, идет ли нам на пользу: ее политика или нет, Йован Ристич придерживался всю жизнь»²⁷⁷. Для того, чтобы начать войну с Турцией, Ристичу необходимо было получить поддержку России. Но в этот момент Россия еще надеялась на мирное урегулирование восточного вопроса, добиваясь при этом автономии Боснии и Герцеговины.

Именно поэтому в России с неодобрением восприняли известие о тайных решениях скупщины, означавших подго-

274 Там же.С.49.

275 Записи Јеврема Грујића. Књ.3. Београд.1923. С.121-124.

276 См. Попов Ч. Јован Ристић у српско-турским ратовима 1876-1878 године // Живот и рад Ј. Ристића. С.56-59; Стојанчевић В. Политички погледи Ј. Ристића и проблем ослобођења српског народа у Турској // Историјски часопис. Београд.1981. № 28. С.77-78.

277 Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Друго издање. Београд, 1982. С.250.

товку к войне. Карцов на протяжении заседания скупщины в Крагуеваце внушал Милану, что если он увлечется происками либералов, стремящихся вовлечь Сербию в несвоевременную и гибельную для нее войну, то он навсегда утратит сочувствие российского правительства²⁷⁸. Русское правительство считало положение в Сербии очень серьезным, и, поначалу, согласившись удовлетворить просьбу Милана разрешить ему приехать с молодой супругой в Ливадию для встречи с Александром II, 12 сентября уведомило Карцова шифрованной телеграммой: «В виду настоящего оборота дел в Сербии, сомнительно, чтобы князь Милан отлучился из страны»²⁷⁹. Милан вызвал Ристича из Крагуеваца в Белград для совещания, по его требованию заседания Скупщины были перенесены в Белград. Подчиняясь внешне нажиму держав, Милан выпустил «министерство действия» 22 сентября. Закономерно, что накануне, 20 сентября консулы всех государств-гарантов, за исключением английского, получили инструкции от своих правительств - выступить с коллективным демаршем княжескому правительству. Заявление было сделано 24 сентября, в нем сербское правительство предупреждалось, что в случае объявления войны Турции, оно останется без поддержки великих держав²⁸⁰. Князь Милан демонстративно в тот же день созвал членов Скупщины и, сообщив им о сделанном заявлении, предложил отказаться от военных планов. Большинство членов скупщины его поддержало, в литературе утвердилось мнение, что, не желая войны, князь призвал умеренное министерство младо-либералов и младо-консерваторов во главе с Л. Калевичем, противоположное по задачам «министерству действия». Каковы же на самом деле были политические планы министерства Калевича?

278 ОБТИ. Т.1. Док.34; АВПРИ. Ф. Отчеты 1875. Л.157 об.

279 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1875. Д.12. Л.40-42.

280 ОБТИ. Т.1. Док.47.

На наш взгляд, оправданы выводы К.Л. Струковой, которая считала, что странное по составу министерство Калевича, фактически продолжившее подготовку к войне, Милан подобрал совсем не случайно.²⁸¹ Й. Ристич утверждает, что принять предложение князя Милана возглавить правительство Л. Калевича уговорили Михайлович, сам Ристич и Груич, озабоченные положением в стране, пообещав ему свою поддержку и поддержку своих сторонников в скупщине²⁸².

Возможно, что смена министерства и успокоила насчет Сербии Австро-Венгрию, но русские представители не считали это правительство надежным для сохранения мира. Так, А.С. Ионин писал 3 октября 1875 г. в частном письме к Стремоухову: «европейская пресса прославила новое министерство консерваторами, конечно, от такого министерства ожидать войны с Турцией нельзя, но можно ли ожидать при этом мира – вот вопрос; некоторых членов этого министерства, я сам знаю Милована Янковича – это красный революционер и радикал. Таковое положение в Сербии, ведет, видимо, к революции внутри, будет чудо, если ее не будет, а кто поручится, что за неимением регулярной войны, эта революция не сольется с восстанием в Боснии, что произведет тот же результат, только в виде хаоса»²⁸³.

В марте 1876 г., когда было уже очевидно, что министерство Л. Калевича активно готовится к войне, Горчаков отмечал: «остановив свой выбор на Калевиче, его св.[етлость] снова предавал правительство в руки органа той же Омладины, членов которой он только что отстранил от себя»²⁸⁴. И

281 Струкова К.Л. К истории русско-сербских межгосударственных отношений в 1875 г. // Балканские исследования. вып.8. Балканские народы и европейские правительства в ХУШ - начале ХХ века. М., 1982. С.192-221.

282 Ристић Ј. Дипломатска историја... Т.1. С.62.

283 АВПРИ. Ф. ГА-V АЗ Д.747. Л.465-465 об.

284 АВПРИ. Ф. Отчеты. 1875.ЛЛ.161 об. - 162.

действительно, кабинет Калевича, правда еще более открыто, продолжил приготовления к войне как в финансовом, так и в дипломатическом плане. Уже 13 октября 1875 г. князь подписал тайные законодательные решения Скупщины, почти полностью совпадающие с предложениями, из-за которых было отстранено министерство Ристича, разница лишь в размере предполагаемого иностранного займа, сокращенного на треть, с трех до двух млн. дукатов, и в уточнении функций Контрольного Комитета²⁸⁵. В плане дипломатической подготовки войны с ноября 1875 г. продолжались переговоры с Черногорией о возможном союзе.

3. Российские и австрийские инициативы по решению кризиса

Нам представляется принципиально важным тезис отечественного исследователя Т.М. Исламова о необходимости взвешенного и объективного анализа политики двух империй – Российской и Австрийской по балканскому вопросу в период Восточного кризиса 1875-1878 гг., с учетом имперских интересов обеих держав²⁸⁶. В последних работах учёного, посвященных критическому разбору отечественной историографии, нашла отражение тема роли и места балканского вопроса в политике двух великих держав²⁸⁷. Ученый

285 Записи Јеврема Грујића. Књ.3. С.152-154.

286 Исламов Т.М. Внешняя политика России и русско-австрийские отношения в современной русской историографии // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Москва-Ставрополь, 2004. Вып. I. С. 59.

287 Исламов Т.М. Внешняя политика России и русско-австрийские отношения в современной русской историографии // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Москва-Ставрополь, 2004. Вып. I. С. 4–63; Он же. История югославян империи Габсбургов в освещении русских историков конца XX столетия // Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время (памяти Владимира Павловича Шушарина). М., 2004. С. 289–313.

справедливо отмечал устойчивость сложившихся стереотипов в изучении австрийской политики на Балканах, сводящихся к простой констатации агрессивных планов Дунайской монархии. Т.М. Исламов настаивал на необходимости уважения принципов ретроспективности и преемственности при изучении австрийской и венгерской политики в отношении османских владений в Европе. Он подчеркивал, что: «Осваивали же Венгрия и Австрия Балканы задолго до 1870-х годов, Венгрия в далекие XV–XVI вв., когда ее войска доходили до Варны и Ниша, а Австрия в конце XVII–XVIII в., когда ценой огромных потерь ей удалось остановить османское продвижение в глубь континента»²⁸⁸.

В историографии и по сей день не утихают споры по вопросу отношения России к военным приготовлениям Сербии осенью 1875 – весной 1876 г. Известны ли были русскому правительству сербские намерения, и если да, то почему не была предотвращена катастрофа?

Не менее сложной в историографии считается и проблема отношения правительства Австро-Венгрии к возможной войне Сербии и Черногории с Турцией и перспектив их возможного объединения. Современная венгерская историография признает, что для Андраши главной целью в 1870-е годы являлось противодействие как российским внешнеполитическим планам, так и национальным претензиям славянских народов и предотвращение создания крупного славянского государства, которое представляло само по себе угрозу для существования дуалистической монархии²⁸⁹.

288 Исламов Т.М. История югославян империи Габсбургов в освещении русских историков... С. 311.

289 См. Деметер Габор. Граф Андраши и позиция Австро-Венгрии по вопросу Восточного кризиса (1875–1879 гг.). Историографический обзор//Генерал М.Д. Скобелев и его время. Рязань. Изд-во РИАМЗ, 2014. С.182–201.

Невозможно правильно охарактеризовать позицию России по отношению к перспективе вступления Сербского и Черногорского княжеств в войну с Турцией без учета сложных взаимоотношений России и Австро-Венгрии, расхождения их точек зрения по поводу судьбы Боснии и Герцеговины. В современной исторической науке убедительно доказано²⁹⁰, что несмотря на заверения Д. Андраши о «переполненности австро-венгерской лодки», к моменту начала Восточного кризиса 1875–1878 гг. в правящих кругах Австро-Венгрии уже сложилась ясная и четкая программа включения Боснии, а по возможности и Герцеговины, в состав империи Габсбургов. Российская же дипломатия во главе с А.М. Горчаковым в этот период придерживалась мнения о необходимости автономного устройства провинций, поддерживая требования повстанцев. В разном представлении двух держав о решении боснийской проблемы видели шанс и сербские политики, стремившиеся к включению провинций в состав сербского государства.

Так, известный югославский исследователь Восточного кризиса академик Васа Чубрилович считал, что сербские политики, опасаясь решения вопроса о судьбе Боснии в пользу планов Австро-Венгрии, единственной надеждой для себя полагали обострение русско-австрийских противоречий на Балканах. «На эту карту ставил уже Илия Гарашанин, на нее будет ставить в Восточном кризисе 1875–1878 г. и Йован Ристич. И действительно, вскоре стало ясно, что в боснийско-герцеговинском вопросе нет согласия между Россией и

290 Многолетние усилия группы отечественных славистов по изучению Восточного кризиса 1875–1878 гг. суммированы в коллективной монографии: *Международные отношения на Балканах*. Под ред. В.Н. Виноградова. М., 1986. С. 214–403. Глубокий анализ проблемы содержится и в исследовании В.М. Хевролиной – См.: Хевролина В.М. *Восточный кризис 70-х годов XIX века// История внешней политики России. Вторая половина XIX века*. М., 1997. С.174–220.

Австрией. Россия хотела автономии Боснии и Герцеговины, Австрия же дипломатическим путем готовила такую ситуацию, при которой эти области достались бы ей. Вокруг этого и велась игра этих двух великих держав вплоть до весны 1876 г.», – подчеркивал В. Чубрилович²⁹¹.

Таким образом, возможность вступления в антиосманскую борьбу Сербского княжества непосредственно задевала интересы Австро-Венгрии. И именно в отношении Сербии остро проявлялись русско-австрийские разногласия в спорах решения Восточного вопроса²⁹². Не остались тайной эти противоречия и для сербского правительства. Например, еще в декабре 1875 г. на полях донесения из Белграда русского консула А.Н. Карцова, в котором он запрашивал: «Одобрит ли меня императорское министерство в том, что, стараясь вселить в сербах убеждение в единстве наших с Австрией стремлений в пользу мира, я в то же время советую им готовиться на тот случай, если бы стремления эти оказались бесполезными»²⁹³, Александр II пометил: «Да».

О том, что царское правительство уже в декабре 1875 г. не исключало возможности сербо-турецкой войны, свидетельствуют и официальные донесения Карцова Горчакову, в которых он сообщает, что рекомендует князю Милану нарушить «состояние полного оцепенения, которое, кажется, длится с момента прихода к власти кабинета Калевича» лично заняться своей армией, организацией милиции, переговорами об установлении добрых отношений с Румынией, болгарями,

291 Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Друго издање. Београд, 1982. С. 258.

292 Министр иностранных дел Австро-Венгрии Андраши заявил русскому послу в Вене Новикову, что «разногласия в исполнении общей задачи двух империй особенно резко обнаруживались на Белградской почве». – АВПРИ. Ф. ГА-VA 2 . Д. 265. Л. 269 об.

293 АВПРИ. Ф. ГА-VA 2 . Д. 265. Л. 305 об. Частное письмо А.Н. Карцова Н.К. Гирсу из Белграда 28 декабря 1875 г.

албанцами и особенно с Черногорией²⁹⁴. В историографии существует мнение, что демонстрация военной активности Сербского и Черногорского княжеств была необходима русской дипломатии лишь в качестве дополнительного средства давления на Турцию в пользу улучшения положения восставших христиан. Но изложение Карцовым перспектив будущей кампании, исходя из состояния сербской армии, характеристика трудностей, с которыми сталкивается сербское военное министерство²⁹⁵, свидетельствуют о том, что императорский кабинет внимательно изучал возможность сербо-турецкой войны. Интересовал этот вопрос и военного министра Российской империи Д.А. Милютина. 27 ноября 1875 г. он записал в своем дневнике: «Я спросил мнение государственного канцлера о том, можно ли надеяться, что герцеговинские дела разрешатся без военного вмешательства других держав». В ответ князь Горчаков сказал, что надеется уладить дело и «не довести до военного вмешательства»²⁹⁶.

Вооруженное вмешательство Сербии в восстание всеми силами старался предотвратить министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Д. Андраши. Это учитывалось им при составлении ноты, излагавшей проект реформ в Боснии и Герцеговине, которую он вручил 18 декабря 1875 г. правительствам всех держав, подписавших Парижский трактат 1856 г.²⁹⁷ Последние изъявили согласие с предложениями Андраши, и 19 января 1876 г. проект был передан Порте. Россия старалась продемонстрировать на европейской арене стремление к мирному решению конфликта путем реформ, предложенных в «Ноте Андраши». Именно поэтому в январе 1876 г. она демонстративно принимает меры к сдерживанию военных приготовлений Сербии и Черногории, в частности, заключения ими

294 ОБТИ. Т. 1. М., 1961. Док. 74.

295 Там же. Док. 75.

296 Милютин Д. А. Дневник 1873-1878 гг. М., РОССПЭН, 2009. С.208-209.

297 История дипломатии. М.,1963. Т. 2. С.89-90.

союзного договора. Российское министерство иностранных дел через своего представителя в Белграде указывает сербскому князю «на необходимость для Сербии воздерживаться от агрессивной политики относительно Турции и оставаться спокойной в ожидании дальнейших событий»²⁹⁸.

Но сербское правительство, внешне подчиняясь рекомендациям России, в свою очередь, недвусмысленно заявило, что оно будет активно сопротивляться попыткам Австро-Венгрии прибрать к рукам Боснию и Герцеговину. Сообщая в Петербург 16 января 1876 г., что до исхода текущих дипломатических переговоров отложено командирование в Цетинье сербского посланца для ведения переговоров о союзе, Карцов передает слова сербского министра иностранных дел Г. Павловича: «Если бы, однако, обстоятельства склонили бы Европу допустить австрийское военное занятие в Герцеговине и Боснии, то сам он был бы немедленно поставлен в необходимость начать войну с Турцией»²⁹⁹.

В то же время, в середине января 1876 г., согласно инструкциям Горчакова, русский консул в Рагузе А.С. Ионин внушает черногорскому князю Николаю, что «за невозможностью вместе с Сербией действовать самостоятельно – лучше ожидать, по крайней мере до последней крайности разрешения запутанных вопросов от европейской дипломатии, которая в настоящее время отыскивает к тому способы».³⁰⁰ Черногорский правитель, хотя и обещал «не нарушать выжидательной политики», однако тайно запросил сербское правительство, готово ли оно к войне и когда намерено начать действия.

Князь Николай играл значительную роль в дипломатическом урегулировании конфликта благодаря своему

298 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. Отчет за 1876. Л. 274-275.

299 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 16. Л. 300 об.

300 АВПРИ. Ф. ГА-VA2. 1876. Д. 749. Л. 21.

влиянию на герцеговинских повстанцев.³⁰¹ То, что он взял в свои руки инициативу заключения союзного договора с Сербией, насторожило не только Турцию (миссия Кечета) и Австро-Венгрию (переговоры с бароном Родичем), но и Россию, которая указала князю на «неблаговидность его отношения к Сербии, подстрекательство ее как бы на войну, в то время, когда ему очень хорошо известно, что Европа и особенно императорское правительство желают мира и в этом смысле производят давление на князя Милана»³⁰². Однако Сербия и Черногория невзирая на советы России, отсрочили, лишь до начала февраля, «дабы не повредить успеху дипломатических переговоров Европы с Портою», продолжение переговоров о военной конвенции, начатых в октябре Ф. Христичем. И уже 2 февраля в Цетинье выехал Ранко Алимич с письмом Милана к князю Николаю, а также проектом военной конвенции и тайного союзного договора³⁰³.

Сербо-черногорские переговоры затянулись. По мнению черногорского историка Радомана Йовановича, переговоры постоянно были под угрозой срыва, так как обе стороны были озабочены недовольством, высказанным Россией и Австрией³⁰⁴. Переговоры эти, хотя и не завершились подписанием союзного договора, вызвали тревогу у австро-венгерского правительства, которое через своего представителя в Белграде князя Вреде сделало от имени Австрии и России 4 марта 1876 г. представление князю Милану о недопустимости подготовки Сербии к войне и потребовало объяснений³⁰⁵. Вреде категори-

301 См. Јовановић Р. Политички односи Црне Горе и Србије 1860-1878. Цетиње, 1977. С.261–263.

302 АВПРИ. Ф. ГА-VA2. Д. 749. Л. 30. Донесение Ионина Гирсу из Рагузы 30 января 1876 г.

303 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 16. Л. 303.

304 Јовановић Р. Политички односи Црне Горе и Србије. 1860-1878. Цетиње. 1977. С. 263–267.

305 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д.16. Л. 313; Историја српског народа. Београд, 1981. Књ. 5. Т. 1. С.377.

чески объявил, что его правительство силою воспротивится всякой враждебной выходке Сербии против Турции³⁰⁶. И так, Австро-Венгрия открыто угрожала Сербии нападением в случае начала сербо-турецкой войны. О подобной перспективе Вреде уже намекал Карцову в декабре 1875 г.³⁰⁷

Связанная с Австрией союзными обязательствами, Россия вынуждена была присоединиться к демаршу Вреде, но так как инструкции Карцову опоздали, то «вся невыгодная для популярности Австрии ответственность за сделанные угрозы, осталась за ней одной»³⁰⁸.

Сербское правительство отвечало, что не имеет никаких наступательных намерений против Турции, а вооружение вызвано необходимостью обороны княжества от набегов башибузуков и курдов, собранных Портою в большом числе на границах Сербии. Карцов, сообщая о том, что Вреде остался доволен таким ответом, замечает: «Занятия со стороны Австрии боятся здесь более, чем турецкого нападения»³⁰⁹. При этом Карцов не решается официально рассеять опасения Сербии по данному поводу и заявить, что «императорский кабинет не согласился бы на осуществление такой меры... из опасения, чтобы это не послужило поощрением к принятию против Турции мер, которые были бы теперь несвоевременными и опасными». Александр II написал по этому поводу на полях: «И хорошо делает»³¹⁰.

К этому времени на юго-восточных границах Сербии сосредоточились стянутые турками значительные войска. Так, только против Зайечара, где никогда не было укреплений, были поставлены батареи и собрано 5 000 войска³¹¹. Учитывая

306 Там же. Ф. Отчеты МИД. 1876. Л. 274–275.

307 АВПРИ. Ф. ГА-VA 3. Д. 265. Л. 307.

308 АВПРИ. Ф. ГА-VA 3. Д. 268. Л. 290 об.

309 АВПРИ. Ф. ГА-VA 3. Д. 268. Л. 291.

310 Там же.

311 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 16. Л. 313.

опасность турецкого нападения, Карцов вновь запрашивал у Петербурга инструкции о позиции официальной России по отношению к приготовлениям Сербии к войне: «Можем ли мы поручиться действительно за неприкосновенность княжества со стороны Турции? Если нет, то было ли бы справедливым мешать Сербии готовиться к отпору на случай нападения и продолжать пополнение вооружения, которого мы сами никогда не порицали»³¹².

В начале февраля 1876 г. стало ясно, что «Нота Андраши» не удовлетворяет ни Порту, ни восставших и не будет способствовать урегулированию Восточного кризиса. Весна 1876 г. была решающим этапом в развитии событий 1875–1878 гг. на Балканах. Именно в это время и определилась программа дальнейших действий не только самих повстанцев Боснии и Герцеговины, но и сочувствующих и помогающих им Сербии и Черногории.

Сербское княжество активно продолжало приготовления к войне. В период шестимесячного правления кабинета Л. Калевича (26.IX.1875–24.IV.1876 гг.) состоялось 108 заседаний Совета министров, и практически все они были посвящены вопросам предстоящих военных действий: закупке вооружения, обмундирования, заключению военной конвенции с Черногорией, мерам по финансовому обеспечению, помощи повстанцам, необходимости присоединения к Женевской конвенции 1864 г. и т. п.³¹³. На министерских заседаниях обсуждались вопросы не только материального обеспечения войны, но и проблемы подготовки общественного мнения за границей в пользу Сербии и ее предстоящей борьбы. Так, с 15 января 1876 г. французскому журналисту Ригонде реше-

312 АВПРИ. Ф. ГА-VA2 . Д. 268. Л. 290.

313 Записници седница Министарског Савета Србије 1862–1893. Београд, 1953. С.140–163.

но платить 30 дукатов ежемесячно «с условием, что он одну публикацию в месяц будет посвящать интересам Сербии»³¹⁴.

«С первой половины минувшего года сербское правительство начало приготовления к войне. Военное министерство ревностно занялось приведением в порядок боевых сил и средств княжества, снабжением войска ружьями одного образца, исправлением пограничных укреплений и закупкой за границую оружия, лошадей и припасов»³¹⁵, – отмечалось в отчете МИД России за 1876 г.

Несостоятельность «Ноты Андраши», по-видимому, определила и некоторый поворот в мнении русского правительства относительно возможного начала Сербией и Черногорией войны. Во всяком случае, коль скоро не получается мирное урегулирование конфликта, следует помешать задушить восстание, а это можно сделать лишь привлекая к событиям на Балканах внимание Европы. С этой целью используется и мнение российского общества, поддерживающего освободительную борьбу южных славян. Известный русский ученый и общественный деятель Б.Н. Чичерин, автор записки «Берлинский мир перед русским обществом», говоря о росте движения в поддержку южных славян в России, утверждал: «К сожалению, правительство, вместо того, чтобы разъяснить мысли, из политических видов поддерживало и даже разжигало это так называемое патриотическое настроение»³¹⁶.

Об этом же 30 января 1876 г. писал генерал-майор в отставке М.Г. Черняев, сотруднику издаваемой им газеты «Русский мир» П.А. Монтеверде о своей беседе с турецким представителем в Петербурге: «Из разговора, продолжавшегося более часу, я не мог не заметить, что наше правительство

314 Ibid. С. 147.

315 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. Отчет по Азиатскому департаменту за 1876 г. Л. 272.

316 Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 651 (Васильчиковы). Оп. 1. Д. 815. Л. 2 об.

страшает его общественным мнением, под давлением которого оно будто бы действует, хотя и желает всевозможных благ Турции»³¹⁷. В этом же письме Черняев, информируя о предложениях, сделанных ему славянским комитетом, ехать в Герцеговину для организации военной части, добавляет: «Я имею некоторые данные предполагать, что правительство само будет сочувствовать моим успехам»³¹⁸, вероятно, имея в виду свой разговор с наследником³¹⁹.

Именно на поддержку российского общественного мнения рассчитывал и осторожный политик Й. Ристич. В 1877 г., отвечая на обвинения лидеров «консерваторов» в Сербии в авантюристичности и непродуманности его политики весной – летом 1876 г., приведшей к военному поражению, он заявлял, что все расчеты сербской стороны сводились к перспективе вступления в войну России под давлением русского общественного мнения³²⁰.

Позиция правительства России относительно герцеговинских дел проявилось в ходе событий Суторинской встречи 23–26 марта 1876 г. и миссии Г.С. Веселитского-Божидаровича. А.М. Горчаков принял Веселитского-Божидаровича члена Московского славянского комитета, осуществлявшего связь повстанцев с великими державами в январе 1876 г. и рекомендовал ему склонить повстанцев к миру, одновременно обещая им содействовать автономному устройству Боснии и Герцеговины³²¹. Глава русского внешнеполитического ведом-

317 РО ИРЛИ. Ф. Монтеверде П.А. Шифры старого каталога 5370. XXVII 6. 253. Л. 11 об.–12.

318 РО ИРЛИ. Ф. Монтеверде П.А. Шифры старого каталога 5370. XXVII 6. 253. Л.12 об.

319 РО ИРЛИ. Ф. Монтеверде П.А. Шифры старого каталога 5370. XXII 6. 253. Л.17.

320 Полемика Јована Ристића и српских конзервативаца 1877. године. Београд, 1897. С.111.

321 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 332. (Чижов Ф.В.). К.3. Д. 4. Л. 13–13 об.; Никитин С.А.

ства прекрасно сознавал, что это противоречит австрийским планам. Неуспех миссии австрийского наместника Далмации барона Родича в умиротворении восставших во время Суторинской встречи в значительной степени объяснялся и тем, что повстанцы были воодушевлены негласной поддержкой официальной России.

Веселитский-Божидарович, снимая с себя подозрения в стремлении помешать умиротворению восстания, утверждал, что выполнил желание государственного канцлера «передать инсургентам совет его принять реформы в принципе и выразить желание умирения». «В Суторине я не только сделал им это сообщение, – писал он в Петербургский славянский комитет А.А. Кирееву, – но и от себя советовал следовать ему и выставлять свои условия не в форме требований, а как желания, относящиеся до исполнения дарованных реформ»³²². Но, по-видимому, не так уж он был настойчив в своих советах.

Да и не это было главным, – важно, что здесь, в Суторино, впервые столкнулись интересы России и Австрии, двух союзных держав, придерживающихся на словах одинаковых, а по сути, противоположных точек зрения по поводу судьбы турецких владений на Балканах. Почувствовав, что его влияние ускользает, и повстанцы надеются не только на поддержку российской общественности, но и России официальной, взбешенный барон Родич заявил вождям восстания, «что Сербии и Черногории решительно запрещено им помогать, а если они надеются на Россию, то они должны вспомнить, что Россия уже была побита раз турками»³²³. Это заявление вызвало бурю

Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875-1876 гг. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957. С.26–28.

322 РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 907. Л. 1 об. См. также Ристић Ј. Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност. 1875-1878. Београд, 1896. Т. I. С.74.

323 АВПРИ. Ф. ГА-VA2. 1876. Д. 749. Л. 90 об. Донесение Ионина из Рагузы 29 марта 1876 г.

негодования в русской печати, усмотревшей здесь попытку дискредитировать Россию. «Барон Родич просто проговорился и во всеуслышание раскрыл оборонную, недипломатическую сторону австрийской политики в восточном вопросе, политику эту в нескольких словах можно выразить так: унижить Россию в глазах славян Турции и, на ее счет, усилить обаяние за Дунаем»³²⁴, – писала газета «Новое время» 1 апреля 1876 г. В этой же статье анализируется положение дел на Балканах с выводом, что «война между Сербией и Турцией сделалась неизбежной». В «Докладах по периодической печати министра внутренних дел Александру II за апрель-май 1876 г. отмечалось, что после Суторинского свидания русская периодическая печать обеих столиц посвящает восточным делам первое место в своих ежедневных обозрениях и передовых статьях, основная идея большинства которых – не следует мешать Сербии и Черногории помогать повстанцам»³²⁵.

4. «Моему дорогому народу!» Война объявлена.

Наступил последний, решающий этап в подготовке Сербии к военным действиям против Османской империи. «Вся зима 1875–1876 гг. прошла в усиленных приготовлениях к мобилизации»³²⁶, – вспоминал Сава Груич, активный участник сербо-турецкой войны, а с сентября 1876 г. занявший пост военного министра Сербии. Были открыты трехмесячные курсы для старейшин народного войска, а таких старейшин было создано 600 человек; объявлено об устройстве главного штаба и новой организации армии, был основан Сербский Красный Крест³²⁷.

324 Новое время. 1876. № 34.

325 РГИА. Ф.1470 (Доклады по периодической печати министра внутренних дел Александру II). Оп. 1. Д. 72. Л.17, 68, 84, 176.

326 Груич С. Сербо-турецкая война 1876–1877 гг. // Славянские известия. 1907. № 2. С. 133; № 3. С.193.

327 Подробнее о приготовлениях Сербии к войне см. Милосављевић П. Припреме Србије за рат са Турском 1876. године // *Balkanica IX*. Belgrade. 1978. S. 131–157.

Князь Милан уже не выступал на заседаниях министерского Совета против войны, а рост освободительных настроений пугал главу сербского правительства Л. Калевича, который считал, что его министерство выполнило задачу, сыграв предназначенную ему роль, и что пора уступить место кабинету «министерства действия», прежде чем князь решит начать войну³²⁸. И действительно, поскольку вопрос о войне был уже окончательно решен, можно было бы вернуть к власти министерство действия. Правда, князь хотел, чтобы на этот раз кабинет составил Е. Груич, но тот отказался формировать министерство без Ристича и Михаиловича, не желая сильной оппозиции³²⁹. Наконец, 24 апреля 1876 г. было сформировано второе министерство действия, которое практически по составу повторяло первое (пришедшее к власти в августе 1875 г.), лишь с двумя изменениями: министром финансов вместо Косты Йовановича стал Вл. Йованович, а Е. Груич и Р. Милойкович обменялись постами министра внутренних дел и министра юстиции.

К этому времени все политические силы Сербии определили свое отношение к предстоящей войне³³⁰.

В сложившихся условиях либералы рассматривали войну как единственно возможный шаг для осуществления исторической задачи объединения сербского народа в независимое государство. Прогрессисты, считавшие войну заведомо обреченной на неуспех, были против выступления, но, опасаясь не получить поддержки в условиях всеобщего патриотического подъема, открыто не высказывались. Да и среди самих «напредняков» существовали разногласия. Так, Маринович полагал, что проводя антивоенную агитацию, он

328 Кальевић Љ. Моје успомене. Београд, 1908. С. 20–21.

329 Ibid. С. 22.

330 О настроениях в сербской политической элите кануна сербо-турецкой войны см.: Крстић Н. Дневник: јавни живот. 2. јануар 1868. - 31. децембар 1876. Београд, 2006. С. 288–328.

скомпрометировал бы себя в глазах русских.³³¹ Радикалы были убеждены, что война поможет борьбе с бюрократическим аппаратом и, ослабив позиции правительства, создаст условия для проведения реформ³³².

Придя к власти, кабинет Ристича, вопреки ожиданиям, в первое время держался миролюбивой политики³³³, что воспринималось некоторыми из современников как его отход от стремления к войне и вызывало раздражение у князя³³⁴. В действительности Ристич готовил почву для выступления и, прежде всего, в дипломатическом плане. В многочисленных исследованиях югославянских историков справедливо отмечалось, что важным в плане дипломатической подготовки войны было заключение сербо-черногорского союзного договора. Но еще важнее для Ристича было добиться расположения России, обещания ее поддержки. Именно с этой целью, а не только для получения займа, направляется им в Россию сербский представитель М. Протич.

Что касается общественности России, то повсеместная поддержка борющихся славян, призывы к русскому правительству активизировать деятельность в их защиту, сочувственное отношение к военным приготовлениям двух сербских княжеств позволяли рассчитывать Ристичу на помощь в случае войны. Позиция же официальной России была другой. Российская дипломатия готовилась к Берлинской встрече, где должен был рассматриваться проект урегулирования Восточного вопроса, составленный А.М. Горчаковым. Идея автономии Боснии и Герцеговины была центральной в этом проекте.

331 Пирочанац М. Наша завршна реч. Београд, 1896. С.14-15.

332 См.: Историја српског народа. Београд, 1981. Књ. 5. Т.1. С.378-379; Ђорђевић М. Друштвено-политички услови и исходи српско-турских ратова 1876-1878 // Србија у завршној фази Велике источне кризе (1877-1878). Београд, 1980. С.39-57.

333 АВПРИ. Ф. Отчеты. 1876. Л. 277-278 об.

334 Калевих Љ. С. 34.

Но расчеты Горчакова на поддержку Бисмарка не оправдались, так как Д. Андраши охарактеризовал представленный русской делегацией документ как абсолютно неприемлемый³³⁵. В результате переговоров был выработан документ, который из-за поправок, внесенных Австро-Венгрией, превратился всего лишь в расширенную ноту самого Андраши от 18 декабря 1875 г.³³⁶ Этот документ, известный под названием «Берлинский меморандум», был принят тремя державами 1 (13) мая 1876 г.

К меморандуму, требующему от Порты приостановить военные действия и заключить с повстанцами двухмесячное перемирие, возобновить деятельность смешанной консульской комиссии для наблюдения за проведением в жизнь обещанных реформ и контроля за их выполнением³³⁷ присоединились правительства Франции и Италии. Правительство Великобритании во главе с Дизраэли высказалось против очередного вмешательства в пользу балканских славян и не присоединилось к меморандуму. Такая позиция Великобритании ставила под сомнение действенность нового дипломатического шага. Между тем события на Балканах еще более обострились в связи с убийством в Салониках мусульманами-фанатиками французского и германского консулов и жесточайшим подавлением Апрельского восстания в Болгарии. Убийство консулов сильно подорвало веру повстанцев в обещания Турции в случае прекращения ими борьбы даровать им прощение. «Как

335 См. анализ причин русских неудач в Берлине: Виноградов К.Б. Указ. соч. *Međunarodni naučni skup povodom stogodišnice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama u istočnoj krizi 1875–1878. godine.* Sarajevo, 1977. Т. 1. С. 124–127.

336 История дипломатии. Т. 2. С. 90–91; Паскалева В. Австро-Венгрия и национальное движение на Балканах (1875–1877 гг.) // *Međunarodni naučni skup povodom stogodišnice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama u istočnoj krizi 1875–1878. godine.* Sarajevo, 1977. Т. 1. С. 148–150.

337 Русско-германские отношения 1873–1914. (Документы из Секретного Архива бывшего Министерства иностранных дел). М., 1922. С. 45–49.

теперь убеждать выходцев из Герцеговины и Боснии, чтобы они возвратились на родину? Какой безопасности могут они ожидать от султанского правительства, когда турецкие власти бессильны ограждать даже консулов от ярости мусульман», – писали «Московские ведомости» 1 мая 1876 г.

Русские дипломаты, внимательно следившие за развитием событий в Болгарии, и, в первую очередь сам посол в Константинополе Н.П. Игнатъев, полагали, что в данной ситуации уже не могли помочь реформы и частичные уступки, которых требовала от Порты европейская дипломатия³³⁸. Характерно, что именно в связи с восстанием в Болгарии Игнатъев впервые официально высказал мысль о возможности вмешательства в борьбу Сербии. Сообщая Гирсу о жестоком подавлении Апрельского восстания в Болгарии, Н.П. Игнатъев докладывал, что отряды болгарских повстанцев, разбросанные по горам, «будут неминуемо разбиты, если вступление в войну Сербии, или какие-либо другие внешние осложнения не отвлекут силы турок»³³⁹. В исторической литературе утвердилось мнение, что Н.П. Игнатъев инструктировал Карцова о необходимости подготовки Сербии к войне. Игнатъев в своих воспоминаниях, правда, утверждает обратное, уверяя, что «обвинения, возводившиеся на мои мнимые подстрекательства славян и увлечения, лишены всякого основания»³⁴⁰. По-видимому, Карцов, выполняя инструкции Игнатъева, а порой действуя самостоятельно, вел двойную игру, выражая готовность в своих донесениях в Петербург удержать Сербию от войны и одновременно в беседах с сербскими чиновниками

338 О позиции русской дипломатии по отношению к Апрельскому восстанию см.: Улунян А.А. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия. М., 1978. С. 86–91.

339 ОБТИ. Т. 1. Док. 105.

340 Игнатъев Н.П. Записки графа Игнатъева // Исторический вестник. 1914. Т. 135. № 2. С.445–446.

еще осенью 1875 г. заявлял, что сейчас войну начинать рано, а вот весной другое дело³⁴¹.

Л. Калевич вспоминал, что «Игнатьев (через Карцова) уверял нас, что в Петербурге думают иначе, чем говорят нам, и что Россия не оставит нас в случае поражения»³⁴². По-видимому, теперь, когда неуспех русских предложений в Берлине поставил под сомнение возможность мирного решения кризиса, Игнатьев считал возможным начало сербо-турецкой войны. Берлинский меморандум вызвал недовольство большей части русского общества и породил убеждение, «что Сербия рано или поздно будет вовлечена в войну»³⁴³. Член Петербургского славянского комитета А.М. Поршняков сообщал Председателю комитета А.И. Васильчикову из Рагузы, что решения Берлинской встречи погубят дело и что в связи с этим П.А. Монтеверде отправляет для напечатания в «Русском мире» воззвание к русскому обществу, «чтобы хоть оно не предало братьев, оставленных дипломатами в руках турок»³⁴⁴. Корреспонденция Монтеверде была напечатана в «Русском мире» (№ 133), и министр внутренних дел Тимашев за «резкие отзывы о деятельности европейской дипломатии для замирения Востока и воззвание к обществу с целью протеста против решений Берлинской конференции» признал нужным объявить этой газете второе предостережение³⁴⁵.

Единственным положительным моментом меморандума считали в России признание славянских повстанцев воюющей стороной, полагая, что это обязывает австрийское

341 Миличевић М. Одломци из дневника. 1869-1905. // Српски књижевни гласник. 1931. Књ. XXXIII. Нова серија. № 6. С. 430.

342 Каевић Љ. Моје успомене. Београд. 1908. С. 20.

343 Голос. 1876. 9 мая. № 128

344 РГИА. Ф. 651. Д. 905. Л. 2 об.

345 ОБТИ. Т.1. Док. 109

правительство относиться к ним несколько иначе³⁴⁶, и теперь им «будет дозволена открытая помощь»³⁴⁷.

Но вручение Порте Берлинского меморандума даже в таком урезанном виде не состоялось в связи с государственным переворотом в Турции. 18 (30) мая 1876 г. сторонниками Мидхата-паши был свергнут, а затем убит султан Абдул-Азиз, на престол был возведен Мурад V.

Этот переворот привел к власти в Османской империи ярых противников России и врагов мирного разрешения кризиса. А.М. Горчаков, предполагая возможный отказ турецких властей принять Берлинский меморандум, предложил отсрочить выступление пяти держав до прояснения политической обстановки. Ситуация же складывалась крайне неблагоприятная для балканских славян, так как в Турции росли милитаристские настроения. Русскому посланнику в Константинополе поступают донесения консулов из различных городов Османской империи – Битоли, Руцука, Солуни, Скутари, Янины, Смирны, Трапезунда, Эрзерума с сообщениями об откликах на падение султана Абдул-Азиза и воцарение Мурада V.

В донесениях говорится о всеобщем энтузиазме: «Рассказы о несметных миллионах, оставленных покойным султаном не только на покрытие государственного долга, но и на уплату жалованья и даже ведение войны с Черногорией и Сербией, особенно пленили воображение обнищавшего мелкого чиновничества и разоренного непомерными налогами простого народа. Отмена новым султаном обещанных Абдул-Азизом реформ в пользу христиан – составляет вторую причину радости мусульман»³⁴⁸.

346 Новое время. 1876. 5 мая. № 118.

347 ОР РГБ. Ф. 332. К.3. Д. 4. Л. 73.

348 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 28. Л.493 об. – 494.

Русскому правительству в связи с этими событиями все сложнее было демонстрировать Австро-Венгрии свое стремление удержать Сербию и Черногорию от войны, тем более, что на сербскую военную службу поступил русский генерал в отставке М.Г. Черняев и тотчас же принял самое активное участие в военных приготовлениях правительства.

5. «Ташкентский лев» в Сербии. Обстоятельства приезда М.Г. Черняева.

Генерал-майор в отставке М.Г. Черняев³⁴⁹ (1828-1898) был довольно заметной фигурой в общественно-политической жизни России. До выхода в отставку он прославился взятием Чимкента в 1864 г. и Ташкента в 1865 г. После чего его стали называть «Ташкентским львом». Известен он был и как ярый противник военных реформ, проводимых военным министром Д.А. Милютины, считавшим Черняева одним из главных своих противников. С 1873 г. Черняев стал редактировать газету консервативного и панславистского направления «Русский мир».

Черняев выехал из Москвы в Сербию 7 апреля 1876 г. Поездка эта, принесшая генералу поначалу столь громкую славу и такое множество упреков и обвинений в конце, была задумана им давно. Под влиянием славянофильских идей, поскольку уже первый номер аксаковского «Дня» от 15.X.1861 г. – произвел на Черняева огромное впечатление, он еще в 1867 г. во время обострения сербо-турецких отношений, в письме к сербскому князю Михаилу предлагал свои услуги «как в мирное, так и в военное время»³⁵⁰. Ответное письмо князя

349 Генералу Черняеву посвящена монография американского исследователя Дэвида Маккензи, на протяжении многих лет активно изучающего историю русско-сербских отношений и собственно историю Сербии в новое время. См. MacKenzie D. The Lion of Tashkent. N.Y., 1974.

350 Письма властителей Сербии к М.Г. Черняеву// Русский архив. 1914. № 1. С.26–28; Бурковић В. Односи између Српства и Русије од 1185–1903. Београд, 1903. С. 67.

Михаила, в котором тот благодарил, просил взять отпуск и приехать в Сербию, было вскрыто в России и о содержании его доложили Д.А. Милютину. Военный министр вызвал генерала и обвинил его в нарушении воинского устава. Черняев вскоре после этого вышел в отставку, но мысли о необходимости личного участия в славянской борьбе за свободу его не оставляли.

С началом восстания в Герцеговине, а затем в Боснии Черняев активизировал свою деятельность. Его газета «Русский мир» первой напечатала воззвание жертвовать в пользу герцеговинцев. Публикации газеты по славянскому вопросу содержали открытые призывы к активному вмешательству России в события на Балканах. Газета первая отправила еще летом 1875 г. в Герцеговину своего корреспондента П.А. Монтеверде, сообщения которого, публикуемые в «Русском мире», были наполнены упреками в пассивности в адрес русского правительства, что неоднократно вызывало нарекания в адрес газеты со стороны министерства внутренних дел.

Осенью 1875 г. Черняев помог выехать в Герцеговину первым русским добровольцам³⁵¹. Тогда же, в сентябре И.С. Аксаковым, была предпринята попытка получить деньги у московских купцов на финансирование экспедиции Черняева в Герцеговину во главе отряда из 10 офицеров и 50 солдат³⁵². Но большого энтузиазма у московских славянофилов эта идея в то время не вызвала. Зимой 1875-76 гг. Черняев писал Монтеверде: «Оба комитета (Петербургский и Московский – Л.К.) выразили желание, чтобы я ехал в Герцеговину для организации военной части... Из моих писем вы могли догадаться об моем давнишнем желании принять участие в этом общеславянском деле, и если я воздерживался до сих пор, то единственно по неимению достаточных средств»³⁵³.

351 РО ИРЛИ (Пушкинский дом). 5370. XXVII. Д. 253. Л. 8 об.

352 ОР РГБ. Ф. 332. К. 3. Д. 3. Л. 115–117 об.

353 РО ИРЛИ (Пушкинский дом). 5370. XXVII. Д. 253. Л. 12 об.

О намерениях Черняева стало известно царскому правительству и по приказу Александра II за ним было установлено секретное наблюдение. 7 февраля 1876 г. шеф жандармов А.Л. Потапов лично объявил Черняеву, «что его величеству неудобно, чтобы генерал Черняев уезжал в Герцеговину и содействовал инсургентам»³⁵⁴. Но, узнав о военных приготовлениях в Сербии, Черняев приехал в Москву, где лидеры славянского комитета при посредничестве сербского митрополита Михаила выясняли реакцию сербского князя на возможный приезд генерала в Сербию.

Получив положительный ответ из Сербии, Московский славянский комитет выдал Черняеву 6 тыс. рублей и помог ему тайно выехать в Сербию³⁵⁵.

В исторической литературе долгие годы существовало мнение, что приезд Черняева явился определяющим фактором для начала войны Сербии и Черногории с Турцией³⁵⁶. Документы же неопровержимо свидетельствуют, что к моменту приезда Черняева в Сербию не только завершились военные приготовления, но и был уже выработан план кампании³⁵⁷. С.А. Никитин, говоря о том, что война с Турцией к приезду Черняева была делом решенным, отмечает, однако, что «факт его приезда имел бы неизмеримо меньшее значение, если бы Черняев прибыл сам по себе, без предварительной перепiski славянского комитета с сербским правительством»³⁵⁸.

354 ОБТИ. Т. 1. Док. 85.

355 Об обстоятельствах отъезда Черняева см.: Дурново Н.Н. К истории сербо-турецкой войны 1876 г. // Исторический вестник. 1899. № 2. Т. XXV. С. 531–537.

356 См., например, Карцев Ю.С. За кулисами дипломатии // Русская старина. 1908. Т. 133. С. 571; Т. 134. С. 313; Јовановић Сл. Влада Милана Обреновића. Књ. II. Београд, 1934. С. 9–23.

357 Записници седница... С. 166–169.

358 Никитин С.А. Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875–76 гг. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957. С. 49.

В сербской историографии также констатируется, что приезд Черняева лишь давал Ристичу дополнительные гарантии русской помощи, во всяком случае со стороны славянских комитетов.³⁵⁹

Какова же была цель славянских комитетов и почему выбор их пал на Черняева? Ведь Аксаков и другие славянофильские лидеры не переоценивали ни полководческих, ни личных качеств отставного генерала. «Непонятно, как могли люди, близко знавшие его, поставить на высокий административный пост, где практический смысл и выдержка необходимы, удивляться, что он понаделал промахов, а потом преследовать его и колоть этими промахами почти до самой гробовой доски», – писал племянник русского консула в Белграде и исследователь событий кризиса Ю.С. Карцев.³⁶⁰ Г.К. Градовский в своих воспоминаниях подчеркивал, что когда в Сербию отправился М.Г. Черняев, для него было несомненно, что «кроме позора и бед из этого предприятия ничего не выйдет»³⁶¹, об этом же говорится и в его перлюстрированном письме к А.Д. Градовскому от 31 июля 1876 г.³⁶² И.С. Аксаков же так объяснял свой выбор самому Черняеву: «Тут нужен был человек более хладнокровный, хотя нет сомнения, хладнокровный человек не отважился бы на то дело, которое вы так смело предприняли».³⁶³

Несомненно одно: славянские комитеты, посылая Черняева, не рассчитывали на длительную самостоятельную борьбу Сербии и Черногории с Турцией, их задачей было заста-

359 Живот и рад Јована Ристића. Београд, 1985. С. 64.

360 Карцев Ю.С. За кулисами дипломатии // Русская старина. 1908. Т.134. С. 313.

361 Градовский Г.К. Архистратиг славянской рати // Образование. 1909. № I. С. 115–116.

362 ОБТИ. Т. 1. Док. 189.

363 Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф.208. М.Г. Черняев. Д. 42. Л. 58.

вить более активно вмешаться в балканские события русское правительство. Аксаков излагал Черняеву впоследствии, как он представлял себе цели и задачи деятельности отставного русского генерала на Балканах: «... Снаряжая вас в Сербию и потом, отправляя добровольцев, я имел в виду вызвать именно официальное участие России и никогда не верил в возможность решать дело деятельностью одних комитетов»³⁶⁴.

М.Г. Черняев, несколько преувеличивая свою роль, писал в автобиографии о своем отъезде в Сербию: «... Я поехал в Москву к Аксакову и говорю ему, эти сербы будут Бог знает сколько времени толковать, если им не будет дан толчок, и что я решил ехать туда»³⁶⁵. И хотя война была уже решена в Сербии, но приезд Черняева, писал митрополит Михаил Аксакову, придавал сербам уверенность в сочувствии России³⁶⁶.

Совсем иной была реакция на самовольную выходку М.Г. Черняева официального Петербурга. Русское правительство с негодованием восприняло нарушение генералом данного им обещания не ездить на Балканы.³⁶⁷ В ответ на запрос из Петербурга, поступил ли Черняев в Сербии на службу³⁶⁸, 8 мая 1876 г. Карцов телеграфировал: «Черняев прибыл в Белград 10 дней тому назад, явился ко мне как турист и редактор «Русского мира». Князь Милан просил его подать свое мнение об оборонительных работах и военной организации Сербии. С этой целью Черняев отправился внутрь страны. О поступлении же его на сербскую службу до сих пор не было речи»³⁶⁹.

Впоследствии Черняеву ставилось в вину то, что ознакомившись с военным потенциалом Сербии, он не отсоветовал князю Милану начинать войну. Следует отметить: и

364 Там же. Л. 9 об.

365 Там же. Д. 56. Л. 5 об.

366 ОБТИ. Т. 1. Док.108.

367 Милютин Д.А. Дневник. М., 1949. Т. II. С. 53.

368 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 17. Л. 299.

369 Там же. Л. 325.

в рапортах Аксакову, и в отчете сербскому князю о поездке на Мораву Черняев неустанно подчеркивал неготовность Сербии к войне.³⁷⁰ Сразу же после прибытия в Белград он сообщал Аксакову: «Меня приняли здесь очень хорошо, но, к сожалению моему, возлагают на меня слишком большие надежды. Между тем у них для войны недостает многого, прежде всего денег»³⁷¹.

Александр II был категорически против поступления Черняева на сербскую службу, и Карцов должен был предупредить генерала об этом. Но 12 мая 1876 г., несмотря на предупреждения, Черняев «принял присягу на сербское подданство и сделан главнокомандующим»³⁷². Карцов сообщил в МИД, что он просил Черняева «прекратить со мною всякие сношения до получения о нем резолюции». На полях донесения Карцова, сообщающего о беседе с Ристичем, в которой русский агент назвал «поступок князя Милана легкомысленным и лишенным должного им нашему правительству уважения», Александр II пометил: «Да, по меньшей мере, а со стороны Черняева лишаящей его всех прав прежнюю службу у нас приобретенных»³⁷³. Было сделано также распоряжение «О вызове генерала Черняева обратно в Отечество»³⁷⁴. По-видимому, это не было осуществлено лишь благодаря настойчивым рекомендациям Н.П. Игнатьева, считавшего что после свержения султана Абдул-Азиза, «сербо-черногорская авантюра

370 ОПИ ГИМ. Ф. 208. Д. 14. Л. 84; Д. 56. Л. 6.

371 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 14 (Аксаков И.С.). Д. 387. Л. 2 об.

372 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 16. Л. 328; См. также: Записницы седница... С.174.

373 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 16. Л. 327.

374 РГИА. Ф.1282 (Канцелярия Министра Внутренних Дел). Оп. 2. Д. 172. (Дело по канцелярии министра внутренних дел о вызове генерал-майора Черняева из Сербии в Россию).

единственный оставшийся шанс прижать Турцию к стене и заставить ее покориться».³⁷⁵

После успешного окончания русско-турецкой войны Александр II предпочел забыть о своем требовании – немедленно вернуть Черняева в Россию, и в отредактированной лично царем статье В.А. Соллогуба (1878 г.) по этому поводу говорилось, что «император не хотел ни торопить событий, ни препятствовать силою тому, что уже было издавна начертано в книге судеб».³⁷⁶ Но, по-видимому, в конце мая 1876 г. император еще не до конца уверовал в неизбежность «книги судеб», ибо Сербии 19 мая вновь делается предупреждение о неодобрении Россией военных приготовлений, а 26 мая Карцов объявил князю и Ристичу «решительно, что они не должны рассчитывать ни на какую поддержку России».³⁷⁷

Одновременно русское правительство соглашалось на заведомо обреченную на неуспех попытку Ристича сделать предложение Порте отдать Боснию в управление Сербии, а Герцеговину – Черногории «с платою за них дани султану и ручательством от обоих князей быстро водворить мир и спокойствие без обиды для мусульманского населения».³⁷⁸

Состояние вооруженных сил Сербии не представляло для русского военного министерства тайны. Еще за десять лет до начала кризиса военный министр Российской империи способствовал русско-сербским консультациям по вопросу подготовки сербской армии к возможной войне. Внешнеполитические задачи Сербии требовали создания профессио-

375 Карцев Ю.С. За кулисами дипломатии // Русская старина. 1908. Т.134. С.72–73.

376 Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 году. СПб., 1878. С. XI.

377 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 16. Л. 330.

378 Там же. Л. 333.

нальной, хорошо вооруженной армии, укомплектованной офицерским корпусом³⁷⁹.

В 1862 г. после обстрела турецким гарнизоном Белградской крепости мирного населения города, сербское правительство обратилось за помощью к России. Сербия остро нуждалась в оружии и артиллерии, и здесь на помощь пришла Россия. Русское военное министерство тайно переправило в 1862 г. в Сербию «около 40 тысяч ружей, 3 тысячи сабель и несколько других предметов вооружения»³⁸⁰. Сербское правительство просило также оказать содействие в ликвидации турецких гарнизонов в сербских городах. В 1867 г. дипломатические усилия России увенчались успехом, и все турецкие войска покинули Сербию. Сербия стала усиленно готовиться к войне против Османской империи в союзе с другими балканскими народами. Свою помощь в 1867 г. Сербии предлагали русские военные Н.Н. Раевский и М.Г. Черняев, сотрудничающие со славянскими комитетами России³⁸¹. Сербский князь Михаил Обренович обратился в 1867 г. к русскому военному министру с просьбой о помощи в подготовке сербской армии к предстоящим боевым действиям.

В Сербию для анализа состояния сербской армии, и прежде всего артиллерии, была направлена русская военная миссия³⁸². В нее входили полковник Генерального штаба, профессор тактики Николаевской академии Г.А. Леер, инженер-полковник В.И. Постельников и капитан конной

379 Анализ русско-сербских отношений в 60-е гг. см. Леовац Д. Србија и Русија за време друге владавине кнеза Михаила(1860-1868). Београд, Службени гласник. 2015.

380 Милютин Д.А. Воспоминания. 1860-1862. М., 1999. С. 434-437.

381 Шемякин А.Л. Тайная миссия Н.Н. Раевского на Балканах в 1867 г. // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. М., 2004. С.239-247.

382 Милютин Д.А. Воспоминания. 1865-1867. М., 2005. С.540-551. Милютин Д.А. Воспоминания. 1860-1862. М., 1999. С. 434-437.

артиллерии Н.А. Снеissorев³⁸³. Русские офицеры вместе проинспектировали состояние сербских фортификационных сооружений, и в первую очередь в Белграде, осмотрели оружейные мастерские, дали оценку сербской артиллерии. Русские эксперты пришли к выводу, что сербская армия к войне не готова и предложили комплекс мер по быстрой реорганизации армии³⁸⁴. Свои предложения они передали как в Российское военное министерство, так и сербскому военному министру Милюе Блазнавацу. Полковнику Снеissorеву поступило даже предложение от сербского правительства поступить на сербскую военную службу. Русский офицер от этого предложения отказался, поскольку пришел к выводу, что ни сам князь, ни его военное министерство не собираются вести боевые действия, а рассчитывают на внешнеполитическую поддержку России. В своих донесениях русскому военному министру он писал о разладе в сербском руководстве, в том числе и военном, о двуличии сербского военного командования, которое ведет тайные переговоры с австрийскими представителями. Состояние вооруженных сил Сербии не давало оснований рассчитывать на противостояние мощной турецкой армии.

Конец мая 1876 г., таким образом, хронологически стал той критической точкой для определения позиции России по отношению к возможной войне Сербии с Турцией. В это же время рельефно вырисовываются разногласия и в самой царской семье, где в поддержку Сербии высказывались наследник и императрица³⁸⁵. О том, что «если государь против

383 Фамилия полковника Снесарева встречается в разных написаниях – Снеissorев, Снеissorев, Снезарев. Д.А. Милютин именует его Снесарёв.

384 Подробный анализ деятельности русской военной миссии в Сербии дал в своей монографии сербский исследователь Данко Леовац; Леовац Д. Србија и Русија за време друге владавине кнеза Михаила (1860-1868). Београд. Службени гласник. 2015. С.210-251.

385 ОР РГБ. Ф.126 (Киреевы и Новиковы). К. 6. Л.122 об. (Дневник А.А. Киреева).

войны, его сын-наследник стоит во главе движения»³⁸⁶, просил не забывать Карцова Горчаков, инструктируя его в конце мая в Эмсе по вопросу о позиции России по отношению к предстоящей войне. Вернувшись из Эмса в Белград, и анализируя ситуацию в княжестве, Карцов доносил Игнатьеву 31 мая 1876 г.: «Общее мнение таково, что если войны не будет, то произойдет восстание против Милана»³⁸⁷. При этом Карцов полагал, что есть еще возможность выйти из этого ужасного положения и без войны.

Поскольку нет оснований подозревать Карцова в неискренности в письме своему патрону, то скорее всего в этот решающий для Сербии момент русский дипломатический агент не пользовался доверием Милана и Ристича. По-видимому, полагая, что Карцов может помешать военным приготовлениям Сербии, от него, прежде пользующегося доверием князя, скрывается целый ряд важных сербских инициатив. Он и сам признается в этом, телеграфируя в Петербург, что Протич отправлен в Россию хлопотать о займе тайно от него. «Сенатор Матич получил командировку в Венецию – писал он, - цель которой мне неизвестна, так как хранится в глубокой тайне»³⁸⁸. Целью же было заключение союзного договора с Черногорией.

Между тем этой тайной, а также и другими сербскими планами князь Милан делится с Черняевым, излагая и обстоятельства заключения договора с Черногорией, и откровенно объясняя, что предлагая Турции передать Боснию Сербии мирным путем, «мы не единой минуты не предполагали, что Порты выслушает благосклонно наши предложения, но мы считаем достойнее не нападать на Турцию как разбойники, а предварительно подготовить почву дипломатического раз-

386 Карцев Ю.С. За кулисами дипломатии // Русская старина. 1908. Т.134. С. 70.

387 ОБТИ. Т.1. Док.119.

388 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д.16. Л. 342.

рыва»³⁸⁹. Закономерно, что Карцов пользовался наибольшим доверием Милана на протяжении всего периода подготовки к войне, т.е. именно тогда, когда русский представитель не противодействовал военным приготовлениям Сербии. Сербское княжество в это время активно готовилось к войне. За время шестимесячного правления кабинета Л. Калевича (26.IX.1875-24.IV.1876 гг.) состоялось 108 заседаний Совета министров, и практически все они были посвящены вопросам предстоящих военных действий: закупке вооружения, обмундирования, заключению военной конвенции с Черногорией, мерам по финансовому обеспечению, помощи повстанцам, необходимости присоединения к Женевской конвенции 1864 г. и т.п.³⁹⁰

«С первой половины минувшего года сербское правительство начало приготовления к войне. Военное министерство ревностно занялось приведением в порядок боевых сил и средств княжества, снабжением войска ружьями одного образца, исправлением пограничных укреплений и закупкой за границую оружия, лошадей и припасов»³⁹¹, - отмечалось в отчете МИД России за 1876 г.

В конце мая 1876 г. сербский военный министр Т. Николич обратился с ходатайством к Д.А. Милютину «чтобы русское правительство не препятствовало доставке в Сербию всего нужного ей в виду предстоящего разрыва с Турцией».³⁹² А сербский князь Милан накануне объявления войны, 15 июня

389 Письма властителей Сербии к М.Г. Черняеву // Русский архив. 1914. № 1. С.36–39. (Письмо князя Милана к М.Г. Черняеву 5. VI .1876 г.)

390 Записници седница Министарског Савета Србије 1862-1893. Београд, 1952. С.140-163.

391 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. Отчет по Азиатскому департаменту за 1876 г. Л.272.

392 Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877-78 гг. на Балканском полуострове. Вып. VI (Документы из секретных бумаг ген.-ад.Милютина). СПб.,1911. С.22-23; Милютин Д.А. Дневник. Т.II . С.50.

1876 г. направил Александру II письмо, в котором вверил себя и свою страну его отеческой заботе.³⁹³

Как и предполагали князь Милан и его первый министр Ристич, турецкие власти отказалась удовлетворить требования о присоединении Боснии к Сербскому княжеству. Отказ этот был выдвинут сербским правительством в качестве *casus belli* в ноте османскому правительству. Порта не ответила на ноту сербского князя «и ограничилась только заявлением представителям держав в Константинополе, что не нарушит 29-ой статьи Парижского трактата до тех пор, пока сербы сами не начнут наступательных действий. Вслед за тем сербский агент Магазинович выехал из Константинополя и война была объявлена».³⁹⁴ Князь Милан 18 июня обратился к своему народу с Манифестом о начале войны с Османской империей. Манифест начинался с обращения: «Моему дорогому народу!» Этому народу предстояло на протяжении следующих четырех месяцев пройти тяжелый путь побед и поражений.

Итак, можно констатировать, что с начала боснийско-герцеговинского восстания 1875 г. и практически до окончания сербо-турецкой войны 1876 г., главным вопросом для сербской внешней политики была судьба Боснии, в той же степени, что для Черногории судьба Герцеговины и получение выхода к морю. Босния – это жизненно важная для Сербии территория, и Ристич надеялся, что с помощью России удастся ее получить.

Россия же все это время стремилась к тому, чтобы не дать Австро-Венгрии завладеть Боснией. В сложной политической игре с Австро-Венгрией, Турцией, ее покровительницей Англией – Горчаков и русская дипломатия использовали Сербию. На первом этапе попыток дипломатическим путем решить вопрос о восставших провинциях в России считали преждевременным выступление Сербии, что усложнило бы и

393 Ристић Ј. Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност. 1875-1878. Т. 1. Београд, 1896. С.113.

394 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1876. Л. 279 об.–280.

переговоры с Турцией, и насторожило бы Австро-Венгрию, решительную противницу роста Сербского княжества. Но «Нота Андраши» ясно представила русскому правительству тайные замыслы Австро-Венгрии – всячески избегать кардинального решения судьбы Боснии и Герцеговины. Ведь автономия провинций – прямой путь к последующему их воссоединению с Сербией и Черногорией, об этом стремлении говорится и в программах боснийских и герцеговинских повстанцев.

Внешне соглашаясь с Австро-Венгрией, а втайне разрабатывая планы противодействия ее намерениям, русская дипломатия начала реально изучать возможность войны Сербии и Черногории против Турции, полагая, что такая угроза сделает последнюю сговорчивее. Пока в Сербии и Черногории шли военные приготовления, на которые Россия смотрела «сквозь пальцы», без энтузиазма присоединяясь к возмущенным демаршам Австро-Венгрии, Горчаков выработывал свой план дипломатического урегулирования кризиса, который он повез в Берлин. Центральная его мысль – возврат к идее автономии Боснии и Герцеговины.

Однако Бисмарк не поддержал Горчакова, а Андраши решительно воспротивился русскому проекту и свел его практически к требованиям предложенной им «Ноты». Проведение в жизнь русских планов осложнилось и в связи с переворотом в Турции, где к власти пришли крайне воинственные круги, не склонные к компромиссам с мятежниками. Позиция же Великобритании, стремящейся прежде всего сохранить свое влияние на Востоке и не допустить усиления позиций России на Балканах, также продолжала служить существенным препятствием усилиям русской дипломатии.

При такой международной ситуации, когда было ясно, что мирным путем решить вопрос не удастся, Россия уже не препятствовала военным устремлениям княжеств. Возникла мысль о том, что благодаря военной угрозе конфликт будет локализован, а последующее энергичное дипломатическое

вмешательство позволит добиться от Порты серьезных уступок в деле реформ на Балканах.

Анализ событий августа 1875 – мая 1876 г. дает основания утверждать, что официальная Россия не только не подталкивала Сербию и Черногорию к войне, но, напротив, по крайней мере, до середины февраля 1876 г. решительно осуждала военные настроения в княжествах. Но главная внешнеполитическая задача Сербского княжества – объединение всех сербов в их этнографических границах – заставляла правительство Сербии с каждым новым проявлением посягательства Австро-Венгрии на Боснию активнее готовиться к войне.

Несостоятельность дипломатических усилий побуждала Петербург в свою очередь смириться с военными приготовлениями Сербии. Но если возможность передачи Боснии в сферу австрийского влияния была для России нежелательна, то усиление австрийского влияния, или тем более оккупации Сербии, были просто недопустимы. На всем протяжении Восточного кризиса Российская империя защищала интересы Сербии, что входило в ее внешнеполитическую программу укрепления позиций на Балканах. Этой же цели подчинены были и усилия русской дипломатии по сглаживанию сербо-черногорских противоречий. Сдерживать Сербию от активных действий мешал и еще один немаловажный фактор – небывалый подъем русского общественного мнения в защиту балканских славян. Данное обстоятельство служило сербским государственным деятелям дополнительной гарантией того, что Россия не останется безучастным зрителем в случае войны.

Канцлер Горчаков прекрасно понимал, что значит для укрепления авторитета правящего кабинета Сербии поддержка России. Еще в 1872 г. он отмечал рост престижа регентов после того как они организовали визит молодого сербского князя к русскому императору. Это дало им основание утвер-

ждать, что Россия одобряет их политику.³⁹⁵ По-видимому, этот опыт заставил Горчакова настоять, чтобы в период правления первого «министерства действия» Александр II отказался принять князя Милана в Ливадии, ведь это дало бы дополнительный козырь Ристичу. Во время же второго министерства действия, накануне вступления Сербии в войну, таким козырем для Ристича явилась поддержка славянских комитетов, приславших для помощи Сербии генерала М.Г. Черняева.

395 Поплыко Д.Ф. Проблемы освобождения народов Балканского полуострова в русско-сербских отношениях начала 70-х гг. XIX в. // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 2. С.187.

Глава III.

Неравная схватка. Сербо-черногорско-турецкая война 1876 г. и Россия

1. Начало войны. Рейхштадтское свидание.

Основной целью Сербии в начавшейся войне было окончательное освобождение от вассальной зависимости и образование самостоятельного национального государства, полноправного субъекта международного права. Начиная войну, правительство Сербского княжества рассчитывало одновременно и на значительное территориальное расширение государства. Программа «Начертание» разработанная еще в 40-е гг. XIX в. оставалась неизменно той целью, которой была подчинена внешнеполитическая стратегия Сербии³⁹⁶.

Ученые по-разному интерпретируют стремление Сербии получить независимость и увеличить свою территорию. Если вопрос о необходимости достижения независимости, как неперемennого условия модернизации не вызывает у исследователей сомнений, то способы его достижения и программа последующего расширения является предметом научной и политической полемики на протяжении последних ста пятидесяти лет.

После подавления Апрельского восстания в Болгарии рухнули надежды на общеебалканское восстание, поэтому, начиная войну, сербское правительство, хорошо понимало, что реальных союзников кроме Черногории у Сербии не будет.

396 См. Лушић Р. Књига о Начертанију: национални и државни програм Кнежекине Србије (1844). Крагујевац, Јефимија. 2003.

Переговоры о союзе с независимой Грецией и возможным вступлением ее в войну оказались безрезультатными. Рассчитывать оставалось только на поддержку России.

Несмотря на то, что императорский кабинет официально высказал неодобрение военным приготовлениям княжества, перед тем как начать войну сербские политические деятели все же попросили обратиться за поддержкой к официальному Петербургу. В конце мая 1876 г. сербский военный министр Т. Николич обратился с ходатайством к Д.А. Милютину «чтобы русское правительство не препятствовало доставке в Сербию всего нужного ей в виду предстоящего разрыва с Турцией».³⁹⁷ А сербский князь Милан накануне объявления войны, 15 июня 1876 г. направил Александру II письмо, в котором вверил себя и свою страну его «отеческой заботе».³⁹⁸

Русское правительство с первых же дней сербо-турецкой войны предприняло шаги к урегулированию дипломатической стороны вопроса. Первая попытка выявить позицию Австро-Венгрии имела место при свидании русского и австрийского императоров в Рейхштадтском замке в Чехии 26 июня (8 июля) 1876 г. На встрече присутствовали и министры иностранных дел России и Австро-Венгрии - А.М. Горчаков и Д. Андраши, которые и вели записи секретных переговоров двух монархов по вопросу о будущем Европейской Турции.

В ходе переговоров не было подписано никакого официального документа. Итоги достигнутого соглашения были в отдельности изложены обеими сторонами в двух записях, в ряде пунктов, расходившихся друг с другом.³⁹⁹ Прежде всего в ходе свидания решался вопрос о возможном исходе сербо-черногоро-турецкой войны и в связи с этим о судьбе

397 Особое приращение... Вып. VI (Документы из секретных бумаг ген.-ад. Милютина). СПб., 1911. С.22-23; Милютин Д.А. Дневник. Т. II. . С.50.

398 Ристић Ј. Дипломатска историја...Т. 1 . С.III.

399 Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917 М., 1952. С.144-147.

балканских территорий Турции. Россия и Австро-Венгрия, условившись придерживаться принципа невмешательства, решили добиваться в случае поражения Сербии восстановления довоенного status quo.

В ходе переговоров по вопросу судьбы турецких провинций на Балканах, в случае удачного исхода начавшейся войны, австро-венгерская сторона впервые предъявила претензии на ряд территорий, и прежде всего, на Боснию. Эта часть Рейхштадтских переговоров, касающаяся будущих территориальных изменений Сербии, Черногории и австро-венгерских претензий, а также обещание России не оказывать содействия образованию большого славянского государства дала повод многим исследователям беспелециозно заявлять о «разделе сфер влияния на Балканах», «предательстве Россией национальных интересов Сербии и балканских славян». Специалисты, занимающиеся международными отношениями полагают, что Рейхштадтское соглашение стало успехом Союза трех императоров, поскольку препятствовало развитию конфликта между Россией и Австро-Венгрией⁴⁰⁰.

Отечественные историки не раз обращались к Рейхштадтскому соглашению, которое С.А. Никитин в силу того, что формального акта подписано не было, рекомендовал именовать Рейхштадтскими переговорами, говорили о сомнительности этого сговора с Австро-Венгрией⁴⁰¹, справедливо отмечали, что Россия придерживалась по отношению к освободительному движению балканских народов той же позиции, что и с самого начала восточного кризиса.⁴⁰² Что же все-таки

400 Сироткина Е.В. Дьюла Андраши, восточный вопрос и развитие австрийско-российских отношений в 70-е годы XIX века// *Славяноведение*. 2018. № 5. С.10.

401 Никитин С.А. *Очерки по истории...* . С.176; Улунян А.А. *Апрельское восстание...* . С.98-99.

402 Бочкарева С.И. (Данченко С.И.) *Русско-сербские отношения в 1875-1878 гг.*//*Советское славяноведение*. 1977. № 4. С.43.

значили итоги этих очень сложных переговоров в Рейхштадте для Сербии и союзной ей Черногории? Внимательный анализ текстов русской и австрийской записей, расходящихся в деталях, свидетельствует о том, что русские представители сделали многое для защиты интересов двух славянских княжеств.

Прежде всего, гарантировалось само существование Сербского княжества, даже в случае его поражения. А.А. Киреев писал в связи с этим в своем дневнике: «Для нас, русских, важно одно обстоятельство - чтобы существование Сербии было гарантировано даже в случае неудачи. И это кажется будет принято Европой».⁴⁰³

Вторым важным и реальным итогом Рейхштадтского соглашения было то, что России удалось добиться согласия Австро-Венгрии закрыть для турок порт Клек на Адриатическом побережье. Именно через гавань Клека прибывали турецкие отряды для подавления восстания в труднодоступной Герцеговине, а также происходило снабжение турецкой армии, расквартированной в Боснии.⁴⁰⁴ Россия пыталась добиться у Андраши закрытия Клека еще в августе 1875 г.⁴⁰⁵, но безуспешно. Сделать это удалось лишь почти год спустя. «Благодаря Рейхштадтскому свиданию, дальнейший подвоз турецких войск прекращается в Клек», – писала 1 июля 1876 г. газета «Новое время».⁴⁰⁶ О том, насколько важно было это решение для боевых действий союзницы Сербского княжества – Черногории, свидетельствует донесение русского консула И.С. Ястребова Игнатьеву 16 июля 1876 г.: «турками овладела паника еще сильнее при вести о закрытии Клека, куда ждали 20 батальонов».⁴⁰⁷

403 ОР РГБ. Ф.126. К.6. Л.125.

404 См. ОБТИ. Т.1. Док.8 и примечания.

405 Там же. Док.16.

406 Новое время. 1 июля 1876 г. № 121.

407 АВПРИ. Ф. ГА- VA2. Д. 634 (Мосгар. 1876). Л.10.

Первым из сербских историков, объективно оценившим защиту Россией в Рейхштадте сербских интересов был академик Васа Чубрилович. В одной из ранних своих работ, посвященных различным аспектам восточного кризиса 1875-1876 гг. – «Рейхштадтское соглашение (8 июля 1876 г.)»⁴⁰⁸ – Чубрилович дал оценку результатам свидания двух императоров. Россия, по его мнению, сумела защитить Сербию от возможного вмешательства Австрии в войну с Турцией, чего боялись в Белграде, и смогла предотвратить тайную помощь туркам со стороны Австрии, в особенности в Боснии и Герцеговине. Доказывая, что Россия по отношению к Сербии на встрече играла роль защитника, В. Чубрилович полемизировал с теми, кто обвинял русское правительство в том, что оно согласилось на расширение Австро-Венгрии на Балканах. При этом он не отрицал, что русская политика на Балканах зачастую была колеблющейся, эгоистичной, зависела от позиции той или иной влиятельной личности в Петербурге, но и со стороны Сербии всегда предъявлялись чрезмерные требования к России. Сербский исследователь пришел к выводу, что, отстаивая интересы Сербии и Черногории в Рейхштадте, русский царь искренне старался защитить Сербию от Австрии. И если Россия не смогла в Рейхштадте обеспечить Сербии Душаново царство, - считал ученый, - она все же продемонстрировала желание помочь ей сделать это самостоятельно⁴⁰⁹. Чубрилович полагал также, что вопрос о судьбе Боснии и Герцеговины не был еще решен окончательно.

К такому же выводу пришел и Сл. Йованович в своей рецензии на книгу английского историка Б. Самнера «Россия и Балканы. 1870-1880 гг.» полагая, что Самнер слишком пря-

408 Чубрилович В. Райхштатски споразум (8 јул 1876) // «Српски књижевни гласник». Нова серија. Београд, 1931. Књ. XXXIII . Бр. 3. С.187-194; Бр.4 . С.285-293.

409 Там же. С.293; Чубрилович В. Историја политичке мисли... С.250

молинейно подошел к вопросу о сговоре России с Австрией.⁴¹⁰ По мнению Сл. Йовановича, Россия в период Рейхштадтского соглашения боролась до конца против оккупации Австро-Венгрией всей территории Боснии и Герцеговины. Во всяком случае, о Герцеговине речь не шла вовсе. Лишь позже, накануне русско-турецкой войны под давлением страшной перспективы остаться снова, как в период Крымской войны, в изоляции, российская сторона пошла на заключение Будапештской конвенции.

Споры по поводу оценки Рейхштадтского свидания не утихают в сербской историографии. Так, известный исследователь Милорад Экмечич полагал, что уже в Рейхштадте Балканы были разделены на сферы влияния между Россией и Австро-Венгрией. Он отмечал при этом закономерность русских уступок Австро-Венгрии, так как Россия, по его мнению, уже с 40-х гг. XIX в. была против объединения вокруг Сербии южных славян.⁴¹¹ Подобная трактовка русской политики в отношении Сербии небезупречна. Достаточно обратиться к сюжетам русско-сербских отношений в период правления князя Михаила и создания первого Балканского союза, чтобы увидеть стремление русского правительства к укреплению позиций Сербского княжества на Балканах.

Доказывая, что Россия после, поражения в Крымской войне была заинтересована в создании крупного славянского государства на Балканском полуострове, С.А. Никитин писал, что по мнению Горчакова, Сербии предстояло сыграть особую роль на Балканах, поскольку обладая известной военной организацией и упорядоченной администрацией она «станет силою вещей ядром, вокруг которого будет происходить груп-

410 Йовановић Сл. (Sumner V.H. *Russia and the Balkans 1870 - 1880*. Oxford. At the Clarendon Press. 1937.) // Југословенски историјски часопис. Љубљана-Загреб-Београд. 1939. година IV. Св.1-2. С. 118-122.

411 Екмечић М. Историјски значај народних устанка у Великој источној кризи од 1875 до 1878 године // Србија у завршној фази ...» . С.490-497.

пировка, или точкой опоры для христианских народов, когда они решат стряхнуть оттоманское господство».⁴¹²

На встрече в Рейхштадте российская сторона вынуждена была согласиться на пункт о недопустимости создания большого славянского государства в обмен на гарантию того, что Австро-Венгрия не будет угрожать Сербии оккупацией. «Существование Сербии гарантировано, – писал сербский митрополит Михаил А.А. Кирееву, – это и составляет хорошую сторону Рейхштадтского свидания».⁴¹³ Россия вынуждена была согласиться на неприсоединение Боснии к Сербскому княжеству, но продолжала отстаивать принципы национальной автономии Боснии и Герцеговины.⁴¹⁴ Таким образом, неправомерны утверждения об «антисербской направленности» русской позиции в Рейхштадте.

О ряде вопросов, обсуждавшихся в Рейхштадте и касавшихся сербских интересов, Горчаков поставил в известность сербское правительство через присланного Ристичем для переговоров о займе председателя сербского кассационного суда М. Протича.⁴¹⁵ В письме Аксакову о Результатах встречи с Горчаковым, который принял его, вернувшись из Рейхштадта, Протич писал: «насчет лучшей будущности Сербии не только вынес из кабинета министра иностранных дел утешения, но, напротив, вышел оттуда в отчаянии».⁴¹⁶ Такое впечатление

412 Цит. по: Никитин С.А. Очерки по истории... С.163.

413 ОР РГБ. Ф.126. К.6. ЛЛ.126 об.-127.

414 См. подробнее: Вяземская Е.К. Российская дипломатия и вопрос об автономии Боснии и Герцеговины в 1876 г. // «Советское славяноведение». 1984. № I. С.17-32; Она же. Из предыстории Будапештской конвенции 1877 г. (депонированная рукопись в ИНИОН АН СССР № 17124 от 14.06.84).

415 Протич был направлен в Россию в конце мая - начале июня 1876 г. (ОБТИ. Д.120; Россия и национально-освободительная борьба на Балканах Д.61 См. о его миссии: Никитин С.А. Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян. С.45-47.

416 ОБТИ. Т.1. Док.154.

произвело на Протича сообщение Горчакова о русском нейтралитете и о судьбе Боснии, которая Сербии не достанется. В.И. Ламанский так передавал слова Горчакова в письме к Аксакову: «Три раза категорически объявляет Протичу, что вы Боснию не получите ни за что, хотя бы и разбили турок... В случае самого лучшего для вас исхода может быть дадут вам что-нибудь для округления границ».⁴¹⁷

Милослав Протич, ставший впоследствии сербским представителем при русском дворе, должен был добиться для Сербии русского займа, т.к. получить заем на ведение войны во Франции, Бельгии и Голландии не удалось. Сербия нуждалась в средствах, в конце апреля в княжестве был объявлен внутренний добровольный и принудительный заем на сумму 12 млн. динаров.⁴¹⁸ Но деньги нужны были срочно, об этом беспрестанно писал в славянские комитеты и Черняев.

Поскольку официальная Россия в апреле-мае 1876 г. демонстрировала перед Европой свое неодобрение военных приготовлений Сербии, Протичу было поручено поначалу связаться с лидерами славянских комитетов. Предваряя его приезд, митрополит Михаил обратился с письмами к А.А. Кирееву, Н.А. Попову, И.С. Аксакову⁴¹⁹ с просьбой помочь Протичу и «пособить ему советами, куда обратиться и что делать для пользы родной ему Сербии». Аксаков снабдил Протича рекомендательными письмами в Петербург и сам стал хлопотать о размещении займа в Москве и Петербурге,⁴²⁰ подключив к делу брата известного профессора-слависта и члена Московского славянского комитета В.И. Ламанского, управляющего Государственным банком.⁴²¹ «И вот тут они,

417 ОР РНБ. Ф. 14 . Д.195 . Л.5 об.

418 Записници седница... С. 166.

419 ОБТИ . Т.1 . Док.120 .146; ОР РГБ . Ф.239 . к.13 . Д.48 . лЛ.21-22.

420 ОР РГБ . Ф.332 . К.15 . Д.10 . Л.22 об.

421 См. письмо Е.И. Ламанского к Аксакову от 16.VII.1876 г. // ОР РНБ.Д.128 . Л.1-1 об.

то есть Ламанские, – записал в своем дневнике Ф.В. Чижов – составили план, чтобы частные банки взяли на себя выдать казенные деньги». ⁴²² То есть фактически под прикрытием частных банков финансировать Сербию взялось русское правительство. Заем, правда, шел медленно, и из обещанных 4 млн. рублей к моменту окончания войны было предоставлено Сербии 2 млн. 130 тыс. руб. ⁴²³ Но сам факт согласия выдать Сербии заем свидетельствовал, что уже в июле 1876 г. Россия начала отступать от решений Рейхштадта о невмешательстве.

Военный министр Д.А. Милютин записал 10 июля 1876 г. в своем дневнике: «... я узнал сегодня, под строгой тайной, что государственный канцлер несколько отступил уже от своей системы безусловного нейтралитета и согласился на провоз оружия к сербам и болгарам. Государь разрешил министру финансов дать соответствующие секретные инструкции нашим таможенным. Императрица усугубляет свое сочувствие к балканским славянам, посылает от общества Красного Креста врачей и госпитальные вещи». ⁴²⁴ И это отнюдь не единственное свидетельство того, что официальная Россия принимала живое участие в судьбе сербского княжества. Так, например, в донесении от 6 августа 1876 г. консул в Белграде Карцов передал в своем донесении в МИД благодарность сербского военного министерства за 12 экземпляров подробной карты Турции, переданной «при весьма секретном предписании». ⁴²⁵

Русское правительство внимательно следило за ходом сербо-турецкой войны, за снабжением сербской армии, ⁴²⁶

422 ОР РГБ. Ф. 332. К.3. Д.4. Л.124 об.-125.

423 См. Милосављевић П. Припреме Србије за рат са Турском 1876. // *Balkanica*. IX. Београд, 1978. С.135-138; ОР РГБ. Ф.332. П.15. Д.10. Л.25-25 об.

424 Милютин Д.А. Дневник. Т.II. С.56.

425 АВПРИ. Ф.ГА-VA3. Д. 268. Л.120-120 об.

426 На донесении Карцова от 19 июля о том, что Румыния не пропускает необходимый для Сербии свинец, император написал: «Это противно их обязательствам». АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д.16. Л.392.

запрашивало у Карцова уже в июле имена и «подробности образа действия русских офицеров-добровольцев». ⁴²⁷ Милютин отмечал, что «государь по-видимому поощряет все, что делается в пользу балканских славян со стороны частных лиц и общества, но остается в твердом намерении не оказывать никакого вмешательства официально». ⁴²⁸ Тем не менее, император выразил желание иметь при главном штабе сербской армии официальное лицо. Для этого 3 августа 1876 г. в Сербию был командирован под видом добровольца полковник генерального штаба Д.П. Дохтуров, которому вменялось в обязанность доставление официальных донесений из Сербии. ⁴²⁹ С такой же миссией был прикомандирован к князю Николаю в Черногории полковник А.А. Боголюбов.

Перед Дохтуровым была поставлена задача помогать Черняеву в планировании боевых операций и передавать в русское военное министерство подробные отчеты о событиях сербо-турецкой войны. ⁴³⁰ Из Сербии он вернулся в ноябре 1876 г. и вновь был зачислен в Генеральный штаб. ⁴³¹

Наибольшую активность русская дипломатия проявляла в вопросах заключения перемирия в критические для Сербской армии дни. При этом, реально осознавая, что в переговорах о мире не удастся избежать вмешательства европейских держав, русское правительство старалось воодушевить Милана на борьбу и «повременить с посредничеством в надежде на успех». После этой рекомендации от 6 августа 1876 г. князь Милан временно отклонил услуги английского, французско-

427 АВПРИ . Ф. Канцелярия. 1876 . Д.17 . Л.310; Ф.ГА-VA 2 . Д.268 . Л.117-118 об.

428 Милютин Д.А. Дневник. Т.II . С.68.

429 Там же . С.67.

430 Донесения Дохтурова из Сербии военному министру России: Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны на Балканском полуострове. Вып.V . СПб.,1904 . С.295-309.

431 ОР РНБ. Ф.14 . Д.559. Л.13-13 об.

го и итальянского агентов, предложивших «помочь Сербии своим посредничеством в пользу мира». ⁴³² Но после тяжелых боев в районе Шуматоваца 12 августа 1876 г. сербский князь все же пригласил представителей шести держав и объявил им, что «желая видеть восстановление мирных отношений Сербии с Портою, он просит их добрых услуг для прекращения войны». ⁴³³

В дальнейшем, вплоть до ультиматума 18 октября 1876 г., российская сторона в вопросах перемирия занимала в отличие от остальных держав позицию, наиболее полно отвечающую интересам Сербии. Дважды, под угрозой разрыва дипломатических отношений - 3 и 26 сентября - Россия заставляла Турцию идти на переговоры о перемирии. ⁴³⁴ Отстаивая сербские интересы, Россия в противовес остальным державам не советовала князю Милану соглашаться на предлагаемое турками шестимесячное перемирие, которое пошло бы на пользу только Турции, а сербские силы к весне истощились бы полностью. ⁴³⁵

Позиция России по вопросу о судьбе Сербии выявила ее разногласия с Австро-Венгрией еще более рельефно. Характеризуя политику всех крупных европейских держав в это время, В.М. Хвостов указывал, что именно в дипломатических переговорах по поводу судьбы Сербии между Россией и Австро-Венгрией, а также в переговорах между Германией и Россией о возможной русско-австрийской войне выявилась та расстановка сил, которая стала определяться после франко-прусской войны: Россия и Франция с одной стороны, Германия и Австро-Венгрия – с другой. ⁴³⁶

432 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д.16. ЛЛ.412-415; См. также Ж. Груји?. Записи... С. 205.

433 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д.16. Л.420.

434 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д.17. Л.Л.305-235. 325-334.

435 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. ЛЛ.239. 334 – 337; Историја српског народа. Књ.5. Т.1. С. 387-390.

436 История дипломатии. Т. II. С.97-103.

2. Русское общество и сербо-турецкая война.

Активизации деятельности российского правительства в поддержку и защиту Сербского и Черногорского княжеств во время войны в значительной степени способствовало необыкновенное по своим масштабам общественное движение в поддержку борющихся славян, охватившее практически все социальные слои Российской империи.

Отечественных историков всегда чрезвычайно интересовал вопрос, как случилось, что общество, раздираемое классовыми противоречиями, отражавшими приближение крупной социальной революции, находило в себе силы и желание объединиться для освобождения балканских славян. Именно поэтому в отечественной историографии восточного кризиса такое большое место занимали и продолжают занимать исследования характера общественных движений в поддержку борющихся славян в различных местностях Российской империи и в различных слоях общества.

Широчайшее распространение движения сочувствия балканским славянам, которое начало набирать силу в период Боснийско-Герцеговинского восстания 1875 г., и достигло апогея летом-осенью 1876 г. во время сербо-турецкой войны, уже у современников вызвало желание понять, как оно зародилось и приняло такие неожиданные размеры. Автор посвященной этому вопросу статьи в «Отечественных записках» Н.К. Михайловский в октябре 1876 г. писал, что это «явление, заслуживающее самого внимательного изучения, даже в чисто научном плане, как социологический факт».⁴³⁷

Первым, пожалуй, систематизировало, обобщило и оценило характер и размеры охватившего русское общество движения помощи балканским славянам высший орган политического надзора и сыска - Третье отделение Собствен-

437 Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875-1878. Док.136.

ной Его Императорского величества канцелярии. Его глава генерал-адъютант Н.В. Мезенцевым 22 октября 1876 г., разослал начальникам губернских жандармских управлений циркуляр, в котором предписывалось представлять сведения об отношении различных сословий общества к национально-освободительному движению на Балканах и к предстоящей войне России с Турцией.⁴³⁸ Строго предупредив адресатов, «что донесение ваше не должно заключать в себе ни посторонних рассуждений, ни гадательных предположений», шеф жандармов предложил начальникам губернских жандармских управлений ответить на три группы вопросов:

1. Искусственно или сознательно возбуждено сочувствие к славянам, каковы его побудительные причины, в какой степени каждое из сословий губернии проникнуто сочувствием.

2. Только ли это нравственное сочувствие, или и материальная помощь, если да, то в каких размерах она оказывалась и в каких может быть оказана, «если бы того потребовали дальнейшие обстоятельства».

3. На какие виды частного содействия всех сословий русского общества может рассчитывать правительство в случае вооруженного вмешательства России в борьбу южных славян с Турцией.⁴³⁹

Благодаря этому циркуляру, мы можем составить представление по докладным запискам начальников губернских жандармских управлений о настроениях, царивших в самых разных уголках России.⁴⁴⁰ Во всех донесениях отмечается общенародный характер движения. Так, начальник Санкт-Петербургского жандармского управления писал: «можно положительно сказать, что сочувствие к южным славянам полное,

438 ОБТИ. Т. I. Док. 320.

439 Там же.

440 Россия и национально-освободительная борьба... Док. 132-135.

и по моему мнению, оно явственнее обрисовывается в простом необразованном классе; каждый крестьянин готов поделиться последним, лишь бы помочь своим единоверцам»⁴⁴¹.

Обобщив все донесения, Н.В. Мезенцев в докладе Александру II об отношении различных классов России к освободительному движению южных славян и возможной войне России с Турцией подробно разбирает отношение всех сословий, отмечая некоторую индифферентность духовенства, купечества и части дворянства, и приходит к следующему выводу: «...искреннее, сознательное сочувствие балканским славянам проникло во все сословия. Поддерживаемое русской периодической печатью и воззваниями славянских комитетов, чувство это крепло и развивалось и нередко даже в различных слоях общества, особенно в интеллигентной среде, выражалось нетерпеливым ожиданием вмешательства русского правительства в неравную, кровопролитную борьбу».⁴⁴²

Таким образом, сербо-турецкая война послужила пробным шаром для определения общественного мнения в случае войны России с Турцией. Все современники отмечают, что никогда во все время Восточного кризиса сочувствие и помощь не были такими массовыми как во время сербо-турецкой войны. Лидеры славянских комитетов признавались в том, что они и сами не ожидали столь массового подъема.

Переломный момент в судьбах югославянских народов Балканского полуострова - Великий восточный кризис 1875-78 гг. нашел широкое отражение в российской печати. Не было такого печатного издания, будь то центральные газеты или местная провинциальная печать, которые не освещали бы ход восстаний и войн 1875-1878 гг. на Балканах. Некоторые из них имели собственных корреспондентов на полях сражений. Остальные пользовались информацией телеграфных агентств

441 ОБТИ. Т. I. Док.325.

442 ОБТИ. Т. I. Док.330.

или давали собственные комментарии происходящему. Этот массовый источник, который позволяет представить степень вовлеченности в балканские дела русского общества, а также понять, как формировалось общественное мнение в поддержку борющихся народов, активно используется учеными и ему посвящены многочисленные труды⁴⁴³.

Чрезвычайно подробно и, пожалуй, впервые так широко, с привлечением значительного числа не только центральных, но и губернских газет, проанализировал позицию русской периодической печати А.А. Улунян.⁴⁴⁴ Он не только выделил основные политические направления в русской периодической печати, но и обобщил сведения об организации материальной помощи славянам в ходе сербо-турецкой войны по материалам губернских ведомостей.⁴⁴⁵

Не осталось в стороне и изучение освещения российской прессой такого феномена как массовое движение добровольцев, направляющихся из России для участия в войне, которую в июне 1876 г. Сербское княжество объявило вместе с союзной Черногорией могущественной Османской империи. Некоторые исследователи обращались и к изданиям, помещающим иллюстративный материал о войне. Так, С.А. Кочуков обратился к анализу иллюстраций, помещенных в журнале «Всемирная иллюстрация»⁴⁴⁶.

443 Ровнякова Л.В. Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50-70-е годы XIX в.) Л., 1986.

444 Улунян А.А. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия. С.107-197.

445 Там же. С.161-172.

446 Кочуков С.А. Русские добровольцы на Балканах в 1876 году (по материалам визуальных источников) // Управление культуры Минобороны России Российская академия ракетных и артиллерийских наук Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи Война и оружие Новые исследования и материалы Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13-15 мая 2015 года.ч.II, Санкт-Петербург, 2015. С.386-399

3. События сербо-турецкой войны на страницах журнала «Пчела»

Журнал «Пчела» не только публиковал очерки по истории, этнографии славянских народов, печатал материалы о деятелях борьбы за «славянскую свободу», материалы своих корреспондентов с театра сербо-турецкой войны, но и богато иллюстрировал все события на Балканском полуострове. Это ставит его на особое место среди остальных периодических изданий России этого времени. Журнал не только пробуждал сочувствие к славянским борцам в период сербо-турецкой войны, но и оказался одним из немногих изданий, которые после поражения Сербии в этой войне встали на «позицию защиты доброго имени русских добровольцев.

Отечественные исследователи довольно долго оставляли без внимания участие в освещении событий Великого восточного кризиса российским художественным журналом «Пчела» издававшимся в Санкт-Петербурге в 1875-1878 гг. Объяснялось это во многом скептическим отношением к неординарной, яркой и, безусловно, талантливой личности издателя этого журнала, его организатора и души, художника, скульптора, писателя и общественного деятеля - Михаила Осиповича Микешина.

Михаил Осипович Микешин родился 9 (21) февраля 1835 года в деревне Максимовка Смоленской губернии близ г. Рославля в семье обедневшего помещика. Отец его был человеком начитанным, образованным, много повидавшим, принимал участие в войне 1812 г. в партизанском отряде А. Фигнера.⁴⁴⁷ В 1858 году Микешин с отличием закончил Академию художеств, и получил за картину «Въезд графа Тилли в Магдебургский собор» большую золотую медаль и право на шестилетнее пребывание за счет Академии за границей.

447 Микешин М.О. Воспоминания художника // Неман. Минск. 1969 №1. С.142-164.

Однако правом этим он не воспользовался, поскольку взялся за работу над своим первым скульптурным произведением - моделью памятника «Тысячелетие России» в Новгороде. Малоизвестный молодой художник неожиданно для всех выиграл конкурс, в котором участвовали 57 скульпторов и художников, большею частью академиков и профессоров.

После этого М. О. Микешин участвовал в создании многих памятников: адмиралу Грейгу в Николаеве, Александру II в Ростове-на-Дону, Кузьме Минину в Нижнем Новгороде, Екатерине II в Петербурге, Богдану Хмельницкому в Киеве, Ермаку в Новочеркасске. Графика и живопись Микешина представлены во многих отечественных музейных собраниях, в том числе и в Русском музее. Диапазон художественного творчества его чрезвычайно широк.

Михаил Осипович Микешин редактировал журнал «Пчела», в 1875—1878 годах, как раз в годы Великого восточного кризиса. В этом журнале он помещал и собственные сочинения и рисунки. Журнал «Пчела» просуществовал чуть более трех лет, но оставил яркий след в российской журналистике. Финансовые трудности заставили Микешина прекратить издание весной 1878 г.

Журнал выходил еженедельно размером ин-фолио и составлял 50 номеров в год, за исключением последнего года его существования - 1878 года, когда вышло всего 30 номеров. Ежегодно журнал издавал отдельной книжкой все опубликованные за год номера. Всего вышло 4 таких тома.

М.О. Микешин не случайно так горячо взялся за публикацию материалов о сербо-турецкой войне. Сербия, ее история и ее народ были ему знакомы не понаслышке. Ему пришлось не только побывать в Сербии, но и провести в сербской столице по приглашению сербского правительства полтора месяца. В 1866 г. Микешин принял участие в конкурсе, объявленном сербским правительством, на сооружение в Белграде монумента.

мента в память Первого сербского восстания⁴⁴⁸. Присланный художником проект памятника заинтересовал сербского князя Михаила и он в личном послании пригласил Микешина приехать в Сербию. Прибывший с дипломатической миссией в Санкт-Петербург видный сербский политик Йован Ристич, подтвердил это приглашение, и Микешин стал собираться в Сербию. Он прибыл в сербскую столицу в конце мая 1868 г. и, остановившись в гостинице «У оленя», узнал, что князь Михаил убит заговорщиками. Дело возведения памятника Первому сербскому восстанию откладывалось, но сербские власти предложили художнику остаться и поработать над моделью памятника князю Михаилу. Микешин пробыл в Сербии больше месяца и хорошо узнал страну. Он представил свой проект памятника князю Михаилу, но позднее принят был проект итальянского скульптора Энрико Пацци.

Первый год издания микешенской «Пчелы» совпал с подъемом национально-освободительной борьбы славянских народов на Балканах. Летом 1875 г. восстание началось в Герцеговине, затем перекинулось на Боснию. Это был отправной момент в развитии Великого восточного кризиса 1875-78 гг. Борьба герцеговинцев и боснийцев вызвала глубокое сочувствие в России. Газеты и журналы помещали многочисленные корреспонденции, в рядах повстанцев сражались русские добровольцы, славянские комитеты занимались сбором денежных средств на помощь восставшим. Журнал «Пчела» в 1875 г. также не остался в стороне от этих событий. В журнале публиковались репортажи из Герцеговины (№№ 37, 42), зарисовки и стихотворения, посвященные национально-освободительной борьбе на Балканах (№№ 38, 42). В «Пчеле» начинают печататься очерки по истории, географии, обычаям и обрядам южных славян. Это серия очерков дипломата и историка Л.В. Березина «Некоторые черты жизни австрийских южных сла-

448 Добровольский О.М. Микешин. М., 2003. С.234.

вян» (№№ 20, 39, 50). Однако, в 1875 г. балканские публикации «Пчелы» были все же немногочисленными. Гораздо полнее и достовернее были, например, корреспонденции газеты М.Г. Черняева «Русский мир», у которой был собственный корреспондент на Балканах - П.А. Монтеверде, отставной офицер, писавший под псевдонимом Петр Петров. Он находился непосредственно в зоне боевых действий повстанцев, в отряде воеводы Пеко Павловича, и его корреспонденции вызывали тревогу российского правительства⁴⁴⁹.

К этому времени Балканы и Сербия уже хорошо были знакомы русским читателям по газетным и журнальным публикациям⁴⁵⁰. Но сербо-турецкая война 1876 г. вызвала особый интерес и сочувствие в обществе. Решимость и храбрость народов двух маленьких княжеств - Сербии и Черногории, выступивших против мощной Оманской империи не могли не вызвать восхищения и желания помочь.

С самого начала войны журнал живо откликнулся на начавшиеся события. На его страницах начинается публикация снабженных иллюстрациями материалов о ходе войны и ее участниках. Журнал призывал читателей жертвовать средства на дело славянской борьбы. Особое место в журнале уделялось добровольческому движению. Фельетонисты журнала – Иван Афанасьевич Кущевский (1847-1876)⁴⁵¹, и, начавший печататься после его смерти под псевдонимом «Аз Рцы Слово», Александр Васильевич Арсеньев (1854-1896)⁴⁵² – комментировали ход отправки добровольцев в Сербию. Их

449 ОБТИ. Т.1, М.,1961. Док. №85. Докладная записка А.Л. Потапова Александру II о секретном наблюдении за М.Г. Черняевым.

450 Никитин С.А. Балканские события в русской периодической печати кануна Восточного кризиса // Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в. М., Наука, 1970. С.260-306.

451 «Пчела», 1876. №№ 28, 30.

452 «Пчела», 1876, №№ 34,35,36,38,40,48.

репортажи позволяют достаточно полно представить картину набора добровольцев в Санкт-Петербургской комиссии славянского благотворительного общества. Авторы фельетонной работой этого общества были не слишком довольны⁴⁵³. Они приводили факты не только сочувственного отношения российского общества к начавшейся войне, но и материалы, свидетельствующие о попытках использовать это сочувствие в корыстных целях, как журналистами, так и предпринимателями. И.А. Куцевский еще в августе 1876 г. абсолютно точно предсказал как отнесутся к движению добровольцев прославляющие его сейчас газетчики в случае поражения Сербии: «...возьмите-ка турки Черняева в плен, ах, ты увидим тогда, сколько помой выльют на его голову ушаты передовых статей»⁴⁵⁴. Возмущение вызывали у фельетонистов попытки эксплуатировать популярность славянского дела ловкими дельцами, выпускающими, например, «шубки Черняева»⁴⁵⁵.

В соответствии с основным направлением «Пчелы» как «журнала русской иллюстрации» его фельетоны сопровождались рисунками. Так, например, на рисунке «Комната при Сан-Петербургском Славянском благотворительном комитете, где раздаются пособия»⁴⁵⁶ детально воспроизводится обстановка набора добровольцев для поездки в Сербию. На этом рисунке представлены все основные типы русских добровольцев - офицеры, вышедшие в отставку, старые солдаты, мещане, купцы, студенты.

Журнал размещает на своих страницах серию иллюстраций о сербо-турецкой войне, которые либо входят в рубрику «В стране славянской борьбы за освобождение», либо помещаются самостоятельно. Так, 1 августа 1876 (№ 29) в журнале представлены сразу девять иллюстраций под общим назва-

453 «Пчела», 1876, №№ 28,35,40.

454 «Пчела», 1876 № 30. С.9.

455 «Пчела», 1876 №№ 38,48.

456 «Пчела», 1876 № 40. С.1.

нием «Сербо-турецкая война». На всем протяжении войны с июня по октябрь 1876 г. журнал публиковал иллюстрации, отражающие важнейшие ее события. Читатель мог представить себе их по следующим зарисовкам: «Сербские регулярные войска и волонтеры», «Турецкие регулярные войска» (№ 32), «отряд русских и черногорских волонтеров, отражающих атаку турецкой кавалерии под Мрсолом 22 августа» (№ 36), «В сербском лазарете» (№ 40), «Сербские пленные, сжигаемые на медленном огне». Иллюстрации не только отражали ход этой нелегкой войны, они пробуждали сочувствие в широких массах русского народа и способствовали росту добровольческого движения.

Русское добровольческое движение в целом и его отдельные представители были широко представлены на страницах журнала. 19 сентября 1876 г. была открыта «Галерея портретов русских добровольцев, отправившихся в Сербию»⁴⁵⁷. Редакция журнала сообщала, что начав по многочисленным просьбам читателей «галерею отважных русских людей, которые с оружием в руках решились отстаивать великую идею славянской свободы и единства»⁴⁵⁸, она воспользовалась материалами, предоставленными ей Санкт-Петербургским отделом Славянского благотворительного комитета и обращалась ко всем остальным отделам славянских комитетов, а также к самим добровольцам, их родственникам и друзьям с просьбой присылать в редакцию портреты добровольцев. В этой галерее журнал поместил портреты 78 добровольцев⁴⁵⁹. В большинстве своем это были портреты офицеров, изображения рядовых солдат практически не встречается. Исключением является рисунок «Знаменщик Т.Ф. Щербина со знаменем,

457 «Пчела», 1876 № 36. С.13.

458 Там же. С. 16.

459 «Пчела», 1876 № 36, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 49. (Как правило, на 16-ой странице номера).

пожалованным от московского купечества в Сербию»⁴⁶⁰. В комментарии к рисунку сообщалось, что Т.Ф. Щербина происходит из крестьян, прослужил в армии 23 года, участвовал в Кавказской войне и отправился в Сербию добровольцем.

Добровольцам, отличившимся в ходе войны, были посвящены в журнале отдельные статьи, представляющие особый интерес, так как в них не только подробно излагаются биографии добровольцев и их ратные подвиги, но и содержатся сведения о том, как они попали в Сербию, и что заставило их оставить мирную жизнь на родине.

Первым добровольцем, которому журнал посвятил такую статью, был приехавший одним из первых в Сербию отставной штаб-ротмистр лейб-гвардии Конного полка, активный общественный деятель, славянофил и член Санкт-Петербургского славянского комитета Николай Алексеевич Киреев, погибший в сражении под Извором. В статье рассказывается о мужестве Н.А. Киреева, об обстоятельствах его гибели, причиной которых безапелляционно называлась трусость сербских солдат, оставивших своего командира во время штурма крепости⁴⁶¹.

Журнал помещал на своих страницах сведения о русских военачальниках в сербской армии. Очерк о командующем Тимоко-Моравской армии генерале Михаиле Григорьевиче Черняев (1828-1898)⁴⁶² в отличие от иных русских периодических изданий⁴⁶³ был вполне благожелательным. Здесь сказывалась и личная симпатия издателя журнала к генералу. Спустя почти десять лет Микешин сумел еще раз выразить свое уважение к Черняеву. Разрабатывая в 1884 проект памятника Александру II для Ростова-на-Дону он включил имя М.Г.

460 «Пчела», 1876 № 49. С.15-16.

461 «Пчела», 1876, № 30. С.15.

462 «Пчела», 1876, № 33. С.10-11.

463 Такими были, например, публикации о Черняеве в журнале демократического направления «Дело» См. : Дело 1876. № 3. С.182 и № 7. С.95.

Черняева в число бюстов сподвижников царя-освободителя, которые должны были окружать памятник на балюстраде. В письме к своему другу драматургу А.Н. Островскому Микешин писал: «Полагаю, что ты можешь оспаривать Черняева, но за него говорит огромная его популярность в народе и его героические подвиги, как в Туркестане (взятие Ташкента), так и инициатива в славянском восстании»⁴⁶⁴.

В № 41 журнала за 1876 г. был помещен портрет и биография начальника штаба Черняева генерала Дмитрия Петровича Дохтурова (1838-1905), а в № 42 портрет и сведения о командующем Ибарской сербской армией Семене Корниловиче Новоселове (1812-1877). В статье о Новоселове отмечались его заслуги в подавлении польского восстания 1863-64 гг.⁴⁶⁵ Таким образом, редакция по-разному воспринимала дело борьбы за независимость южных славян и дело сражений за свободу польского народа. Первых нужно было поддерживать, а выступления вторых жестоко подавлять. Эта же позиция звучит и в некрологе «В память добровольца Станислава Баранцевича»⁴⁶⁶. Рассказывая о мужестве Баранцевича, молодого блестящего офицера, который подал в отставку 15 августа 1876 г. чтобы отправиться в Сербию, о его героизме, о той популярности, которой он пользовался на войне среди русских и сербов, журнал особо подчеркивал, что он «поляк и католик» и является приятным исключением среди поляков - «слепорожденных ублютков славянства»⁴⁶⁷.

Помещая материалы о сербо-турецкой войне, журнал рассказывал не только о русских добровольцах, но и публиковал портреты сербских военачальников, очерки их ратных дел. Читателей знакомили с архимандритом Дучичем, «предводителем сербских добровольцев», сражавшихся под Сени-

464 Цит. по: Добровольский О.М. Микешин. М., 2003. С. 367.

465 «Пчела», 1876, № 42. С.15.

466 «Пчела», 1877, № 17. С.264 (по третьему тому)

467 Там же.

це⁴⁶⁸, с генералом Ранко Алимпичем, «предводителем сербских войск, действующих под Белиной в Боснии»⁴⁶⁹. В очерке о полковнике Георгии Влайковиче, командующем корпусом охотников в составе армии генерала Алимпича говорилось, что это «популярнейший среди сербских предводителей человек», состоял на русской военной службе во время осады Севастополя в 1854 г., где и потерял в бою ногу⁴⁷⁰.

В № 35 от 12 сентября 1876 г. была помещена статья «Сербские военные силы», дающая представление о структуре сербской армии, ее численности. Приводились названия и дислокация шести сербских дивизий, указывалось местоположение входящих в дивизии бригад, давались имена и характеристики всем сербским военачальникам, указывалась система ружей, которыми располагала сербская армия.

Пока длилась первая сербо-турецкая война журнал публиковал материалы, свидетельствующие о мужестве и героизме ее участников. Такая позиция «Пчелы» отвечала общему подъему в защиту дела освобождения южных славян. Но с переменной ситуацией на театре войны, изменилась и позиция русской прессы по отношению к ее участникам, в том числе и к русским добровольцам. Обвиняли Черняева, называя его авантюристом, обвиняли штабных офицеров из числа русских добровольцев в пьянстве и разгуле, обвиняли сербов в трусости. Журнал демократического направления «Дело», например, писал: «... никакого возрождения тут не было, а было несколько минут искреннего увлечения и несколько месяцев крайней бестолковщины, от которой пострадали одинаково и сербы, и лучшие между русскими. [...] Черняев совершенно не понял ни характера своей роли, ни духа и традиций того войска, которым ему пришлось командовать. [...] Это было

468 «Пчела», 1876, № 30. С 16.

469 «Пчела», 1876, № 31. С. 16

470 «Пчела», 1876, № 32. С.15.

какое-то “сложное самоубийство“, люди лезли на штыки не для того, чтобы «освободить кого бы то ни было (для этого нужно прежде всего самому знать цену свободе), а просто для того, чтобы освободиться от себя самих от своей собственной пустоты и ничтожества»⁴⁷¹. Анализируя непростой характер взаимоотношения штаба Черняева с сербскими офицерами и солдатами, журнал «Дело» писал: «Черняев забыл или не хотел знать, что имеет дело с конституционным государством, где центр тяжести лежит в народе, [...] он окружил себя штабом из русских офицеров, третировавших свысока все сербское и обходившихся как с холопами с людьми, не знавшими прежде розог или грубого обхождения. Очень понятно, что сербы стали не доверять бескорыстию русских, охладели к делу, которое сами же затеяли и стали бегать с поля сражения. В предыдущие войны за независимость никто не думал обвинять сербов в трусости»⁴⁷².

«Пчела» оставался одним из немногих журналов, которые по-прежнему защищали добровольческое движение. Одной из главных своих задач редакция считала противостоять попыткам очернить подвиг русских добровольцев теми изданиями, которые «со злорадством собирали факты и фактишки, сплетни и утки корреспондентов, ловко подтасовывали все, что могло бы опозлить и извратить высокий смысл самопожертвования»⁴⁷³. В декабрьском номере 1876 г. журнал опубликовал статью «В штабе и на позиции»⁴⁷⁴, в которой решительно осуждалась попытка противопоставить штабных и позиционных офицеров среди русских добровольцев. Статья стала ответом на «Письмо г. Токмачева», опубликованного в № 266 «Нового Времени».

471 «Дело», 1877, № 3. С. 182-184.

472 «Дело», 1877, №7. С. 195.

473 «Пчела», 1877, № 17 С. 163.

474 «Пчела», 1876, № 50. С. 6-9.

Журнал «Пчела» пытался защитить доброе имя русских добровольцев, но общая волна сомнения в полезности этого движения коснулась и его страниц. Уже в декабре 1876 г. в статье «Славянские мученики»⁴⁷⁵, посвященной памяти добровольца Владимира Фермора присутствует недовольство плохой организацией добровольческого движения и медицинской помощи во время войны. В некрологе памяти К.В. Сикорского, командира роты отряда полковника Медведовского, помещенном в пятом номере за 1877 г. содержался призыв не оставить семью покойного без средств к существованию, а также помочь всем раненым добровольцам, вернувшимся в Россию. Новое настроение по отношению к добровольческому движению отличает статью о добровольце Д.А. Гольдштейне, убитом при защите Алексинацких позиций⁴⁷⁶. Автор статьи Николай Васильевич Максимов сам был добровольцем и мог правдиво рассказать о событиях прошедшей войны. Максимов решил дать читателям «Пчелы» полную характеристику добровольческого движения, оценку основным группам русских добровольцев и ответить на следующие вопросы: «Кто эти добровольцы? Что это за люди? Какого они склада? Каких нравственных качеств?»⁴⁷⁷ Он сумел полно, объективно и честно ответить на эти вопросы, волновавшие русское общество: «Можно сказать, что в Сербии сосредоточились русские люди различного склада. Были тут и пьяные бездомники [...] Были в Сербии и жаждущие военной славы, ордена Такова, медали, увлекшиеся лишним чином, более возвышенным положением в армии. Были в Сербии и авантюристы, которые струсив на первых порах, уходили из своих батальонов, впрочем, таких было мало. Были в Сербии очень честные молодые люди, которые можно сказать бессознательно явились в Сербию

475 «Пчела», 1876, № 49. С. 9.

476 «Пчела», 1876, №7. С.107.

477 «Пчела», 1877, № 7. С.107.

из жажды сильных ощущений. [...] Они вставали во фронт и умирали, умирали только потому, что всегда и при всех обстоятельствах жизни привыкли честно исполнять свои обязанности [...] Были в Сербии и люди, вставшие под ружье просто из чувства сострадания к ближнему: таких людей было большинство. Такие люди вышли из народной среды русского общества и эти люди были самые честные, самые непорочные, самые исполнительные, самые молчаливые, самые храбрые и добросовестные»⁴⁷⁸. Рассказывая о смерти Гольдштейна, Максимов с горечью констатировал, что он назвал свою смерть «глупой смертью» и заявил, что он ошибся в принципе в той идее, которая влекла его в Сербию. Максимов считал, что Гольдштейн относился к особой группе добровольцев, которые, «явившись в Сербию сознательно, из-за идеи ошиблись в принципе. Они умирали ужасною смертью! Они умирали с ясным сознанием того, что они ошиблись, что они умирают совершенно бесполезно для себя, для сербов, для всего славянского вопроса, для всего человечества»⁴⁷⁹.

Таким же настроением проникнуты и рисунки этого номера. На рисунке В.Д. Поленова «Возвращение последних русских добровольцев из Сербии»⁴⁸⁰ изображены измученные, оборванные люди, унылые и усталые, расположившиеся на палубе парохода на мешках и сундучках, многие перебинтованы, на костылях.

С тем, чтобы дать наиболее верное представление о сербо-турецкой войне, о причинах поражения Сербии, об участии русских добровольцев в этой войне журнал публикует в 1877 г. целую серию воспоминаний русских добровольцев. Эти воспоминания, написанные сразу после окончания войны, порой даже дневники, которые велись в ходе войны, давали

478 «Пчела», 1877, № 7. С. 109.

479 Там же. С.110.

480 Там же. С. 112.

читателю реальное представление о прошедшей войне и ее участниках.

Одним из первых опубликованных воспоминаний был дневник замечательного русского художника, русского добровольца в Сербии Василия Дмитриевича Поленова (1844-1927). В качестве художника-иллюстратора он сотрудничал с журналом «Пчела»⁴⁸¹. Его дневник «От Киева до Делиграда»⁴⁸² посвящен событиям со времени прибытия автора в Белград 24 сентября 1876 г. до его назначения на позиции «известного храбреца Андреева», взорвавшего турецкий мост на Мораве. Дневник содержит характеристику штаба Черняева, сведения об организации лазаретов, имена многих русских добровольцев. Поленов эмоционально охарактеризовал свои впечатления от встречи с Черняевым: «...я вышел от него совершенно им обвороженный, мне припомнился Кутузов в "Воине и мире"»⁴⁸³. Многочисленные зарисовки В.Д. Поленова⁴⁸⁴ позволяли читателям «Пчелы» представить театр боевых действий и его участников.

Тема конфликтов между русскими и сербскими офицерами прозвучала в еще одном очерке Н.В. Максимова «Из альбома добровольца в Сербии»⁴⁸⁵. Характеризуя в очерке сербского полковника Д. Хорватовича как талантливого и храброго офицера, он подчеркивает его расположение к русским офицерам. Столкновения же между русскими и сербскими офицерами он объясняет «уязвленным самолюбием сербских офицеров, которые в большей части случаев подчинялись русским»⁴⁸⁶. Н.В. Максимов (1843-1890) принял участие и в русско-турецкой войне 1877-78 гг. и написал об этих двух

481 Поленов В.Д. Письма, дневники, воспоминания. М., 1950. С.116-118.

482 Пчела, 1877, № 9, 10, 23.

483 Пчела, 1877, № 23. С. 352.

484 Пчела, 1877, № 1, 3, 7, 23, 44, 46, 47, 49, 50.

485 Пчела, 1877, № 11. С. 169-171.

486 Там же. С.170.

войнах воспоминания «Две войны» (СПб., 1879). Его книга стала одной из наиболее честных и достоверных книг о сербо-турецкой войне.

О тяжелых днях разгрома армии Черняева под Джунисом (17-18 октября 1876 г.) и гибели русских добровольцев рассказывается в «Очерках из воспоминаний русского волонтера в сербских войсках»⁴⁸⁷ Н. Витте.

Различные типы русских добровольцев нашли свое отражение в очерке «День в Делиграде»⁴⁸⁸. Очерк не подписан, а в примечании сказано, что все фамилии вымышлены. Об отсутствии дисциплины, о трусости бригадного командира, о бессмысленной атаке, затеянной для того, чтобы «расшевелить осторожного командующего», о гибели десятков людей рассказывает в очерке «Иллюминация»⁴⁸⁹ доброволец П. Петровский.

Помещая все эти разноплановые воспоминания, журнал оставался на позиции защиты честного имени русских добровольцев: «Если часть наших добровольцев и не устояла на высоте своего призвания, если меж ними и попадались личности, не сохранившие чистоты своих отношений к делу, “семья не без урода”, то от этого сама идея, увлекшая их насколько не меньше»⁴⁹⁰.

Вопросам отбора, посылки и снабжения добровольцев посвящена статья «Как мы помогаем славянам»⁴⁹¹. Она является как бы заключением всех публикаций журнала «Пчела» о сербо-турецкой войне и о русском добровольческом движении. Статья, подписанная «В.В.» по существу была анализом брошюры Л.К. Мартьянова «Свод замечаний, предоставленных в ревизионную комиссию Санкт-Петербургского благотворительного общества, членом означенной комиссии Л.К.

487 Пчела, 1877, № 12. С. 186-187, 190.

488 Пчела, 1877, № 14. С. 214-215, № 15. С. 227-230.

489 Пчела, 1877, № 17. С. 259, 262-253.

490 Там же. С. 264.

491 Пчела, 1877, № 29. С. 448-450.

Мартьяновым, по обревизовании им дел бывшей Комиссии для сбора пожертвований». В предисловии к этой статье М.О. Микешин написал, что охотно дал ей место, так как сам был членом Славянского комитета и участвовал в 2-х заседаниях Комиссии для сбора пожертвований и «с отчетом г. Мартьянова вполне согласен и как член бывшего Славянского комитета, и как русский гражданин, глубоко преданный славянской идее»⁴⁹². Содержательный отчет Мартьянова свидетельствовал о многочисленных неразумных тратах Комиссии, о ряде бестактных действий, к числу которых относится посылка 100 000 рублей на имя князя Милана 1 октября 1876 г., от которых он отказался, так как деньги просило не сербское правительство, а генерал Черняев.

Особое внимание в отчете уделено деятельности Комиссии по отправке русских добровольцев в Сербию. Сообщается, что «дело здесь обстоит еще печальнее», так как Комиссия «не догадалась спросить сербское правительство, в чем наиболее оно нуждается, и действовала без всякого определенного плана, так сказать зря»⁴⁹³. Комиссия постановила выдавать офицерам по 175 рублей, а нижним чинам по 125 рублей каждому, но впоследствии эта норма изменилась следующим образом - офицерам по 200 рублей, а нижним чинам по 100 рублей. «Спрашивается: какие мотивы руководили Комиссией офицерам увеличить, а нижним чинам уменьшить премию?» - возмущался автор статьи. В отчете сообщалось, что поводом к недоброй молве о русских добровольцах явился невнимательный отбор добровольцев Комиссией, что привело к тому, что генерал «Дандевиль просил письмом из Белграда прислать к нему 10 офицеров для учреждения в Белграде военной полиции»⁴⁹⁴. Комиссия, обсудив это письмо, нашла

492 Пчела, 1877, № 29. С. 448

493 Пчела, 1877, № 29. С. 449.

494 Там же. С. 450.

его «заслуживающим уважения». В связи с чем, автор статьи справедливо отмечал: «... постановление Комиссии об учреждении в столице чужой страны русской военной полиции нельзя назвать иначе, как в высшей степени опрометчивым и бестактным». Отмечалось также и несогласованность действий Комиссии. Так, 9 сентября 1876 г. в ответ на запрос П.Ф. Рерберга из Тифлиса «можно ли отправлять добровольцев на собранные средства, на запрос Хвостова из Грозного «можно ли рассчитывать на перевозку в Белград 200 кавказских героев», и на запрос Карасева из Черкаска «продолжать ли набор людей и покупку лошадей», Комиссия первым двум отказала, а последнему неожиданно дала согласие.

Остается нерешенным до конца вопрос о числе русских добровольцев, прибывших в Сербию. В разных источниках и в литературе эта цифра колеблется от 3500 до 5000 человек. В отчете Л.К. Мартьянова приводятся точные сведения о том, сколько добровольцев было отправлено Санкт-Петербургской Комиссией по сбору пожертвований: «всего-навсего на театр войны было отправлено 869 добровольцев, в числе которых находились: 1 генерал, 403 офицера, 289 нижних чинов и 176 разночинцев, денег истрачено 267 770 рублей 92 копейки, так что средним числом каждый доброволец обошелся около 309 рублей»⁴⁹⁵.

Статья «Как мы помогаем славянам» явилась заключительной публикацией «Пчелы» о сербо-турецкой войне, о русском добровольческом движении. В ней подробно и взвешено проанализированы все ошибки, связанные с организацией движения добровольцев, приведшие к определенной дискредитации имени русского добровольца, как в Сербии, так и в кругах русской общественности.

Большая часть вины за плохую организацию подбора и отправки добровольцев возлагалась на Комиссию по сбору

495 Пчела, 1877, № 29. С.448.

пожертвований при Петербургском Славянском комитете, где «дилетантизм и барская беспечность господствуют над делом». При этом автор статьи, помещенной в «Пчеле», добавляет: «Комиссия поступала не только опрометчиво, она поступала незаконно. Она взяла на себя роль, не принадлежащую ей, она превысила власть, может быть с очень хорошими целями, но, когда решаешься на такое дело - нужно уметь выполнять его»⁴⁹⁶.

Журнал «Пчела» и его издатель М.О. Микешин старались дать объективную оценку добровольческому движению в Сербию, не скрывая и темных сторон его организации. Однако общий тон, как публикаций журнала, так и иллюстративного материала отдавал должное высокому подвигу русских людей, отправившихся на помощь братскому сербскому народу.

Окончание публикаций материалов о сербо-турецкой войне и русских добровольцах не означало, что журнал оставил тему национально-освободительной борьбы южных славян. Журнал начал публиковать материалы о русско-турецкой войне 1877-78 гг.

4. Русское добровольческое движение в Сербию

В апреле - мае 1876 г. в Сербию к Черняеву приехало несколько русских офицеров. В то время, как официальная Россия не спешила выступить на стороне Сербии, в недрах русского общества зарождалось и разрасталось добровольческое движение. 6 июля 1876 г. погиб в сражении под Великим Извором активный общественный деятель, славянофил и член Петербургского славянского комитета Н.А. Киреев, хорошо известный широким кругам русской общественности. Стремление русского народа помочь Сербии в ее неравной борьбе было во многом подготовлено славянскими комитетами и периодической печатью, но, по свидетельству современни-

496 Там же.

ков, «...движение добровольцев из России, сначала слабое и боязливое, со смерти Киреева быстро двинулось вперед»⁴⁹⁷.

Примерно с середины июля движение волонтеров в Сербию приобретает массовый характер, желание отправиться в Сербию выражали представители интеллигенции, крестьян, купечества, мещанства, рабочих. Но славянские комитеты, руководствуясь просьбами Черняева, постановили, что в первую очередь должны посылаться офицеры и отставные солдаты⁴⁹⁸. В связи с такой направленностью вербовки добровольцев, мы можем разделить добровольческое движение на два этапа.

С мая 1876 г. по 27 июля 1876 г., в Сербию ехали преимущественно отставные военные, или офицеры, специально выходившие в отставку для того, чтобы присоединиться к борющимся сербам. Таких военных было немного, а сербской армии были крайне нужны кадровые военные. Сербскими же офицерами Черняев был недоволен, поскольку, как он утверждал, «они прежде не воевали... и при самом начале кампании заявили уже о невозможности продолжительной борьбы»⁴⁹⁹. Рассказывая о сражении при Бабиной Главе, Черняев вспоминал, что тогда еще не было русских офицеров (кроме одного Лаврентьева), ни добровольцев. На самом деле с Черняевым были в то время еще два офицера, зарекомендовавшие себя в Сербии не лучшим образом – отставные полковники В. Беккер и А.Л. Измайлов. Американский исследователь Д. Маккензи по поводу последнего иронически замечал, что он вскоре после Бабиной Главы присоединился к отбросам добровольческого движения в белградских кафанах. Черняев требовал немедленного его отзыва в Россию, с горечью отзывался о нем и И.С. Аксаков⁵⁰⁰. Однако для многих исследователей имена

497 Хвостов А.Н. Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан. Письма. СПб., 1877. С.9.

498 ОБТИ. Т.1. Док. 164.

499 ОПИ ГИМ. Ф.208. Д.14. Л.91.

500 ОБТИ. Т. 1. Док. 259.

именно этих двух офицеров стали почему-то символом добровольческого движения.

Второй этап начался 27 июля 1876 г., когда Александр II «открыто объявил в Красном Селе о разрешении офицерам выходить временно в отставку, чтобы ехать на театр войны, с обещанием, что каждый возвратится потом в свой полк, не потеряв своего старшинства. Таким образом, то, что до сих пор допускалось негласно, на что смотрели сквозь пальцы - обратилось теперь в открытое официальное разрешение от самого императора»⁵⁰¹, - писал в своем дневнике военный министр России Д.А. Милютин.

Начинается массовое движение русских добровольцев в Сербию. Русские офицеры выходят во временную отставку уже совсем открыто и партиями уезжают в Сербию. П.А. Гейсман в своих воспоминаниях говорит, что выходя во временную отставку, надлежало было подать установленным порядком прошение об увольнении от службы, а «затем уже отправляться на Балканский полуостров в качестве частных лиц за действия которых правительство не отвечало»⁵⁰². Однако, если на первом этапе в Сербию отправляются такие офицеры, как Н.А. Киреев, Н.Н. Раевский⁵⁰³, глубоко верившие в справедливость предстоящей им борьбы, то на втором этапе в их ряды попали и те, кто, мало что знал как о характере войны, так и о самом сербском княжестве и его внешнеполитических задачах.

Славянским комитетам пришлось заниматься отправкой значительно большего числа русских добровольцев, чем они рассчитывали. Начав с энтузиазмом отправку доброволь-

501 Милютин Д.А. Дневник. Т. II. С. 62.

502 Гейсман П.А. Указ. Соч. Ч. I. С.31.

503 Николаю Николаевичу Раевскому, принимавшему уже в 1860-е гг. активное участие в деле подготовки Сербии к борьбе с Турцией, и его трагической гибели посвящена книга - *Шемякин А. Л. Смерть графа Вронского*. СПб.: Алетей, 2007. 2-е изд., испр. и доп.

цев в июле, к концу сентября славянские комитеты, уже исчерпав свои силы и средства, обращаются в свои филиалы с требованием прекратить набор⁵⁰⁴. Между тем движение приняло такой широкий характер, что свернуть его было уже очень трудно. Минувя славянские комитеты, люди со средствами ехали в Сербию на свой счет, отправлялись группы и на частные пожертвования. Самой серьезной ошибкой славянских комитетов было то, что, организуя набор и отправку русских добровольцев в России, они практически не занимались организацией их в Сербии.

В Сербии как добровольцы, отправленные славянскими комитетами, так и прибывшие самостоятельно, оказывались предоставленными сами себе. Организация их приема поначалу была плохой. Отсюда возникали неурядицы, недовольство части добровольцев сербским военным министерством, в которое за неимением русского представительства они обращались. Лишь в середине сентября в Сербию был направлен в качестве представителя Петербургского славянского комитета для организации «учреждения контроля и порядка» среди русских добровольцев генерал В. Д. Дандевиль⁵⁰⁵. Приблизительно в то же время отправил в Белград своего представителя – В.Н. Теплова и Московский славянский комитет. Аксаков писал ему в Белград: «Вы должны быть посредником между комитетом и отправленными от него волонтерами... они со своими просьбами и поручениями должны обращаться к вам»⁵⁰⁶. Но эта программа начала осуществляться, к сожалению, слишком поздно. По-видимому, полковник В.Н. Теплов не оправдал доверия отправивших его комитетов. В письмах к Аксакову от 7 ноября и 7 декабря 1876 г. он заявлял о своем отказе выполнять функции агента славянских комитетов.

504 ОБТИ. Т.1. Док. 302,303.

505 ОБТИ. Т.1. Док. 256.

506 ОР РНБ. Ф. 14. Д. 357. ЛЛ. 1-8.

Сдержанно отнеслось к добровольческому движению и русское официальное представительство в Сербии. Позиция русского консула А.Н. Карцова по этому вопросу была пассивной. По единодушному мнению участников сербо-турецкой войны, это был «типичный чиновник, не понимающий сущности того движения, которого он был свидетель»⁵⁰⁷. Еще в августе 1876 г. в своем донесении М.Г. Черняеву капитан Лаврентьев критиковал А.Н. Карцова и выдвигал идею замены русского консула⁵⁰⁸. О том, что Карцов «ведет себя вызывающе и радуется мнимым турецким победам» Черняев писал Аксакову в начале сентября⁵⁰⁹. Помощник начальника штаба Черняева П.А. Монтеверде сообщал ему в середине сентября из Белграда, что Карцов настраивает против него князя Милана, на которого имеет большое влияние⁵¹⁰.

Присланный Петербургским славянским комитетом для организации добровольцев в Сербии, генерал В.Д. Дандевиль писал Черняеву 8 октября: «...Карцову не удастся меня выжить отсюда. Ему не нравится, что я навожу порядок здесь и выгоняю дрянью в Россию. Этого же не хотят австрийцы и англичане, радующиеся всякому проявлению дурного элемента в добровольцах»⁵¹¹. Генерал Дандевиль внес некоторое упорядочение в организацию русских добровольцев в Белграде, с чем уже с трудом справлялось сербское военное министерство. И в самом деле, в Белграде Дандевилью пришлось трудно, прежде всего потому, что, отправляя его в Сербию и снабжая подробнейшей инструкцией, Петербургский славянский комитет постоянно подчеркивал, что заниматься он

507 Овсянный Н. Накануне освободительной войны // Военно-исторический сборник. 1912. № 4. С. 64.

508 ОПИ ГИМ. Ф. 208. Д. 34. Л. 31.

509 Там же. Л. 41-42.

510 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 61 Личный фонд П.А. Монтеверде. Д. 48. Л. 2-3.

511 ОПИ ГИМ. Ф. 208. Д. 45. Л. 15-15 об.

должен делами только тех добровольцев, которые отправлены на средства комитетов. Между тем, к нему обращались за содействием все русские добровольцы, в том числе и приехавшие самостоятельно. Этим были вызваны различные неувязки в координации деятельности прибывающих добровольцев. Но все же Дандевиль сумел до определенной степени упорядочить оформление русских добровольцев на сербскую службу, а по окончании боевых действий и отправку русских добровольцев назад, в Россию, что тоже было не легко.

До приезда Дандевилья, обмундирование и снабжение оружием русских добровольцев осуществляло сербское военное министерство. Большинство приехавших из России волонтеров отмечало необыкновенную четкость и слаженность работы немногочисленных сотрудников военного министерства Сербии. Н.В. Максимов писал, что русские добровольцы «за полчаса в военном министерстве в Белграде получили объемы, деньги, оружие»⁵¹². В военном министерстве им выдавали объемы (ордера): 1) в казначейство на получение подъемных; 2) на лошадей для проезда в действующую армию; 3) на получение платья (коричневая блуза, синие штаны, картуз, синее пальто)⁵¹³. При этом сербское правительство не требовало взамен никаких обязательств от добровольцев. Высоко оценивая мужество русских добровольцев и их военную подготовку, сербское военное министерство не связывало их твердыми рамками договора. Даже выбор места службы определялся самими добровольцами. Как правило, они просились в Тимоко-Моравскую армию. Именно здесь произошли определившие исход войны сражения: наступление и взятие Бабиной Главы 20 июня - 4 июля; бои под Великим Извором (начало и середина июля); знаменитые Алексинацкие бои 7-13, 16-29

512 Максимов Н.В. Две войны. Воспоминания из событий последних войн. 1876-1877 гг. СПб., 1879. Ч.1. Война в Сербии. С.3-4.

513 П-ов Н. Воспоминания добровольца о сербо-турецкой войне 1876 г. // Русский вестник. 1877. Т.129. № 5.

августа; тяжелейшие битвы на Крветских позициях 16-21 сентября, турецкие атаки 7-11 октября и, наконец, решающее сражение 17 октября под Джунисом. Несколько десятков русских добровольцев сражались в рядах Дринской армии и на Ибаре, но в основном они прибыли туда с лишь приездом генерала С.К. Новоселова, назначенного князем Миланом командующим Ибарской армией, т.е. в самом конце кампании.

После прибытия Дандевилля в Белград, оформление русских добровольцев носило уже более официальный характер: следовало представиться Дандевиллю, получить у него 25 руб. дукатами из фондов славянских комитетов и отношение в военное министерство о зачислении в сербскую армию; в военном министерстве уже следовало подписать обязательство не покидать Сербию до окончания войны, затем, по-прежнему, сам доброволец выбирал армию, в которой желает служить; и, наконец, получал «объяву» на лошадей до Делиграда, где располагается штаб Черняева и требование в цейхгауз и арсенал на платье и оружие, а также 15 динаров суточных на дорогу⁵¹⁴.

Генералу Дандевиллю пришлось после поражения Сербии в начатой ею войне взять на себя и довольно трудную задачу отправки добровольцев в Россию. «Поручение ему данное было самое тяжелое, какое себе можно представить – сначала, покуда дела в Сербии шли успешно, местные власти обещали принять на свое содержание русских добровольцев, но после первых неудач оказалась полная несостоятельность сербского правительства, и волей-неволей пришлось Славянским комитетам удовлетворять, по мере возможности крайние вопиющие нужды русских офицеров», – отмечал председатель Петербургского отдела Славянского комитета А.И. Васильчиков⁵¹⁵, высоко ценивший деловые качества Дан-

514 Яшеров В. В Сербии 1876-1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник 1878. Т. 133. Январь. С. 213-214.

515 РГИА. Ф.651. Оп. 1. Д.813. Л.10 об.

девиля, и считавший, что только благодаря «его неутомимой и беспристрастной деятельности... большая часть пособий дошла до назначения... и при этой всеобщей смуте не пропали без вести все пожертвования, отправленные в Сербию»⁵¹⁶. Поначалу предполагалось, что Дандевиль будет лишь распределять поступившие от славянских комитетов деньги в виде пособий добровольцам, однако поражение Сербии в войне поставило перед ними новые задачи. Ему пришлось заняться всем комплексом проблем, связанных с организацией русских добровольцев, возвращающихся в Россию в связи с окончанием военных действий.

Работа эта была действительно нелегкой. «Организации никакой, да и вряд ли она была возможной, все случилось так неожиданно точно порыв бури. В состав канцелярии вошли два писаря из добровольцев, один серб для посылок и я. Для страху и порядку стоял жандарм в передней, но его мало боялись наши башибузуки в роде ротмистра Кузьминского и т.п.» - вспоминал помощник Дандевилья доброволец Г.Л. Дримпельман⁵¹⁷. Конфликт Кузьминского с генералом Дандевилем объясняет он позицией российского консульства, которое «своим упорством и нежеланием признать существующее положение еще больше затрудняло деятельность нашей маленькой канцелярии»⁵¹⁸. Помощи со стороны сербских властей, - вспоминал Дримпельман, - не было никакой, но активно участвовал в организации судьбы русских добровольцев сербский митрополит Михаил. Выполняя поручения Санкт-Петербургского Славянского благотворительного комитета по оказанию денежной помощи боснийским беженцам Дримпельман остался в Сербии и после окончания войны⁵¹⁹.

516 Там же. Л.12.

517 ЦГИА СПб. Ф.400. Оп.1. Д.1153. Л.2-2 об.

518 Там же.

519 Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875-1878 гг. М.,1978. Док. 276.

Сохранилась обширная переписка Дандевилля с сербскими министрами, приказы и распоряжения, другие документы, свидетельствующие о сложностях, и, прежде всего, материальных затруднениях, связанных с организацией пребывания в Белграде возвращающихся с полей сражений русских добровольцев и дальнейшей их отправкой в Россию⁵²⁰.

Дандевиллю приходилось трудно, и в письмах к Аксакову он просил более значительных сумм, но Московский славянский комитет не располагал такими деньгами и Аксаков рассчитывал, что «может быть наконец правительство решится выделить сербам обещанную взаймы сумму...»⁵²¹

Деятельность Дандевилля подвергалась критике русского консула в Белграде Карцова. Уже 19 сентября 1876 г. он выражал недовольство тем, что генерал занимается только теми добровольцами, которые прибыли на средства комитетов, игнорируя остальных⁵²². А после заключения перемирия телеграфировал в Азиатский департамент о неудовлетворительности действий уполномоченных славянских комитетов⁵²³. Следствием его донесений, дошедших до царя, было распоряжение министра внутренних дел Тимашева 25 октября 1876 г., в ведение которого был передан из министерства иностранных дел славянский благотворительный комитет, Васильчикову «...принять немедленные меры к обеспечению отправившихся на счет комитета добровольцев»⁵²⁴.

Васильчиков, сообщая 27 октября 1876 г. об этом Дандевиллю в Белград, пишет: «...Вообще телеграмма, о которой я выше упомянул, открывая Славянским комитетам новый путь, прямых и правильных отношений с правительственными лицами, дает нам право объяснить и наши нужды и

520 ЦГИА СПб.Ф.400. Оп.1. ДД. 26,80.

521 РГИА.Ф. 651. Оп.1. Д.854. Л.11-11 об.

522 ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп.1. Д. 54 . Л.11-12.

523 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д.17. Л.254-254 об.

524 РГИА. Ф.651. Оп.1. Д.843. ЛЛ.3-4.

затруднительность нашего положения, и я представляю себе на будущей неделе высказать кому следует, все что накопилось на душе у каждого из нас»⁵²⁵. О нехватке средств и других нуждах Васильчиков сообщил в своем ответе министру внутренних дел России А.Е. Тимашеву, объясняя, что комитет своими силами не справится с организацией отъезда русских добровольцев из Сербии⁵²⁶.

Васильчиков, по-видимому, получил распоряжение от правительства насчет добровольцев и их дальнейшей судьбы, в частности возможности использовать боеспособную их часть для предстоящих боевых действий русской армии на Дунайском фронте. Именно поэтому 15 ноября 1876 г. Васильчиков инструктирует Дандевилля отправлять в Россию только слабых и негодных добровольцев «...наоборот людей годных всеми силами удерживать»⁵²⁷.

В этом же письме он утешает Дандевилля, говоря о том, что доподлинно ясно, что донесения Карцова, а также публикации в «Голосе» о Дандевиле – ложь и клевета. Васильчиков, по-видимому, просил разобраться в этом деле Аксакова, заявляя, что «тут очевидно напакостил Карцов».⁵²⁸ Аксаков добился через свои связи при дворе распоряжения императора Тимашеву проверить донесения Карцова.

Если вопрос об оформлении русских добровольцев при вступлении на сербскую службу трудно исследовать полностью, то еще сложнее выяснить, куда направлялись русские добровольцы штабом Черняева. Это объясняется во многом тем беспорядком, который царил в канцелярии штаба, о котором писал служивший при штабе переводчиком известный впоследствии сербский политический деятель Пера Тодорович⁵²⁹. Следует

525 РГИА. Ф.651. Оп.1. Д.838. ЛЛ.5-6.

526 РГИА. Ф.651. Д.834. ЛЛ. 7 -11.

527 РГИА. Ф.651. Д. 838. ЛЛ.1 -4.

528 Там же. Д. 54. Л.12 об.

529 Тодоровић П. Дневник једног добровољца. Београд. 1964. С.24.

отметить, что о штабе Черняева мы встречаем в воспоминаниях участников войны самые неблагоприятные отзывы. Упреки в адрес штабных офицеров в праздности и тщеславии вызвали целую дискуссию в русской периодической печати⁵³⁰.

Г.А. Де-Воллан в воспоминаниях о своем пребывании в штабе Черняева пишет об обособленности сербов и русских в штабе, где «каждая народность держалась в стороне от другой». Во многом это объяснялось и трудностями коммуникации, незнанием языков друг друга, что заставляло их общаться по-немецки. Это очень сердило русских, предпочитавших в таком случае французский, которым сербы не владели⁵³¹. Д. Маккензи отмечает, что сербов часто оскорбляло и задевало высокомерное поведение русских штабных офицеров из окружения Черняева⁵³².

О полном несоответствии штабных офицеров той роли, которая им предназначалась, о том, что штаб Черняева с военной точки зрения был совершенно неподготовлен к решению сложных боевых задач, говорили почти все кадровые военные⁵³³. И, хотя Черняев пытался защитить штабных офицеров, заявляя, что «вообще ругать штаб традиционно для фронтовых офицеров»⁵³⁴, все же очевидно, что причины многих неудач Черняева крылись в слабости его штаба, как мозгового центра армии.

530 Новое время. 1876. 23 ноября. № 266; Пчела. 1876. № 50. С. 6-9.

531 Деволян Г.А. В Сербии. Недавняя старина. // Русские о Сербии и сербах. М., СПб., 2006. С.173.

532 MacKenzie David. Serbia and Russia to 1918 // Европа и Срби : меѓународни научни скуп 13-15. децембра 1995. – Београд, Историјски институт САНУ ; Нови Сад, Православна реч, 1996. С. 292.

533 Максимова Н.В. Две войны. Воспоминания из событий последних войн. 1876-1877 гг. СПб., 1879. Ч.1. Война в Сербии. С.65-68; Хвостов А.Н. Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан. Письма. СПб., 1877. С.33-34.

534 ОПИ ГИМ.Ф.208. Д. 34. Л. 3 об.- 4 об.

За четыре месяца войны у Черняева сменилось три начальника штаба – полковники В. Беккер, В.В. Комаров, Д.П. Дохтуров. Фактически ни один из них не смог оказать существенную помощь Черняеву в принятии решений, организации и ведении боевых действий.

Первым был полковник Эверт Густав Вольдемар Беккер (1840-1907). Он занимал свой пост недолго, да и опыта штабного офицера такого ранга у него не было. Родом он был из Финляндии, недоучился в Академии генерального штаба. Современники характеризовали его как авантюриста, участвовавшего в сомнительных операциях в Мексике, Египте. К Черняеву он попал по рекомендации Н.П. Игнатьева, тоже в своем роде авантюриста.

Сменивший его полковник Виссарион Виссарионович Комаров (1838-1907), сотрудник Черняева по газете «Русский мир» также вызывал много споров. Черняев горячо защищал от нападок своего начальника штаба. В ответ на письмо И.С. Аксакова, в котором тот сообщал, «что назначением Комарова в начальники штаба вообще недовольны [...] он не пользуется репутацией человека дельного»⁵³⁵, Черняев писал: «Нападки на него (Комарова – Л.К.) совершенно несправедливы. Он честный и преданный делу человек [...] Предупредите газеты, чтобы его не ругали»⁵³⁶. Тем не менее, Аксаков продолжал настаивать на том, что Комаров не соответствует занимаемой должности. Об этом же писал Черняеву король Милан Обренович в письме от 22 сентября: «... я им очень недоволен ... сознаюсь откровенно, что все русские офицеры, приезжающие в Белград, единодушно жалуются и критикуют Комарова»⁵³⁷. К тому времени Комаров уже получил за успешный бой 12

535 ОБТИ. Т. 1. С.387.

536 ОПИ ГИМ. Ф.208. Д.34. Л.50.

537 Письма властителей Сербии к М.Г. Черняеву // Русский Архив. 1914. №1. С.60-61.

августа звание генерала⁵³⁸. Комарова упрекали в том, что он не смог понять особенностей ведения боя в этой войне и не сумел использовать в полную силу прибывших добровольцев⁵³⁹.

В конце сентября 1876 г., когда В.В. Комаров покинул армию, на его место была назначен полковник Дмитрий Петрович Дохтуров (1838-1905). Воспитанник Пажеского корпуса, он участвовал в Кавказской войне. Именно на него предполагалось возложить доставление информации из Сербии русскому военному министру. Характеризуя Дохтурова, Н.В. Максимов отмечал, что он, несомненно, в военном деле оказался полезнее Комарова – бывший гвардеец, кончил курс в академии⁵⁴⁰. Однако и он не мог навести порядок в армии Черняева, во-первых, потому что прибыл сравнительно поздно, а во-вторых, потому что по характеристике Ю.С. Карцева он «как будто сторонился Черняева» и заменил Комарова «под непременною условием не носить звание начальника штаба»⁵⁴¹.

Участники войны вспоминали, что из-за царящего в штабе Черняева беспорядка трудно было разобраться куда направлен тот или иной доброволец. Русские добровольцы распределялись на три группы.

Часть их направлялась в *сербские регулярные части*, при этом офицерам, как правило, предоставлялось командование (в зависимости от звания и опыта) бригадой, батальоном или ротой сербской армии.

538 Тодоровић П. Дневник једног добровољца. Београд. 1964. С.120-121.

539 Деволлан Г.А. Недавняя старина. Поездка в Сербию в 1876 г. // Русский Архив. 1879. Кн. 2. №7. С.358-361.

540 Максимов Н.В. Две войны... С 233-234.

541 Карцев Ю.С. За кулисами дипломатии // Русская старина. 1908. Т.134. С.311.

Другие добровольцы вливались в добровольческие же отряды, состоящие преимущественно из *сербов австрийских и турецких областей, черногорцев и болгар*⁵⁴².

Формирования, состоящие *только из русских добровольцев*, создавались в основном, в конце войны.

К первой группе относится значительное число русских офицеров и унтер-офицеров, направившихся в корпус полковника сербской армии Джуры Хорватовича. В сентябрьских боях, в которых успех или поражение корпуса Хорватовича определяли развитие событий на Тимоко-Моравском -фронте, все три крыла корпуса находились под командованием русских офицеров. Левым крылом командовал подполковник Молостов, центральной позицией – полковник Клиндер, а правым флангом - полковник Журавлев (в октябре его заменил русский капитан Небольсин). Эти офицеры сменили в корпусе Хорватовича сербских офицеров, которые отправлялись на Дрину к генералу Ранко Алимпичу, где тоже ощущалась нехватка офицерских кадров. Одновременно с названными уже офицерами корпуса Хорватовича при его штабе находились: полковник Меженинов (в будущем командир добровольческой дивизии); майор Миних, капитан Мерчанский, поручик Петухов, а командирами батальонов и рот корпуса, а также просто рядовыми были: поручики Флейшер, Шаврин, Жданов, прапорщики Иванов, Левашов, Лазо, Лозинский, Мурашкин, Ломан, Зверинский, капитаны Максимов, Гейсман, Летур - всего до 40 человек⁵⁴³. Такая же картина наблюдалась и в других соединениях Тимоко-Моравской армии.

542 О болгарских добровольцах, участвовавших в сербо-турецкой войне см.: Хаджиниколова Е. Българите и сръбско-турската война 1876. София, 1996. С.97-139.

543 ОПИ ГИМ.Ф.208. Д. 15.Л. 4; Максимов Н.В. Указ.соч..Ч.1.С. 92-111; Гейсман П.А. Славяно-турецкая война 1876,1877,1878 гг. и ее значение в истории развития восточного вопроса. СПб., 1878. Ч.1. С.80-82.

Что касается второй группы формирований русских добровольцев, то следует отметить, что среди добровольцев в сербо-турецкой войне были люди разных национальностей – англичане, итальянцы, французы, греки, румыны, поляки и т.д. Кроме того, значительными были добровольческие отряды, составленные из сербов турецких областей, а частично из австрийских сербов. Особое место занимают и добровольческие отряды, составленные из болгар⁵⁴⁴.

Пожалуй, наиболее ярко выраженный интернациональный характер среди добровольческих отрядов, в которых находились русские добровольцы, носил конный эскадрон под командованием полковника Андреева. Из очерка участника боевых операций этого эскадрона А.А. Ржевусского⁵⁴⁵ мы знаем, что в него входили: австрийские сербы (составлявшие главный его контингент), несколько отставных русских солдат, пятеро поляков, датчанин, канадец, австриец. Офицеры же, по сведениям Ржевусского, все были русские, за исключением Крушенбаха из Пруссии и англичанина Солсбери.⁵⁴⁶ Примечательно и то, что этот эскадрон был практически единственной боевой кавалерийской частью сербской армии. Эскадрон был сформирован американцем Мак-Ивером⁵⁴⁷, имя которого часто встречается в мемуарах добровольцев. После того, как Мак-Ивер был отозван в штаб Черняева, на его место заступил полковник Андреев, заслуживший репутацию известного хра-

544 Генов Ц. Добровольческое движение на Балканах во время сербо-турецкой войны 1876 г. // *Congres ds etudes balkaniques et Sud-Est Europeenes*. I-er. 1966. Actes N 4. Sofia, 1969. P.234

545 Ржевусский А.А. Памятные дни // *Русский вестник* 1881. Т.153. С. 646-677.

546 Англичанин Филипп Солсбери, вернувшись в Англию написал о своем участии в сербо-турецкой войне объемную и подробную книгу «Два месяца с Черняевым в Сербии»: *Salisbury Philip H.V. Two months with Tchernaijeff in Servia*. London, Chapman &Hall. 1877.

547 См. Мак-Ивер. Впечатления сербской войны. СПб., Тип. кн. В.В. Оболенского, 1876.

бреца и назначенный впоследствии Черняевым командиром всей сербской конницы. В августе к эскадрону присоединились две четы черногорской пехоты⁵⁴⁸.

О русско-болгарской бригаде ее командир полковник Н.Ю. Медведовский сообщал: «Организация принята русская, также строй и само обучение, мне предоставлены все русские офицеры на выбор, по мере надобности я зачисляю вновь прибывающих гг. офицеров и даже выбираю из числа тех, которые служат в сербской армии. Точно также в мое распоряжение предоставлены все русские у [нтер]-о [фицеры], юнкера и вообще добровольцы из России. Пока у меня 50 офицеров, 88 унтер-офицеров и 1678 рядовых»⁵⁴⁹. Это письмо датировано 1 сентября, и уже в середине сентября бригада приняла участие в сражениях⁵⁵⁰. Кавалергард, полковник, кавалерист Николай Юлианович Медведовский был как раз из тех кадровых офицеров, которые намеренно вышли в отставку, чтобы ехать воевать в Сербию. 30 июня 1876 он уволен в запас «по домашним обстоятельствам» в чине полковника с мундиром. По окончании войны вновь зачислен в полк и воевал в 1877-78 гг. на Кавказском фронте.

В «Строевом рапорте нижним чинам - добровольцам бывшей Ибарской армии под командованием майора Владимира Соколовского» содержатся сведения о Кавказско-сербском батальоне, в котором было 150 русских добровольцев⁵⁵¹. Об этом батальоне сообщает и начальник штаба Ибарской армии Йован Мишкович, зачисляя Владимира Соколовского в число выделенных им «хороших русских офицеров в Ибар-

548 РГВИА. Ф.261. Д.7. Л.1-2.

549 Об истории формирования отряда: ОБТИ. Т. 1. Док. 244.

550 О создании бригады см. Хаджиниколова Е. Българите и сръбско-турската война 1876. София, 1996. С.117-118.

551 РГВИА. Ф.ВУА. Д. 8977 (1). Л.67.

ской армии»⁵⁵². Мишкович упоминает среди погибших в этом батальоне офицеров павшего на Равной Гори подпоручика Ларионова и прапорщиков Евецкого и Левкоева, а среди раненых 12 русских офицеров. Всего же в своем дневнике Мишкович приводит имена 46 русских офицеров-добровольцев в Ибарской армии.

Наконец, третью группу представляли подразделения, составленные исключительно из русских добровольцев. Их было немного и сформированы они были в основном к концу кампании. Объясняется это, прежде всего тем, что такие крупные отряды русских добровольцев, как возглавляемый А.Н. Хвостовым казачий отряд, состоящий из 6 офицеров и 120 нижних чинов⁵⁵³, стали формироваться в России слишком поздно. Ни отряд Хвостова, ни состоящий только из русских добровольцев, хорошо экипированный «кавалерийский эскадрон княгини Наталии» практически не участвовали в боевых операциях. Из участвовавших в боях формирований, составленных исключительно из русских добровольцев, мы можем с уверенностью назвать лишь несколько. Это рота охотников⁵⁵⁴ под командованием В.В. Ушакова, которая храбро сражалась в октябрьских боях у Кревета⁵⁵⁵, а также упоминаемый Н.В. Максимовым русский батальон пластунов⁵⁵⁶, принявший участие в боях 16-17 сентября⁵⁵⁷.

552 Мишковић Јован. Дневнички записи генерала Јована Мишковића (1865–1907). Бележнице 1 (I-XV). Неготин, Историјски архив. 2020. Т. I. С.208-209, 224-225.

553 Об истории формирования отряда см.: ОБТИ. Т.1. Док. 175,269,285,293; Хвостов А.Н. Русские и сербы в войну 1876 г... С. 5-10.

554 Охотники - подразделение, выполняющее особо опасные задания, в том числе и разведывательные.

555 ОПИ ГИМ. Ф.208. Д.89. Л.1-2; Ржевусский А.А. Памятные дни ... С.650-652.

556 Пластуны - пешие казачьи отряды, выполнявшие в том числе и разведывательные задания.

557 Максимов Н.В. Две войны ... С.70-71.

2-го октября Черняев писал Аксакову: «До сих пор у меня сформировано два батальона с русскими кадрами и русской командой. В сражении 16 сентября они были выданы первый раз в огонь и выдержали его довольно сносно, в следующий раз пойдут еще лучше и уже сами могут служить как кадры для новых четырех батальонов»⁵⁵⁸.

К середине сентября 1876 г. началось формирование отдельной добровольческой дивизии, но тяжелые бои у Джуниса, русский ультиматум Турции и прекращение военных действий приостановили этот процесс. В РГВИА хранится «Строевой рапорт дивизии добровольцев»⁵⁵⁹, датированный декабрем 1876 г. Этот документ дает представление о том, как планировалось ее укомплектование. Дивизия состояла из 8 батальонов: княгини Натальи, 2-х русских батальонов, черногорского батальона, арнаутского батальона, 2-х русско-болгарских батальонов и русско-сербского батальона, а также кавалерии. Из 3313 добровольцев дивизии – русских 1431, сербов – 924, болгар – 402, черногорцев – 256. В дивизию входили также музыканты и лекари. Командир дивизии – полковник А.П. Меженинов, которому жители Белграда поднесли золотую саблю с надписью «храбрейшему из храбрых», а князь Милан наградил его орденом Такова 1 степени.

Одним из нерешенных остается вопрос о точном числе русских добровольцев, принимавших участие в сербо-турецкой войне. Черняев в своих мемуарах определяет число бывших в его распоряжении добровольцев в 2645 человек.⁵⁶⁰ 20 февраля 1877 г. лорд Дерби, выступая в английском парламенте, сказал что Россия фактически принимала участие в сербо-турецкой войне, поскольку сербская армия почти полностью состояла из русских добровольцев. Возмущенный

558 ОПИ ГИМ. Ф.208. Д.34. Л.38.

559 РГВИА. Ф.ВУА. Д.8977. Л.6-15.

560 ОПИ ГИМ.Ф.208. Д.56. Л.6.

Черняев, который в это время находился в Англии написал редактору газеты «Лондон Дейли Ньюс», что «с начала войны и до заключения перемирия по всей Сербии находилось не более трех тысяч русских добровольцев, включая офицеров и солдат»⁵⁶¹.

А.Н. Хвостов, основываясь на материалах славянских комитетов, писал: «Русских было поочередно заменяющих опустелые ряды до 4000. Эта цифра самая верная, основанная на расчетах славянских комитетов, как мне известно, в одно и то же время в Моравской армии было не более 2200, в Ибарской до 130, а на Дрине не свыше 50 человек... больше не могло быть по недостатку средств комитетов, хотя являлось и много желающих отправиться»⁵⁶².

17 сентября 1876 г. Йован Ристич, отвечая на запрос Славянских комитетов, сообщал, что у него нет точных сведений о числе русских добровольцев, но он уверен, что «на сегодняшний день их число не превышает двух тысяч человек»⁵⁶³. Аксаков писал Черняеву, что отправлено было «конечно свыше 5000 человек»,⁵⁶⁴ но «их целые массы рассеялись в Румынии».

Исследуя вопрос о численности русских добровольцев в Сербии, С.А. Никитин пришел к выводу, что достоверными можно считать официальные данные комитетов, согласно которым в Сербию отправлено 4303 человека.⁵⁶⁵ Однако следует

561 Курдин Ю.А., Панов, А.Р., Ширинянц А.А. Поездка М. Г. Черняева по Европе после сербско-турецкой войны (конец 1876 – начало 1877 г.) // Российская история. 2022. №5. С.116.

562 Хвостов А.Н. Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан. Письма. СПб., 1877. С.38.

563 ЦГИА СПб.Ф.400. Оп.1. Д. 54. Л.20.

564 ОПИ ГИМ. Ф. 208. Д.42.Л.9 об.

565 Никитин С.А. Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян за свою независимость в 1875-1876 гг. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957. С.65.

отметить, что данные славянских комитетов не включают не только солдат и офицеров, добравшихся до Сербии самостоятельно, без дотации комитетов, но и значительное число медицинского персонала санитарных отрядов, отправлявшихся на войну самостоятельно.

Особое место занимает в добровольческом движении и организация медицинской помощи из России. На 1-е сентября 1876 г. в Сербию только обществом Красного Креста было отправлено 95 врачей, 111 фельдшеров, 60 сестер милосердия.⁵⁶⁶ В Сербии к началу войны слабо была налажена организация санитарной службы, и заслуга создания госпиталей для помощи раненым принадлежит русским врачам.

Показателен в этой связи отчет приват-доцента Казанского университета Николая Ивановича Студенского, возглавлявшего санитарный отряд в Крагуеваце⁵⁶⁷. На собранные пожертвования был сформирован и укомплектован штатом из 7 докторов медицинский отряд, который вез с собой «6000 повязок, почти все нужные инструменты, да кроме того постельные принадлежности в таком количестве, что по приезде в Сербию мы немедленно были в состоянии открыть госпиталь на 40 человек». Н.И. Студенский детально описывает организационные и бытовые трудности, с которыми пришлось столкнуться в работе госпиталя. Особенно его поражает отсутствие навыков гигиены у сербских крестьян, которые не знают бани и ванны, и крайне нечистоплотны. «Нечистоплотен русский крестьянин, но низший класс сербов в этом отношении еще хуже»⁵⁶⁸. Всего в Крагуевацком госпитале было 348 больных. «Сербов 337, русских 7, болгар 2, влахов

566 ОБТИ. Т.1. Док. 245.

567 Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1878. Сборник документов и материалов. Самара, 2009. С.297- 307.

568 Там же. С. 305.

2. Ранений саблей 7, гранатой 7 укушенная рана 1, ушибов 4, остальные случаи представляли повреждения от пуль»⁵⁶⁹.

Наиболее подробный анализ состояния службы помощи раненым во время войны дал в своей книге-отчете хирург Сергей Петрович Коломнин⁵⁷⁰, прибывший в Сербию в составе медицинского отряда, снаряженного на частные средства профессора С.П. Боткина. Отряд состоял из восьми врачей: Ринека, Андреева, Бубнова, Беляева, Жданова, Покровского, Янчича и самого Коломнина, 4 фельдшеров и 4 сестер милосердия и находился в Сербии четыре месяца с июля до декабря 1876 г.

Коломнин констатирует, что нескольким прибывшим в Сербию отрядам пришлось работать в очень непростых условиях при практически полном отсутствии помощи со стороны сербской администрации. Хорошо понимая специфику сербской армии, состоящую в основном из плохо обученных крестьян Коломнин подчеркивал, что в отличие от русских добровольцев сербы «были не раненные солдаты, но очень несчастные люди, пришибленные какою - то слепую случайностью»⁵⁷¹. Немало поэтому было и случаев самострелов в упор в палец руки. Давая подробную характеристику состояния медицинского дела в действующей Тимоко-Моравской армии Коломнин отмечал, что на перевязочных пунктах работали сербские, английские и, главным образом, русские врачи. Из 14 госпиталей, расположенных включительно до Ягодины «3 заняты были персоналом Красного Креста и два из них вполне содержались на его средства; 10 госпиталей заняты были русскими частными санитарными отрядами и содержались отчасти на их, отчасти на сербские средства». Коломнин

569 Там же. С. 307.

570 Коломнин С.П. Общий медицинский очерк сербо-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время турецкой войны 1877 г. СПб., 1878. Вып.1.

571 Там же. С.11.

утверждает, что «частные русские санитарные отряды вынесли на себе всю тяжесть помощи во время сербо-турецкой войны»⁵⁷². При этом напечатанный в «Русском мире» за октябрь 1876 г. отчет о состоянии медицинского дела во время войны главного санитарного врача Сербии Владана Джорджевича Коломнин считает политического, «фельетонного свойства» не дающего истинной картины⁵⁷³. Выдающийся хирург, С.П. Коломнин впоследствии участвовал и в русско-турецкой войне 1877-78 гг., где впервые в мире применил прямое переливание крови раненым⁵⁷⁴.

Йован Ристич, оценивая деятельность Красного Креста, санитарных отрядов и русских добровольцев в сербо-турецкой войне 1876 г., писал, что такой помощи, какую оказал русский народ сербскому во время его борьбы еще не знала мировая история.⁵⁷⁵

Есть еще одно направление в добровольческом движении, которое недостаточно изучено. Это организация походных церквей и деятельность священнослужителей-добровольцев⁵⁷⁶. Церковные требы, молебны, соборование и отпевание раненых и погибших были чрезвычайно важной

572 Коломнин С.П. Общий медицинский очерк сербо-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время турецкой войны 1877 г. СПб., 1878. Вып. I. С.29-30.

573 Там же. С. 27.

574 Околов В.Л. Рыцарь Российской хирургии // Вестник экспериментальной и клинической хирургии. 2009. Т. 2, №3. С. 256-259.

575 Ристић Ј. Дипломатска Историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност. 1875-1878. Београд, 1896. Т.1. С.157.

576 Некоторые сюжеты отношения Русской Православной Церкви к восстанию в Боснии и Герцеговине и сербо-турецкой войне: см. Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., Кучково поле, 2020. С.69-100; Аншаков Ю.П., Шепелева А.Ю., Толкачев М.В. Русская православная церковь в освободительной борьбе южных славян в 1875-1878 гг. (на материалах Поволжья) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2021. Т.3. С.25-32.

составляющей повседневной военной жизни того времени. Свидетельством мужества прибывших в Сербию священников может служить письмо М.Г. Черняева к саратовскому епископу Тихону о священнике Н.П. Горизонтове, который во время кровопролитных боев служил в походной церкви «устроенной усердием одного из наших офицеров»⁵⁷⁷.

Не представляется возможным точно определить, сколько русских добровольцев погибло в ходе войны за свободу Сербии. Никто не занимался в ходе сражений специально учетом убитых и раненых русских добровольцев, но известно, например, что больше половины из отправившихся в Сербию в июле-августе 1876 г. офицеров погибло⁵⁷⁸. Имена многих из них стали символом беспримерного мужества.

Русские добровольцы сражались бок о бок с сербскими солдатами, составляя единое целое. Без этого единства не могло бы быть побед армии Черняева в ходе Алексинацких боев. Свидетель этих событий, сербский доброволец, прикомандированный к штабу Черняева, журналист и общественный деятель Пера Тодорович в своих воспоминаниях рассказывает о подвиге сербо-русского отряда капитана Протопопова⁵⁷⁹. 6 августа возглавляемый им отряд в количестве всего 250 человек напал в районе Княжевца, между населенными пунктами Пирковцем и Лабуковым на сильную турецкую колонну Фазли-паши. Турки решили, что это крупная группировка и бросили на этот участок значительные силы, укрепленные черкесской конницей и полевой артиллерией. Два часа сдерживал мужественный отряд натиск турок, не давая им двинуться вперед. Вскоре на помощь ему прибыли еще две

577 Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1878. Сборник документов и материалов. Самара, 2009. С.128.

578 Милютин Д.А. Дневник. Т. II.С.70.

579 Тодоровић П. Дневник једног добровољца. С.136-139.

четы из отделения майора Миленко Павловича. В этом бою погибла значительная часть отряда Протопопова, среди них боевой товарищ Тодоровича, русский доброволец подпоручик Штробиндер, человек необыкновенного мужества. О капитане Протопове мы встречаем еще одно свидетельство. Рассказывая о примерах глубокой преданности сербов своим русским начальникам, А.Н. Хвостов писал: «Капитан Протопопов, командир русско-сербского батальона Тимокской армии до того был любим сербами, что они ни за что не хотели отпускать его в Алексинац, боясь, что он совсем их покинет»⁵⁸⁰. Ф. Солсбери в своих воспоминаниях о войне также с большой теплотой отзывается о своем сослуживце Протопове, с которым они и досуг вместе проводили, и пели, и рыбу ловили и в бой ходили⁵⁸¹.

Рассказывая о мужестве русских добровольцев, следует отметить, что отвагу проявляли не только офицеры, но и рядовые добровольцы. Во многих мемуарах говорится, что именно они были опорой офицерам в сражениях. Так, А. Ржевуский вспоминает, что даже в тяжелые дни сражений 8-10 августа русские солдаты роты Ушакова не унывали, поддерживали дисциплину, в перерывах между боями вспоминали кавказские сражения, пели песни⁵⁸². И.С. Аксаков приводил в пример поведение добровольца отставного солдата Федорова, который, оставив семью, отправился в Сербию из далекой деревни, был ранен в голову, подлечился в России и вновь вернулся в Сербию⁵⁸³. С. П. Коломнин, оказывавший медицинскую помощь

580 Хвостов А.Н. Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан. Письма. СПб., 1877. С.68.

581 Salusbury Philip H.B. Two months with Tchernaijeff in Servia. London, Chapman &Hall. 1877. P.104-111.

582 Ржевуский А. Памятные дни// «Русский вестник», 1881. Т.153, 3 6. С. 657.

583 ОПИ ГИМ, ф. 208, д.30, л.38.

сотням раненых в Сербии, вспоминал: «Никогда мы не слышали от русских добровольцев жалобы, раскаяния, упрека»⁵⁸⁴.

Знаменитые шестидневные Алексинацкие бои, в которых значительное место занимает мужественная защита Шуматовацких укреплений, принесли временный успех Сербии. Князь Милан, поздравляя Черняева с блестящей победой, наградил его орденом Таково на ленте. Отмечая в своем письме к Черняеву необыкновенное мужество русских добровольцев, князь Милан писал: «С горечью вижу, как после каждой битвы уменьшается число русских офицеров... Выразите им мой восторг и мою благодарность за их отвагу и самоотвержение...»⁵⁸⁵. В этих боях отличился и Н.Н. Раевский, командовавший войсками на правом фланге Черняевской армии.

О мужестве и героизме русских добровольцев свидетельствуют события почти каждого крупного сражения. Так, при защите Шуматовацких высот, явившейся одной из самых крупных удач сербской армии, отличился русский доброволец Д.А. Гольдштейн, с горсткой храбрецов отстоявший Шаловацкий редут. 30 августа он умер от ран полученных в сражении при Бобовиште, и его имя было необыкновенно популярно в Сербии.⁵⁸⁶

Но вскоре, вопреки предположениям Милана, что турки вряд ли двинутся на левый берег Моравы, турецкое наступление началось, и 21 августа сербы оставили ключевую позицию в Адроваце. В сражении за Адровац героически погиб Н.Н. Раевский.

584 Коломнин С.П. Общий медицинский очерк сербо-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время турецкой войны 1877 г. СПб., 1878. Вып.1. С.12.

585 Письма властителей Сербии к М.Г. Черняеву. //Русский архив.1914.№ I.C.45.

586 См. Мещерский В.П. Правда о Сербии. Письма. СПб., 1877. С.114-116; Максимов Н.В. Две войны... С.82-92; Пчела. 1877. № 7.

Расхождения во взглядах на характер войны и ее перспективах между Черняевым и сербским руководством углубились после того как он 4 сентября 1876 г. провозгласил в своей армии Сербию королевством, а князя Милана королем. Журналист и публицист Г.К. Градовский, в целом негативно оценивавший деятельность Черняева в Сербии, писал: «Против со слезами на глазах негодовал на своеволие и бесчинства Черняева, нарушавшего конституцию, попиравшего все права народной скупщины»⁵⁸⁷. Йован Ристич считал, что этот шаг Черняева был реализацией «существовавших уже давно в кругах русских добровольцев намерений упразднить Сербскую Конституцию»⁵⁸⁸, само существование которой, по его мнению, раздражало русских добровольцев, воспитанных в духе автократии. Ристич не ошибался в том, что Черняев отрицательно относился к сербской конституции и видел в ней одну из причин отсутствия сильной централизованной власти⁵⁸⁹. Однако провозглашение Сербии королевством сам Черняев объяснял по-другому: «Причины, в силу которых я решился на этот акт были следующие:

Заявить протест со стороны страны, принесшей столько жертв против пресловутого status quo которым ей угрожали.

Поставить пред вооруженным народом осязательную цель для объяснения приносимых жертв и усилий.

Возвести княжескую династию Обреновичей на такую высоту, чтоб сразу порвать связь с смутным прошлым и раз и навсегда уничтожить попытки Карагеоргиевичей, покровительствуемых Австрией.

Ускорить решение России»⁵⁹⁰.

587 Градовский Г.К. Архистратиг славянской рати// Образование. 1909. № 1. С. 123.

588 Ристич Ј. Дипломатска историја... Књ. I. С.138.

589 ОПИ ГИМ Ф.208. Д.14. Л.85.

590 ОПИ ГИМ ф.208. Д.14. ЛЛ.87-88.

Объяснялся этот его авантюрный шаг еще и тем, что Черняев боялся перемирия, которое поставило бы его в затруднительное положение, а кратковременное перемирие с 3 по 16 сентября показало, как считал Черняев, что армия не видела перед собой цели для продолжения войны. Надежды Черняева на то, что продолжение войны будет для Сербии успешным основывались в частности на сведениях, полученных от русского военного агента в Константинополе А.С. Зеленого, уверявшего, что дела у турок настолько плохи, что одно «упорство сербов продержаться месяц решит дело вполне в пользу сербов и славян»⁵⁹¹. Надежды эти не оправдались и Черняев с горечью писал: «Мы продержались два месяца после этого официального сообщения нашего константинопольского военного агента»⁵⁹² По-видимому полковник Зеленый всерьез рассчитывал на победу сербов, так как 12 сентября 1876 г. он отправил Милютину телеграмму о нежелательности удаления из Сербии Черняева «одного или с офицерами», ибо это пагубно было бы «для хода военных действий, ввиду обаяния имени на турок»⁵⁹³.

16 сентября после кратковременного прекращения боевых действий, М.Г. Черняев предпринял новую атаку на Крешетских позициях. В боях 16-18 сентября из 70 выбывших из строя офицеров более 50 человек были русскими.⁵⁹⁴ С 21 сентября по 7 октября на фронте сохранялось относительное затишье, а с 7 октября турки атаковали армию Черняева в районе Крешетских позиций, и последовательно заняли зубовацкие, шилеговацкие укрепления и, наконец, долго защищавшийся Крешет⁵⁹⁵. Спустя пять дней после тяжелых крешетских боев,

591 ОПИ ГИМ ф.208. Д.14. ЛЛ. 68-69. Д.48. Л.58 об.

592 ОПИ ГИМ ф.208. Д.14. Л.89.

593 ОБТИ. Т.І. С. 395.

594 Мещерский В.П. Правда о Сербии. Письма. СПб.,1877. С.232-233.

595 Salusbury Philip H.V. Two months with Tchernaijeff in Servia. London, Chapman &Hall. 1877. С.265.

турки начали очередное успешное наступление. В ожесточенном Джуниском бою погибло более половины участвовавших в нем русских добровольцев⁵⁹⁶.

18 октября в ответ на просьбу князя Милана, Россия вмешалась в эту неравную борьбу, предъявив Порте ультиматум с требованием немедленного прекращения боевых действий. Таким образом, бой у Джуниса был последним в сербо-турецкой войне 1876 г. Мужество и героизм же русских добровольцев, как офицеров, так и рядовых, надолго остались в памяти сербского народа.

Война окончилась поражением Сербии. В неудачах войны было трудно разобраться рядовому ее участнику. Так, по свидетельству современника, пытаясь найти виновного, «...русские добровольцы, являясь в Россию в раздраженном состоянии от испытанных ими лишений и нужд, часто бранят сербов, взваливают на них всевозможные обвинения... Сербы в свою очередь, все беды свои сваливают на русских...»⁵⁹⁷

В ответ на это Черняев, как никто другой знавший все промахи и слабые стороны сербской армии, писал: «Нападки на сербов преувеличены донельзя. Сербы сделали столько, сколько можно требовать от крестьянина, которому вместо лопаты дали ружье»⁵⁹⁸. В воспоминаниях добровольцев мы встречаем многочисленные свидетельства храбрости и мужества сербских солдат, особенно, когда речь идет о регулярной армии.

Одной из причин многочисленных нападков в русской печати на сербов, обвинений их в неуспехе войны, послужила Кремлевская речь Александра II 29 октября 1876 г., в которой

596 О боевых операциях сербо-турецкой войны повествует глубокое и содержательное исследование снабженное картами, схемами и большим числом иллюстраций. – Опачић П. Скоко С. Српско-турски ратови 1876-1878. Београд, 1981.

597 Хвостов А.Н. Русские и сербы в войну 1876 г. ... С.4.

598 Там же. Д.34. Л. 6-6 об.

он открыто упрекнул сербов в трусости. Даже И.С. Аксаков, который после встречи с царем 31 октября был переполнен верноподданическими чувствами (об этом свидетельствует его письмо к Черняеву от 1 ноября 1876 г.) писал о речи императора: «... нельзя не пожалеть, что эти слова - о сербах - были им сказаны. Эти слова должны оскорбить и огорчить их глубоко»⁵⁹⁹. По-видимому, большая часть издателей газет и журналов, и часть возвратившихся добровольцев решили, что следует поддержать высочайшее мнение.

Боевое содружество сербов и русских, совместное участие в тяжелых боях, следует отличать от штабных недоразумений между сербскими и русскими офицерами.

Известно, что Черняев не считал необходимым скрывать свое недовольство сербскими офицерами, их военной подготовкой, говорил об «их превратном понятии о дисциплине и воинской чести»⁶⁰⁰. Следуя примеру своего главнокомандующего, некоторые офицеры-добровольцы позволяли себе свысока относиться к сербским офицерам. Сербские офицеры в свою очередь также не всегда доброжелательно относились к русским. Так, анализируя неудачи войны, сербский генерал Р. Алимпич писал в своем дневнике: «... ошибка была в том, что мы назначили русских командовать армией, необходимо разделить дела сербские и России»⁶⁰¹. Его жена и биограф отмечала здесь же, что Алимпич с самого начала войны был против назначения русских на командные должности. Взаимному непониманию русских и сербских офицеров способствовало и то, что они были воспитанниками разных военных школ, а стало быть и разной тактической методики, поскольку большинство сербских офицеров получило образование в прусских военных училищах.

599 ОПИ ГИМ. Ф.208. Д.42. Л.10.

600 ОПИ ГИМ. Ф.208. Д.14. Л.Л. 84.91.

601 Алимпић М. Живот и рад генерала Ранко Алимпића у свези са догађајима из најновије српске историје. Београд. 1892. С.635.

Характер взаимоотношений русских добровольцев с сербами во время войны обсуждался в русской периодической печати уже в ходе войны заслоняя порой другие сюжеты. Но наиболее активно эта тема стала обсуждаться после поражения Сербии в войне, когда русские добровольцы стали возвращаться домой. По свидетельству современника они «... являясь в Россию в раздраженном состоянии от испытанных ими лишений и нужд, часто бранят сербов, взваливают на них всевозможные обвинения... Сербы в свою очередь все беды свои сваливают на русских»⁶⁰².

Сербских солдат обвиняли в трусости и неподчинении приказам русских офицеров. Священник Н.П. Горизонтов, находившийся при ставке Черняева в Джунисе, в своих записках опубликованных в ряде номеров «Саратовского листка» за 1876-1877 гг. свидетельствовал, что имели место и случаи целенаправленного убийства сербами русских офицеров при попытке удерживать их, когда они обращались в бегство⁶⁰³.

В российской печати стало бытовать мнение, что совместное участие в боевых действиях привело к антагонизму и неприязни между ними. При этом отмечалось, что неприязни ко всему сербскому народу не отмечалось. Все русские добровольцы в своих воспоминаниях отмечали необыкновенную честность, добродушие и дисциплинированность сербов. Когда речь шла о сербской регулярной армии, отмечались храбрость и мужество сербских солдат. Сербская артиллерия своей слаженностью и мастерством вызвала восхищение даже у профессиональных русских военных⁶⁰⁴. Что же касается большей части сербского войска, состоящего из спеш-

602 Хвостов А.Н. Русские и сербы в войну 1876. Письма. СПб., 1877. С.4.

603 Кочукова О.В. Записки саратовских добровольцев – участников Сербско-турецкой войны 1876 г. как исторический источник//Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 256.

604 Максимов Н.В. Две войны... С.127.

но мобилизованных, необученных сербских крестьян, то от них трудно было ожидать воинской доблести и солдатского умения. Русские офицеры это хорошо понимали. И даже те из них, кто не сдержавшись в бою при виде бегущих солдат позволял себе рукоприкладство⁶⁰⁵, отмечали, как анонимный автор «Воспоминаний добровольца», что мирный землепашец не мог разом переродиться в воина⁶⁰⁶.

Кадровый военный П.А. Гейсман, книга которого больше похожа на учебник по стратегии и тактике, чем на воспоминания добровольца, отмечал, что сербы отличные солдаты, если с ними проводить регулярные занятия⁶⁰⁷. А писатель и публицист Глеб Успенский отвечал тем, кто обвинял сербских солдат в трусости и предательстве: «ругая сербов за трусость, даже выдумывая обвинения в измене, всякий русский отлично знает, что они неопытны, что они – мужики, что они отдали все, что могли, что их убито в 30-40 раз больше, чем русских, что они мерзли, голодали больше русских, всякий скажет, что они безукоризненно честны, добры, радушны, чисто как дети, по выражению одного добровольца из простых русских крестьян»⁶⁰⁸.

В словах Успенского отразилось мнение большей и лучшей части русских добровольцев из тех, кто приехал в Сербию помогать, а не искать виновных в неудачах. Нельзя, конечно, отрицать, что как и в любой войне среди сербских солдат были случаи трусости и дезертирства, случались и самострелы. Обо всем этом, не рассчитывая при этом на огласку, писал М.Г.

605 П-ов Н. Воспоминания добровольца о сербо-турецкой войне 1876 г. // Русский вестник. 1877. Т. 129. № 6. С. 668.

606 Там же. С. 685

607 Гейсман П.А. Славяно-турецкая борьба 1876-77-78 гг. ч. I. СПб., 1887. С. 141.

608 Успенский Г.В. Из Белграда. (Письмо невоенного человека) // Отечественные записки. 1876. № 12. С. 171-185.

Черняев в своем донесении князю Милану⁶⁰⁹. Однако русский генерал при этом считал, что при условии начального военного обучения сербы могут быть отличными воинами, чему примером служат регулярные части сербской армии.

Но как же так получилось, что, если верить Аксакову, «масса возвратившихся добровольцев разнесла по всей России такое презрение к сербам, что теперь большая часть пожертвованных присылается с надписью «только не сербам»⁶¹⁰.

С разъяснениями к читающей публике обратился Григорий Александрович Деволян в статье «Сербский вопрос перед судом русского общества». Он писал, что некоторым русским офицерам не по душе было то, что «сербь неиспорченные бюрократически-аристократическим строем не ломали шапок, они каждого генерала хлопали по плечу»⁶¹¹. Об этом же свидетельствует и Г. Успенский, заявляя, что русским «барам» не нравилось, что в Сербии не было покорности и холопства, возвращенных на Руси крепостным правом. Эти же авторы приводят множество свидетельств искреннего уважения сербов к русским добровольцам, бескорыстной заботы и помощи. Русские солдаты также хорошо относились к сербским своим сослуживцам. Автор очерка о сербской войне пишет, что был потрясен, когда узнал, что последние свои 4 рубля 50 копеек русский солдат Федор Кобылков истратил на то, чтобы накормить сербов из своего отряда после Джунисского боя⁶¹².

По большей части обвинения сербского народа в трусости, отсутствии патриотизма и ненависти к русским распространялись, как правило, людьми, которых В.И. Пичета назвал

609 РГВИА. Ф.261. Д.52. ЛЛ.7-7об.

610 ОПИ ГИМ. Ф. 208. Д.42. Л.55.

611 Деволян Г. (Де-Воллан Г.А) // Древняя и новая Россия. 1877. Т.2. № 5. С.72.

612 П-ов Н. Воспоминания добровольца о сербо-турецкой войне 1876 г. // Русский вестник. Т.129. № 5. С.710-711.

«лишним военным балластом»⁶¹³ добровольческого движения. Имея в виду тех офицеров, которые явились в Сербию чтобы потом обменять Таковские кресты на Георгиевские.

Генерал Черняев смещал с командных должностей сербских офицеров и назначал на их место прибывающих русских офицеров-добровольцев. Порой, не думая о последствиях, он глубоко оскорблял самолюбие сербских военных. Так, 12 августа после тяжелого боя при Алексинаце, Черняев не разобравшись, в присутствии штабных офицеров упрекнул в трусости сербского майора Ст. Велимировича, приказал отправить его в Белград и там судить. Через некоторое время, опомнившись, он простил невиновного офицера и предложил ему искупить вину в бою. Но Велимирович не вынес позора и покончил с собой⁶¹⁴. По словам П. Тодоровича, Велимирович пользовался уважением товарищей и считался одним из самых храбрых и способных офицеров.

В мемуарах и дневниках добровольцев приводится немало свидетельств храбрости, мужества и военного искусства сербских военных. Все русские добровольцы, без исключения, вспоминали с большим уважением полковника Д. Хорватовича. Н.В. Максимов вспоминал сербского майора Беницкого, начальника левого крыла корпуса Хорватовича как «одного из храбрейших и добросовестнейших начальников сербской армии»⁶¹⁵. В защиту сербских офицеров, их военного мастерства и героизма выступил А.Н. Хвостов. В своей книге он рассказал об удачных действиях полковника Л. Чолокантича, о храбрости полковника М. Лешъянина, мужестве командующего Ибарской армией генерала Ф. Заха потерявшего ногу после

613 Пичета В.И. Вступительная статья к публикации: Письма М.Г. Черняева и П.А. Кулаковского к И.С. Аксакову о Сербии в 1880-1882 гг. // Голос минувшего. 1915. № 9. С. 234.

614 Тодоровић П. Дневник једног добровољца. С. 90-107.

615 Максимов Н.В. Две войны... С.106.

тяжелого ранения и о единственно правильной тактике боев на Дрине генерала Ранко Алимпича⁶¹⁶.

Интересно и восприятие участия русских добровольцев в сербо-турецкой войне в дневниках видного политического деятеля Сербии Николы Крстича⁶¹⁷. С уважением пишет Крстич о приехавших помогать сербам французах, англичанах, баварцах, итальянцах. О русских добровольцах он впервые пишет 10 июля, сообщая о гибели Киреева, «под Заечаром погиб русский Николай Киреев, молодой человек, из прекрасной семьи»⁶¹⁸.

Крстич внимательно следит за поведением русских добровольцев в Сербии. Он пишет о негативном впечатлении, которое производит русское пьянство и распущенность некоторых офицеров в белградской среде. Он повторяет все те истории, которые свидетельствовали, что в первых партиях русских добровольцев было достаточно случайных и бесполезных авантюристов⁶¹⁹. Однако он отдает честь и храбрости русских солдат и офицеров, которые стали осознанно приезжать в Сербию, начиная с конца июля – начала августа месяца 1876 г: «С того момента, как русские, особенно русские офицеры и унтер-офицеры, начали массово прибывать, нам стала улыбаться и наша военная удача», – пишет он 19 августа 1876 г.

Крстич очень критичен не только к русским добровольцам, он приводит много примеров трусости сербских солдат, недалёковидности сербских офицеров, и пишет даже, что только «добровольцы сражаются как львы», имея в виду добровольцев всех национальностей. Внимательно следит он и за ходом войны в Черногории и за победами черногорцев. Боснийские и болгарские повстанцы, принятые на сербскую службу, согласно его свидетельству при первом же удобном случае бросают оружие и бегут с поля боя.

616 Хвостов А.Н. Русские и сербы в войну 1876 г... С. 50-57.

617 Крстић Никола. Дневник. Јавни живот II. Јануар 1868 – 31. децембар 1876. Приредио Милош Јагодић. Београд, 2006.

618 Ibidem. С. 339.

619 Ibidem. С. 376, 378, 379, 382, 383, 392, 396, 397, 402.

Существующие среди военных разногласия не могли помешать сербскому народу в полной мере оценить мужество и героизм русских добровольцев. 1 февраля 1877 г. П.С. Толстой писал из Белграда Аксакову: «Во всех классах общества, как правительственных, так и частных, в встретил глубокое сочувствие к России, которое главным образом было вызвано там появлением добровольцев. Это оставило неизгладимое впечатление»⁶²⁰.

5. Спасти братскую Сербию! Финальный этап первой сербо-турецкой войны и Россия.

7 октября 1876 г. турки, получив подкрепление в 18 батальонов из Константинополя, предприняли наступление. Несмотря на отчаянное сопротивление сербской армии и героизм русских добровольцев,⁶²¹ турки разбили сербские силы на Шилеговацких позициях. Карцов доносил из Белграда об этом бое: «Кревет отстояли, но лишь дорогою ценою русской крови»⁶²². После недельного перерыва турки продолжили наступление и 17 октября с боями взяли Джунис, при защите которого особенно отличился русско-черногорский отряд и сербская артиллерия.

«18 октября турки заняли опустевший Алексинац, шайки башибузуков и черкесов проникли далее Делиграда, предавая сербские села огню и разорению. Княжество было на краю гибели, неприятелю была открыта дорога на Белград», - так описывалась драма Сербии чиновниками русского министерства иностранных дел.⁶²³

620 ОБТИ.Т. 1. Док. 407.

621 См. Груич С. Сербо-турецкая война 1876 года. // Славянские известия. 1907. № 6-7. С.593-594; Опачић П. Осврт на војне операције ... С.15-16.

622 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 17. Л. 240.

623 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 876 г. Л. 288-288 об.

Черняев телеграфировал князю Милану в Белград, что состояние критическое, одна надежда на перемирие, и попросил телеграфировать русскому императору, умоляя о заключении перемирия в ближайшие 24 часа⁶²⁴. 18 октября Ристич телеграфировал об этом Протичу в Петербург, сообщая, что если в ближайшие сутки не будет заключено перемирие, то «турки, опустошив все в десять дней, возьмут и сам Белград»⁶²⁵. В этот же день император приказал Игнатьеву предъявить Порте ультиматум, объявив, «что если она в 2-х дневный срок не примет перемирия на 6 недель или 2 месяца, наш посол выедет из Константинополя со всем посольством и дипломатические отношения будут прерваны»⁶²⁶. Турция удовлетворила требования России, перемирие было заключено сроком на два месяца до 20 декабря 1876 г. 21 октября Турция приостановили все военные действия.

В начале ноября 1876 г. на заседании у императора в присутствии наследника, главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, военного министра и начальника штаба Действующей армии была прочитана «Записка о плане кампании», где предполагаются в случае войны с Турцией совместные действия с Сербией: «Западное направление приводит наши войска в наиболее непосредственное соприкосновение с Сербскою армией, дает ей окрепнуть и затем служит довольно значительною поддержкою нашим боевым силам при дальнейшем их наступлении»⁶²⁷.

В январе 1877 г. Милютин уведомил министра финансов Рейтерна о том, что император разрешил «удовлетворить содержанием оставшихся еще в Сербии добровольцев, только за январь месяц, с тем, чтобы те из них, которые после сего останутся в Сербии с согласия тамошнего правительства,

624 Ристић Ј. Дипломатска историја... књ .1.С. 150.

625 Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. Док. 124.

626 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д.17. Л. 348.

627 Особое прибавление... Вып. VI. СПб., 1911. С.146.

поступили и на его содержание».⁶²⁸ Но большинство добровольцев предпочло вернуться в Россию с тем, чтобы принять участие в освобождении Балкан уже в составе русской армии.

Рисунки В.Д. Поленова дают нам полное представление о том в каком бедственном состоянии возвращались русские добровольцы домой. Так, заведующий русской больницей в Ягодине доктор Величковский сообщал, что «русские добровольцы. проходящие через Ягодину являются в лохмотьях в госпиталь, прося Христа ради белья»⁶²⁹. Эти раздетые и голодные люди порой шли на преступления. Об угоне лошадей, и кражах имущества, совершаемых добровольцами, писал Дандевиллю военный министр Сербии Груич⁶³⁰.

В России в день передачи Порте ультиматума было принято решение о мобилизации.⁶³¹ Подготовка к возможной войне и частичной мобилизации в связи с этим началась еще летом 1876 г. 15 июля 1876 г. русский посол Н.П. Игнатьев выехал из Константинополя под предлогом отпуска, а на деле для решения дальнейшей судьбы русско-турецких отношений в связи с событиями на Балканах. В.М. Хевролина в монографии, посвященной политической и общественной деятельность графа Н.П. Игнатьева приводит и предложенный им летом 1876 г. план военных действий России в войне с Турцией на Балканском и Кавказском фронтах. Игнатьев предполагал конечной целью операций на двух фронтах «как освобождение балканских народов, так и завладение проливами»⁶³².

Отчет по русскому военному ведомству за 1876 г. свидетельствует о военных приготовлениях в стране: «С июля

628 РГВИА . Ф.439. Д.15. Л. 190-180 об.

629 ЦГИА СПб.Ф.400. Оп.1. Д. 80. Л.24.

630 ЦГИА СПб.Ф.400. Оп.1. Д. 80. ЛЛ. 48-51.

631 Милютин Д.А. Дневник. Т. II.. С.102.

632 Хевролина В.М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2004. С. 235-236.

месяца во всех центральных и местных управлениях военного ведомства и в самих войсках принимались деятельные меры к тому, чтобы в случае надобности не встретилось никаких препятствий к быстрому переходу на военное положение».⁶³³ Предполагавшаяся война с Турцией требовала сосредоточения всех сил русской армии, и поэтому уже в сентябре 1876 г. было принято «Высочайшее повеление о прекращении увольнений офицеров в отставку». Недостаток офицеров начал ощущаться, по мнению военных аналитиков, в связи с тем, что «весьма многие из состоявших на службе офицеров вышли в отставку и отправились в качестве добровольцев на театр военных действий в Сербии»⁶³⁴.

Неудачи сербской армии, ясная перспектива того, что кризис не удастся преодолеть без вооруженного вмешательства, заставили императора в сентябре отдать приказ о подготовке к мобилизации войск Одесского, Харьковского и Киевского военных округов, а после поражения Сербии у Джуниса, начать 1 ноября 1876 г. реальную мобилизацию войск и сосредоточения их к южным границам. При этом следует отметить, что Александр II был настроен более решительно, чем его военный министр и министр иностранных дел. 3 сентября из Константинополя Горчакову пришла зашифрованная телеграмма о том, что турки и слышать не хотят о перемирии и ставят условия мира совершенно невозможные.⁶³⁵ Н.П. Игнатьев уточнял, что турки, поддерживаемые Великобританией, в числе унижительных для Сербии условий мира потребовали возвращения турецких гарнизонов в сербские крепости, ограничения численности сербских войск 10 тыс. человек, уплаты единовременного денежного вознаграждения сверх

633 ОР РГБ. Ф.169. К.31. Д. 5. Всеподданнейший доклад по военному министерству 19-го февраля 1877 г. ЛЛ.6, 35.

634 ОР РГБ. Ф.169. К. 31. Д.5. Л.33.

635 Мильютин Д.А. Дневник. 1876-1878. М., РОССПЭН. 2009. С. 114.

дани⁶³⁶. Милютину с трудом удалось уговорить императора отказаться от наложенной им резолюции: «ничего другого не остается, как прервать дипломатические сношения с Портой, а затем – и объявить войну»⁶³⁷.

Дипломатическая подготовка войны велась на протяжении августа-ноября 1876 г. Попытка Горчакова заручиться поддержкой Германии, ответ Бисмарка на вопрос Александра II о позиции Германии в случае войны с Австро-Венгрией, и необходимость в связи с этим обеспечить австрийский нейтралитет, командирование с этой целью 10 сентября 1876 г, в Вену Сумарокова-Эльстона с письмом русского императора к Францу-Иосифу - неоднократно освещались в отечественной и зарубежной литературе. Хорошо изучена также и напряженная работа русской дипломатии по подготовке и проведению Константинопольской конференции 11 (23) декабря 1876 - 8 (20) января 1877 г.⁶³⁸

Важно в этой связи остановиться на малоизученном вопросе русских планов в отношении Сербии осенью 1876 г., после заключения перемирия. Решение не привлекать Сербию к войне возникло не сразу, ибо военное министерство полагало, что «примыкая непосредственно к театру военных действий, Сербское княжество могло бы получить серьезное значение для наступающей к Балканам русской армии, обеспечивая ее правый фланг»⁶³⁹.

636 Игнатъев Н.П. Записки... // Исторический вестник. 1914. Т.136. № 4. С.82.

637 Милютин Д.А. Дневник. 1876-1878. М., РОССПЭН. 2009. С. 114.

638 Восточный вопрос во внешней политике России конец XVIII - начало XX вв. М., 1978. С.207-211; Международные отношения на Балканах. 1856—1878 гг. М., «Наука», 1986. С. 291-314; Виноградов В.Н. Дипломатия великих держав в тупике Восточного кризиса //История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) М., URSS, 2012. С. 163-177.

639 Описание русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове.Т.1. СПб., 1901. С.60.

В Сербии после разгрома под Джунисом и заключения перемирия возобладало мнение о невозможности продолжать войну, во всяком случае, без активной помощи России. Карцов доносил уже в конце октября: «Князь Милан заранее просит меня доложить вам, что без нашего вынужденного вмешательства Сербия не будет в состоянии возобновить войну».⁶⁴⁰ По поводу содержащегося в этой же телеграмме предложения князя Милана прислать в Сербию «под видом волонтеров до 30 тысяч войска организованных в России, с соответственными денежными средствами»⁶⁴¹, - Александр II написал: «нет, а мы сами вступим в Болгарию».

О всеобщем нежелании в Сербии продолжения войны сообщал из Белграда А.А. Кирееву член Петербургского славянского комитета П.А. Голенищев-Кутузов. Из бесед с сербскими министрами он вынес убеждение, что Сербия может продолжать войну, только при значительной русской финансовой помощи⁶⁴². Сербское правительство 28 октября 1876 г. запросило через Карцова разрешение немедленно послать доверенное лицо в Петербург «для словесного изложения нужд Сербии». Русский самодержец никогда не испытывал теплых чувств к либеральному кабинету Ристича, именуя его «Омладиной», но события последних дней настроили его еще непримиримее. В ответ на сообщение Карцова, что министры и князь решили отправить для переговоров в Петербург Ристича, император возмущенно заявил: «Я решительно не хочу с ним иметь дело. Пускай пришлет он (князь Милан - Л.К.) Мариновича или кого-нибудь другого, но не принадлежащего к Омладине»⁶⁴³. Такое требование было воспринято сербским

640 АВПРИ. Ф.Канцелярия.1876. Д.17. Л.263-263 об.

641 Там же. Проект присылки регулярных войск под видом добровольцев принадлежал самому Карцову. См. АВПРИ. Ф. ГА-VA3. Д.270. Л.9

642 РГИА. Ф.651. Оп.1. Д.861. ЛЛ.1-6.

643 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д.17. Л.264 об. Резолюция на текст шифрованной телеграммы Карцова от 28.X.1876 г.

правительством как выражение недоверия ему со стороны России и, по свидетельству Карцова, кабинет Ристича хотел «или ограничиться посылкою в Петербург мемуара, или же подать в отставку»⁶⁴⁴.

Безусловно, у Ристича не было иллюзий на счет отношения к нему лично русских официальных кругов. Еще в августе 1876 г. Протич телеграфировал ему из Петербурга, что царь ненавидит Ристича и желает его отставки.⁶⁴⁵ Но на этот раз царь не просто отказывался видеть Ристича, а призывал в качестве посланца сербского князя лидера оппозиции, и это говорило о негативном отношении России ко всему «министерству действия». Князь не считал возможным, однако, предпринимать смену кабинета «до разъяснения будущей роли Сербии».⁶⁴⁶ Выбор Мариновича в качестве представителя Сербии в столь критический момент обескураживал многих русских общественных деятелей, хорошо представляющих себе положение в Сербии. Так, А.А. Майков, полагая, что это недоразумение, характеризовал Мариновича и его возможную роль в заключении мира Сербией: «Его образ мыслей как вообще на внутренние дела, так и в особенности на войну не сходился с народными мыслями и чувствами. И вдруг г. Маринович призван был в качестве представителя страны и ее правительства. Понятно, что это произвело в сербах страшное неудовольствие и смущение. Последствия, поскольку они влияли на заключение сербо-турецкого мира, не замедлят обнаружиться»⁶⁴⁷.

7 ноября Маринович, сопровождаемый Карцовым, выехал в Петербург. Маринович вез инструкции и записку сербского правительства, сообщенные ему Ристичем, и тайные инструкции самого князя, о которых правительство не знало.

644 Там же. Л. 267.

645 Mackenzie D. The Lion of Tashkent. Athens.1974. P. 141.

646 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д.17. Л. 267-267 об.

647 ОР РНБ. Ф.452. Д.145. Л.2об.-3.

Инструкции правительства повторяли решение министерского заседания от 24 октября и содержали следующие сербские предложения: в случае, если Россия согласится на заключение мирного договора Сербии с Турцией до истечения перемирия, требовать компенсацию от Турции за нанесенный ущерб в размере 12-15 млн. дукатов, либо, если Турция не сможет заплатить такую сумму, отдать Сербии под управление Новопазарский пашалык и Призренский вилайет. В случае же, если Россия пожелает дальнейшего продолжения Сербией военных действий, предлагалось сообщить, что Сербия может выступить только в том случае, если начнет войну Россия и при условии значительной русской материальной помощи. Но и тогда Сербия требовала твердых гарантий для себя о будущих территориальных приобретениях⁶⁴⁸.

В записке сербского правительства в качестве объяснения сербских требований в случае заключения мира с Турцией, давалась высокая оценка сербо-турецкой войне, которая, хоть и не была победоносной для Сербии, открыла путь к вмешательству великих держав и предъявлению Турции требований, неизбежно ведущих к улучшению положения турецких славян. Князь Милан в личном письме российскому императору раскаивался в том, что начал войну вопреки русским советам и заявлял, что основную причину несчастий Сербии видит в ее политическом устройстве. Князь ожидал от поездки Мариновича одобрения Россией перемены правительства, согласия на отмену конституции, выплаты всего обещанного займа, дипломатической поддержки в случае заключения мира, либо сведений о размерах помощи в случае войны с Турцией. Князь и Ристич настоятельно просили выяснить в Петербурге: существует ли угроза австро-венгерского занятия Сербии.

648 О содержании сербских инструкций и вообще о миссии Мариновича см. подробную, основанную на документах Сербского МИДа статью: Vučković J. Misija Jovana Marinovića u Petrogradu 1876 // *Jugoslovenska revija za međunarodno pravo* - 1957. № 3, S.352-371.

Каковы же были в это время планы России относительно Сербии? В начале ноября 1876 г. на заседании у императора в присутствии наследника, главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, военного министра и начальника штаба Действующей армии была прочитана «Записка о плане кампании», предполагающая в случае войны с Турцией «такое поражение турецкой власти в Европе, чтобы она была потрясена в своем основании и потеряла бы возможность и в будущем продолжать этот варварский гнет над подчиненными ей христианскими племенами»⁶⁴⁹.

В этой записке предполагаются в случае войны совместные действия с Сербией: «Западное направление приводит наши войска в наиболее непосредственное соприкосновение с Сербскою армией, дает ей окрепнуть и затем служит довольно значительно поддержкою нашим боевым силам при дальнейшем их наступлении»⁶⁵⁰.

О кооперации с Сербией шла речь на совещании 16 ноября 1876 г. в Царском Селе, где присутствовал и Карцов. Обсуждались привезенные Мариновичем Записка сербского правительства и письмо Милана. Карцов говорил о неспособности Сербии к войне и необходимости решить дело миром с Турцией, однако поддержки участников совещания Карцов не получил. Отстаивая положения вышеприведенной записки, великий князь Николай Николаевич, уже назначенный главнокомандующим, резко возразил ему.⁶⁵¹ Д.А. Милютин подытожил результаты совещания в своем дневнике: «После разнообразных рассуждений решено было: 1) помочь Сербии деньгами и послать туда лицо для организации сербских военных сил; 2) помочь Черногории доставкой патронов; 3)

649 Особое прибавление....Вып. VI. СПб., 1911. С.143.

650 Там же. С.146.

651 Карцев Ю.С. За кулисами дипломатии // Русская старина.1908. Т. 134. С.472.

ускорить по возможности ход переговоров как в Константинополе, так и в Вене и в Бухаресте»⁶⁵².

Вопрос о денежном вспомоществовании был решен довольно быстро, уже 19 ноября царем было отдано распоряжение о выдаче 300000 рублей Карцову на пособия русским добровольцам, остающимся в Сербии и христианскому населению Сербии, потерпевшему от турок, и один миллион рублей на военные расходы в Сербии. 22 ноября в Сербию выехал с деньгами чиновник особых поручений министерства финансов Рихтер⁶⁵³.

Это произошло 28 декабря 1876 г., а 1 января 1877 г. в Белград прибыл Маринович, который привез князю письма русского императора и Горчакова, где говорилось, что в случае войны России с Турцией ожидается энергичная кооперация с Сербией⁶⁵⁴. При этом территориальные изменения Сербии будут зависеть от степени ее участия в боевых операциях. Этот запоздавший совет еще раз свидетельствует, что Россия всерьез рассчитывала на сербскую помощь в предстоящей войне⁶⁵⁵.

Однако в Сербии противником войны выступало не только министерство Ристича, новой войны боялся и ставленник русской дипломатии Маринович, который считал для себя возможным возглавить правительство лишь после заключения мирного договора. Русский консул доносил в

652 Милютин Д.А. Дневник. 1876-1878. М., РОССПЭН. 2009. С. 158-159.

653 РГИА. Ф. 565. Департамент государственного казначейства. Оп. 2. Д.6238. ЛЛ.16-22. Из этого же дела выясняется, что Рихтер вернулся из Сербии «за окончанием возложенного на него поручения» лишь 23 июня 1877 г. и сдал обратно из выданных ему 800 тыс. (500 тыс. предполагалось выслать позже) рублей - 270617 руб.17 копеек. Таким образом он передал около 500000 рублей) - ЛЛ.109-110.

654 Ристић Ј. Дипломатска историја... Књ. 2. Други рат. Београд. 1898. С.15-16.

655 См. также тексты писем Александра II и А.М. Горчакова князю Милану - Vučković V. Misiја Jovana Marinovića... S. 368.

связи с такой позицией Мариновича в Петербург 13 января 1877 г., что, несмотря на рекомендации русского правительства, Маринович продолжает положительно отказываться при настоящих условиях от составления нового кабинета, т.к. «не хочет быть в ответе за дела тех же людей, которые вовлекли Сербию в настоящее безвыходное положение»⁶⁵⁶.

В Петербурге поняли, что до заключения мирного договора рассчитывать на перемены в сербском правительстве не приходится. Несмотря на недоброжелательное отношение к Ристичу императора,⁶⁵⁷ все дальнейшие переговоры придется вести с ним. Приведенные выше факты свидетельствуют, что Россия планировала участие Сербии в предстоящей войне, этим планам противодействовало прежде всего само сербское правительство. Неправомерным в связи с этим представляется утверждение, что причиной согласия России на заключение мира Сербии с Турцией были решения тайной Будапештской конвенции⁶⁵⁸.

Заключение Будапештской конвенции, безусловно, ограничивало возможность совместных действий России с Сербским княжеством в предстоящей войне, но не исключало их. И лишь после того, как сначала князь Милан⁶⁵⁹, а затем и Ристич через Протича⁶⁶⁰ обратились в Петербург с просьбой «посредничать для дарования мира стране, которая уже была спасена от окончательного погрома одним словом его величества», Россия отказалась от мысли выступить в союзе с Сербией.

656 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д.11. Л.191-191 об.

657 4 января 1877 царь написал на телеграмме Карцова, извещавшего о просьбе сербского министерства о денежной субсидии: «Я не дам ни копейки, пока Ристич будет министром».

658 Историја српског народа. Књ. 5. Т.1. С.392.

659 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д.11. Л.192-192 об.

660 АВПРИ. Ф. ГА-VA2. Д.270. Л.167.

14 января 1877 года Горчаков телеграфировал Карцову, что Россия не препятствует заключению мира между Сербией и Турцией, и что «Порта имеет в виду status quo ante»⁶⁶¹, а 18 января Александр II писал брату в Кишинев, что «турки, между тем стараются заключить теперь же мир с Сербией и Черногорией, чему я не вижу причины противиться, так как на содействие первой нам нечего рассчитывать, а последняя в случае войны, несмотря на мир все-таки пристанет к нам»⁶⁶².

После того, как Порта 14 января обратилась к Сербии с предложением начать переговоры, сербское правительство, практически ежедневно консультировалось по этому вопросу с Петербургом⁶⁶³. Для выяснения русской позиции использовались и силы славянских комитетов. Так, 19 января через Протича представитель славянского комитета в Белграде А.А. Нарышкин запрашивал Васильчикова: «Скажите откровенно, изолирована ли Сербия? И каков русский военный план?», а сообщая о намерениях боснийских и герцеговинских повстанцев продолжать действия, замечает: «Отдельный мир (для Сербии - Л.К.) оказывается почти единственным выходом. Поэтому вряд ли нужно поддерживать охрабрение восстания, которое в Старой Сербии, Боснии и Герцеговине еще не угасло»⁶⁶⁴.

Лидеры славянских комитетов к этому времени уже знают о планах русского правительства относительно Сербии. Но, определяя свое к этому отношение, Аксаков пишет Васильчикову 12 января 1877 г.: «Славянский комитет, по-моему, не может и не должен упразднить всякое свое отношение к Сербии, отказываться от всякого своего авторитета и влияния, купленного такой дорогой ценой». Оставлять Сербию, по его

661 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 11. Л. 322.

662 Особое прибавление... Вып. III. СПб., 1899. С.9.

663 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д.11. ЛЛ. 194-210.

664 РГИА. Ф.651. Оп. 1. Д. 863. Л. 7 об.

мнению, «это значит побуждать ее или к сепаратному миру, или к исканию протектората у Австрии»⁶⁶⁵.

Всю предварительную работу по заключению мирного договора (выработка условий мира, места заключения мира и т.п.) вело министерство Ристича, и русскому МИДу ничего не оставалось, кроме как с сожалением констатировать в годовом отчете: «...обстоятельства сложились так, что министерству Ристича, более всех виновного в возбуждении войны против Турции и в несчастях, обрушившихся вследствие сего и на Сербию, пришлось участвовать в заключении мира с Портою».

Видимо, с тем, чтобы не позволить туркам перебросить с сербских границ свои войска, из России даются сербскому правительству инструкции затянуть переговоры о мире с приехавшим представителем Порты на возможно более долгий срок⁶⁶⁶. Турецкие представители, по-видимому, были заинтересованы в скорейшем заключении мира с Сербией, так как необыкновенно легко согласились на все поправки, которые сербы предъявили к проекту мирного договора. Так, они сняли вопрос о равноправии евреев, так как, по их словам, этот пункт был навязан им западными державами, и согласились изменить требование о статусе турецкого представителя в Белграде. Поначалу планировалось, что он будет официальным представителем турецкой верховной власти, а теперь турецкая сторона уже соглашалась определить ему лишь дипломатический ранг⁶⁶⁷.

Не желая брать на себя ответственность в столь важном вопросе, как заключение мира, князь Милан решил собрать 16 февраля 1876 г. Великую скупщину и вынести этот вопрос на ее обсуждение. Ристич и его министры, опасаясь выступления оппозиции на скупщине, были против этого⁶⁶⁸. В литерату-

665 Там же. Д. 854. ЛЛ.19 об. - 20.

666 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 11. ЛЛ.194-198.

667 Там же. ЛЛ. 201-202, 204.

668 Там же. Л. 203.

ре утвердилось мнение, что именно на этой чрезвычайной скупщине Милан, предварительно сговорившись с Мариновичем, при поддержке России собирался добиться замены либерального министерства консервативным и отмены конституции⁶⁶⁹. Исследователи с недоумением отмечают, что этот план Милан во время заседания скупщины сам и разрушил, закрыв скупщину сразу же после утверждения условий мира и не позволив, таким образом, оппозиции заставить Ристича дать перед скупщиной отчет по поводу неудачи прошедшей войны. Князь фактически спас либеральный кабинет, или, по выражению русского министерства иностранных дел, «неожиданно для народных представителей явился защитником министерства, сделавшегося ненавистным для всех сербов»⁶⁷⁰. По-видимому, разгадка такого поведения князя лежит в том, что для него была только одна альтернатива министерству Ристича – диктатура. Слабое, непопулярное в Сербии министерство Мариновича его не устраивало.

Напомним, что в письме к Александру II, присланном с Мариновичем в ноябре 1876 г. Милан уже выдвигал идею диктатуры и отмены конституции. Неясно, какова была тогда реакция на эту идею русского правительства. Зато известно, что в феврале 1877 г. самодержавная Россия выступила защитницей сербской конституции. В ответ на сообщение Карцова, что «в тайне от своих министров Милан поведал мне, что предложит скупщине отмену на 3 года Конституции и диктатуру князя. Если это не удастся, он думает оставить Сербию»⁶⁷¹, Горчаков телеграфировал 6 февраля 1877 г.: «Вре-

669 См. Историја српског народа... књ. 5. Т.1. С.393; Живот и рад Ј. Ристића. Београд. 1985. С.68; Ђорђевић М. Друштвено-политички услови и исходи српско-турских ратова 1876-1878. године // Србија у завршној фази... С.49; Стојичић С. Српско-турски ратови и унутрашњи политички односи у Србији// Србија у завршној фази... С. 280.

670 АВПРИ. Ф. Отчеты. 1877. Л. 214 об.

671 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. д.11. Л. 206. На полях помета царя: «Этого не доставало».

мя дурно выбрано для устранения конституции и провозглашения диктаторства. Это может только усложнить вопрос с опасностью для князя»⁶⁷². Заключение Сербией мирного договора вызвало живой отклик в России. Министр внутренних дел России докладывал 16 февраля 1877 г. Александру II, что содержание мирных условий между Сербией и Турцией является главным предметом обсуждения передовых статей российской печати⁶⁷³.

«Удаление маленькой Сербии с великой сцены современного восточного вопроса не ослабит, разумеется, важности кризиса и не изменит хода политических событий, определенных общими нуждами поработанного турками Востока, равно как и интересами могущественных держав материка»⁶⁷⁴, - писала в день заключения мира черняевская газета «Русский мир».

Русское правительство шага в защиту Сербии предприняло в первые же дни после начала войны – в ходе Рейхштадтских переговоров. Результатом переговоров была нейтрализация главного врага усиления и территориального расширения Сербии – Австро-Венгрии. По сути было гарантировано само существование Сербского княжества и ликвидирована опасность его оккупации Австро-Венгрией.

Согласившись в Рейхштадте занять по отношению к сербо-турецкой войне позицию строгого нейтралитета, русское правительство его придерживалось недолго. С неофициального одобрения правительства в Сербию ехали вышедшие для этого в отставку кадровые офицеры, военное министерство разрешало выдавать сербской армии сукно на шинели⁶⁷⁵, по требованию императора в армию Черняева был направлен наблюдатель - полковник Генерального штаба Дохтуров. Рос-

672 Там же. Л. 333.

673 РГИА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 79. Л. 114.

674 Русский мир. 16 февраля 1877 г. № 42.

675 ОБТИ. Т.1. Док. 252.

сийские власти не оказывали противодействия агитационной деятельности славянских комитетов, работе комиссий по сбору пожертвований в пользу славян, отправке добровольцев в Сербию.

Но при этом никаких более действенных мер со стороны правительства для помощи Сербии предпринято не было, не был даже окончательно решен вопрос о сербском займе. Это объяснялось тем, что русское правительство понимало, что решить сербский вопрос, равно и балканскую проблему в целом, можно ввиду бесплодности дипломатических усилий, лишь вступлением России в войну.

Решению о возможной войне с Турцией в случае неуспеха дипломатического урегулирования кризиса до определенной степени способствовало тяжелое положение на сербо-турецком фронте. Российской дипломатии принадлежит заслуга выработки благоприятных для Сербии условий перемирия в сентябре 1876 г. и, наконец, подлинного спасения княжества от разгрома и оккупации ультиматумом 18 октября 1876 г.

Русское правительство не только спасло Сербию от разгрома, но и разрабатывало план совместных боевых операций с Сербским княжеством в ходе предстоящей войны.

Анализ событий ноября 1876 г. - января 1877 г. позволяет сделать вывод, что сербское правительство и, прежде всего, князь и Ристич вовсе не желали продолжения войны, полагая, что главная задача – вовлечение в борьбу с Турцией России - осуществлена. В то же время русское правительство уже в этот период, еще до заключения Сербией мирного договора с Турцией, составило перспективный план русско-сербской кооперации.

Еще в самом начале января 1877 г. Сербии давалось понять, что ее возможные территориальные приращения будут зависеть от степени ее участия в войне. Заявление сербского правительства о неготовности к боевым действиям с огорче-

нием было воспринято русским военным министром. 2 января 1877 г. он писал начальнику штаба действующей армии А.А. Непокойчицкому о позиции Сербии и Румынии: «Месяц назад мы смотрели на оба эти княжества, как на своих надежных союзников, и предполагали действовать заодно с ними. Теперь Сербия открыто заявляет, что не желает продолжать войны, что не может вести ее и предвещает нас, чтобы мы не рассчитывали на ее содействие»⁶⁷⁶.

Русское правительство пошло навстречу сербскому князю в его желании заключить мир с Турцией. При этом все же в Будапештской конвенции Россия оговаривала возможность совместных боевых операций с Сербией. О том, что русское правительство продолжало заботиться о положении Сербии в случае предстоящей войны с Турцией, говорится в цитированном выше письме Милютина. Он писал: «Можно даже, как мне кажется, вполне рассчитывать на то, что в случае успешного для нас начатия кампании и движения за Дунай к Балканам, в западной части Болгарии Сербия, несмотря на теперешнее ее пассивное положение, не останется простой зрительницей наших успехов и сделает последнее усилие, чтобы снова собрать сколько будет возможно своих войск для совместного с нами действия»⁶⁷⁷.

Сложная международная ситуация, перспектива предстоящей войны, выдвигали перед русским правительством задачу стабилизации политического положения в Сербии. Самодержавная Россия не была сторонницей сербской конституции, полагая, что «парламентские учреждения, искусственно перенесенные с запада в Сербию, на почве еще далеко неприготовленную к восприятию конституционной жизни привели княжество к настоящему печальному внутренне-

676 Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875-1878. Док.152.

677 Там же

му состоянию»⁶⁷⁸. Царь и его приближенные негативно относились к Ристичу и его кабинету. Им мерещился призрак «красной» Омладины. Но в позиции России по отношению к правительственному кризису Сербии в январе-феврале 1877 г. виден трезвый расчет. Если не получается сформировать консервативный кабинет во главе с русофилом Мариновичем, то тогда лучше Ристич, чем предлагаемая князем диктатура и отмена конституции. Такой поворот может привести к «сму-те», а может быть к революционным выступлениям.

Молодой сербский князь согласился с этим мнением, но из других соображений. Его как раз, не устраивало непопулярное правительство Мариновича, и он пока еще вынужден был искать помощи Ристича, хотя вынашивал уже планы авторитарного правления.

В это время с новой силой проявляется стремление Австро-Венгрии ослабить русское влияние в Сербии. Отголосок этой идеи чувствуется и в тех статьях Будапештской конвенции, которые касаются запрещения русских военных операций на территории Сербского княжества. Опору для своих устремлений Андраши мог найти в властолюбивом сербском князе. Сразу после поражения Сербии в войне, ощущается переориентация князя на Австро-Венгрию. Это проявилось и в том, что именно «удовлетворение австро-венгерских желаний» он избрал предлогом для удаления министерства действия в декабре 1876 г. (инцидент с монитором). О происках Австро-Венгрии, ее стремлении оказать давление на князя и правительство свидетельствует донесение Карцова от 4 января 1877 г. Карцов сообщал, со слов Мариновича, что Андраши угрожал Милану, «что Австрия расположена признать за собой право занять княжество, даже за одно вооруженное его нам содействие, хотя бы русские войска и не вступили в

678 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1875. ЛЛ. 149 об.–150.

Сербию».⁶⁷⁹ В этом же донесении Карцов делает предположение, что это, вероятно, направлено «к побуждению Сербии поспешить с заключением отдельного мира».⁶⁸⁰

679 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 11. Л. 189. На полях донесения Александр II начертал: «Это не согласуется с тем, что выговорено в конвенции».

680 Там же. На это предположение император отозвался пометой «Вполне возможно».

Глава IV.

Союзники. Россия и Сербия в годы русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг.

1. Миссия генерал-лейтенанта Никитина в Сербии

Для организации сербских военных дел, по предложению Милютина решено было направить в Сербию начальника штаба Виленского военного округа генерал-лейтенанта Александра Павловича Никитина⁶⁸¹ прежде всего «для содействия сербскому правительству в устройстве военных дел Сербии», а второй его задачей было «определение русских офицеров в сербскую армию».⁶⁸² Одной из главных задач Никитина было проверить, готова ли Сербия к совместным действиям с Россией.

Со слов Аксакова, Чижов так объяснял вторую задачу Никитина: «К добровольцам послан генерал Никитин, объявить им, чтобы они приписались к сербской армии и были бы под начальством сербских военачальников, они этого не хотят, а России нельзя держать свое войско в Сербии, то есть в Турецком государстве»⁶⁸³. Никитину предлагалось для укрепления сербской армии офицерскими кадрами «назначить прежде всего тех офицеров, которые уже находятся в Сербии, с тем однако, чтобы из числа их оставлены были в тамошних войсках на содержании русского правительства только такие офицеры, которые в действительности соответствуют своему

681 ОБТИ. Т.1. Док.357; Милютин Д.А. Дневник. 1876-1878. М., РОССПЭН. 2009. С. 159-160.

682 РГВИА. Ф. 439. Д. 5.

683 ОР РГБ. Ф.332. К. 3 . Д.5. ЛЛ.3-3 об.

назначению»⁶⁸⁴. Славянские комитеты в свою очередь объявили, что с 20 декабря прекращают платить добровольцам пособие⁶⁸⁵ и предложили «перевести с 20 декабря добровольцев на казенное содержание, если, разумеется, они изъявят согласив перейти, оставаясь в Сербии, в русскую действующую армию»⁶⁸⁶.

Никитин прибыл в Сербию лишь 12 декабря, за неделю до окончания перемирия, и, пробыв в Сербии чуть больше 2-х недель, пришел к выводу о полной неспособности Сербии продолжать войну,⁶⁸⁷ 26 декабря 1876 г. он отправил телеграмму Милютину с просьбой отозвать его из Сербии так как «никакой надежды восстановить военные силы Сербии и средства защиты не видел». Решение Никитина вызвало недовольство сербского военного министра Савы Груича, который полагал, что «позиция Никитина была внушена ему наветами консула Карцова»⁶⁸⁸.

Действительно, Карцов еще до приезда Никитина из Петербурга телеграфировал в Россию, что Сербия к войне не готова, и что «Никитину в остающийся краткий срок что-либо сделать трудно».⁶⁸⁹ Русский консул, с неприязнью относившийся к Ристичу и его министерству, опасался, что тот «домогаются забрать русские деньги в свое распоряжение»,⁶⁹⁰ и делал все возможное, чтобы воспрепятствовать этому. Глубоко возмущен был он поведением Никитина, который держал себя с сербами «как подчиненный, а те расхищали

684 РГВИА. Ф. 439. Д.15. Л.8-9.

685 АВПРИ. Ф. ГА-VA2 Д. 270. Л.17.

686 ОПИ ГИМ. Ф.208. Д. 42. ЛЛ.61-62.

687 См. ОБТИ. Док. 391,396,400; Подробнее о поездке генерал-лейтенанта Никитина в Сербию: Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 8. СПб.,1898.

688 Груич С. Сербско-турецкая война 1876 г. // Славянские известия. 1907. № 8. С.670.

689 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д.17. ЛЛ. 278-279.

690 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д.17. Л. 277 об.

русский миллион для покрытия собственных нужд»⁶⁹¹. Карцов, обычно надменно державшийся по отношению к сербским политическим деятелям и демонстрировавший свое презрение к сербским политическим институтам, инструктировал Никитина перед тем, как представить его сербскому князю, советуя «с сербскими министрами обходиться возможно круче и сразу забрать их в руки, иначе успеха быть не может»⁶⁹². О недопустимой грубости русского консула по отношению к сербским общественным и политическим деятелям подробно написал П.С. Толстой И.С. Аксакову. Характеризуя поступки Карцова как «антинациональные», Толстой подчеркивал, что Ристич «никак не мог говорить равнодушно об оскорбляющей достоинство манере Карцова относиться к нему»⁶⁹³.

Но не только позиция русского консула, считавшего, что помощь сербской армии бесполезна и лишь способствует укреплению кабинета Ристича, оказала влияние на выводы Никитина. По дороге в Сербию он заехал в Кишинев в штаб главнокомандующего. Там уже находился вызванный 17 ноября, после решения о привлечении Сербии к союзу в случае войны, опальный генерал Черняев⁶⁹⁴. Великий князь Николай Николаевич писал о встрече с Черняевым Александру II 5 декабря 1876 г.: «Все, что он рассказывает про сербов и их армию весьма грустно. Армия, по его словам, подтверждаемым слухами, до нас доходящими, почти что не существует», далее в этом же письме сообщается, что генерал Никитин специально остался на день, чтобы поговорить с Черняевым и «разузнать про различные личности как сербов, так равно и русских, там оставшихся»⁶⁹⁵. Генерал-адъютант Непокойчицкий доносил

691 Карцев Ю.С. За кулисами дипломатии // Русская старина. 1908. Т.134. С.475.

692 АВПРИ. Ф. ГА-VA2. Д.270. Л.12 об.-13.

693 ОБТИ. Т. I. Док. 407.

694 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 Д.17.Л.270,356.

695 Особое прибавление ... Вып. III. СПб., 1899. С.35-36.

в этот же день военному министру: «Генерал Никитин [...] виделся с Черняевым, который, впрочем, весьма мрачно смотрит на дела Сербии»⁶⁹⁶.

В отчетном рапорте о поездке в Сербию Никитин так изложил порученную ему задачу: «По возможности организовать такой корпус сербских войск, который мог бы в течение семнадцати дней оборонять пространство от Нижнего Тимока до Дуная, у Кладово и тем дать время одной дивизии нашей действующей армии переправиться через Дунай и вступить на сербскую территорию».⁶⁹⁷ Затем он объяснил, почему не смог выполнить поставленную задачу. Прежде всего потому, что до конца перемирия оставалось 2 недели, а Сербия к войне была абсолютно не готова. Что же касается русских добровольцев, то он отмечал, что «несмотря на неблагоприятные условия, в которых в течение полугода находились наши добровольцы, люди смотрели молодцами и с нетерпением ожидали возобновления военных действий»⁶⁹⁸.

Никитин не сумел справиться с возложенной на него достаточно трудной задачей. В своих телеграммах из Сербии он сообщал, что в виду нежелания сербского народа продолжать войну и «недружелюбия сербского правительства к добровольцам» просит отозвать его в Петербург и отправить добровольцев в Россию⁶⁹⁹. Поскольку перемирие было продлено еще на 2 месяца, начиная с 19 декабря, а положение Никитина в Сербии было, по мнению военного министра, «затруднительным и унижительным для достоинства России», 27 декабря он был отозван в Петербург. Одновременно ему приказывалось «прекратить расходование суммы (1 млн. руб.), предназначавшейся на вооружение Сербии»⁷⁰⁰.

696 Особое прибавление ... Вып. VI. СПб., 1911. С.165.

697 РГВИА. Ф. 439. Д.15. ЛЛ. 240-240 об.

698 Там же. ЛЛ. 253 об.-254.

699 Там же. Л.131-134;145,148.

700 РГВИА. Ф. 439. Д.15. ЛЛ. 177-179.

Все отзывы о деятельности Никитина в Сербии свидетельствуют об одном: он не сумел, а, вернее, не захотел заняться организацией оставшихся в Сербии добровольцев. Между добровольцами и Никитиным сразу же возникли разногласия⁷⁰¹. Добровольцы были недовольны всем в деятельности Никитина - и канцелярщиной, и тем, что он, якобы, издал «приказ, что все ослушники будут считаться дезертирами из русской службы и караться по закону»⁷⁰², и то, что не признавал за ними чинов, полученных за боевые заслуги в Сербии. Главная же причина внезапно возникшего после продолжения перемирия до 20 февраля, стремления добровольцев уехать в Россию заключалась в бездействии и неопределенности их положения. Сербия, защищать которую они приехали, рискуя карьерой и жизнью, не хотела войны и не нуждалась больше в их услугах.

Именно к этому времени вынужденного бездействия относятся все те случаи пьянства, стычек в кафанах, затмивших затем и в отечественной, и в сербской литературе всю остальную деятельность добровольцев. Но и в этих условиях большинство русских офицеров и солдат сумели сохранить дисциплину и порядок. Полковник Снесарев, называя имена таких офицеров как Милорадович, Кузьминский, Мельницкий, Чорба, Горбатовский, Ростригин и др. утверждал, что «если бы не развращающее влияние бездействия, бесперспективности, добровольцы являлись бы сильной боевой единицей»⁷⁰³.

В январе 1877 г. Милютин уведомил министра финансов Рейтерна о том, что император разрешил «удовлетворить содержанием оставшихся еще в Сербии добровольцев, только

701 ОБТИ. Т. I. Док. 407.

702 ОПИ ГИМ. Ф.208. Д. 48. ЛЛ. 54-54 об. Письмо Монтеверде к Черняеву 29.1.1877 .

703 Карцев Ю.С. За кулисами дипломатии // Русская старина. 1909. № 7. С.99.

за январь месяц, с тем, чтобы те из них, которые после сего останутся в Сербии с согласия тамошнего правительства, поступили и на его содержание»⁷⁰⁴.

Но большинство добровольцев, по рекомендации Снезарева, предпочло вернуться в Россию с тем, чтобы принять участие в освобождении Балкан уже в составе русской армии. Покидая Сербию, русские добровольцы сохранили боевой порядок и отправлялись в Россию формируя отряды не по губерниям, как было предложено, а поротно⁷⁰⁵. 4 января Снезарев отправил в Россию 380 добровольцев. А с 6 января в распоряжении на имя Меженинова Дохтуров объявил о сборе «всех нижних чинов и кавалеристов в полдень на площади против Великой школы для молебна об убитых русских добровольцах и о благополучном возвращении на Родину»⁷⁰⁶. 10 и 15 января в Россию отправились две партии добровольцев по 500 человек каждая, 19 января через Австрию выехала еще одна небольшая группа.

Однако и после этого в Сербии оставалось еще более 100 русских волонтеров. 82 русских офицера и более 20 юнкеров находились в составе русско-болгарской добровольческой бригады под командованием полковника Милорадовича. До заключения Сербией мирного договора с Турцией эта бригада, насчитывающая 2000 человек болгар, черногорцев, сербов из Старой Сербии и арнаутов, собиралась продолжать с возобновлением военных действий войну на стороне Сербии⁷⁰⁷. Но после 16 февраля, когда был заключен мир между Сербией и Турцией на условиях довоенного статус-кво, положение бригады в Сербии стало затруднительным, и ее начальник штаба Н.И. Браилко обратился к Гирсу с письмом о необхо-

704 РГВИА. Ф.439. Д.15. Л. 190-180 об.

705 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 8977. Л. 95.

706 Там же. Л. 132.

707 ОБТИ. Т.1. Док. 403.

димости вывода русско-болгарской добровольческой бригады из Сербии⁷⁰⁸.

К.В. Чилиев, майор русской армии, доброволец сербо-турецкой войны, принявший у Милорадовича командование бригадой, вспоминал в 1908 г., что вывез бригаду в Плоешти, передав ее главнокомандующему вел. князю Николаю Николаевичу⁷⁰⁹. Следует отметить, что многие из числа русских добровольцев, участвовавших в сербо-турецкой войне продолжили дело борьбы за свободу балканских народов во время русско-турецкой войны 1877-78 гг. Там им пригодился опыт и знания, полученные в ходе сражений на Тимоко-Моравском военном театре.

В письме к русскому императору, а также в устных инструкциях Мариновичу, князь Милан подчеркивал, что основной причиной несчастий страны, источником неуверенности и опасности за ее будущее он считает существующее политическое устройство княжества и просит согласия царского правительства на «реорганизацию политической системы Сербии, отвечающей ее жизненным интересам»⁷¹⁰. Это означало как минимум, перемену правительства и приход к власти консерваторов во главе с Мариновичем, а как максимум отмену конституции и установление диктатуры князя. Русское правительство, по-видимому, не возражало против прихода к власти Мариновича. Йован Маринович еще в 1875 г. прочился русской дипломатией на пост главы правительства, но, осторожный и расчетливый политик, Маринович под благовидным предлогом отказывался формировать кабинет: так было в январе 1875 г после падения министерства Чумича, так было и после падения первого министерства действия. И

708 ОБТИ. Т.1. Док. 421,424.

709 ОПИ ГИМ. Ф. 208. Д. 89. Л.13.

710 Vučković V. Misija Jovana Marinovića... S. 357.

на этот раз Маринович не дал еще своего твердого ответа и продолжал представлять в Петербурге правительство Ристича.

Карцов вернулся в Сербию окрыленный, ему казалось, что он получил высочайшую поддержку в борьбе с министерством Ристича, которое он характеризовал «как нам враждебное, властолюбивое». Объясняя Н.К. Гирсу причины своего вмешательства во внутренние дела княжества в декабре 1876 г., он заявлял: «С подобным министерством нам действовать было невозможно и сбросить его мне представлялось крайней необходимостью. Князь Милан следовал моим советам и внушениям беспрекословно. Инцидент с австрийским монитором явился нам как бы посланным самим провидением. Заранее подготовленное мною новое министерство, во главе коего должен был стать Маринович, ожидало только согласия последнего, чтобы вступить в должность. С Николаем Христочем, Милутином Гарашаниным, Цукичем и генералом Протичем оно представляло все залогом крепкого и честного правления, в котором и императорский кабинет нашел бы полное в размерах сил княжества содействие своей политике»⁷¹¹. Эти хвастливые откровения Карцова не совсем верно отражали ход событий, и еще раз свидетельствовали о недооценке им как дипломатического опыта Ристича, так и хитрости и двуличия молодого сербского князя.

На самом деле все было не так просто. Действительно, князь воспользовался случаем с обстрелом сербской береговой охраной австрийского монитора «Мориш» и последовавшей 7 декабря нотой Австро-Венгрии, чтобы предложить кабинету Ристича уйти в отставку. Александр II пометил на телеграмме Карцова, сообщавшего об этом: «Этому я очень рад»⁷¹². Но расчеты Карцова не оправдались. Маринович, которому князь телеграфировал в Петербург с просьбой возглавить

711 АВПРИ. Ф.ГА-VA2. Ф.270. Л. 9 об.

712 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д.17. Л. 282.

правительство, ответил уклончиво, да кроме того еще и пожаловался Горчакову на слишком активную деятельность русского консула. Следствием этого была телеграмма Горчакова в Белград Карцову: «Не вмешивайтесь в составление нового министерства. Государь вполне доверяет Мариновичу, от которого будет зависеть выбор коллег»⁷¹³.

Положение в Сербии в это время было очень серьезным. Несмотря на настойчивые просьбы Ристича, сербским и черногорским представителям было отказано участвовать в работе Константинопольской конференции, успешное завершение которой было бы последним шансом умиротворения кризиса. До истечения срока перемирия у Сербии оставалась всего неделя. Критическое положение княжества заставило Милана телеграфировать в Петербург с просьбой о продлении перемирия⁷¹⁴. И вновь Россия отстояла сербские интересы, ультимативно добившись 16 декабря 1876 г. от Порты продления перемирия еще на два месяца⁷¹⁵.

Провал Константинопольской конференции великих держав, «единственным результатом которой было продление с 20 декабря (1 января) по 17 февраля (1 марта) перемирия между Портой и княжествами»⁷¹⁶ ставил еще более остро вопрос о будущем Сербии. Русское правительство считало несвоевременным и опасным безвластие в Сербии. Ристич это прекрасно понимал и заявил 13 декабря 1876 г. князю, «что отставленные и уволенные министры не могут бессрочно продолжать ведение дел в ожидании Мариновича. Они требуют: или немедленного увольнения, или же вновь утверждения в должности»⁷¹⁷. Князь вынужден был призвать отставленное в удовлетворение Австрии министерство Ристича, заметив

713 Там же. Л. 357.

714 Там же. ЛЛ. 283-286.

715 ОБТИ. Т.1. Док. 289.

716 Особое прибавление.... Вып. 1. СПб., 1899. С.37.

717 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. д.17. Л. 288 об.

при этом с негодованием, что «Маринович уже в третий раз отказывает ему в своем содействии в минуты самые критические»⁷¹⁸.

Вернувшись к власти, правительство уже 16 декабря категорически заявило князю, что считает необходимым любыми способами избежать втягивания княжества в новую войну⁷¹⁹. Ристич считал, что задача вовлечения России в события кризиса решена, и теперь Сербии даже в случае турецкого нападения следует просить мира. Объявленная 16 декабря мобилизация показала, что Сербское княжество к войне не готово и войны не хочет, Об этом же, видимо, говорил Ристич Никитину, который телеграфировал начальнику Главного штаба Ф.Л. Гейдену: «Бывшая мобилизация показала, что Сербия не хочет войны... Правительство видимо желает только воспользоваться субсидией для очистки старых долгов, тупо противодействует всем начинаниям...»⁷²⁰.

У русского командования на счет Сербии были другие планы, противоположные мнению Никитина. Так, генерал А.А. Непокойчицкий от имени главнокомандующего сообщал 23 декабря Д.А. Милютину: «...отозвание Никитина, возвращение добровольцев и представление Сербии самой себе может отразиться весьма неблагоприятно на военных операциях армии; очень может быть, что тогда Сербия заключит мир и все силы турок будут сосредоточены против нас. Великий князь полагает, что, наоборот, следовало бы употребить все наше влияние на Сербию, чтобы она мобилизовала свои войска, хотя по видимости вооруженно содействовала нам и тем отвлекла бы часть турецких сил».⁷²¹ Но Милютин ответил на это, что «правительство Сербии противодействует всем попыткам организовать вооруженные силы [...] посему Го-

718 Там же.

719 Vučković V. Misija Jovana Marinovića... S.365

720 РГВИА. Ф.439. Д.15. Л. 157.

721 ОБТИ. Т.1. Док. 397.

сударь Император окончательно повелел отозвать Никитина и прекратить расходование суммы, предназначавшейся на вооружение Сербии»⁷²².

2. Начало русско-турецкой войны и Сербия.

Заключение Будапештской конвенции (основной текст - 3 января 1877 г., дополнительный - в марте 1877 г.) - обеспечило благожелательный нейтралитет Австро-Венгрии в случае русско-турецкой войны и ликвидировало угрозу создания коалиции западноевропейских государств враждебной России. Вопрос о войне был решен. Но русская дипломатия предприняла последнюю попытку мирного урегулирования конфликта, направив в феврале 1877 г. со специальной миссией в европейские столицы Н.П. Игнатьева. В.М. Хевролина в исследовании, посвященном карьере Н.П. Игнатьева, пишет, что «Горчаков настаивал на поездке в европейские столицы, сам же посол считал это напрасным переводом времени»⁷²³. Результатом переговоров стал протокол, который представители шести держав подписали 19 марта 1877 г. в Лондоне.

Принимая к сведению заключение мира между Сербией и Турцией, участники этого документа приглашали Порту провести реформы, предложенные на Константинопольской конференции⁷²⁴. Порты отклонила Лондонский протокол, заявив, что рассматривает его как вмешательство во внутренние дела Турции.

На отклонение Турцией Лондонского протокола Россия ответила дополнительной мобилизацией. Дипломатические отношения с Турцией были прерваны. 12 апреля 1877 г. в Кишиневе в ставке верховного главнокомандующего, куда

722 РГВИА. Ф.439. Д.15. ЛЛ. 179-179 об.

723 Хевролина В.М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2004. С. 248.

724 См. История дипломатии. Т. II. С. 112-116.

прибыл Александр II, был подписан манифест об объявлении войны Турции.

Объявление войны Россией было с радостью встречено в Сербии, оно породило новые надежды на осуществление задач, нерешенных в ходе первой сербо-турецкой войны. Сербский народ, разоренный войной, военными реквизициями и турецкими грабежами, еще не оправился от нанесенного удара. Только число погибших, раненых и инвалидов составило более 15.000 человек⁷²⁵. Кроме собственно населения княжества, пострадавшего от войны, в Сербии находилось значительное число славянского населения Турции, бежавшего во время войны.

В «Записке о положении дел Русского благотворительного комитета в Сербии от 2 апреля 1877 г.»⁷²⁶ сообщается, что общее число пострадавших и нуждающихся в пособиях составляло 85 тысяч человек, из них 64 тысячи человек на протяжении четырех месяцев содержал Русский благотворительный комитет. В феврале заботу о сербах княжества полностью взяло на себя сербское правительство, а боснийцы, герцеговинцы, болгары и др. остались на попечении комитета и «... с половины марта на попечение комитета поступили исключительно выходцы из Турции, в числе около 46 тыс. человек. Это пришлое население... скучилось в южной и западной окраинах Сербии, расселившись по лесам в шалашах и землянках, в которых они провели и зиму»⁷²⁷.

Тяжелое положение сербского крестьянства, составлявшего основную массу населения, усугублялось увеличением налогов для покрытия военных долгов, а также разразившимися

725 Стоанчевић В. Србија, Русија и Бугари од Цариградске амбасадорске конференције до Берлинског конгреса (1876-1878) // Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века: међународни научни скуп 23-25. септембар 2010. Београд, САНУ, 2011. С. 128.

726 ОР РНБ. Ф. 14. Д. 628. ЛЛ. 1-3.

727 Там же.

ся весной ливнями, вызвавшими многочисленные разливы и наводнения.⁷²⁸ К новой войне Сербия была не готова. Об этом свидетельствовал и прибывший в Белград 5 апреля 1877 г. русский отставной генерал Р.А. Фадеев. В письме к Милютину он так характеризовал сложившуюся в княжестве ситуацию: «Я застал сербское правительство в состоянии полной апатии: одни хотели ничего не делать, другие не зная, за что приняться, готовы были лезть в объятия Австрии»⁷²⁹.

Генерал-майор в отставке Р.А. Фадеев писатель и публицист консервативного лагеря, один из идеологов русского панславизма трижды побывал в Сербии за период восточного кризиса 1875-1878 г.г. - в апреле 1877 г., в августе 1877 г. и в июле 1878 г.⁷³⁰ Еще в начале сербо-турецкой войны он стремился выехать в Сербию, принимал активное участие в подготовке формирования болгарских отрядов, разрабатывал летом-осенью 1876 г. план подъема восстания в Болгарии, но против этого плана резко выступил Черняев. Такая активность отставного генерала вызвала резкое недовольство властей. По приказу императора в мае 1876 г. ему было запрещено выезжать в Сербию или Черногорию⁷³¹, а в сентябре того же года за его действиями был установлен бдительный надзор⁷³². Р.А. Фадеев был хорошо известен в Сербии благодаря своей публицистической деятельности и, в особенности, вышедшей в 1870 г. и переведенной на сербский язык книге «Мнение о восточном вопросе», где он с панславистских позиций поддерживал освободительное движение южных славян. Русский военный министр Милютин, реформаторскую деятельность

728 *Историја српског народа...* Књ. 5. Т.1. С. 394-396.

729 *Особое прибавление ... Вып. VI . С. 296.*

730 *О поездке Фадеева в Боснию летом 1878 г. см.: Пахомова Л.Ю. Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М., Индрик, 2021. С.48-68.*

731 *ОБТИ. Т.1. № 117.*

732 *Там же. № 281.*

которого Фадеев критиковал на протяжении ряда лет, в том числе и в опубликованной им книге «Вооруженные силы России», называл Фадеева пустым болтуном и «пройдохой»⁷³³. С недоверием к деловым качествам Фадеева относились и деятели славянского комитета, членом которого он был. Так. В.И. Ламанский писал И.С. Аксакову о Фадееве в сентябре 1876 г. «Ростислав даровит, это бесспорно, но он же легкомыслен, не деловит, и не особенно, по-моему, совестлив»⁷³⁴.

Направляясь весной 1877 г. по собственной инициативе в Сербию, Р.А. Фадеев, судя по цитированному выше его письму к Д.А. Милютину, был знаком с некоторыми положениями Будапештской конвенции, касающимися возможного участия Сербии в войне. Он во всяком случае знал о том, что российское правительство решило «не обращать Сербию в операционный базис русской армии, но что вступление сербов в пределы Турции для соединения с нами, может быть и неприятное для Австрии втайне, не было оговорено никакими условиями»⁷³⁵.

Русский консул в Белграде, сразу же по приезде Фадеева в Белград, запросил Горчакова: «Имеет ли здесь Фадеев поручение для нашего правительства. Он действует для увлечения Сербии в войну»⁷³⁶. Горчаков, ничего не знавший о поездке Фадеева, обратился к императору, и по согласованию с ним телеграфировал в Белград, что Фадеев никакого поручения от правительства не имеет⁷³⁷.

Карцов сообщал, что Фадеев ежедневно встречался с Миланом и Ристичем и, покидая княжество 21 апреля 1877 г. «увез в Петербург убеждение, что Сербия способна быть нам

733 Милютин Д.А. Дневник. Т. II. С. 97, 108, 203, 241.

734 ОР РНБ.Ф.14. Д.195. Л.11.

735 Особое прибавление... Вып VI. С.297.

736 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д.11. ЛЛ.213-217.

737 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д.11. Л. 342.

помощью»⁷³⁸. Карцов активно выступал в это время против вовлечения Сербии в войну, прежде всего потому, что все переговоры и дальнейшие совместные действия России пришлось бы вести с кабинетом Ристича, а от которого пользы ожидать не следует⁷³⁹. Выступая о этой позиции, он сообщал в Петербург, что Фадеев ошибается, и что «народ сербский до того утратил всякое к князю и его министрам доверие, что мобилизация или иные военные распоряжения этого правительства встретят в стране сильное сопротивление»⁷⁴⁰. Фадеев, однако, не обольщался на счет возможностей княжества, и, приехав из Сербии в ставку главнокомандующего сообщил, что немедленно Сербия выступить не может, ей необходимо на подготовку не менее месяца. Неизбежность же вступления Сербии в войну он характеризовал так: «...я знал и знаю, что Сербия в конце концов войдет в войну даже без нашего приглашения, сербы поняли отлично, что бездействие их в текущей борьбе равнялось бы нравственно смертному приговору - не сербской расе в ее совокупности, а их княжеству»⁷⁴¹.

Каковы же были в действительности планы сербского правительства относительно вступления в войну на стороне России? Йован Ристич в «Дипломатической истории» сообщает, что уже 12 апреля, в день объявления войны, сербское правительство направило к царю в Кишинев полковника Катарджи для выяснения русских намерений насчет Сербии.⁷⁴² Он должен был объявить, что Сербия готова выступить на стороне России, но для завершения подготовки к войне ей требуется 2-3 миллиона рублей, а в ходе военных действий для содержания армии ей необходим будет ежемесячно 1 млн. рублей. Допуская, что Россия может и не использовать Сер-

738 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д.11. ЛЛ. 214-219.

739 ОБТИ. Т. II. Док. № 5.

740 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д.11. 1877 г.. Л. 219.

741 Особое прибавление Вып. VI. С. 297.

742 Ристић Ј. Дипломатска историја. књ. II. С. 32-33.

бию в качестве союзницы, сербский князь просил не забыть в этом случае при заключении мира жертвы сербского народа в прошлой войне. Миссия Катарджи должна была свидетельствовать о желании сербского правительства продолжать войну.

На самом же деле Ристич был против вступления Сербии в новую войну. Об этом свидетельствует его переписка с Ф. Христичем, находящемся после заключения мира в качестве представителя княжества в Константинополе. 6 апреля 1877 г. Ристич писал Христичу, что он надеется, что Россия, которая помогла Сербии заключить мир, не заставит ее вновь его нарушить⁷⁴³. Ристич боялся, что спровоцировать войну может любая случайность, например, присутствие князя Милана на молебне с пожеланием победы русской армии.

Опасался Ристич и ожидаемого приезда русского императора в Плоешти, куда Милану придется ехать его приветствовать.⁷⁴⁴ Сербское правительство уже знало о планируемой оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, и это еще больше укрепило Ристича в мнении, что игра не стоит свеч. Христич из Константинополя в каждом письме просил Ристича не начинать войну, т.к. даже в случае успеха⁷⁴⁵. Сербия, по его мнению, не получит ничего кроме «грязного Малого Зворника»⁷⁴⁶.

Была уже известна в Сербии и договоренность между Россией и Австро-Венгрией о нераспространении военных действий на территорию Сербии: Христич 15 апреля 1877 г. в тревоге писал Ристичу, что ему от журналиста Бордеано известно, что «Австрия предупредила Россию, что ее переход в Сербию будет рассматриваться как *casus belli*, и что тогда она оккупирует Сербию. [...] Я все боюсь, нет ли какого-либо договора между Россией и Австрией, и не воспользуется ли

743 Писма Ристића Ф.Христићу. Београд, 1931. № 127,128,129.

744 Там же. № 129,131.

745 Писма Ф. Христића Ј. Ристићу. Београд, 1953. № 146.

746 Там же. № 154. 158. 160.

Австрия средоточием русских у Турну для того, чтобы войти в Сербию»⁷⁴⁷. Ристич на это 26 апреля ответил: «То, что тебе сообщил Бордеано о заявлении Австрии о том, что будет, если русская армия войдет в Кладово, основано на фактах ибо у нас есть некоторая информация в этом роде, но это только в случае если Россия сделает из Сербии плацдарм для своих операций, а этого не будет»⁷⁴⁸.

Однако Христич предостерегал Ристича и после этого разъяснения. Он писал 29 апреля, что Сербию ждет гибель в случае начала войны, уверяя, что «русские нам не желают добра, и нам с этой стороны ничего хорошего ждать не следует»⁷⁴⁹. Такой позиции Христича в значительной степени способствовали советы английского представителя в Константинополе, к которому Христич был очень близок. Ф. Христич встревожен был приездом в Белград Р.А. Фадеева и просил Ристича держаться от него подальше⁷⁵⁰.

Йован Ристич, однако, и с Фадеевым тесно общался, и Катарджи к царю направил. Это объясняется тем, что Ристич понимал, что от того, как зарекомендует себя сербское правительство после начала русско-турецкой войны, во многом зависит и дальнейшее развитие сербо-русских отношений. Поэтому он строго выговаривал в письме от 26 апреля 1877 г. Ф. Христичу, заявившему в разговоре с английским посланником Лаярдом, что Сербия будет придерживаться строгого нейтралитета⁷⁵¹.

В сербской историографии встречается мнение, что русское правительство в начале русско-турецкой войны решительно отвергло предложения сербского правительства

747 Там же. № 144.

748 Писма Ј. Ристића... №128. (Подчеркнуто в тексте).

749 Писма Ф. Христића. № 147.

750 Там же. № 143.

751 Писма Ј. Ристића.... № 128.

о вступлении Сербии в войну.⁷⁵² Основанием такого вывода служат свидетельства Ристича о русских инструкциях, данных Сербии в ходе встречи с Александром II сначала в апреле 1877 г. - с полковником Катарджи, а затем в июне 1877 г. с Миланом и Ристичем. Отвечая в 1890-х годах в ходе известной полемики с радикалами на их упреки в том, что Сербия слишком поздно вступила в войну. Ристич неизменно подчеркивал, что такова была воля русского императора⁷⁵³. При этом Ристич старался убедить своих оппонентов и читателей его трудов, что это сдерживание сербской инициативы крайне огорчило сербское правительство⁷⁵⁴.

На самом же деле русский император и главнокомандующий полагали возможным вступление Сербии в войну. А.Н. Нелидов⁷⁵⁵ в письме к Игнатьеву уверял даже, что император «лично высказал Катарджи, что Сербия произнесет свой смертный приговор, оставаясь в бездеятельности в продолжение войны»⁷⁵⁶. Катарджи отправился в Белград, но за день до его приезда, 26 апреля 1877 г. Горчаков приказал Карцову передать князю Милану волю императора, чтобы Сербия оставалась в оборонительном положении, избегая всяких вызывающих и наступательных действий. Князю самому предоставлялось решить как осуществлять оборону страны «сообразно с его средствами и на собственную ответственность»⁷⁵⁷.

752 См., например. В. Стојанчевић. Србија и Русија од Санстефанског мира до Берлинског конгреса // *Отпор austrougarskoj okupaciji ...* .203.

753 Љубић [Ј. Ристић]. Још мало светлости о нашим последњим ратовима за ослобођење и независност од 1875-1878. Београд. 1896. С. 34-35.

754 Ристић Ј. Дипломатска историја... Књ. II. С. 35-36.

755 В это время - управляющий дипломатической канцелярией при Главном Штабе Дунайской армии.

756 Игнатьев Н.П. Записки... // *Исторический вестник*. 1914. Т.137. № 7. С. 60

757 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д.11. Л. 343.

Итак, Сербии предлагалось временно воздержаться от выступления, и речи о русской денежной помощи в депеше Горчакова не было. Чем же вызвана была такая позиция российского канцлера? О том, что она расходилась с мнением военного руководства свидетельствует и упоминавшееся выше письмо Нелидова к Игнатьеву и телеграмма Карцова 29 апреля 1877 г.⁷⁵⁸ До некоторой степени здесь нашло отражение стремление удовлетворить пожелания Андраши, считавшего, что вступление Сербии в войну может вызвать волнения в Венгрии⁷⁵⁹.

Александр II в письме к брату от 27 апреля 1877 г. объяснил рекомендации сербам ничего не предпринимать тем, что «... большой пользы они сделать нам не могут, а своим преждевременным вмешательством могут поссорить нас с Австрией, которая, не дозволив туркам войти в Сербию, оказала нам значительную услугу»⁷⁶⁰. 16 мая император сообщал, что «советы, данные нами сербам, произвели в Вене самое лучшее впечатление»⁷⁶¹.

Основной же причиной таких инструкций канцлера является то, что он понимал демагогичность предложений Ристича, справедливо полагая, что Ристич сделал предложение содействия Сербии «спасая крайне шаткое положение свое, а также и положение князя... рассчитывая этим польстить оскорбленному самолюбию народа»⁷⁶².

Этой же цели, по мнению Горчакова, служила и поездка Милана и Ристича к Александру II в Плоешти. Горчаков полагал, что, опираясь на русское влияние, Ристич рассчитывал

758 АВПРИ Ф. Канцелярия. Д.11. Л. 223. Карцов сообщает, что инструкции Горчакова «в прямом противодействии с указаниями, привезенными ему из Кишинева полковником Катарджи».

759 Газенкамф М.А. Мой дневник. 1877-1878. СПб., 1908. С. 37.

760 Особое прибавление.... Вып. III СПб., 1899. С. 16.

761 Там же. С. 19.

762 АВПРИ. Ф. Отчеты. 1877 г. Л.215.

подавить оппозицию, число членов которой в новом составе скупщины было столь велико, что министерство действия «вынуждено было из чувства самосохранения отложить созвание скупщины до конца июня. т.е. до времени возвращения князя Милана из Плоешти»⁷⁶³.

Александр II согласился на приезд в Плоешти князя Милана и Ристича⁷⁶⁴. Весть о том, что государь примет Ристича, вызвала замешательство в русском представительстве в Белграде. Карцов был в начале мая 1877 г. отозван из Сербии по просьбе сербского правительства, поддержанной великим князем Николаем Николаевичем, недовольным деятельностью русского консула⁷⁶⁵. Делами консульства временно управлял Н.Н. Ладыженский, который был просто ошеломлен тем, что Ристич, на протяжении многих лет бывший персона нон-грата, для русского правительства, будет принят императором.

В телеграммах в Петербург Ладыженский выражает опасение, что Ристич, который уже объявил отзывание Карцова свидетельством уважения к министерству действия со стороны Горчакова, теперь использует встречу с императором, чтобы реабилитировать свое министерство, оклеветанное Карцовым.

Ладыженский был настолько напуган таким поворотом событий, что всерьез полагал, что следующей жертвой вслед за Карцовым будет он сам, и что Ристич может потребовать и его удаления под предлогом сношений с оппозицией. «Этих сношений я не скрываю, - писал Ладыженский своему покровителю директору Департамента личных дел министерства иностранных дел А.Ф. Гамбургеру 6 июня 1877 г., - но всем известно, что оппозиция министерству Ристича состоит из партии Мариновича, всегда пользовавшегося полным дове-

763 Там же. Л.216.

764 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д.11. Л.225.

765 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д.11. Л.343; Ф.ГА- ВА2 Д. 270. Л.76 об.; Исторический вестник.1914. Т. 137. С. 60.

рием государя императора и государственного канцлера»⁷⁶⁶. Ладыженский был настолько уверен в том Ристич попросит его отозвать, что запросил на этот счет инструкции. Из Петербурга в ответ пришла телеграмма: «В отношении Вашего положения можете быть совершенно спокойны. Об отозвании Вашем речи нет»⁷⁶⁷.

В самом деле, почему же так резко изменилась позиция русского правительства, не желавшего прежде иметь дел с Ристичем? Во-первых, на кандидатуре Ристича настаивал Милан, который хотел, чтобы руководитель сербской внешней политики в этот ответственный и критический момент сам объяснялся с русским самодержцем о всех «своеволиях» Сербии, совершенных вопреки советам могучей покровительницы. Во-вторых, Ристич представлял единственную реальную силу, которая могла вывести Сербию из кризисной ситуации. В-третьих, и это самое главное, какие бы то ни было волнения в княжестве крайне невыгодны были России, заинтересованной в стабилизации внутренней жизни княжества. Министерский кризис в Сербии и выступления оппозиции могли повлечь за собой вмешательство Австро-Венгрии и даже и австрийское занятие Сербии, т.к. правительство Дуалистической монархии неоднократно заявляло, что воспримет любого рода революционное движение в Сербии как угрозу безопасности своих границ и вынужденно будет вмешаться.

Русское правительство, не желало, однако, чтобы Ристич прикрывался именем России в стремлении отменить введенные в период правления кабинета Калевича законы о сельской и городском самоуправлении, ввести вновь предварительную цензуру и телесные наказания. В ответ на сообщение Ладыженского, что, выдвигая эти требования, Ристич заявляет, что таковы желания России, ибо якобы пре-

766 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 11. Л. 234.

767 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 11. Л. 347.

пятствием к соглашению и взаимодействию между русским правительством и Сербией служит ее конституционный образ правления,⁷⁶⁸ Горчаков телеграфирует в Белград: «Опровергайте положительно слухи, распространяемые в личных видах нынешнего министерства. Государь император при свидании с князем Миланом не оставит в уме его ни малейшего сомнения в том, что его величествово не желает ни в коем смысле влиять на внутренние дела Сербии»⁷⁶⁹.

Придерживаясь этого принципа русское правительство в июне 1877 г. игнорировало сообщения Ладыженского об опасениях искренних и испытанных приверженцев России (т.е. оппозиции консервативного лагеря во главе с русским любимцем Й. Мариновичем), что после свидания в Плоешти министерство Ристича окрепнет, приобретет еще большую силу и вес.⁷⁷⁰ А когда Ладыженский вновь попытался обратить внимание русского правительства на недовольство «честных патриотов» приемом Ристича в Плоешти, 12 июня 1877 г. от Горчакова поступило холодное и категорическое приказание, свидетельствующее о том, что Россия в настоящий момент не намерена поддерживать недоброжелателей правящего кабинета: «Дружески советую, не увлекаться местными сплетнями. Лучше подождать возвращения князя Милана и сообщать только факты, а не толки. Здесь личные уверения Милана и Ристича были удовлетворительны»⁷⁷¹.

Александр II принял Милана и Ристича в Плоешти в начале июня. Подводя итоги встречи, Ристич заявлял, что смысл переговоров сводился к тому, что хотя русские официально не заявляют об этом, но они, в особенности царь и великий князь Николай Николаевич желают, чтобы Сербия

768 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 11. ЛЛ. 229-229 об.

769 Там же. Л. 345.

770 Там же ЛЛ. 236-237.

771 Там же. Л.351. «Дружеский совет» так напугал Ладыженского, что далее на протяжении месяца телеграмм от него не поступало.

вступила в войну. Горчаков же при этом настаивает, чтобы военные действия Сербии не выглядели инспирированными Россией⁷⁷². Официально Сербии рекомендовалось сохранять оборонительное положение и хорошие отношения с Австрией, при этом подчеркивалось, что если народное настроение принудит князя Милана к войне, то, «чтобы он не иначе действовал, как вне Сербии».⁷⁷³ Неофициально Сербии советовалось присоединиться к России после того, как русская армия перейдет Дунай⁷⁷⁴.

В ходе встречи князь Милан и Ристич сообщили о тяжелом положении княжества и просили денежной субсидии⁷⁷⁵. По выражению великого князя Николая Николаевича, князь Милан что-то уж очень сильно напирал на затруднительное экономическое положение страны⁷⁷⁶.

Ристич считал поездку успешной, ибо, с одной стороны, Россия не отвернулась от Сербии, а с другой, поскольку официальных обязательств нет, Сербии возможно удастся избежать вступления в войну. Ф. Христич 8 июля 1877 г. в письме из Константинополя еще раз предостерег Ристича от вступления в войну, полагая что нужны твердые русские гарантии будущих территориальных приобретений. «Ты скажешь, что нам обещано; что интересы Сербии не будут забыты, - писал он – Да, мы получим Малый Зворник, а Болгария станет великой и самостоятельной и это будет основным итогом войны»⁷⁷⁷. Еще больше сгущая краски, Христич утверждал, что эта новая Болгария поглотит Сербию.

772 Ристић Ј. Дипломатска историја. Књ.2. С. 143.

773 ОБТИ. Т. II. № 85.

774 Ристић Ј. Дипломатска историја. Књ.2. С. 38-39.

775 Игнатјев Н.П. Записки... // Исторический вестник. 1914. Т.137. № 7. С. 70.

776 Бобриков Г.И. В Сербии. Из воспоминаний о войне 1877-78 гг. СПб., 1891. С. 14.

777 Писма Ф. Христића. №160.

3. Сербо-русские переговоры по вопросу о вступлении Сербии в войну. Вторая сербо-турецкая война.

Князь Милан и Ристич вернулись из Плоешти в Белград 11 июня 1877 г. и 12 июня на заседании совета министров сообщили о результатах переговоров с Александром II и Горчаковым и о русских рекомендациях оставаться в обороне, пока русские не перейдут Дунай.

16 июня русские войска форсировали Дунай, но сербское правительство, совершенно удовлетворенное тем, что Россия не настаивала на участии в войне, не предприняло никаких шагов к военным приготовлениям. Правительство было занято внутренними проблемами, связанными с проходившим в июне-июле 1877 г. в Крагуеваце заседанием Народной скупщины, в ходе работы которой проявились острые противоречия между либеральным большинством и оппозицией. Протестуя против политики правительства, поддержанной большинством членов скупщины, 26 депутатов-оппозиционеров подали в отставку и покинули заседание⁷⁷⁸, рассчитывая этим заставить министерство удалиться или распустить скупщину⁷⁷⁹. Тем не менее, после дополнительных выборов работа скупщины возобновилась, и так называемая «патриотическая скупщина», приняла предложенные правительством проекты: о продолжении чрезвычайного положения, о бюджете на 1877-1878 гг., об уплате принудительного займа, о новых налогах и пошлинах и другие.

В разгар работы скупщины, в Крагуевац 2 июля прибыл от главнокомандующего великого князя Николая Николаевича полковник Д. Катарджи. На заседании совета министров 4 июля 1877 г. было заслушано его сообщение о том, что главнокомандующий, посоветовавшись с императором предлагает

778 Историја српског народа... Књ. 5. Т.1. С. 395.

779 АВПРИ. Ф. Отчеты. 1877. Л. 217.

Сербии в связи с тем, что русские войска перешли Дунай, двинуть свою армию к границе, объявить войну Турции и провозгласить независимость.

Сообщение это произвело тяжелое впечатление на князя и правительство, которое несмотря на сделанные в Плоешти заверения, отнюдь не собиралось воевать. Но отказываться прямо - значило потерять русское доверие и поддержку, поэтому было принято решение: направить в ставку главнокомандующего полковника Катарджи со следующими письменными инструкциями: 1) для приготовления к вступлению в войну Сербии требуется 5-6 недель (от призыва до вступления); 2) чтобы Сербия могла завершить перевооружение, ей нужен миллион рублей; 3) на военные расходы в ходе войны Сербии необходима ежемесячная субсидия в 1 млн. рублей на все время военных действий⁷⁸⁰.

Полковнику Катарджи, отъезжающему с этими инструкциями 5 июля, было приказано настаивать на вышеперечисленных пунктах. Собственно эти требования и составляли основу сербских претензий к России на все время до вступления Сербии в войну.

С 4 июля начинается период почти пятимесячного активного сопротивления кабинета Ристича призывам России вступить в войну. Не пять-шесть недель, а пять месяцев понадобилось Сербии, чтобы отважиться присоединиться к России.

Известный исследователь внешней политики Сербии в XIX – начала XX Михаило Войводиц, характеризуя вторую сербо-турецкую войну 1877-78 гг., справедливо отметил, что на сей раз за то, чтобы Сербия вступила в войну выступала официальная Россия, в отличие от первой войны, «когда это делали панслависты»⁷⁸¹.

780 Записи Еврема Грујића... С. 294.

781 Војводић М. Србија и балканско питање (1875-1914). Нови Сад, Матица Српска. 2000. С.12.

На протяжении этого времени русское командование не менее восьми раз обращалось к Сербии с призывом выполнить свои обещания и начать войну, в том числе сам Александр II четырежды обращался по этому поводу к сербскому князю. Ристич же, рискуя навлечь на страну высочайший гнев, любыми способами старался оттянуть момент вступления Сербии в войну.

Предлоги изобретались самые разнообразные: когда иссякла, в виду получения русской материальной помощи, возможность ссылаться на отсутствие денег, выдвигался тезис о противодействии западных держав, затем о росте антивоенных настроений в народе и так далее. Донесения Ладыженского, а также русских военных представителей А.Н. Церетелева и Г.И. Бобрикова, направленных русским командованием в Сербию свидетельствуют, что Ристич явно погрешил против истины, заявляя в своей «Дипломатической истории сербских войн за освобождение и независимость», что причиной того, что Сербия в июле-августе 1877 г. не вступила в войну, были сдерживающие указания России⁷⁸².

На самом деле Россия в это время не только не сдерживала Сербию, но, напротив, настаивала на вступлении Сербии в войну. Так, уже 14 и 15 июля прибывший в русскую главную квартиру Катарджи, телеграфировал князю Милану, что Александр II, приказав министру финансов выдать Сербии миллион рублей, настаивает на том, чтобы уже через 12 дней сербская армия начала боевые действия, прибавив при этом, что если это будет выполнено, то и он будет в будущем отстаивать сербские интересы⁷⁸³.

Великий князь Николай Николаевич и генерал Игнатъев советовали Милану непременно выполнить желание царя, причем Игнатъев добавлял, что будущность Сербии будет

782 Ристић Ј. Дипломатска историја. Књ.2. С. 58-63.

783 Записи Јеврема Грујића. С. 295.

скомпрометирована, если Сербия еще 12 дней останется в бездействии⁷⁸⁴. Но призывы царя были восприняты с ледяным спокойствием. Было решено: миллион взять, но, поскольку в депешах ничего не говорилось о ежемесячных субсидиях, а также не учитывалось заявление Сербии, что она может выступить лишь через 5-6 недель, ничего не предпринимать до приезда Катарджи⁷⁸⁵.

Катарджи прибыл 23 июля и еще раз изложил перед советом министров Сербии русские предложения, а также представил составленный генералом Непокойчицким план кампании, предусматривающий движение сербской армии в сторону Старой Сербии. Но сдержанному настроению министров способствовала и изменившаяся не в пользу России картина боевых действий на Балканском театре войны.

К этому времени русской армией были предприняты два неудачных кровопролитных штурма Плевны 8 и 18 июля, и сербское правительство не без основания полагало, что война будет не столь молниеносной как ожидалось. Между тем, тянуть с ответом было опасно, поскольку можно было лишиться и обещанного миллиона. Поэтому 1 августа Ристич передал через Ладыженского, что «мобилизации еще нет, но Сербия пойдет как только будет дан знак из нашей главной квартиры»⁷⁸⁶.

Отмечая с удовлетворением в своем дневнике 2 августа 1877г., что «Сербия, получив от нас миллион. обещала начать наступательные действия»⁷⁸⁷, военный министр Д.А. Милютин упоминает здесь же о том, что в Сербию направляется Ростислав Фадеев. которому разрешено отправиться совершенно частным лицом»⁷⁸⁸. Перед отъездом в Сербию Фадеев встретился с военным министром и главнокомандующим.

784 Там же.

785 Там же. С. 296.

786 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д.11. Л.242.

787 Милютин Д.А. Дневник. 1876-1878. С.280.

788 Там же.

О том, что Фадеев направляется в Сербию, и что император не противится поездке его в Сербию, но с условием, чтобы он туда отправился совершенно частным лицом и без всякого поручения со стороны правительства⁷⁸⁹, русское министерство иностранных дел предупредило Ладыженского, с тем, чтобы он передал это князю Милану.

В апреле 1877 г., когда русское правительство решительно заявило, что ничего не знает о миссии Фадеева. Князь Милан, тем не менее принял его тепло и при прощании вручил ему орден Таково I степени⁷⁹⁰. Казалось бы теперь, когда Фадеев прибыл с ведома государя и русского командования, сербский князь должен был бы принять его еще более доброжелательно. Но накануне приезда Фадеева, 6 августа 1877 г. Милан попросил Ладыженского телеграфировать в Россию, что он желает иметь дело с официальными лицами нашего правительства, и приезд Фадеева был бы ему весьма неприятен⁷⁹¹. Это заявление князя косвенно свидетельствует о нежелании Сербии торопиться с выстулением.

Фадеев пробыл в Сербии всего неделю и был отозван по требованию сербского правительства⁷⁹². Истинная же причина нежелания иметь дело с Фадеевым раскрывается в письме Й. Ристича Ф. Христичу от 16 августа 1877 г.: «Фадеев стремился не больше, не меньше, как поступить к нам на военную службу, но ему было сразу и решительно отказано»⁷⁹³. Ристич пояснял далее, что вызвано это прежде всего тем, что кандидатура Фадеева неприятна Австрии. Таким образом, даже получив твердые гарантии от русского правительства, что можно не опасаться в случае военных действий австрийского противодействия, сербское правительство уже в августе

789 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д.34. Л.353.

790 Фадеев Р.А. Собрание сочинений. Т.1.СПб., 1889. С. 51.

791 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д.11. Л.244.

792 Там же. Л.245; Газенкамф М.А. Мой дневник... С. 95.

793 Писма Ј. Ристића Ф. Христићу... № 132.

1877 г. старалось все же угодить Австрии и не обострять с ней отношения.

Для России двойственность позиции Сербии не была тайной, т.к. было известно, что Ристич 1 августа, отправляя телеграмму о готовности Сербии выступить, одновременно в беседе с греческим представителем заявлял, что «Сербия воевать пока не намерена, а при случае займет Старую Сербию»⁷⁹⁴. О том, что Сербия не решила продолжать войну, и у нее нет на этот счет ни постановлений, ни обязательств не перед кем, писал Ристич 9 августа Христичу в Константинополь.⁷⁹⁵

Тем не менее, обещанный миллион князь желал получить как можно быстрее⁷⁹⁶. Русское военное министерство решило выдать эту сумму в два срока, и первые 500 тыс. рублей были доставлены русским дипломатом князем Алексеем Николаевичем Церетелевым в Белград 13 августа⁷⁹⁷. Уже на следующий день Церетелев передал князю Милану телеграмму главнокомандующего Дунайской армией о том, что «он желает знать наверно, когда выступят сербы, которые по утверждению Катарджи, могли начать действия две недели по его возвращении»⁷⁹⁸, то есть в первую декаду августа. Но и на этот раз особого рвения проявлено не было, лишь 18 августа был передан на подпись князю планируемый проект расходов на предстоящие военные приготовления полученных из России денег⁷⁹⁹.

За время двухнедельного пребывания в Сербии А.Н. Церетелев убедился, что никаких приготовлений к войне не делается и что «Ристич, кажется желает, заручась средствами, выждать когда всякая опасность минует и мечтает о конвен-

794 АВПРИ. Ф.ГА- VA2. Д. 270. Л. 94об.

795 Писма Ј. Ристића Ф. Христићу. № 131.

796 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д.11. Л. 243.

797 Записи Ј. Грујића. С. 298.

798 АВПРИ. Ф.ГА- VA3. Д. 270. Л. 102.

799 Записи Ј. Грујића. С. 298-299.

ции»⁸⁰⁰. Церетелев вел переговоры с князем и Ристичем, обещавшими ему, что с получением денег все обещанное будет исполнено. Внимательно изучал Церетелев и прочность позиций либерального кабинета в стране. Катарджи в феврале 1878 года заявлял, что Церетелев во время своего пребывания в Сербии «нашел, что сербское министерство не соответствует своему назначению и предложил князю Милану его распустить»⁸⁰¹. Донесения же Церетелева из Белграда свидетельствуют о том, что он не только не желал роспуска либерального кабинета, но, напротив, хлопотал об его укреплении. Так, с огорчением сообщая 16 августа о том, что глава либералов Е. Груич подал в отставку, Церетелев телеграфировал Нелидову: «Внутреннее положение все серьезнее. На правительство негодуют за прошлую войну и за беззакония управления. Необходимо сближение всех партий, возможное лишь при открытом участии императорского правительства»⁸⁰². О том, что Груич остался и министерский кризис улажен - Церетелев с удовлетворением сообщил 20 августа 1877 г.⁸⁰³

Несмотря на заверения князя Милана, Церетелев покинул 27 августа Сербию с уверенностью, что сербское правительство ни в коем случае не решится на объявление Турции войны раньше марта 1878 г.⁸⁰⁴ Это известие с неудовольствием было принято Александром II.⁸⁰⁵

Неготовность Сербии к войне, откровенные попытки сербского правительства оттянуть момент вступления в военные действия, вызывали у части русского руководства сомнения целесообразности военной кооперации с Сербией. Так, управляющий дипломатической канцелярией при

800 ОБТИ.Т.II. Док. 196, 200, 201.

801 Газенкампф М.А. Мой дневник. 1877-1878. С. 471.

802 ОБТИ. Т.II. № 200; АВПРИ. Ф.ГА-VA2. Д.270. Л.103 об.

803 АВПРИ. Ф.ГА-VA2. Д. 270. Л.103 об.

804 Бобриков Г.И. В Сербии... С. 25.

805 Особое прибавление. Вып. III. С. 24.

главном штабе Дунайской армии А.И. Нелидов 18 августа 1877 г. составил докладную записку великому князю Николаю Николаевичу, в которой доказывал, что от Сербии ожидать серьезной помощи нельзя и «если даже ей удастся организовать и двинуть свои войска, то турки их наверное разобьют, а мы даже не в состоянии вовремя ей помочь»⁸⁰⁶. Главнокомандующий и сам опасался, что вовлекая Сербию в войну, Россия может «навязать себе такого слабого союзника. которого бы мы сами были принуждены в конце концов спасти от гибели»⁸⁰⁷.

Почему же все-таки русское правительство и сам император продолжали призывать Сербию к военным действиям? В литературе прочно утвердилось мнение, что после первых неудач под Плевной русское командование рассчитывало, что вступление Сербии оттянет часть турецких войск и будет способствовать русскому продвижению. Действительно, подобные расчеты существовали, но они не были определяющими, так как надежда на сербские успехи была невелика. Скорее всего во всех русских призывах содержится стремление привлечь княжество к боевым операциям с тем, чтобы закрепить при заключении мирного договора его права на территориальное расширение перед европейскими державами. Это подтверждается тем, что Александр II и главнокомандующий предложили сербскому князю начать военные операции задолго до неудачных атак Плевны, сразу же после форсирования Дуная. Понимая, что только действенное участие Сербии в войне даст впоследствии возможность несмотря на сопротивление Австро-Венгрии выговорить для нее присоединение новых территорий, русское правительство торопило сербского князя.

В свою очередь Австро-Венгрия, Великобритания и другие западноевропейские державы по этим же соображениям старались не допустить участия Сербии в войне. С этой целью

806 Газенкамф М.А. Мой дневник С. 95-96.

807 Бобриков Г.И. В Сербии.... С. 15.

английский посол в Константинополе Лаярд «дружески» сообщает Христичу, что даже в случае успешного исхода войны Сербия ничего не получит.⁸⁰⁸ Великобритания⁸⁰⁹ и прямо угрожала Сербии, так 15 августа Ладыженский телеграфирует из Белграда: «Английский агент именем лорда Дерби объявил Ристичу, что вступление Сербии в действие будет вероломство, после чего она не должна рассчитывать на добрые услуги Англии при заключении мира».⁸¹⁰ 9 сентября итальянский представитель в Белграде сообщил Ристичу, что по справкам, наведенным его правительством, великие державы считают, что даже успехи Сербии, если бы она вступила в действие; не могут предрешить территориальных изменений в ее пользу при заключении мира.⁸¹¹ Австрийские власти для того, чтобы сдержать князя Милана от выступления открыто поддерживали партию Карагеоргиевичей,⁸¹² распуская при этом слухи, что к Петру Карагеоргиевичу благосклонно относится русское правительство и даже собирается принять его на русскую службу.⁸¹³

Резюмируя впоследствии причины «замедления со стороны княжеского правительства». Горчаков констатировал, что они «помимо безденежья объяснялись также и тем, что представители иностранных государств в Белграде старались всеми мерами отклонить Сербию от войны и внушить князю,

808 Христич передавал эти английские предупреждения вплоть до вступления Сербии в войну - Писма Ф.Христића Ј. Ристићу. № 158. 165-167.

809 О позиции Великобритании см.: Ковић Милош. Дизраели и источно питање. Београд. Слио, 2007. С. 131-359.

810 ОБТИ. Т. II. Док. 197.

811 АВПРИ. Ф.ГА-VA2. Д.270. Л.132.

812 Там же. Л.138-138 об.; Ф. Канцелярия.1877г. Д.34. Л.374.

813 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 34. Л. 448. - Русское правительство для опровержения этих слухов сообщило князю Милану, что император «категорически отклонил принять Карагеоргиевича в русскую службу» - АВПРИ. Ф.ГА- VA2. Д.270. Л.176; Ф.Канцелярия. 1877 г. Д.11. Л.36

что даже в случае успеха сербского оружия не гарантируют княжеству расширения его территории при заключении мира». ⁸¹⁴

Безусловно, не только тяжелое экономическое положение Сербии и угрозы великих держав заставляли Ристича тянуть с выступлением, ведь подобная ситуация была и накануне первой сербо-турецкой войны, включая и предупреждение о том, что территория Сербии не увеличится даже в случае ее успехов. Теперь, когда Россия была вовлечена в войну и защита сербских интересов была ею гарантирована встречей в Плоешти и русскими субсидиями, Ристич не хотел рисковать и заявлял, что «если русские войска будут иметь успех, Сербия войдет в действие даже неготовая, если нет, Сербия отложит свое действие до весны». ⁸¹⁵

Для того, чтобы выяснить, каковы же реальные военные приготовления Сербии, а также для помощи в военной организации и дальнейшей координации действий. главнокомандующий Дунайской армией направил 21 августа 1877 г. в Сербию полковника генерального штаба Г.И. Бобрикова.

Бобриков хорошо знал Балканский полуостров, так как в 1868 и 1873 гг. он объехал, изучая топографический характер местности, Болгарию, в 1875-76 гг. в составе отряда Красного Креста был в Черногории. О своей миссии в Сербии в 1877-1878 гг., а также об участии в работе Берлинского конгресса он впоследствии опубликовал воспоминания ⁸¹⁶.

814 АВПРИ. Ф. Отчеты. 1877 г. Л. 219 об.

815 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д.34. Л.365.

816 Бобриков Г.И. В Сербии. Из воспоминаний о войне 1877-78 гг. СПб.,1891; Он же. Воспоминания о Берлинском конгрессе//Русский Вестник. 1889. Т.205. № 12; Он же. В Румынии перед войной 1877 г. — В долине Дуная в 1877 г. — Участие Сербии в войне 1877-78 гг. — В Берлине на Конгрессе — В Царьграде в 1878-79 гг.// Русская старина 1912,1913. ТТ.150-155.

Бобриков прибыл в Белград в конце августа и 30 августа телеграфировал о том, что Сербия к войне не готова, но «правительство боится опоздать быть участником в великой войне и поэтому готово переступить пределы благоразумия». ⁸¹⁷ Однако, в ходе бесед с Ристичем, сразу же заявившим, что Сербия не может выступить раньше марта, ⁸¹⁸ Бобриков убедился, что для того, чтобы подготовить сербскую армию к ноябрю понадобятся значительные усилия. Получив от совета министров Сербии проект бюджета на военные расходы, Бобриков начал разработку совместно с военным министерством Сербии плана подготовительных работ. Военный министр Сербии Сава Груич согласно донесению Ладыженского, полагал, что Сербии стоит вступить лишь тогда, когда Осман-паша будет разбит и между русскими войсками и Сербией не останется ни одного турка. ⁸¹⁹ Но получив через Бобрикова письмо главнокомандующего Дунайской армией, где говорилось, что кооперация сербской армии была бы особенно полезна в настоящий момент ⁸²⁰, согласился ускорить военные приготовления. Он представил 7 сентября 1877 г. Бобрикову смету военных расходов, из которой следовало, что в случае начала военных действий, Сербии потребуется ежемесячная дотация в миллион рублей. ⁸²¹ Конкретного ответа на это требование сербское правительство не получало почти три месяца.

Поначалу русским командованием этот вопрос не рассматривался, и лишь 18 ноября в ответ на очередной запрос сербского правительства пришел ответ из русского министерства иностранных дел. В нем говорилось, что если события

817 АВПРИ. Ф.ГА-VA2. Д.270. ЛЛ.123-123 об.

818 Бобриков Г.И. В Сербии... С. 31-33.

819 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д.11. Л.253.

820 Записи J. Грујића. С. 299.

821 Там же.

покажут, что Сербии действительно нужны деньги, то Россия без денежной помощи Сербии не оставит.⁸²²

Действительно, после вступления Сербии в войну вопрос о ежемесячной субсидии для Сербии был решен, правда, не в тех размерах, в каких рассчитывало сербское правительство. Следует заметить, что на протяжении сентября-ноября 1877 г. вопрос о русской денежной помощи был главным в ходе сербо-русских переговоров. Настойчивость Милана в желании сначала получить вторую половину обещанного миллиона, а также твердых гарантий субсидий в ходе войны приводила Бобрикова к мысли, что князь Милан, очевидно, рассчитывал совершить новую войну и исправить запущенное материальное положение своих войск за счет России. «Не надеясь на свои собственные средства для самостоятельных военных операций, он поджидал еще большего ослабления сил турок, чтобы явиться на театр войны победителем без выстрела и принять участие в предъявлении мирных условий побежденному врагу»⁸²³.

Для того, чтобы гарантировать выступление сербов, русская сторона соглашалась на передачу полумиллиона, а затем субсидий лишь в случае выполнения сербским правительством определенных обязательств. После того, как от Бобрикова в начале сентября были получены известия, что сербская армия может быть готова к выступлению не раньше, чем через месяц⁸²⁴, русское командование 11 сентября предложило, «чтобы Сербия, воздерживаясь пока от объявления войны Турции, и открытых враждебных действий, выставила возможно скорее обсервационные регулярные войска на своей юго-восточной границе».⁸²⁵ Только после исполнения этого

822 Там же. С. 305.

823 Бобриков Г.И. В Сербии...С. 72.

824 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д.11. ЛЛ.106-108.

825 АВПРИ. Ф. ГА-VA2. Л. 270. Л.126-127.

требования в Сербию будет прислан второй полумиллион.⁸²⁶ Сербский князь пытался ограничить число этих обсервационных войск четырьмя тысячами постоянной сербской армии, но русское командование настаивало на 25-30 тысячах человек.⁸²⁷

Прибывший в Белград новый русский генеральный консул А.И. Персиани, сообщая об этом требовании русской стороны, предупредил князя Милана 21 сентября 1877 г. по поручению главнокомандующего Дунайской армией, что «Сербии не следует избегать участия в нынешней войне, что свидетельствовало бы об отречении от своего прошлого, своей прошлогодней войны, своих традиционных связей с Россией и своего будущего, ибо воздерживаясь от выступления, Сербия не способствует русским победам и своей собственной будущности».⁸²⁸ На следующий день Персиани докладывал о том, что князь Милан согласился выставить на границе 25 тысяч войска к 26 сентября и попросил доставить в Кладово второй полумиллион. Деньги были переданы сербскому представителю Богичевичу 13 октября 1877 г.⁸²⁹

Бобриков продолжал совместно с сербским военным министерством готовить армию княжества к боевым действиям, используя полученные из России деньги, для закупки оружия и провианта. В княжестве была проведена мобилизация, под видом предусмотренных законодательством ежегодных двадцатипятидневных учебных сборов народной армии. К середине октября Г.И. Бобриков считал состояние сербской армии в целом удовлетворительным, а уровень подготовки сербских офицеров, «которые могли бы сделать честь армии любой из великих держав»⁸³⁰ достаточно высоким.

826 Записи J. Грујића. С. 299; Бобриков Г.И. В Сербии... С. 35.

827 АВПРИ. Ф.ГА-VA2 Д. 270. ЛЛ.127-128; Записи J. Грујића. С. 300-301.

828 Там же. С. 301.

829 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г., Д.11. ЛЛ. 266. 268.

830 Бобриков Г.И. В Сербии... С. 56-57. В IV главе этой книги Г.И. Бобриков приводит подробную справку: «Состояние сербских вооруженных

В связи с явными военными приготовлениями Сербии, Христич сообщил из Константинополя о требованиях Порты представить на этот счет разъяснения. Извещая об этом русское правительство, князь Милан еще раз заявил, что если произойдет разрыв отношений с Турцией и начнется наступление, то Сербии для ведения войны необходимы будут денежные субсидии.⁸³¹ Ристич же, инструктируя Христича о том, как надо объяснить Порте сосредоточение на южных границах сербской армии, уже не решался заявлять, что войны удастся избежать. Он писал 27 сентября Христичу «...мы не провозглашаем нейтралитет, не связываем себе руки, мы лишь говорим, что у нас нет намерения перейти границу, мы лишь охраняем свой дом».⁸³² Ристич старался сделать все возможное для того, чтобы как можно дольше оставаться в наблюдательной позиции, и поэтому был категорически против поддержанного Бобриковым плана отправки партии волонтеров в Старую Сербию, полагая, что это могло бы быть вызовом Турции.⁸³³

Русские победы начала октября на Кавказском театре, а также перспектива скорого падения Плевны, вокруг которой сжималось кольцо блокады, вызывали воодушевление сербского народа. Персиани доносил 18 октября из Белграда: «Победы наши одобряет народ и правительство. Полковник Катарджи, предвидя возможность требования с нашей стороны наступательных действий Сербии, советует князю быть наготове. Я его в этом поддерживаю, воздерживаясь однако подавать надежду на субсидии».⁸³⁴

сил», где не только по округам и родам войск классифицирует сербскую армию, но даже приводит сведения об обмундировании сербских солдат и содержании их ранцев. См. также его донесение в: Особое приращение... Вып. V . С. 127-142.

831 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д.11. Л. 265-265 об.

832 Писма Ј. Ристића Ф. Христићу... № 135.

833 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 11. Л.264.

834 Там же. Л. 269-269 об.

В течение второй половины октября - начала ноября русское командование неоднократно призывало Сербию готовиться к скорому выступлению. Так, отвечая 16 октября на поздравления по случаю русских успехов, Александр II телеграфировал князю Милану, что желал бы, чтобы и армия князя приняла участие в войне.⁸³⁵ В конце октября в Белград из русской ставки прибыл Катарджи, заявивший Ристичу и князю Милану, что будущность Сербии непосредственно зависит от содействия, которое она окажет России, и что «если она не тронется, она не сможет рассчитывать на какое-либо вознаграждение»⁸³⁶. 31 октября, а затем 2 ноября великий князь Николай Николаевич предупредил сербское правительство, что «Сербия должна быть ежечасно готова к выступлению по первому нашему призыву»⁸³⁷, а 10 ноября из русской главной квартиры поступило распоряжение князю Милану немедленно принять меры для перехода сербскими войсками границы в возможно скорейшем времени»⁸³⁸. С получением этого распоряжения сербский князь в очередной раз настойчиво стал требовать разъяснения вопроса о субсидиях⁸³⁹. К великому князю Николаю Николаевичу для разъяснения этого вопроса 20 ноября 1877 г. был направлен Милосав Протич. О том, что русское командование до последней минуты не было уверено в сербском выступлении, свидетельствуют те условия, на которых Россия согласилась выплачивать испрашиваемые сербским князем деньги. «Было определено выдавать сербскому правительству по полтораста рублей в день на каждую тысячу человек, действующих вне пределов княжества, если только число перешедших границу не будет менее двадцати

835 Записи J. Грујића.. С. 303.

836 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 11. ЛЛ. 153-153 об.

837 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 11. Л. 273; Записи J. Грујића. С. 303.

838 Бобриков Г.И. В Сербии.... С. 60.

839 Донесения Персиани и Бобрикова - АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д.11. ДД. 153 об., 269 об., 280.

пяти тысяч, и уплату субсидий начать через две недели по переходе границы»⁸⁴⁰.

Таким образом, предусматривались и продолжительность военных действий, и число выставляемых Сербией воинов, и, наконец, неременный переход границы в ближайшее время. Сербское правительство было крайне недовольно такими условиями, но единственное, чего удалось добиться, чтобы расчет русской помощи шел на 60000 человек сербской армии, благодаря включению в общее число перешедших границу вспомогательного персонала и штабных⁸⁴¹.

18 ноября на заседании совета министров Сербии было оглашено решение князя Милана начать военные действия. Характерно при этом, что князь не предлагал призывать народ к новой войне с Турцией, а подчеркнул лишь союзнический характер сербского выступления. Князь предлагал своему народу принять участие в войне России против Турции «для освобождения и независимости сербского народа Турции»⁸⁴². На этом же заседании Ристичу было поручено подготовить проект прокламации о начале войны, а также составить текст ноты, которую Христич должен будет передать Порте. Несмотря на то, что тексты были подготовлены, и все уже было решено, сербское правительство тянуло с началом выступления до тех пор, пока 28 ноября 1877 г. не пала Плевна. Это было настолько очевидно, что, отвечая на поздравления князя Милана по поводу блестящей русской победы - взятия Плевны и пленения армии Осман-паши, русский царь писал, что «не может скрыть сожаления, что сербская армия не последовала примеру румын, которые вместе с русскими проливали кровь под Плевной».⁸⁴³

840 Бобриков Г.И. В Сербии....С. 72.

841 Записи Ј. Грујића. С. 311.

842 Там же. С. 305-306.

843 Там же. С. 309.

Прокламация о войне была опубликована в газетах 2 декабря, в ней, в частности, говорилось: «Хотя доблестная русская армия может и без нашего содействия восторжествовать в святом деле, которое император Александр II принял под свое могущественное покровительство, тем не менее ничто в свете не может нас освободить от выполнения долга, падающего и на сербскую нацию».⁸⁴⁴ В этот же день Ф. Христич передал Порте сербскую ноту, в которой объявление войны мотивировалось нарушением Турцией 2-ой статьи протокола от 16 февраля 1877 г., предусматривавшей полную амнистию беженцам-сербам, вернувшимся на оттоманскую территорию и угрозой Порты вредить Сербии, даже не прибегая к войне. Христич выехал из Константинополя, а князя Милан телеграфировал в русскую главную квартиру, «что он вынужден снова поднять оружие против турок и становится лично во главе своей армии».⁸⁴⁵ 3 декабря 1877 г. Сербия начала военные действия.

Изложенный выше ход русско-сербских взаимоотношений по вопросу о вступлении Сербии в войну опровергает заявление Ристича, что начало Сербией военных действий только после падения Плевны объясняется требованиями России.⁸⁴⁶ Но наша цель не разоблачение необъективности оценок Ристичем сербской политики осенью 1877 г. Важно, что приведенные факты свидетельствуют, что желание русского правительства привлечь Сербию к войне было вызвано вовсе не желанием прикрыть русский правый фланг, во всяком случае, этот довод не был определяющим. Не настолько надежным союзником была Сербия, чтобы так настойчиво добиваться ее союзного выступления, да еще и за русские деньги. Российское прави-

844 Бобриков Г.И. В Сербии...С. 82; Ристић Ј. Дипломатска историја. књ. II. С. 78-82; ОБТИ. Т. II . Док. 321.

845 Газенкампф М.А. Мой дневник... С. 221.

846 Ристић Ј. Дипломатска историја. Књ. II. С. 105-106; Љубић. Још мало светлости о нашим последњим ратовима за ослобођење и независност од 1875-1878. С. 34-35.

тельство волновало будущее Сербии. Последующей русской дипломатической борьбе с великими державами за это будущее мог помочь только факт непосредственного участия Сербии в войне с Турцией. Об этом красноречиво свидетельствуют призывы царя и главнокомандующего, об этом же говорили и, по выражению Е. Груича, «друзья сербов» при русском главном штабе М.А. Хитрово и др.⁸⁴⁷

В сербской историографии справедливо отмечается, что вступление Сербии в войну лишь после падения Плевны значительно уменьшило моральный эффект всей второй сербо-турецкой войны.⁸⁴⁸ Однако, при этом прослеживаются попытки оправдать политику сербского правительства. Пытаясь объяснить это запаздывание, ученые выдвигали разные версии. Мнение С. Скоко о том, что вступление Сербии в войну на несколько дней позднее объясняется восстанием в Тополе 25-29 ноября 1877 г.⁸⁴⁹ не меняет кардинально общей картины искусственного затягивания сербским правительством сроков начала военных действий. Это легко опровергается документами, свидетельствующими, что до падения Плевны сербское правительство ни в коем случае не желало начинать войну.⁸⁵⁰ Ч. Попов, следуя за Слободаном Йовановичем, считал, что опоздание Сербии со вступлением во вторую войну существенно не отразилось на ее исходе так как все уже было заранее решено в договорах двух мощных внешних акторов балканского кризиса - России и Австро-Венгрии - в июле 1876 и январе 1877 гг., и Балканы этими переговорами были окончательно разделены на сферы влияния.⁸⁵¹

847 Записи Ј. Грујића. С. 304.

848 Историја српског народа... Књ.5. Т.1 С. 399.

849 Скоко С. Улога српске войске у руско-турском рату. 1877-1878. године. - Србија у завршној фази... С. 28-29.

850 См.. например. АВПРИ. Ф.Канцеларија. 1877.Д.11. Л.153.

851 Попов Ч. Јован Ристић у српско-турским ратовима 1876-1878. Године // Живот и рад Јована Ристића. Београд. 1985. С. 73-74.

Однако, ни Будапештская конвенция, ни тем более Рейхштадтское соглашение не определяли до конца последующую судьбу Сербии. Более или менее ясно решался вопрос о судьбе Боснии и Герцеговины, но и это не помешало при заключении Сан-Стефанского договора нарушить соответствующие статьи Будапештской конвенции. Что же касается Сербии, ее территориальных изменений, то этот вопрос не только не был предрешен накануне русско-турецкой войны, но и до самого Берлинского конгресса находился в стадии развития. Этот вопрос встал наиболее остро как раз осенью 1877 г. и его решение в немалой степени зависело от степени участия Сербии в войне с Турцией. Об этом же свидетельствует и сербский военный план, о котором речь пойдет ниже, а также консультации Ристича с австрийским представителем о территориальных претензиях Сербии.

Ход второй сербо-турецкой войны достаточно хорошо изучен, нашли отражение в литературе основные события этой удачной для Сербии полуторамесячной кампании.⁸⁵² Представляется важным в рамках изучаемого нами круга вопросов остановиться на исследовании сербского и русского планов наступления сербской армии, так как именно в этой связи прослеживаются истинные цели сербского правительства, рельефно вырисовываются контуры его последующих претензий и политических демаршей.

Координируя свой военный план с русским, сербское правительство прежде всего думало о том, чтобы как можно глубже продвинуться вперед с тем, чтобы на эти территории впоследствии можно было бы предъявить претензии. Князь Милан, «хорошо понимая, что на размер территориального вознаграждения княжества при заключении мира будет вли-

852 См. Опачић П., Скоко С. Српско-турски ратови 1876-1878. Београд, 1981 С.179-335; Илић Н. Ослобођење јужне Србије 1877-1878. Београд, 1977.

ять величина занятой сербскими войсками неприятельской страны, упорно настаивал на развитии активных действий по всему пространству границы, несмотря на то, что это влекло к разброске сил и невыгодно отражалось на успехе главного предприятия», - отмечал Г.И. Бобриков⁸⁵³. Этому принципа придерживалось сербское командование и с началом боевых действий. При этом следует отметить, что Ристич не оставлял надежды на приобретения в сторону Боснии, несмотря на то, что и с русской, и с австрийской стороны был предупрежден о необходимости «воздержаться как от вторжения в Боснию и Герцеговину, так и от поддержки там восстания».⁸⁵⁴ Тем не менее, заручившись поддержкой совета министров, Ристич 3-5 декабря 1877 г, попытался через сербского представителя в Вене К. Цукича выяснить, как отнесется Австрия к возможным боевым действиям Сербии на Дрине,⁸⁵⁵ Цукич сообщил о категорическом протесте Вены против сербских претензий на Боснию. 13 декабря австрийский представитель в Белграде Н. Вреде официально заявил, что если Сербия начнет наступление в сторону Боснии, или поднимет там восстание, то Австро-Венгрия будет рассматривать это как угрозу своим интересам и примет меры⁸⁵⁶.

Перспектива австро-сербского конфликта из-за Боснии заставила русское правительство телеграфировать в Белград 13 декабря 1877 г. о том, что «князю Милану должно быть небезызвестно, что австрийское правительство не будет препятствовать военным действиям сербов вне их границ, но с тем условием, чтобы они не входили ни в Боснию, ни в Герце-

853 Бобриков Г.И. В Сербии... С. 76-77. Подробный план русско-сербской кооперации. разработанный русским командованием на основе предложений Г.И. Бобрикова см. Особое прибавление....Вып. V. С. 143-151.

854 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д.11. Л.305.

855 Записи Ј. Грујића. С. 309-310.

856 Ibid. С. 311.

говину, и не приближались к австрийской территории»⁸⁵⁷. Под давлением австрийских угроз и русских рекомендаций, Ристич обещал не предпринимать наступательных действий в этом направлении, но «прибавил во избежание недоразумений, что Сербия не может отказаться от операций в пашалыке Нового Базара, который по турецкому разграничению принадлежит Косовскому вилайету».⁸⁵⁸ Но в своих тайных решениях Совет министров Сербии постановил не давать никаких обещаний, из которых следовало бы, что Сербия отказывается от Боснии⁸⁵⁹. Итак, Ристичу было ясно, что продвигаться можно лишь на юг и юго-восток, тем более, что такое продвижение сербской армии совпадало с планами русского командования.

По единодушным отзывам русских военных, сербы выполнили поставленные перед ними задачи полностью и вовремя⁸⁶⁰. Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич сообщал императору в Петербург: «Сербы превзошли все мои ожидания, Перейдя 3 и 4 декабря границу, они в продолжение двух недель достигли весьма серьезных результатов»⁸⁶¹. Перечисляя далее взятые с боями сербами пункты: проход Св. Николая, Бабину Главу, Мрамор, Аддие, Куршумлие, Ак-Паланку и занятый после кровопролитной битвы 16 декабря Пирот, российский главнокомандующий выражал уверенность, что «теперь сербы могут выполнить задачу, данную им мною в начале войны: оставив отряд для наблюдения за Нишем, идти на Софию на соединение с нашими войсками»⁸⁶².

Бобриков подчеркивал, что бои у Ак-Паланки и под Пиротом оказали несомненное и немаловажное содействие

857 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 11. Л.367.

858 Там же. Л.305 об.

859 Записи Ј. Грујића. С. 311

860 Бобриков Г.И. В Сербии.... С. 117.

861 Газенкампф М.А. Мой дневник. С. 267-268.

862 Там же. С. 269.

отряду генерала Гурко, оттянув на себя сначала часть армии Мехмед-паши, а затем связав своим наступлением турецкий резерв. «Долг справедливости требует признать за сербами, - писал он, - ту заслугу, что они не выжидали перехода Балкан нашими войсками, но напротив добровольно шли сами вперед без задней мысли, стараясь быть полезными союзниками, насколько могли»⁸⁶³.

29 декабря капитулировал осажденный сербскими войсками Ниш. Овладение этим городом имело громадное значение в ходе сербских военных операций, оно позволило сербской армии закрепить достигнутые успехи после чего она устремилась на юг, в сторону легендарного Косова поля. 17-18 января с боями было взято Вранье⁸⁶⁴. Успешные боевые действия русской армии давали основания полагать, что со дня на день будет заключено перемирие, о котором просили турки, Поэтому сербское командование стремилось до заключения перемирия занять как можно большую территорию. Вот как писал 18 января 1878 г. Г.И. Бобриков из Ниша об этих устремлениях сербской армии сербскому военному министру С. Груичу: «Вам, конечно, хорошо известно, что в непродолжительном времени легко может случиться приостановка военных действий. Вот эта возможность финала и вызывает такие военные действия, которые не вытекают из чисто военной обстановки. Именно, вместо сосредоточенного наступления в одном направлении, производится захват возможно большего пространства территории. Хотя и трудно ожидать, чтобы противник воспользовался таким отступлением от воинского плана и произвел бы сам сосредоточенный удар в одну точку, тем не менее нельзя доводить риск до крайности и не

863 Бобриков Г.И. В Сербии.... С. 117.

864 Скоко С. Улога српске војске у руско-турском рату 1877-1878. // Србија у завршној фази Велике источне кризе 1877-1878. С.21-37.

принимать мер обеспечения»⁸⁶⁵. Это письмо свидетельствует о том, что русское командование не сдерживало сербского продвижения, а лишь предостерегало сербов от излишнего риска.

19 января 1878 г, в Адрианополе между Россией и Турцией было заключено перемирие, а 22 января 1878 г, по приказу русского главнокомандующего Сербия также прекратила боевые действия. К этому моменту сербской армией была очищена от турецких войск значительная территория, это давало возможность сербскому правительству рассчитывать на значительные территориальные приобретения, причем претензии его распространялись и на те части Косовского вилайета, которые сербская армия не успела отвоевать. Собственно с января 1878 г. и до окончания работы Берлинского конгресса именно вопрос об изменении сербских границ становится главным в сербо-русских переговорах и контактах. Впервые острота этой проблемы дала знать о себе при выработке и заключении Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора.

4. Сербские обиды. Сербо-русские отношения на заключительном этапе восточного кризиса 1875-1878 гг.

Пожалуй, наиболее сложным и до конца не решенным является вопрос сербо-русских отношений на завершающем этапе кризиса. Итоговые документы русско-турецкой войны: Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор и Берлинский трактат являются уже на протяжении более чем ста лет предметом жарких дискуссий в историографии, прежде всего по вопросу их значения для судеб балканских народов⁸⁶⁶. Обсуждение этой проблемы в зарубежной историографии

865 РО ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф.610. Д.185. ЛЛ.13 об. - 14. Это одно из семи писем Бобрикова Груичу, написанных с театра боевых действий в ноябре 1877- январе 1878. гг.

866 Глубокий анализ этого вопроса представила Сузана Раич. Рајић С. Спољна политика Србије. Између очекивања и реалности. 1868-1878. Београд. Српска књижевна задруга. 2015. С.524-562.

как югославской, так и болгарской порой идет по неверному пути слишком эмоциональных споров, сводящихся к разбору территориальных несправедливостей, допущенных в этих двух документах. Так, если югославские историки именовали события кризиса после заключения перемирия в Адрианополе 19 января 1878 г. «драмой Сербии»⁸⁶⁷, вступлением ее из-за решений Сан-Стефано и Берлина в «самый мрачный период»⁸⁶⁸, то болгарские историки, приветствуя решения Сан-Стефанского договора и скорбя по поводу Берлинского трактата, заявляют все же, что Россия согласилась уступить Сербии болгарские территории, «захваченные» сербскими войсками в ходе войны 1877-1878 гг.⁸⁶⁹ Историки двух стран, пытаясь доказать, что их обидели в угоду соседям, оставляли порой куда более важные для понимания «трагедии Берлина» вопросы: насколько важно было, например, для западных держав заложить в решения конгресса основу последующих конфликтов, недоразумений, а, стало быть, помешать единению двух славянских государств, столкнув их по вопросу определения сербо-болгарской границы.

На наш взгляд, одним из важных вопросов, связанных с темой настоящего исследования, является определение позиции сербского государства на различных этапах борьбы русской дипломатии с блоком европейских государств за отстаивание положений Сан-Стефанского мирного договора, выявить, каков же был характер сербо-русских отношений на заключительном этапе восточного кризиса. Поскольку основным вопросом в сербо-русских отношениях в этот период был вопрос о границах будущего независимого княжества, то

867 Војводић М., Живојиновић Д., Митровић А., Самарџић Р. Предговор // Србија 1878. Документи. Београд. 1978. С. IX.

868 Стојановић Р. Геостратешки чиниоци односа великих сила према Србији 1875-1878 године // Србија у завршној фази.... С. 256.

869 См.: Венев К. Поведението на сръбското правителство през руско-турската война (1877-1878 гг.) // Исторически преглед. 1982. № 5. С. 73-83.

стоит в нескольких словах остановиться на сербских претензиях по этому вопросу.

Программным документом сербского правительства, в котором были определены претензии Сербии, явилось решение совета министров от 3 января 1878 г.: в предварительных условиях перемирия требовать передачу Нови-Пазара, а в предложениях к мирному договору выставить независимость Сербии, присоединение к княжеству Старой Сербии в размерах Косовского вилайета с добавлением Видина⁸⁷⁰. Эта программа была сообщена великому князю Николаю Николаевичу, который ответил, что для решения подобных вопросов он не имеет дипломатической власти и рекомендовал сербскому князю обратиться с ходатайством в Петербург⁸⁷¹. 13 января 1878 г. Персиани, по просьбе князя телеграфировал в Петербург, что согласно рекомендации российского главнокомандующего «князь Милан взывает к великодушию государя-императора, прося для Сербии при заключении мира независимости и присоединения Косовского вилайета в нынешних границах»⁸⁷². На полях этой телеграммы Александр II написал: «Мы их не забудем».

На следующий день Персиани сообщил, что для уточнения притязаний Сербии он потребовал у Ристича карту Косовского вилайета, которую направил в Азиатский департамент⁸⁷³. Персиани отмечал, что претензии Сербии вызовут протест Австро-Венгрии. Следует отметить, что сербское правительство параллельно с просьбами к русскому императору, к которому для урегулирования всех проблем 20 января был

870 Записници седница... С. 338.

871 Записи Ј. Грујића. С. 315.

872 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д.17. Л.53.

873 Там же. Л.49; См. подробное описание границ Косовского вилайета (Нишский Призренский, Скопленский и Новопазарский округа и Старой Сербии - утвержденных на заседании совета министров Сербии 16 января 1878 — Србија 1878. Д.13.

направлен М. Протич, вело переговоры с Андраши, пытаюсь договориться с Австро-Венгрией по вопросу о Боснии.

Австрийская дипломатия продолжала проводить политику, направленную на то, чтобы подчинить Сербию своему влиянию и настроить ее против России. Наотрез отказав Сербии в каких-либо претензиях на Боснию⁸⁷⁴, Андраши всеми силами толкал Сербию на юго-восток, обещая поддержать ее претензии в этом направлении, а кроме того туманно намекал на возможность передачи Сербии части Ново-Пазарского санджака.⁸⁷⁵ Истинные же намерения Австро-Венгрии хорошо видны из письма Вреде к Андраши от 24 января (5 февраля) 1878 г. В нем он с радостью отмечает, анализируя итоги русско-турецкого перемирия, что, во-первых, то, что для Сербии предусмотрено лишь незначительное расширение границ, вызвало горькое разочарование сербов, обиду на Россию, а, во-вторых, вызвало озлобление против болгар. Заявляя, что общественное мнение Сербии начинает определенно выступать против России, Вреде заявлял, что считал возможным, «что Сербия в ближайшее время будет искать сближения с Императорской и Королевской монархией (Австро-Венгрией - Л.К.) и нам лишь следует, как подсказывает опыт, подождать, когда это стремление недвусмысленно проявится»⁸⁷⁶.

Вреде был прав, ведь о том, что Сербия лишь незначительно увеличится по условиям перемирия, вызвала печаль и недоумение в Сербии. Единственным, пожалуй, кто ожидал подобного исхода, был Йован Ристич⁸⁷⁷, которого предупреждал об этом Персиани. Особое недовольство вызвало предполагаемое присоединение к будущему болгарскому княжеству

874 Србија 1878. Д. 5.

875 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878 г. Д.17. Л.51.

876 Србија 1878. Д. 24.

877 Вреде доносил еще 14 января Андраши, что «из проверенного источника» ему известно, что Ристич знает, что претензии Сербии не будут полностью удовлетворены. - Србија 1878. Д. 12.

освобожденного сербами с боями Ниша. Идея включить Ниш в состав Болгарии принадлежала князю Черкасскому, который в своей записке от 18 декабря 1877 г. «Некоторые соображения по поводу принятия Сербией участия в Восточной войне»⁸⁷⁸, а также в письме к Г.И. Бобрикову в конце декабря 1877 г.⁸⁷⁹ утверждал, что Ниш должен отойти к Болгарии, а Бобрикову предлагал пост Нишского губернатора. Соображения князя Черкасского были высочайше одобрены, а проведение в жизнь его предложения ограничить район занимаемых сербскими войсками «районов Болгарии» передавалось на усмотрение главнокомандующего 3 января 1878 г.⁸⁸⁰

Бобриков не препятствовал продвижению сербских войск, вероятно так и не получив такого распоряжения от главнокомандующего. Ниш же действительно решено было включить в состав Болгарии. Г.И. Бобриков, осуждавший это решение писал: «Только одним крайним увлечением идеальной Болгарией можно было объяснить возможность включения Ниша в состав нового болгарского государства»⁸⁸¹.

Для переговоров по поводу Ниша, а также других спорных территорий, с письмом князя Милана в ставку главнокомандующего был направлен полковник Лешьянин⁸⁸², которому были даны инструкции в крайнем случае объявить, что сербская армия будет защищать Ниш, даже если придется сражаться за него с русской армией⁸⁸³.

Князь Милан обратился к Игнатьеву и российскому главнокомандующему с протестом против предполагаемого

878 Особое прибавление.... Вып. VI. С. 237-240.

879 Бобриков Г.И. В Сербии.... С. 140-142.

880 ОБТИ. Т.П. № 369.

881 Бобриков Г.И. В Сербии.... С. 142.

882 В. Стојанчевић. Мисија генерала Милојка Лешјанина у Сан-Стефану пред закључење руско-турског уговора 1878. // Годишњак града Београда. 1977. С. 115-124.

883 Историја српског народа... Књ 5. Т.1. о.406.

включения Ниша в состав Болгарии, а также телеграфировал Протичу в Петербург с тем, чтобы тот сообщил русскому правительству, что если Сербия не получит Нишского пашалыка, а особенно самого Ниша, это будет для нее серьезным ударом⁸⁸⁴. Русская дипломатия и, прежде всего, Игнатьев и Нелидов при заключении Сан-Стефанского договора пошли навстречу Сербии и оговорили включение Ниша и Лесковаца в состав Сербского княжества. Но именно в переговорах по поводу Ниша четко выявилась позиция сербского правительства, подталкиваемого Австро-Венгрией, сводящаяся к тому, что если не удалось получить Боснию и распространиться на запад, любыми способами добиваться расширения границ на восток, даже если придется встретить противодействие России⁸⁸⁵.

Сербское правительство, таким образом, подталкиваемое и направляемое Австро-Венгрией, еще до заключения Сан-Стефанского договора сконцентрировало внимание на юго-восточной границе. После заключения Сан-Стефанского договора Андраши усилил нажим на Сербию, заявляя, что сербы могут продвигаться хоть до Софии, если примут предлагаемые Австро-Венгрией условия⁸⁸⁶. Речь шла о торговом договоре, железнодорожных концессиях и других льготах для Австрии.

В период после заключения Адрианопольского перемирия и вплоть до подписания Берлинского трактата просматриваются два различных варианта решения судьбы Сербии - русский и австрийский. Россия на всех стадиях дипломатических переговоров требовала предоставления Сербии независимо-

884 Србија. 1878. ДД. 31,33,34,37.

885 Фундаментальным исследованием этого периода в сербской историографии является монография Владимира Стоянчевича - Стоянчевић, В. Србија и Бугарска од Санстефанског мира до Берлинског конгреса. Београд, 1986

886 Србија. Док. 223.

сти, а Австро-Венгрия предпочла бы видеть Сербию по-прежнему вассальным княжеством.

Канцлер Горчаков, инструктируя 30 марта 1878 г. российского посла в Вене Е.П. Новикова о переговорах с Андраши в связи с возражением Австро-Венгрии против некоторых статей Сан-Стефанского договора, писал по этому поводу: «Взятые в целом, предложения австро-венгерского правительства являются чрезмерными, они низводят Сербское и Черногорское княжества до вассального состояния, и, по сути дела, отдают Австро-Венгрии всю западную часть Балканского полуострова»⁸⁸⁷.

В этом заявлении от 30 марта 1878 г., после возвращения Игнатьева из Вены, куда он ездил с целью урегулирования русской и австрийской позиции на предстоящей конференции содержатся основные положения, по которым развернулась борьба русской и австрийской дипломатии по сербскому вопросу. Если Россия всеми силами старалась отстоять для Сербии часть территории Старой Сербии и Ново-Пазарского санджака, то Австро-Венгрия, твердо рассчитывая прибрать санджак к рукам, в качестве компенсации предлагала Сербскому княжеству претендовать на расширение на восток. Боснию австро-венгерские власти твердо решили оккупировать. Еще 4 февраля 1878 г. русский военный агент Ф.А. Фельдман доносил из Вены, что австрийское правительство, рассчитывая получить Боснию: «уже сделало расчет ежегодным расходам по управлению краем [...] озаботилось выбором чиновников по всем отраслям гражданской администрации, а ныне заключило при посредстве барона Ротшильда заем в 30 миллионов гульденов для покрытия расходов по мобилизации войск, предназначенных для занятия Боснии»⁸⁸⁸. Вся политика Австро-Венгрии была направлена на осуществление лозунга:

887 ОБТИ. Т. III. Док. 34.

888 ОБТИ. Т. III Док 448

экономическое освоение балканского плацдарма. Экспансионистские устремления Австро-Венгрии были причиной того, что в период между Сан-Стефано и Берлином ее правительство любыми способами старалось подчинить своему влиянию Сербию и настроить сербское правительство враждебно по отношению к России. Успеху этого дела способствовало то, что правящие круги Сербии уже давно искали австрийского покровительства, полагая, что это поможет им противостоять новому государству – Болгарии.

Ход дипломатических переговоров при заключении Сан-Стефанского прелиминарного договора, последующая борьба России с коалицией европейских государств за сохранение его решений, драматические страницы Берлинского конгресса хорошо изучены в отечественной и зарубежной литературе⁸⁸⁹. Не останавливаясь поэтому подробно на этих вопросах, проследим как решала русская дипломатия собственноручно сербский вопрос⁸⁹⁰.

Прежде всего, отметим, что определенные трудности появились еще в ходе переговоров Игнатьева с турецкими представителями при выработке условий Сан-Стефанского договора, Игнатьев доносил, что турки выступают против русских предложений относительно Сербии, настаивают на сокращении территориальных уступок Сербии⁸⁹¹. Особое сопротивление вызвал у турецких представителей пункт о совместной сербо-черногорской границе. Они категорически

889 Особого внимания заслуживает хорошо аргументированная монография российского историка С. Л. Чернова. Россия на завершающем этапе восточного кризиса 1875-1878 гг. М., 1984.

890 Подробно анализирует сербскую официальную позицию в период зимы-лета 1878 г. Сузана Раич: Рајић Сузана. Спољна политика Србије. Између очекивања и реалности. 1868-1878. Београд. Српска књижевна задруга. 2015. С.524-562.

891 ОБТИ. Т. II Док. 455. 474. 487. Донесения Игнатьева Горчакову от 7. 14. 18 февраля 1878 г.; Игнатьев Н.П. Сан Стефано. Пг., 1916. С. 105, 131, 185-190, 265-295.

заявляли, что «не могут согласиться на проведение границы, которая, делая смежными территории Сербии и Черногории, полностью изолирует Боснию и Герцеговину от остальной части империи»⁸⁹². Игнатъев вынужден был пойти на уступки, но при этом сообщал Горчакову, что хотя «полоса территорий длиной в 15-20 км, вдоль дороги Митровица-Сараево отдается Турции, однако во многих местах над ней господствуют высоты, принадлежащие одному или другому из двух княжеств; и территории отрезанные предполагаемой границей со стороны Сенницы и Нового Базара компенсированы аннексией эквивалентной части территории в Долине Моравы и областях, отведенных будущему Болгарскому княжеству, но населенных частично албанцами»⁸⁹³. Очевидно, что подчиняясь внешне условиям соглашения с Австро-Венгрией о недопустимости создания Великой Сербии, Россия делала все возможное, чтобы создать для Сербии условиями договора в Сан-Стефано режим наибольшего благоприятствования для последующего объединения сербских земель. Кроме того, вопреки Будапештской конвенции, Боснии и Герцеговине предоставлялась автономия. Были созданы реальные условия для подготовки последующего отделения Боснии и Герцеговины от Османской империи и воссоединения их с Сербией и Черногорией.

Прекрасно понимая такую перспективу, Андраши начал борьбу против решений Сан-Стефано по вопросу Боснии и Герцеговины, завершившуюся австрийской победой в Берлине. Не менее острой была борьба России против попыток Австрии утвердиться в Ново-Пазарском санджаке⁸⁹⁴, или как именовалась в ходе переговоров эта территория - «анклав».

892 ОБТИ. Т. II. Док. 487.

893 Там же.

894 Вопросу значения Ново-Пазарского санджака для Черногории посвящена статья Н. Ражнатовића. Питанье Новопазарског санџака на зав-

Свои требования на эту территорию Андраши объявил Игнатьеву, прибывшему 14 марта 1878 г. в Вену с личным посланием Александра II к Францу-Иосифу, для разъяснения возникших недоразумений. Когда переговоры Игнатьева и Андраши коснулись Сербии, австрийский министр иностранных дел заявил, что «...требует изменения западной границы, не желая уступать Сербии Новый Базар и Митровицу о прилежащими округами, а намереваясь присоединить их к Австро-Венгрии... Признавая, однако же, справедливым дать Сербии вознаграждение, он предлагает взять его в Болгарии, отняв у сей последней Вранью, Тырн и даже Пирот...»⁸⁹⁵.

Итак, Андраши стремился осуществить сразу несколько задач: лишить Сербию возможности стать сильным государством, заполучить стратегически и экономически важные районы «анклава», и столкнуть сербские и болгарские интересы по вопросу совместной границы, заложив тем самым основу будущих конфликтов.

Соглашаясь пойти на уступки Австро-Венгрии по ряду вопросов, Горчаков и Александр II категорически отказывались удовлетворить австрийские претензии на «анклав»⁸⁹⁶. Однако Андраши твердо стоял на своем и в ходе последующих объяснений с русским послом в Вене. Новиков доносил 6 апреля 1878 г. Горчакову об этих переговорах с Андраши: «На вопрос, кому будет принадлежать этот анклав, я назвал турок. «Итак, вы предпочитаете, - сказал он, - отдать его Порте, а не Австро-Венгрии?» Новиков в ответ заметил, что нельзя отдать Турции то, что ей уже или еще принадлежит»⁸⁹⁷.

ршетку велике Источне кризе (1877-1878 // Србија на завршној фази ... С. 113-117.

895 Игнатьев Н.П. После Сан-Стефано. Пг., 1916.- С. 26-27.

896 ОБТИ. Т. III. Док. 34. Инструкция А.М. Горчакова Е.П. Новикову о переговорах с Андраши от 30 марта.

897 ОБТИ. Т. III. Док. 40.

Причины, по которым Россия предпочитала оставить эту территорию Османской империи, а также непреклонность ее в этом вопросе отражены в записке Н.П. Игнатьева от 15 апреля, явившейся результатом совещаний в высших русских правительственных сферах, где обсуждались уступки, которые можно было бы сделать Австро-Венгрии, чтобы оторвать ее от союза с Великобританией. В записке говорилось: «Что касается анклава между Сербией и Черногорией, то, если он не представляет серьезной материальной выгоды, он имеет для них большое моральное значение. Пока эта полоса земли находилась в руках турок, оба княжества могли не в ущерб своему будущему терпеливо выжидать, когда настанет для них время действовать, уверенные в том, что когда-нибудь они завладеют этой полосой земли и соединятся в бассейне Лима. Кстати, эта территория была оставлена Порте Сан-Стефанским трактатом только потому, что Босния и Герцеговина все еще принадлежали Турции. Но с того момента, как анклав перейдет к Австро-Венгерской империи, оба княжества станут австро-венгерскими анклавами»⁸⁹⁸.

Русская позиция, таким образом, объективно отражала интересы Сербии, защищала ее от австрийской экспансии. «Владение этой территорией, - писал 20 апреля Гирс Новикову, - обеспечило бы Австро-Венгрии военную и политическую позицию, дающую большой перевес, Она оказывала бы столь большое давление на Сербию, с одной стороны, и на Черногорию, с другой, - что, по существу, оба княжества превратились бы в простые буферные территории. И не только в настоящем, но и в будущем было бы немислимо какое-либо их развитие»⁸⁹⁹.

Что же касается той части Ново-Пазарского санджака, которая доставалась Сербии по Сан-Стефанскому договору,

898 ОБТИ. Т. III. Док. 44.

899 ОБТИ. Т. III. Док. 48.

то, несмотря на протесты Австро-Венгрии, Россия собиралась отстаивать в Берлине право Сербии на эту территорию, о чем говорилось и Протичу⁹⁰⁰, и Лешъянину. Александр II принял Лешъянина (прибывшего в Петербург по поручению князя Милана) 23 марта 1878 г. и объявил, что будет защищать и впредь интересы Сербии⁹⁰¹. Однако сербское правительство, искусно направляемое Австро-Венгрией, сосредоточило внимание на восточной границе. Накануне Берлинского конгресса, во время пребывания Ристича в Вене, куда он прибыл для встречи с Андраши 24 мая 1878 г., сербский министр иностранных дел заявил об отказе в пользу Австро-Венгрии от части территорий Ново-Пазарского санджака. Австрийский чиновник Швигель, обсуждавший с Ристичем условия австро-сербского соглашения, сообщал Андраши: «Что касается вопроса территориального увеличения Сербии, то г. Ристич заявил, что Сербия в нашу пользу отказывается от той части Санджака возле Нового Пазара, которая ей досталась по Сан-Стефанскому миру, с тем, чтобы при нашей поддержке получить компенсации в направлении юго-востока»⁹⁰². Как известно, Берлинский конгресс подтвердил эту договоренность, а также решил участь «анклава» в пользу Австро-Венгрии. Это решение было ударом по интересам Сербского княжества, но князь Милан и правительство Сербии сами пошли на уступки Австро-Венгрии. Русская дипломатия считала этот пункт Берлинского трактата серьезным поражением. Даже П.А. Шувалов, пытавшийся оправдать свои действия во время Берлинского конгресса, писал, что «уступка Австро-Венгрии полосы земли (l'enclave) до Митровицы» - единственная серьезная уступка, которую он сделал⁹⁰³.

900 Србија 1878. Д. 147.

901 Ibid. Д. 184.

902 Ibid. Д. 226.

903 Шувалов П.А. О Берлинском конгрессе // Красный архив. Т. 4 (59). 1933.

По вопросу же сербских претензий на Видин, Пирот, Вранье, Трн – русская дипломатия занимала иную позицию, полагая, что здесь следует отстаивать интересы Болгарии, При этом следует отметить, что с этнографической точки зрения в то время этот вопрос было не просто решить.

Вопрос о сербо-болгарской границе рассматривался в представленной на высочайшее имя записке Г.И. Бобрикова от 20 апреля 1878 г.⁹⁰⁴ Бобриков отмечал, что «при несомненной важности установления дружественных отношений между Сербией и Болгарией, особое значение имеет точное и справедливое проведение их международной границы. Чрезвычайно трудно заметить, где предел одной народности и начало другой. Вследствие отсутствия резких естественных рубежей на сопредельном пространстве, обе народности соприкасаются друг к другу широкою полосую, где национальные цвета рода и обычая бледнеют, а переход от сербских селений к болгарским делается незаметным. Пятисотлетнее ярмо ислама было направлено здесь к сглажению национальных особенностей христиан, а расселением между ними арнаутов и черкесов турецкая администрация стремилась обратить их в единое стадо – райю»⁹⁰⁵. В этой записке анализируются труды сербских и русских ученых, исследовавших этот вопрос, и делается попытка найти справедливое решение по которому к Сербии кроме предназначенных ей округов, «отойдет еще округ Вранье и долина р. Болгарской Моравы»⁹⁰⁶.

Не считая возможным пытаться решать здесь вопрос о правомерности сербских и болгарских претензий на спорные территории, хотелось бы отметить, что и по этому вопросу Россия не занимала антисербской позиции.

904 Особое прибавление.... Вып. V. С. 152-155.

905 Особое прибавление.... Вып. V. С. 152.

906 Особое прибавление.... Вып. V. С. 155.

Создание «Великой Болгарии», безусловно, стояло в русских планах на первом месте и об этом информировали сербских представителей русские дипломаты. Но интересы Сербии учитывались Россией не только по вопросу ее западных рубежей, но и в определении ее восточной границы. Так, вопрос о Вранье Россия обещала пересмотреть в пользу Сербии⁹⁰⁷. Рассматривался и вопрос о возможности приезда в Петербург депутации Трна, Вранье и Пирота, для поднесения адреса о присоединении этих местностей к Сербии⁹⁰⁸, и решено было «ограничиться пока пересылкой адреса. К тексту этого адреса был приложен оригинал упомянутой выше записки Бобрикова⁹⁰⁹.

О том, что Россия в период между Сан-Стефано и Берлином проводила корректировку сербо-болгарской границы свидетельствует и ответ России на обращение Ристича от 3 апреля 1878 г. о том, что софийский губернатор требует очистить от сербских войск взятые в ходе войны Пирот, Трн, Вранье, отошедшие по Сан-Стефано к Болгарии.⁹¹⁰ Александр II повелел Сербии оставаться в положении *status quo militari*.⁹¹¹ Такое решение было принято царем после доклада Гирса, сообщившего, что «между тем, местности, долженствующие по тому же договору отойти к Сербии, а именно, Новый Базар, Вучитрн и другие не очищаются турецкими войсками и по-прежнему остается во власти турок»⁹¹².

О том, что вопрос этот стоял остро, и что разочарованные в целом результатами Сан-Стефанского договора,

907 Србија 1878. Д. 123. Цукич - Ристичу из Вены 18 (30) марта 1878 г.; №153. Протич - Ристичу из Петербурга 12 апреля 1878 г.

908 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 17. Л. 90. Секретная телеграмма Персиани от 18 апреля 1878 г.

909 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 17. ЛЛ.97-135.

910 Србија 1878. Д. 157.

911 Србија 1878. Д. 159.

912 АВПРИ. Ф. ГА-VA 2 Д.272. Л.47-28.

сербские политические деятели именно на нем сосредоточили свое внимание, свидетельствуют донесения и письма М. Протича⁹¹³. В письме к А.А. Майкову 25 марта 1878 г. он писал: «большую часть Старой Сербии отдавши болгарам, русские может быть нехотя бросили вечное семя раздора между болгарами и сербами. Сербский народ никогда не откажется от границ Неманичей»⁹¹⁴. С этим положением соглашался и сербский историк В. Стоянчевич, считающий, что Россия упустила единственную возможность чтобы справедливо урегулировать политические отношения между Сербией и Болгарией и одновременно используя свой огромный авторитет «сделать невозможными конфликты и споры между ними, которые в будущем могли бы возможно стать источником столкновений с непредсказуемыми историческими последствиями»⁹¹⁵.

Австро-венгерская сторона искусно разжигала антиболгарские и антирусские настроения в Сербии. Сербско-австрийское сближение в период между Сан-Стефано и Берлином шло ускоренными темпами под предлогом помощи Австро-Венгрией Сербии на Берлинском конгрессе. При этом Андраши прибегал не только к посулам, но и к откровенным угрозам.

На протяжении января-мая 1878 г. в ходе сербо-австрийских переговоров речь шла о том, что если Сербия пойдет на предлагаемые Австро-Венгрией условия, то последняя окажет ей поддержку на Берлинском конгрессе.

Намерения Австро-Венгрии не были тайной для России. Ристич запрашивал через Протича русское министерство иностранных дел, как ему реагировать на предложения Австро-Венгрии. Протич обсудил в Петербурге по просьбе

913 Србија 1878. Д. 94. 160.

914 ОР РНБ. Ф. 452. Оп.1. Д.334. ЛЛ.1-2.

915 Стоянчевич В. Србија, Русија и Бугари од Цариградске амбасадорске конференције до Берлинског конгреса (1876-1878) // Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века: међународни научни скуп 23-25. септембар 2010. Београд, САНУ, 2011. С. 132.

Ристича этот вопрос, и 5 апреля передал в Белград рекомендации Гирса: «предложения Андраши не следует ни принимать, ни отвергать, но, оправдываясь настоящим положением дел и ожиданием конгресса, лавировать, - в чем вы, сербы, уже поднаторели, и нам вас учить не надо. Конгресса Сербии бояться не надо, потому что даже, если ничего не получите, то и ничего не потеряете»⁹¹⁶. Таким образом, русское правительство полагало, что может регулировать характер сербо-австрийских контактов. На самом же деле сербское правительство уже давно лишь номинально подчинялось русским советам и рекомендациям, что отчетливо проявилось летом-осенью 1877 г., когда несмотря на русские рекомендации Сербия вступила в войну лишь тогда, когда сочла нужным.

И, если Ристич хорошо понимал, как важно сохранить добрые отношения с Россией и для политического развития государства. и для обеспечения авторитета в народе собственного кабинета, то иной была позиция князя Милана. Неудачи Сан-Стефано озлобили его, он не считал нужным скрывать свое недовольство российской позицией. В это же время Ристич готовил почву для представления на конгрессе сербских требований и рассылал английскому и австрийскому представителям в апреле 1878 г. карты, где отмечены сербские претензии на Трн и Пирот, Радомир, Вранье, Куршумлию, Призрен с подробными объяснениями: почему Сербия имеет на них право⁹¹⁷. Тем самым выражалось недоверие России, отстаивавшей право Болгарии на большую часть этих территорий. Князь Милан уже не скрывая своих антирусских настроений, в беседе с английским представителем Х. Джернингамом 20 мая 1878 г. заявил, что «его главная цель - добиться благосклонности великих сил и доказать любым

916 Србија 1878. Д. 160.

917 Србија 1878. Д. 170.

способом, что он не игрушка в русских руках»⁹¹⁸. Вероятно, храбрости для такого заявления ему придало поступившее из Вены сообщение, что Андраши будет поддерживать на конгрессе сербские требования.

По-видимому, в России не до конца понимали, какой серьезный оборот принимает сербо-австрийское сближение. Русская дипломатия не придала должного значения и недовольству⁹¹⁹, вызванному в Сербии решениями Сан-Стефано, по которым сербским войскам предлагалось оставить большую часть освобожденной с боями территорий.

Между тем, князь Милан и не особенно старался скрыть нежелание следовать впредь русским рекомендациям. Показательна в этом плане неудачная попытка русского правительства вступить за Еврема Марковича. Еврем Маркович, старший брат сербского демократа Светозара Марковича, офицер сербской армии, которого ненавидел князь Милан. Отличился на полях сражений второй сербо-турецкой войны и был приговорен к смертной казни за приписываемое ему участие в организации Тополского восстания. Г.И. Бобриков 24 марта 1878 г. обратился с рапортом к начальнику штаба действующей армии и в министерство иностранных дел, призывая обратить внимание на судьбу Е. Марковича. В рапорте Бобриков отмечал исключительную храбрость и высокие моральные качества Марковича, несправедливо обвиненного Миланом. Он добавлял, что Маркович был первым в списке сербских офицеров, представленных по окончании войны 1877-78 гг. к русским наградам⁹²⁰. Русское правительство в начале апреля 1878 г. настойчиво рекомендовало князю смягчить участь Марковича и других приговоренных, заявляя, что в противном случае «правительство князя не должно

918 Србија 1878. Д. 213.

919 См. о нем: Бобриков Г.И. В Сербии.... С. 150-151; Сл. Јовановић. Влада Милана Обреновића. Књ. II . С. 159-179.

920 АВПРИ. Ф. Канцелария. 1878 г. Д.17. Л.81-84 об.

рассчитывать на одобрение с нашей стороны»⁹²¹. О том, что русский консул обращался от имени Александра II по поводу судьбы Е. Марковича непосредственно к Милану, отметил в своих «Записках» 30 мая 1876 г. Милан Пирочанац⁹²². Милан, однако, не отреагировал ни на рекомендации русского правительства, ни на заступничество Бобрикова,⁹²³ который пытался вступить за Е. Марковича во время аудиенции у князя Милана. Князь накричал на него и стал угрожать ему. Бобриков в знак протеста 8 мая покинул Белград. 19 мая 1878 г. Е. Маркович и еще шестеро осужденных за участие в бунте были расстреляны в Аранжеловаце⁹²⁴.

24 мая Гирс приказал Персиани поставить на вид князю Милану, что Маркович был по представлению самого Милана награжден русским военным орденом. Казнив Еврема Марковича, князь не только пренебрег советами императорского министерства, но и, поскольку, князь, осуждая его на казнь, «не счел, по-видимому, нужным обратить должное внимание на чувство негодования, которое подобный поступок возбуждает в рядах нашей храброй армии, пролившей свою кровь за спасение Сербии»⁹²⁵.

Еще более рельефно проявились тенденции к постепенному отходу от русского влияния по важнейшему для России вопросу вероятности новой войны с европейской коалицией, угроза которой ясно вырисовывалась после заключения Сан-Стефанского договора,⁹²⁶ и предполагаемого использования Россией Сербии в этом случае в качестве союзницы.

921 АВПРИ. Ф. ГА-VA 2. Д.272. ЛЛ.55-55об.

922 Пирочанац М. Белешке. Београд, Завод за уџбенике и наставна средства. 2004. С. 21.

923 Бобриков Г.И. В Сербии.... С. 186-191.

924 Обстоятельства суда и казни Е. Марковича см. Пирочанац М. Белешке. Београд, Завод за уџбенике и наставна средства. 2004. С.13-15, 20-21.

925 АВПРИ. Ф. ГА-VA 2 Д. 272. Л.34-34 об.; Д. 274. Л.3.

926 См.: Чернов С. Л. Указ. соч.. С. 68-92-; История дипломатии. Т.2. С. 128-129.

Еще в начале января 1878 г. русское продвижение к Константинополю вызвало угрозы Англии и отправку в проливы английского флота. Решения Сан-Стефано вызвали еще большее негодование Великобритании и Австро-Венгрии. В марте 1878 г. в Австро-Венгрии была объявлена частичная мобилизация войск. Лорд Биконсфильд 18 марта 1878 г. произнес в палате лордов воинственную речь, угрожая России войной, и призвал мобилизовать 70 тыс. человек.

Русское правительство после подписания Сан-Стефанского договора ясно осознавало перспективу войны либо с коалицией Англии, Австро-Венгрии и Турции, либо, в зависимости от хода переговоров, с Англией и Турцией, или Австро-Венгрией и Англией. Медлить с подготовкой к предстоящей войне было нельзя. Это хорошо понимали в главной квартире действующей армии. Великий князь Николай Николаевич еще в конце января – начале февраля, когда реально встала угроза новой войны, стал настойчиво просить освободить его от дальнейшего командования армией, ссылаясь на нездоровье: «Если война будет продолжаться и разыграется также с Австрией, то я не буду в состоянии больше командовать. Я не могу физически»⁹²⁷. Он писал об этом Александру II⁹²⁸, также считавшему положение очень серьезным и полагавшему, что «следует готовиться к самому худшему, не скрывая от себя всю трудность нашего положения»⁹²⁹.

Русское правительство делало шаги к нормализации положения, для чего вели переговоры Игнатьев в Вене и Шувалов в Лондоне. Однако было очевидно, как писал Милютин, что исход конгресса или конференции может привести к разрыву с Англией и Австрией и к необходимости быстрого

927 Скалон Д.А. Мои воспоминания. СПб., 1913. Т.2. С. 247.

928 Особое прибавление... Вып. III. СПб., 1899. С. 70-71.

929 Особое прибавление... Вып. III. С. 29-33. Письма Александра II от 11 февраля, 6 марта, 3 апреля 1878 г.

образования армий, к совершенно новой группировке сил.⁹³⁰ Остро вставал в связи о эти вопрос о возможных союзниках. В первую очередь. Россия рассчитывала здесь на помощь Сербии и Черногории⁹³¹. В. Стоянчевич справедливо отмечал, что Австро-Венгрия держала Сербию в неизвестности относительно ее возможных приобретений для того, чтобы удержать Сербию от союза с Россией⁹³².

Сербскому представителю в Вене недвусмысленно давалось понять, что если Сербия выступит в предполагаемой войне на стороне России, австрийцы займут Белград⁹³³. В ходе предварительных сербо-австрийских переговоров в Белграде Вреде, исполняя инструкции Андраши, предложил Сербии заключить военный союз⁹³⁴. Князь Милан, соглашавшийся на все другие условия, заявил, что на заключение военной конвенции он пойти не может. Но одновременно уверил австрийского дипломатического агента, что не выставит свои войска против Австро-Венгрии, и что «он желает сохранить независимость; и хотя обстоятельства вынудили его в начале последней войны пойти на соглашение с Россией, это не имело серьезного значения, и он никогда бы не согласился заключить с этой страной союз на большой срок».⁹³⁵ В этой же беседе он заявил, что ни в коем случае не будет защищать русские интересы. Откровения Милана были с удовлетворением восприняты в Вене, и Ристичу было дано добро на приезд в Вену для переговоров с Андраши. Ристич 24 мая выехал для переговоров с Андраши в Вену. Об этой поездке

930 ОБТИ. Т. III. Д. № 9.

931 Там же. Д. № 31.

932 Стоянчевич В. Србија и Русија од Санстефанског мира до Берлинског конгреса. // *Otpor austrougarskoj okupaciji*. Sarajevo. 1979. P. 203-214.

933 Србија 1878. Д. 194. Цукич-Ристичу из Вены 8 мая 1878 г.

934 Србија 1878. Д. 205. Вреде-Андраши. 15 мая 1878 г.

935 Там же.

в России было известно.⁹³⁶ В ходе переговоров⁹³⁷ Андраши предложил Ристичу свои условия, заявив, что если Сербия откажется на них пойти, то на конгрессе не получит даже то, что получила по Сан-Стефано, в том числе и Ниш⁹³⁸. Это был уже ультиматум, и Ристич вынужден был его принять. Князь Милан был готов удовлетворить требования Андраши, об этом свидетельствует его письмо к Андраши, которое привез в Вену Ристич⁹³⁹. В этом письме Милан напоминает, что с момента заключения мира с Турцией в феврале 1877 г. он ни разу не пошел против желаний и рекомендаций Австро-Венгрии. Милан писал, что согласен и впредь выполнять любые пожелания правительства Двуетной империи, с тем, чтобы заслужить поддержку «могучей и благосклонной соседней державы». Ч. Попов считал, что в этом письме содержатся уже основные программные положения будущей австрофильской политики князя⁹⁴⁰.

Отмечая тенденции к сближению с Австро-Венгрией правящих кругов Сербии, английский представитель доносил из Белграда, что в народе чрезвычайно сильно влияние России и надежды на защиту ею сербских интересов на конгрессе⁹⁴¹. Е. Груич, замещавший Ристича, в ответ на сообщения о переговорах с Андраши и выдвинутых им условиях, выражал в письмах к Ристичу в Берлин опасения, не отразятся ли эти переговоры пагубно на сербо-русских отношениях. Он писал 2 июня: «Разделяем ваше мнение, что Австро-Венгрия стремится вытеснить русское влияние из сферы, на которую распространяет свои интересы, но боимся, что отказавшись от

936 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д.17. Л.13об. Телеграмма Персиани от 24 мая 1878 г. из Белграда.

937 Ход переговоров см.: Ристић Ј. Дипломатска историја. Књ. II. С. 159-184.

938 Србија 1878. Д. 233. Й. Ристич - Е. Груичу из Вены 27 мая 1878.

939 Србија 1878. Д. 215.

940 Историја српског народа.... Књ.5. С. 411-412.

941 Србија 1878. Д. 224.

дружбы с Россией, мы наносим вред Сербии, которая, в случае если Россия ее оставит, будет в будущем целиком зависеть от прихоти Австро-Венгрии»⁹⁴².

Пока сербские политики высчитывали, чье же покровительство на конгрессе выгоднее, российское руководство продолжало деятельность по нормализации международной ситуации и, заключив 18 мая 1878 г. англо-русское соглашение, полагало, что теперь у России один противник - Австро-Венгрия. Милютин считал, что даже «в случае коалиционной войны, мы прежде всего, должны разделаться с Австрией»⁹⁴³. Как о само собой разумеющемся он писал о кооперации в этом случае с Сербией, Черногорией и Боснией, выступление которых «заставят австрийцев считаться с лишними 50-60 тысячами союзного нам войска»⁹⁴⁴. Э.И. Тотлебен, принявший 15 апреля командование действующей армией, поскольку просьба великого князя об отставке была удовлетворена, подал Александру II две записки от 1 и 8 июня 1878 г., касающиеся плана возможной войны⁹⁴⁵. Вторая записка рассчитана на войну только с Австро-Венгрией в связи с распоряжением императора «все усилия обратить против Австрии». Обе записки были одобрены государем.⁹⁴⁶

Для нас интересна первая записка - «Соображения об общем плане действий армии и о кооперации Сербии». Тотлебен писал в ней, что на Сербию можно рассчитывать: «Во всяком случае, надо полагать, что как бы ни была истощена страна, в случае новой войны с Турцией и Англией без Австрии, она употребит все свои усилия, чтобы отстоять от Турции все то, что ею приобретено предыдущими кампаниями...»⁹⁴⁷.

942 Там же. Д. 236.

943 ОБТИ. Т. III. Док. 67. Д. А. Милютин - Э. И. Тотлебену 27 мая 1878 г.

944 Там же.

945 Особое прибавление ... Вып. III. С. 111-119. 125-129.

946 Особое прибавление ... Вып. III. С. 136.

947 Особое прибавление ... Вып. III. С. 116.

Далее он подробно анализировал положение Сербии в случае войны с Австрией: «Положение ее в случае войны с Австрией делается совершенно иным. При состоянии ее вооруженных сил, Сербия не в состоянии оказать против австрийских войск никакого сопротивления в поле. Но она может бороться в крепостях. Такое сопротивление, хотя в конце концов и должно будет кончиться тем, что австрийские войска одержат верх, но упорная борьба сербов может иметь весьма важное значение и в политическом, и в военном отношении»⁹⁴⁸. В этой записке подробно разбирается план совместных предполагаемых действий русских и сербских войск.

Для выяснения положения сербской армии и ее возможностей, в Белград был командирован, причисленный к российскому генеральному штабу штабс-капитан Н.М. Чичагов. Предлогом для его поездки было проведение демаркационной линии между русскими и сербскими войсками⁹⁴⁹. Милан был заранее предупрежден о приезде Чичагова и в связи с этим отложил планируемую поездку в Ниш⁹⁵⁰. Вместе с тем сербский князь был крайне недоволен приездом русского представителя, понимая, что он может помешать ходу сербо-австрийских переговоров.

Русский генеральный консул Персиани еще до приезда Чичагова 17 мая телеграфировал в ответ на запрос Тотлебена о состоянии сербской армии, что «Сербия сильно истощена... Однако в случае благополучного оборота новой войны, и при весьма значительных субсидий она могла бы выставить до 80000 людей и войти с нами в кооперацию»⁹⁵¹. Милан, по-видимому, сделал все возможное для того, чтобы убедить Чичагова

948 Особое прибавление ... Вып. III. С. 117.

949 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1878. Л.183об. Н.М. Чичагов прибыл в Белград 1 июня 1878 г.

950 Србија 1878. ДД. 228, 238.

951 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878 г. Д.17. ЛЛ.175-175 об.

в «положительной неспособности Сербии к новой войне»⁹⁵². Ристич отмечал, что князь старался как можно дольше тянуть с ответом Тотлебену⁹⁵³. Такая позиция князя объяснялась тем, что 1 июня началась работа Берлинского конгресса, и Сербия делала ставку на поддержку Австро-Венгрии.

Еще более неприятен в этой связи был для сербского правительства приезд вслед за Чичаговым 5 июня в Белград с секретной миссией Р.А. Фадеева. Вернувшись из Черногории зимой 1877-78 г., Фадеев обратился с серией записок на имя русского военного министра, в которых писал о необходимости противодействия стремлениям Австро-Венгрии утвердиться в западной части Балканского полуострова⁹⁵⁴. «Для каждого из освобожденных нами славянских народов, брошенного без руководства в международную семью, найдется свой заинтересованный друг и покровитель», - характеризовал он намерения Андраши. Не доверял Фадеев и сербскому правительству, столь нелюбезно принявшему его летом 1877 г. Он писал, что «возможность безобразных поездок Ристича в Вену для торга русскими завоеваниями должна быть пресечена немедленно», что следует «дать урок белградскому правительству, отличающемуся в одинаковой мере легкомыслием и нахальством»⁹⁵⁵. Фадеев при этом допускал ту же ошибку, что и большинство русских политических деятелей - недооценивал силу проавстрийской направленности правящих кругов Сербии, полагая, что так как их «в европейский совет, конечно, не пустят, и говорить о них будет русское правительство, то они стоят ныне фактически под русскою рукою»⁹⁵⁶.

952 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1878. Л.184.

953 Ристић Ј. Дипломатска историја. Књ. II. С. 185-186.

954 Особое прибавление... Вып. V. С. 299-338. Записки от 30.XII. 1877. 16.I. 6.II. 2.III. 26.IV.1878 гг.

955 Там же. С. 323. Записка от 6.II.1878 г.

956 Там же.

Милютин полагал, что можно направить Фадеева в качестве частного лица в Сербию, Черногорию и Боснию с тайным заданием выяснить насколько можно на них рассчитывать в предстоящей войне, Отправляясь в Сербию, Фадеев, по совету Н.П. Игнатьева, попросил, чтобы князю Милану сообщили о приезде его официально⁹⁵⁷. Опасения Фадеева были небеспокойны. Сербский князь, которому сообщили в Ниш о приезде Фадеева и его настоятельном желании встретиться с Миланом, раздраженно телеграфировал Груичу в Белград 10 июня 1878 г., чтобы тот запросил Персиани, имеет ли Фадеев задание от правительства, или вновь приехал частным образом⁹⁵⁸. Сербский князь не хотел с ним видаться не только потому, что Фадеев был довольно одиозной фигурой, но и потому, что был совсем не заинтересован в том, чтобы Австро-Венгрия заподозрила Сербию в каких-либо антиавстрийских происках. В этот же день Е. Груич телеграфировал и Ристичу в Вену, что Фадеев прибыл хоть и частным образом, но с тайным правительственным заданием от военного министерства⁹⁵⁹.

Сообщение о том, что Фадеев прибыл с ведома и по поручению русского правительства осложняло ситуацию, Милан лихорадочно искал способ выдворить Фадеева из Сербии, поскольку понимал, что миссия его не долго будет оставаться тайной. И действительно, сообщая о приезде Фадеева в Белград, генеральный консул Великобритании в Белграде Джернингам - в своем донесении к высказал Солсбери предположение, что, во-первых, Фадеев, хоть и прибыл част-

957 Особое прибавление...Вып. VI. С. 347. Письмо Милютину от 13 мая 1878 г.

958 Србија 1878. Д. 258.

959 Србија Д. 259. Персиани запросил МИД и получил ответ Гирса: «Шифром. Предупредить князя Милана, что Фадеев прибыл хотя негласно, но по поручению правительства. Пишу об этом с полковником Веригиным, отправляющимся сегодня с орденами для сербов». АВПРИ. Ф.ГА- VA2. Д.273. Л.45.

ным образом, но имеет, судя по его поведению, официальную поддержку, во-вторых, отмечает, что тот встретился сразу с консервативными лидерами Сербии, приверженцами России, в-третьих, и это главное, считает, что Фадеев прибыл в Белград с целью поддержать антиавстрийские выступления в Боснии в связи с предстоящей оккупацией⁹⁶⁰. Еще через неделю Джернингам доносил Солсбери, что вести переговоры с Сербией Россию заставляет необходимость обеспечения тыла в случае войны с Австрией⁹⁶¹. Здесь же он отмечает, что Фадеев ежедневно встречался с вождями восстания в Боснии и вручил им солидную сумму денег. Груич говорил Джернингаму, что присутствие генерала очень заботит сербское правительство, но что никакой связи с Сербией его приезд не имеет.

13 июня Е. Груич телеграфировал Ристичу: «Князь желает знать Ваше мнение по следующим вопросам: Фадеев, о котором Персиани говорит, что он прибыл по согласованию с императором, и имеет официальную тайную миссию военного министерства требует:

1. Сведений о составе и размещении австро-венгерских войск вдоль границы Сербии и Боснии. Мы лишь укажем ему надежных людей, а дальше его дело.

2. Сведений о настроении известных лиц и простого народа, как христиан, так и мусульман Герцеговины и Боснии относительно оккупации, Это должны сделать мы, но издержки за счет России.

Министры думают, что мы могли бы по первому пункту указать ему надежных людей, по другому пункту или сами, или через Ранко добыть сведения. Окончив дела у нас, по которым он ждет ответа, он уедет в Черногорию. Я думаю, что русские, с одной стороны через Шувалова уславливаются о

960 Србија 1878. Д. 253.

961 Ibid. Д. 267.

мире, а с другой стороны, через Милютина готовятся воевать с Австрией в случае неудачи конгресса»⁹⁶².

В ответ Ристич телеграфировал 14 июня 1878 г.: «...по моему мнению, следует добывать и сообщать ему разнообразные сведения за его собственный счет, но не давать ему действовать самостоятельно, т.к. он может скомпрометировать нас в глазах Австро-Венгрии, от которой сейчас зависит наш успех на конгрессе»⁹⁶³.

Вопрос о судьбе Боснии и Герцеговины был центральным на протяжении всего восточного кризиса 1875-1878 гг. Именно события боснийско-герцеговинского восстания 1875 г. ознаменовали собой новый этап национально-освободительной борьбы на Балканах. Судьба Боснии и Герцеговины обсуждалась на особом совещании у императора, проходившем 27 мая 1878 г. в Царском Селе. На совещании констатировалось, что поскольку не создается единая целостная Болгария, то Россия считает себя свободной от обязательств Рейхштадта относительно предполагаемой аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины⁹⁶⁴. Было решено не брать на себя инициативу по вопросу об аннексии Боснии и Герцеговины, но если все-таки придется уступить в этом вопросе, то настаивать, чтобы взамен «Австрия в свою очередь не противодействовала условиям Сан-Стефанского договора в отношении Черногории и Сербии»⁹⁶⁵. На совещании было решено всеми силами противиться передаче анклава Австро-Венгрии. Д.А. Милютин писал по этому поводу: «Важно не позволить Австро-Венгрии запустить свою немецко-мадьярскую лапу во внутрь Балканского полуострова... всего опаснее для будущего благоприятного разрешения славянского вопроса... настойчивое

962 Србија 1878. Д. 266.

963 Србија 1878. Д. 269.

964 ОБТИ. Т. Док. 68. Инструкция особого совещания при Александре II русским уполномоченным на Берлинском конгрессе.

965 Там же.

домогательство Австрии присвоить себе не только Боснию и Герцеговину, но даже и часть Старой Сербии до Митровицы. Против такого бессовестного, наглого притязания должны быть направлены главные усилия нашей дипломатии на конгрессе»⁹⁶⁶. Русское правительство допускало при этом, что по этим вопросам «Австрия будет чинить затруднения, грозящие провалом конгрессу»⁹⁶⁷.

Провал же конгресса означал бы начало новой коалиционной войны. В задачу Фадеева входило выяснить возможности Сербского княжества на случай войны, 7 июня 1878 г. он сообщал из Вены, что, хотя Сербия и истощена, но, по его мнению, «в Боснию и из-за Боснии их можно увлечь куда угодно»⁹⁶⁸. Он полагал, что Сербия выступит на стороне России «как только наше правительство захочет и даст сигнал, что в Боснии можно возжечь события, которые необходимо вынудят австрийцев вступить туда, т.е. ввязаться в весьма развлекательную войну местную, ранее и даже независимо от войны с нами и нашими союзниками»⁹⁶⁹.

Но Фадеев ошибался, проавстрийские настроения сербского правительства заставляли его полностью отказаться от Боснии в это время. Позже, когда это стало очевидно, Горчаков писал, характеризуя положение в Сербии накануне и в ходе Берлинского конгресса: «Все это заставляло сербское правительство опасаться столкновения с Австрией и оно избегало даже подавать какие-либо к этому поводы, напротив, предупредительностью по отношению к Австрии оно старалось расположить последнюю в свою пользу. Так, во избежание недоразумений с Венским кабинетом, сербское правительство предписало находившемуся в Боснии Люби-

966 Милютин Д.А. Дневник. Т. III. С. 70.

967 ОБТИ. Т. III. Док. 69. Дополнения к инструкции Особого совещания при Александре II русским уполномоченным на Берлинском конгрессе.

968 Особое прибавление. Вып. VI. С. 351.

969 Там же.

братичу отодвинуть от Дрина свои позиции на юг, а войска княжеские, расположенные по Дрину на случай австрийской оккупации, получили приказание препятствовать переходу вооруженных банд в Сербию»⁹⁷⁰.

По-видимому, вскоре и сам Фадеев понял, что ждать поддержки от Сербии не следует, что Босния отошла для нее на второй план. 21 июня 1878 г. он сообщал, что часть сведений о положении в Боснии он получил при помощи сербского правительства, наблюдавшего постоянно, но довольно вяло за происходившем в этой стране⁹⁷¹.

Сведения, собранные Фадеевым, свидетельствовали, что в Боснии готовится отпор Австро-Венгрии. В цитированном выше письме к Милютину, Фадеев сообщал также, что по его сведениям, австрийские войска столкнутся в Боснии с сильным сопротивлением населения. В этом мнении он еще больше утвердился, посетив Черногорию, откуда вернулся в Белград 16 июля 1878 г. Сербское правительство было обеспокоено возвращением Фадеева, так как твердо обещало не только не оказывать никакого противодействия оккупации, но даже и склонить на сторону Австро-Венгрии находящихся в Белграде боснийских воевод⁹⁷².

28 июля 1878 г. Ристич, заявив, что в отношениях между Сербией и Австро-Венгрией, начинается новая эра, сообщил Вреде, что на границах с Боснией сербская армия создала прочный кордон с целью противодействовать любым контактам с повстанцами и всякой попытке агитации⁹⁷³. Венское правительство потребовало у Сербии объяснений по поводу пребывания в Белграде Фадеева. Цукич 27 июля объяснился по этому вопросу с бароном Орци⁹⁷⁴, представителем ми-

970 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1878 г. Л.184-184 об.

971 Особое прибавление... Вып. VI. С. 355.

972 Србија 1878. Д. 353.

973 Там же. Д. 359.

974 Там же. Д. 360.

нистерства иностранных дел Австро-Венгрии, а 7 августа с Андраши. Когда Андраши спросил Цукича, почему сербские власти не выдворили Фадеева, Цукич ответил, что сербское правительство ничего общего с ним не имеет, и что он уже покинул Белград⁹⁷⁵.

О том, что Сербия, хотя и без восторга приняла весть об австрийской оккупации Боснии, но все же в благодарность за поддержку на конгрессе не будет мешать Австро-Венгрии - сообщил Вреде в донесении Андраши 31 июля 1878 г.⁹⁷⁶ Доказательством того, что благодарная Сербия не будет мешать австрийской оккупации и постарается наладить с Австро-Венгрией наилучшие и тесные отношения Вреде называл: готовность, с которой сербские власти доставляют ему оригиналы донесений командующих сербскими войсками на границе, сдерживание вождей боснийских повстанцев в Белграде, заявления Ристича иностранным представителям и, наконец, холодный прием, который был оказан генералу Фадееву⁹⁷⁷.

Итак, та сама Босния, являвшаяся на протяжении многих лет основной целью внешнеполитических устремлений Сербского княжества, не получила его поддержки в период сопротивления австрийской оккупации - новому, еще более тяжелому чем турецкое гнету. Следует согласиться с мнением В. Стоянчевича, что национально-освободительное движение в Боснии и Герцеговине в 1878 г. потерпело окончательное поражение из-за того, что не получило ожидаемой поддержки от свободной Сербии⁹⁷⁸.

Стоянчевич объясняет такую позицию Сербии тем, что Россия не оказывала княжеству поддержки, и оно вынуждено было пойти на союз с Австро-Венгрией. Ч. Попов оценивал

975 Там же. Д. 368.

976 Там же. Д. 363.

977 Там же. Фадеев выехал в начале августа в Одессу. - См. Р.А.Фадеев. Собрание сочинений. СПб., 1889. Т.1. С. 52.

978 Отпор austrougarskoj okupaciji ... S. 212.

перевод Ристичем весной 1878 г. сербской внешней политики с прорусской на проавстрийскую ориентацию как пример необычайного дипломатического и государственного искусства.⁹⁷⁹ Ученый при этом полагал, что в отличие от Ристича, Милан считал переориентацию сербской внешней политики окончательной, рассчитанной на долгие годы.

И все же переориентацию сербской внешней политики нельзя связывать исключительно с недовольством Сербии решениями Сан-Стефанского мира. Этот процесс начался гораздо раньше, а решения Сан-Стефано были удобным поводом для того, чтобы не подчиняться русским рекомендациям. При этом Ристич прекрасно понимал, что Австро-Венгрия стремится укрепить свое влияние в западной части Балканского полуострова именно в противовес России⁹⁸⁰.

Сербская историография солидарна в том, что деятельность Ристича в ходе работы Берлинского конгресса - вершина его дипломатической деятельности. Отмечаются заслуги Ристича, ловко лавировавшего между Россией и Австро-Венгрией. Действительно, Сербия, единственная из балканских славянских государств получила в Берлине по площади территориальные приращения больше, чем в Сан-Стефано с 8 тыс. кв. км до 11 тыс. кв.км.

Представляется, что все же назвать удачной сделку с Австро-Венгрией, когда за сомнительную поддержку в претензиях на юго-восточные границы, где реально Сербии удалось с помощью Австрии получить лишь Пирот. т.к. Вранье было обещано еще раньше Россией Сербии, а Трн она так и не получила, Сербия пошла на кабальные условия конвенции с Габсбургской империей. За присоединение к Сербии области

979 Живот и рад Ј. Ристића. С. 78-79.

980 Србија 1878. Д. 278. Ристич 16 јуна, соопштава Груичу о жељанију Андраши да добије анклаву, писао, да се то ради за то, да се супротстави Русији.

Южной Моравы и Нишавы сербское правительство обещало заключить благоприятный для Австро-Венгрии торговый договор, обязалось будущую железную дорогу построить долиной Моравы и Нишавы по направлению к Салоникам и Константинополю, связав ее у Белграда с австрийской железной дорогой; управление судоходством на Дунае передавалось Австро-Венгрии. Сербия примирилась также с австрийской оккупацией Боснии и Герцеговины и вводом ее войск в Ново-Пазарский санджак⁹⁸¹. Не все сербские политические деятели с одобрением восприняли этот поворот сербского правительства в сторону Австрии. Милан Пирочанац, считая этот шаг ошибочным, записал в своем дневнике: «Сербское правительство должно быть прежде всего сербским. Переходить на сторону то одного, то другого это значит предавать и забывать интересы своей собственной страны»⁹⁸².

В ходе работы Берлинского конгресса, на котором русские представители оказались в изоляции, Ристич проводил откровенную антирусскую политику. Допущенный к работе конгресса лишь в качестве уполномоченного, не имеющего права голоса. Ристич развернул активную закулисную работу, встречаясь и совещаясь с представителями всех великих держав⁹⁸³. Наряду с представителями Румынии и Греции, Ристич выступил с возражениями против решений Сан-Стефанского мирного договора. 12 июня он подал конгрессу официальную обширную докладную записку⁹⁸⁴ и карту с обозначением территориальных претензий Сербии.

Длительные переговоры по поводу возможности изменения сербо-болгарской границы Ристич вел с представителя-

981 См. текст конвенции, заключенной 26 июня 1876 г. между Австро-Венгрией и Сербией // Србија 1878. Д. 324.

982 Пирочанац М. Белешке. Београд, Завод за уџбенике и наставна средства. 2004. С.6.

983 Ристић Ј. Дипломатска историја. Књ. II. С. 184-242.

984 Србија 1878. Д. 263.

ми России, и в особенности, с Г.И. Бобриковым, входившим в выделенную из состава конгресса комиссию стратегического разграничения⁹⁸⁵. Ристич обрушился с упреками к Шувалову и представил ему 20 июня записку⁹⁸⁶, в которой требовал, чтобы русские представители согласились передать Сербии Трн и Пирот, т.к. Россия не сумела отстоять сербские интересы на западной границе. Спорную территорию на сербо-болгарской границе русские представители действительно отстаивали в пользу Болгарии, справедливо полагая, что именно за счет нее Австро-Венгрия рассчитывает получить гарантию отказа Сербии от претензий на территории Ново-Пазарского пашалыка. В результате компромиссного решения Пирот достался Сербии, а Трн - Болгарии. Русские представители на конгрессе были единственными, кто, отстаивая сербские интересы, выступил против попытки заставить Сербию выплатить дань Турции, которую она не платила с начала кризиса 1875-1878 гг. Горчаков решительно выступил против этого пункта, поддержав ходатайство Ристича. В результате было решено исключить пункт о выплате дани Сербией и Румынией. Ристич между тем сообщил князю Милану, что всеми своими приобретениями на конгрессе Сербия обязана лично гр. Андраши⁹⁸⁷.

Итак, несмотря на формальное заключение мирного договора Сербии с Турцией, русское правительство предполагало включение Сербии в военные операции после перехода русскими войсками Дуная. Этот план был окончательно утвержден после визита Ристича и Милана в Плоешти. Сербские политические деятели, лавируя между Австро-Венгрией и Россией, старались в угоду первой максимально оттянуть момент вступления Сербии в новую войну, Ристич полагал,

985 Бобриков Г.И. Воспоминания о Берлинском конгрессе //Русский вестник. Т.205. 1889. № 12. С. 21-25.

986 Србија 1878. Д. 293.

987 Ibid. ДД. 327, 329.

что деморализованную поражениями в первой войне 1876 г. сербскую армию может воодушевить только стремительное продвижение, возможное лишь при условии сокрушительного русского удара, нанесенного туркам. Пять месяцев Сербское княжество сопротивлялось русским призывам начать кампанию, выдвигая разнообразные предлоги, требуя все новых и новых дотаций.

Между тем русское правительство стремилось к военной кооперации с Сербией не только и не столько для того, чтобы прикрыть свой правый фланг. Россия хотела закрепить права Сербского княжества на будущие территориальные приобретения, и именно поэтому считала, что Сербия должна начать боевые действия как можно раньше.

Английские представители в Белграде Уайт и Джернингам констатировали осенью 1877 - весной 1878 гг. сильные австрофильские настроения сербских правящих кругов⁹⁸⁸. При этом отмечалось, что в плане территориальных приобретений делается ставка на традиционную русскую благосклонность к Сербии. Но, отмечал Джернингам, австрийское влияние в Сербии настолько прочно, что «как только будет признана независимость и расширение границ, благодарность всех партий к России пройдет также быстро, как и появилась»⁹⁸⁹.

Справедливость этих предложений подтверждает то, как быстро и активно пошла Сербия на переговоры с Австро-Венгрией о заключении конвенции, после того как в Сан-Стефано не были удовлетворены ее претензии. Именно в период между Сан-Стефано и Берлином рельефно вырисовывается отход Сербии от России и окончательная переориентация на Австрию. Причем Сан-Стефанский договор был не причиной, а лишь катализатором процесса, протекающего уже давно. При

988 Ibid. Д. 224. Джернингам - Солсбери 27 мая 1878 г. суммирует свои донесения и донесения Уайта.

989 Ibidem.

этом надо отметить, что князь Милан искусно использовал решения Сан-Стефано для подрыва авторитета России в сербском народе с целью облегчить проведение проавстрийского курса. То, что Босния и Герцеговина получают автономию замалчивалось, зато широко обсуждались обиды на болгар. Прикрываясь ущемлением сербских интересов, было легче перевести политику на австрийские рельсы окончательно.

Еще одним свидетельством этой тенденции явилось то, как сербское правительство стремилось уклониться от русских планов совместных боевых действий в предполагаемой войне с Австро-Венгрией. Характерен и прием, оказанный в Белграде Фадееву, заключив конвенцию с Австро-Венгрией, сербское правительство отказалось, на данном этапе от Боснии. И то, как сербское правительство демонстративно старалось уклониться от союза с Россией, выступление Сербии против России на Берлинском конгрессе - свидетельствует, что не Россия оставила Сербию в пользу «Великой Болгарии», а Сербия отказалась от традиционных консультаций с Россией, рассчитывая на поддержку Австро-Венгрии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

10 августа 1878 г. в Белграде прокламацией князя Милана была торжественно провозглашена независимость Сербского княжества. В речах и молебнах по этому поводу ни одним словом не упоминался вклад России в получение княжеством окончательного избавления от многовековой зависимости. Австрийский консул доносил Андраши 11 августа о том, что когда оскорбленный таким замалчиванием имени России русский генеральный консул Персиани обратился за разъяснениями к Ристичу, последний, «уклоняясь от объяснений, отделался шутивными замечаниями»⁹⁹⁰.

Персиани был потрясен этим, как он выразился в своем донесении от 13 августа, афишированием неблагодарности⁹⁹¹. Анализируя поведение князя и Ристича, Персиани заявил о повороте в сербской политике, о «факте сближения, заметно проявляющемся в отношениях между правительствами Сербии и Австрии». Для Персиани это было громом среди ясного неба, а между тем такая политика правящих кругов Сербии просматривалась уже давно. И заблуждения Персиани можно объяснить не только близорукостью русской дипломатии в Сербии, но и тем, что Россия неизменно пользовалась большим авторитетом в сербском народе.

Сербские публикации последнего времени, в частности, свидетельствуют, что позиция сербских политических деятелей в отношении России и русских в годы Великого восточного кризиса зачастую была не только не доброжелательной, но и просто враждебной. Весьма характерно в этом отношении опубликованное сравнительно недавно сербским историком Миле Станичем письмо генерала Косты Протича своему другу

990 Србија 1878. Д. 373.

991 ОБТИ. Т. III. Док. 108.

известному культурному и политическому деятелю Милану Миличевичу⁹⁹².

Генерал Коста Протич был активным участником войны 1876г. и командовал обороной Шуматовца, а также Алексинацких и Делиградских позиций, во время второй сербо-турецкой войны 1877-78 гг. он был начальником штаба Верховного командования, адъютантом князя Милана. Публикуемое письмо было ответом на просьбу Миличевича наградить сербским Таковским крестом русского консула в Сараево А.Н. Кудрявцева за его заслуги в деле поддержки Сербии. Это была вполне рядовая просьба, ибо к сербским наградам было представлено около 140 русских деятелей, да и награда сербская в России столь невысоко котировалась, что один литературный персонаж скорбел о том, что был у него лишь один крестик «и тот какой-то таковский».

Ответ же на эту просьбу был несоответственно желчным и гневным. Генерал Протич пишет из Ниша 21 мая 1878 г. Миличевичу, только что вернувшемуся из Петербурга, где он был замечательно принят, в том числе и самим царем, что *не хочет* выполнить его просьбу. Подчеркивая, что именно не хочет, а не просто не может, Протич пишет: «Я зол на русских. Настолько переполнен злобой и желчью, что отказываю даже Миличевичу в малой услуге, если она пойдет на пользу кому-нибудь из русских. Если бы у меня было шесть месяцев для того чтобы написать это письмо, я бы с фактами доказал, что у меня есть основания для того, что мое сердце переполняет яд, когда я думаю о русских». И дальше он излагает свои претензии к России и русским, главная из которых та, что Сербия вступила в войну по русскому приказу, а потом была брошена и забыта. Он говорит о русском предательстве, о несправедливости Кремлевской речи Александра II. Поначалу

992 Станић Миле. Коста Протић о Русима // Мешовита грађа, Београд, 2003, Књ. XXI. С. 95-101.

кажется, обида Протича вызвана тем, что ни сам он, ни сербские офицеры, да и князь Милан не получили русских наград, в то время как их получили румыны и черногорцы. Но вот открывается истинная причина этой злобы и ненависти: это русские в целом и русская политика в целом. «Русские отнимают у сербов сербской кровью искупленные и освобожденные сербские земли, отдают их болгарам, мы вынуждены угрожать оружием, только чтобы их удержать, и это русские, – сербские друзья»⁹⁹³. И далее он шлет чудовищные проклятия в адрес русского царя Александра II, желая ему мучительной смерти. Вот какой благодарности дождался Царь-Освободитель от одного из своих сербских братьев.

Казалось бы, о какой славянской солидарности, о каком взаимопонимании может идти речь? Но так думали далеко не все в Сербии. Сербское общество в целом воспринимало помощь российской общественности и дипломатии с благодарностью. Что же касается разногласий и обид, то об этом хорошо сказал 8 ноября 1880 г. М.Г. Черняев в своей речи при открытии памятника русским добровольцам в Сербии недалеко от Алексинаца, на месте кровопролитных боев 1876 г.: «Любая война сопровождается взаимными разногласиями [...] Было бы нелогично, если бы и после войны 1876 г. не появились бы между сербами и русскими разногласия, и нет сомнения, что в этих разногласиях правые и виновные есть с обеих сторон. Также как разбушевавшееся море не стихает сразу после окончания бури, так и страсти, которые поднялись во время войны не могут утихнуть сразу после ее окончания»⁹⁹⁴.

Перед Сербским княжеством стояла объективная историческая задача получения независимости и объединения сербских земель. Помимо внутреннего фактора сильным и

993 Ibidem. С.100.

994 Свечаност одкрића споменика изгинулим руским добровольцима у српско-турском рату 1876 год. на Рујевици код Алексинца 8 новембра 1880 Београд. Штампариа задруге штампарских раденика. 1881. С.XIX.

действенный в этот период был и внешний фактор, выражающийся в противоречиях между великими державами, в крушении старых и создании предпосылок для формирования новых военно-политических союзов. Сербское правительство, возглавляемое Й. Ристичем на первом этапе восточного кризиса, пытаясь использовать противоречия между Россией и Австро-Венгрией по балканскому вопросу, обратилось за поддержкой к России

Русское правительство одной из главных задач своей восточной политики полагало противодействие австрийской экспансии в западной части Балканского полуострова. Сдерживание военных приготовлений Сербии Россией осенью 1875 г. – зимой 1876 г. объясняется попытками русской дипломатии добиться мирным путем решения вопроса об автономии Боснии и Герцеговины.

Провал Берлинского меморандума заставил правительство России по-новому относиться к предполагаемой сербо-черногоро-турецкой войне. Война могла быть поводом для нового дипломатического вмешательства и очередной попытки решения участи балканских славян дипломатическим путем.

Рост российского общественного движения в поддержку борющихся славян явился дополнительным стимулом для русской дипломатии в деле урегулирования конфликта. Вышим проявлением сочувствия русского народа справедливой борьбе сербского народа явилось движение добровольцев.

С самого начала сербо-турецкой войны Россия отстаивала и защищала интересы Сербии. Значение Рейхштадтского свидания для Сербии заключалось в том, что России удалось нейтрализовать главного противника сербской независимости - Австро-Венгрию. Ультиматумом 18 октября 1876 г. Россия фактически спасла княжество от турецкой оккупации.

Вместе с тем следует отметить, что официальная Россия не была до конца решительной в период первой сербо-ту-

рецкой войны в оказании военной и финансовой поддержки Сербии, это разочаровало сербских политиков и до некоторой степени укрепило их проавстрийскую направленность.

Нежелание Сербии продолжать войну с Турцией, ее колебания по вопросу о кооперации с Россией весной 1877 г. свидетельствуют о постепенном отходе от политики традиционных консультаций с русским правительством. Особенно ярко это проявилось летом-осенью 1877 г., когда сербское правительство игнорировало русские призывы начать боевые действия в союзе с Россией.

Русское правительство проявляло гибкость и трезвый расчет в отношении внутривнутриполитического положения Сербского княжества. Парламентские учреждения Сербии были сомнительны для монархической России. Но несмотря на неприятие сербского конституционного строя, русское правительство настаивало в исследуемый период как на сохранении сербской конституции, так и на правлении либерального кабинета Й. Ристича, полагая нежелательным обострение политической ситуации в княжестве при столь неблагоприятных международных условиях. Страх «красной пропаганды» был небезосновательным, учитывая активные действия левой сербской оппозиции. Вместе с тем русская дипломатия недооценила австрофильство правящих кругов Сербии и растущих деспотических устремлений молодого сербского князя.

Переориентация сербской внешней политики на Австро-Венгрию в период между Сан-Стефано и Берлином была неожиданной для русского правительства, которое несмотря ни на какие конвенции и договоры и не помышляло о том, чтобы оставить Сербию, и уж тем более, допустить замену турецкого сюзеренитета австрийским. Австро-Венгрии в союзе с другими великими державами Запада удалось не только ослабить русское влияние в Сербии, но и решением об оккупации Боснии и Герцеговины на долгие годы отложить реализацию программы «Начертание». Поддержав же сербские претензии

в восточном направлении, австро-венгерским дипломатам удалось столкнуть интересы Сербии и только что получившей самостоятельность Болгарии. Тем самым великим державам Запада удалось добиться крушения идеи России создания на Балканах прочного союза независимых славянских государств. Это признается и современной сербской историографией⁹⁹⁵.

События Великого восточного кризиса вызвали в российском обществе жаркую полемику непримиримых сторонников и противников российского вмешательства в дела балканских славян. Официальные отношения России и Сербии после 1878 г. были весьма натянутыми, но взаимное расположение российского и сербского народа сохранялось. Впереди их ждали новые испытания и новое боевое братство на фронтах Первой мировой войны, а затем и иммиграция русских беженцев на территорию Королевства Сербов Хорватов и Словенцев в 1919-21 гг. Как будто предвидя это боевой генерал, участник сербо-турецкой войны Йован Белимаркович на открытии памятника русским добровольцам сказал: «Россия велика, а мы малы, но возможно придет время и случай, что мы свой долг России вернем. Может настать время, что вновь прольется общая русско-сербская кровь, может и не против турок»⁹⁹⁶.

995 Војводић М. Србија и балканско питање (1875-1914). Нови Сад, Матица Српска. 2000. С. 20-21.

996 Свечаност одкрића споменика изгинулим руским добровольцима у српско-турском рату 1876 год. на Рујевици код Алексинца 8 новембра 1880 Београд. Штампарија задруге штампарских раденика. 1881. С. XXIX-XXX.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные материалы

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

- Ф. Канцелярия – 1875 г. ДД.12,37, 78,95,96; 1876 г. ДД.28,29; 1877 г. ДД. 11,34; 1878 г. – Д.17.
- Ф. Главный архив VA-2 ДД.265,266,267,268,271, 272,273.633, 634, 636,7747,749,750.
- Ф.Политархив (ПА) Д. 433
- Ф. Отчеты МИД. Отчеты Азиатского департамента за 1875;1876;1877;1878; 1884,1885,1886 гг.

Российский Государственный исторический архив (РГИА)

- Ф. 565. Департамент государственного казначейства
- Ф. 651. Васильчиковы
- Ф.1252. Канцелярия министра внутренних дел
- Ф. 1470. Доклады по периодической печати министра внутренних дел Александру II.

Российский государственный военно-исторический архив.

- Ф. 261. П.А. Монтеверде
- Ф.439. Сербия
- Ф. ВУА-8977(1)

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.)

- Ф. 400. Петроградское Славянское благотворительное общество

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

- Ф.109 С.А. Третье отделение собственной его Императорского величества канцелярии. Секретный архив.
- Ф.730. Игнатъев Н.П. 1832-1908.
- Ф.1750. Московский славянский благотворительный комитет. 1858-1878.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).

- Ф. 126. Киреевы и Новиковы.
- Ф. 169. Милютин Д.А.
- Ф. 239. Попов Н. А.
- Ф. 332. Чижов Ф. В.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

- Ф.14. Аксаков И.С.
- Ф. 73. Бильбасов В.А., Краевский А.А.
- Ф. 452. Майковы Ап.Ап., Ал. Ап., Ап. Ал.

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом). (РО ИРЛИ)

- Ф.610. Воронцов П.Н.
- Ф. Монтеверде П.А. - шифры старого каталога – 5186, 5249, 5370, 5390.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ).

- Ф. 208. Черняев М.Г.

Архив Југославије (АЈ)

- Ф. 74. Двор Краљевине Југославије

Архив Српске Академије Наука и Уметности (Архив САНУ).

- Ф. Јована Ристића.

**Сборники документов, мемуары, дневники,
публицистика**

1. Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России. М., 2002.
2. Бобриков Г.И. В Румынии перед войной 1877 г. — В долине Дуная въ 1877 г. Участие Сербии в войне 1877-78 гг. В Берлине на Конгрессе. В Царьграде в 1878-79 гг.// Русская старина 1912,1913. ТТ.150-155.

3. Бобриков Г.И. В Сербии. Из воспоминаний о войне 1877-78 гг. СПб., 1891. Бобриков Г.И. Воспоминания о Берлинском конгрессе // Русский вестник. Т.205. 1889. № 12.
4. Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867года. М., Университетская типография, 1867.
5. Газенкампф М.А. Мой дневник. 1877-1878. Спб., 1908. С. 37.
6. Гейсман П.А. Славяно-турецкая война 1876,1877,1878 гг. и ее значение в истории развития восточного вопроса. СПб., 1878.
7. Груич С. Сербско-турецкая война 1876 года. // Славянские известия.1907. № 2-3, № 6-7.
8. Деволлан Г. (Де-Воллан Г.А). Сербский вопрос перед судом русского общества // Древняя и новая Россия. 1877. Т.2. № 5. С.68-74.
9. Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 году. СПб.,1878.
10. Дурново Н.Н. К истории сербско-турецкой войны 1876 г.//Исторический вестник. 1899. № 2. Т.XXV. С.531-537.
11. Записки графа Игнатьева// Исторический вестник. 1914. Т.12 № 2.
12. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. М.,1975.
13. И.С. Аксаков в его письмах.(Письма 1851-1860 годов). М., 1892. Т.3.
14. Игнатьев Н.П. После Сан-Стефано. Пг., 1916 .
15. Игнатьев Н.П. Походные письма 1877 г .М., 1999.
16. К Сербам. Послание из Москвы. Лейпциг, 1860.
17. Карцев Ю.С. За кулисами дипломатии // Русская старина. 1908.Т.133. С.87-96. 341-349. 563-571;Т.134. С.67-76. 303-315. 471-484.Т.135. С.3-12.
18. Коломнин С.П. Общий медицинский очерк сербско-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время турецкой войны 1877 г. СПб.,1878.

19. Краткий отчет о десятилетней деятельности (1858 – 1868 гг.) Славянского благотворительного Комитета в Москве, составленный секретарем его Н.А. Поповым. М., 1868.
20. Мак-Ивер. Впечатления сербской войны. Соч. Мак-Ивера. – СПб., Тип. кн. В.В. Оболенского, 1876.
21. Максимов Н.В. Две войны. Воспоминания из событий последних войн. 1876-1877 гг. СПб., 1879.
22. Мещерский В.П. Правда о Сербии. Письма. СПб., 1877.
23. Миличевич М. Славянские гости у русского царя (14 мая 1867 г.). [Пер. с сербскохорв. Предисл. П. И. Бартенева]// Русский Архив, 1885. Кн. 1, Вып. 4. С. 644-648.
24. Милютин Д. А. Дневник. 1873-1875. М., РОССПЭН, 2008.
25. Милютин Д. А. Дневник. 1876-1878. М., РОССПЭН, 2009.
26. Милютин Д.А. Дневник. . М., 1949. Т. II, III.
27. Москва – Србија, Београд – Русија = Москва- Сербия, Белград-Россия. Документа и материјали. Сборник документов и материалов. Том 2. Друштвене и политичке везе 1804-1878. Обществено-политическе везе 1804-1878 гг. Белград–Москва. 2011.
28. Москва — Сербия. Белград — Россия: Сборник документов и материалов. Т. 1: Обществено-политическе везе XVI—XVIII вв. — Москва-Белград, 2009.
29. Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1878. Сборник документов и материалов. Самара, 2009.
30. Оброк Е. [Поливанова Е.Д.] Кто такие славяне? Почему мы любим славян и зовем их нашими братьями. Для народного чтения. В пользу страдающих славян. М., 1876.
31. Овсянный Н. Накануне освободительной войны // Военно-исторический сборник. 1912. № 4.
32. Описание русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Особое прибавление. СПб., 1899-1911. Вып. I-VI.
33. Описание русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Т. I-IX. СПб., 1901-1913.

34. Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850-1864. М. 1985.
35. Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865-1875. М., 1988.
36. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. М., 1961-1967. Т.1-3.
37. Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны на Балканском полуострове. Вып. III. СПб., 1899. Вып. V . СПб., 1904. Вып. VI(Документы из секретных бумаг ген.-ад. Милютина). СПб., 1911.
38. Открытие «братьев-славян». Русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века. СПб., Нестор. 2018.
39. Письма властителей Сербии к М.Г. Черняеву // Русский архив. 1914. № 1.
40. Письма М.Г. Черняева и П.А. Кулаковского к И.С. Аксакову о Сербии в 1880-1882 гг. (Вступительная статья В.И. Пичеты) // Голос минувшего. 1915. № 9. С.232-249.
41. П-ов Н. Воспоминания добровольца о сербо-турецкой войне 1876 г. // Русский вестник. 1877, Т.129.
42. Поленов В.Д. Письма, дневники, воспоминания. М., 1950.
43. Политические и культурные отношения России и Сербии в 30-50-е годы XIX века: документы российского МИД М., Наука, 2013.
44. Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX в. Документы. М., 1997.
45. Ржевусский А.А. Памятные дни // Русский вестник 1881. Т.153.С. 646-677.
46. Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М., Индрик, 2008.
47. Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875-1878 гг. М., 1978.
48. Русские о Сербии и сербах. Т. I : Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006.
49. Русские о Сербии и сербах. Том II (архивные свидетельства). М., 2014.

50. Русско-германские отношения. (Документы из Секретного Архива бывшего Министерства иностранных дел). М., 1922.
51. Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917 М., 1952. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. тт.1-97. СПб.,1898-1911.
52. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 8. СПб.,1898.
53. Скалон Д.А. Мои воспоминания. СПб.,1913. Т.2.
54. Успенский Г.В. Из Белграда. (Письмо невоенного человека) // Отечественные записки. 1876. № 12. С.171-185.
55. Фадеев Р.А. Собрание сочинений. Т.1.СПб., 1889.
56. Хвостов А.Н. Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан. Письма. СПб.,1877.
57. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М., 1900. Т.8
58. Черногорско-русские отношения 1711-1918. Том 1. Русские архивные документы о Черногории (конец XVII в. - середина XIX в.) Подгорица-Москва. 1992.
59. Черняев М. Г. Статьи, письма, воспоминания. М., Издательство Московского университета. 2018.
60. Шувалов П.А. О Берлинском конгрессе // Красный архив. Т. 4 (59). 1933.
61. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб., 1869.
62. Яшерев В. В Сербии 1876-1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник 1878. Т. 133. С. 213-214.
63. Алимпиф М. Живот и рад генерала Ранко Алимпифа у свези са догађајима из најновије српске историје. Београд, 1892.
64. Гарашанин Милутин. Два намесништва. Београд, 1892.
65. Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске имперije о Србији и Босни и Херцеговини (1878-1903). Нови Сад, 1996.

66. Грађа за биографски речник чланова Друштва српске словесности, Српског ученог друштва, Српске краљевске академије 1841–1947. Београд, 2007.
67. Грађа за историју српско--турског рата 1876-1878 године. Страни извори. (Прикупио Павловић). Београд, 1911, 1914 (Т.1-2);
68. Ђорђевић Вл. Србија на Берлинском конгресу. Београд, 1890.
69. Живети у Београду: Документа Управе града Београда. Књ. 3. Београд, 2005.
70. Записи Јеврема Грујића. Књ.3. Београд, 1923.
71. Записници седница Министарског Савета Србије. 1862-1893. Београд, Државен архив Н.Р. Србије, 1952.
72. «Застава» о Босни и Херцеговини. књ.1-4. Сарајево, 1953-1956.
73. Калај Б. Дневник Бењамина Калаја. 1868-1875. Београд - Нови-Сад, 1976.
74. Калјевић Љ. Моје успомене. Београд, 1908.
75. Крстић Никола. Дневник. Јавни живот II. 1. јануар 1868 – 31. децембар 1876. Београд, Завод за уџбенике. 2006.
76. Љубић. [Ристић] Још мало светлости о нашим последним ратовима за ослобођење и независност од 1875-1878. Поводом једног реферата. Београд, 1898.
77. Крстић Никола. Дневник. Јавни живот III. 2. јануар 1878 – 21. децембар 1887. Београд, Завод за уџбенике. 2007.
78. Миличевић М. Одломци из дневника. 1869-1905. // Српски књижевни гласник. 1931. Књ. XXXIII. Нова серија. № 4,5,6,7,8.
79. Миличевић Милан. Етнографска изложба и словенски састанак у Москви, 1867 // Годишњак Матице српске, VII, 1885.
80. Митрополит Михаило и Никола Пашић. Емигрантска преписка (1884-1888). Београд, 2004.
81. Мишковић Јован. Дневнички записи генерала Јована Мишковића (1865–1907). Бележнице 1 (I-XV). Неготин, Историјски архив. 2020. Т. I.
82. Москва – Србија, Београд – Русија, Документа и материјали, том 2, Друштвене и политичке везе 1804–1878. Београд – Мо-

- сква: Архив Србије, Главное архивное управление города Москвы, Государственный архив Российской Федерации, 2011.
83. Пирочанац М. Наша завршна реч. Београд, 1896.
 84. Пирочанац М. Белешке. Београд, Завод за уџбенике и наставна средства. 2004.
 85. Пирочанац М.С. Поводом једне «Дипломатске историје». Београд. 1896.
 86. Писма Јована Ристиа Филипу Христићу од 1870 до 1873 и од 1877 до 1880. Београд, 1931.
 87. Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868-1880). Београд.1953.
 88. Полемика Јована Ристића и српских конзервативаца 1877. године. Београд, 1897.
 89. Ристић Ј. Дипломатска Историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност. 1875-1878. Београд, 1896. Т.1-2.
 90. Ристић Јован. Једно намесништво. Београд, 1892.
 91. Ристић Јован. Да кажемо још коју. Београд, 1894.
 92. Ристић Јован. О слободима и о слободној штампи у Србији. Београд. 1879.
 93. Русија и Босанско-херцеговачки устанак 1875-1878. Приредио Бранко Павичевић. Титоград.1985. Св. I.; 1986. Св. II; 1988 Св. III.
 94. Свечаност одкрића споменика изгинулим руским добровољцима у српско-турском рату 1876 год. на Рујевици код Алексинца 8 новембра 1880 Београд. Штампариија задруге штампарских раденика. 1881.
 95. Србија 1878. Београд, 1978.
 96. Србија и ослободилачки покрети на Балкану (од Париског мира до Берлинског конгреса) 1856-1878. Књ. I. 1856-1866 гг. Приредили Василије Крестић, Радош Љушић ; уредник Васа Чубриловић. Београд, 1983.
 97. Стенографске белешке о седницама Народне скупштине за 1875 и 1877. Београд. Крагујевац. 1875-1878.

98. Тодоровић П. Дневник једног добровољца. Београд.1964.
99. Устанак у Босни од 1875 до 1878 год. Грађа за новију српску историју рата за ослобођење. Нови Сад.1884.
100. Уједињена Омладина Српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. Нови Сад. 1977.
101. Salusbury Philip H.B. Two months with Tchernaijeff in Servia. London, Chapman &Hall. 1877.

Периодическая печать

- Новое время
- Пчела
- Русский мир

Литература

102. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). М., Европа, 2006.
103. Аншаков Ю.П., Шепелева А.Ю., Толкачев М.В. Русская православная церковь в освободительной борьбе южных славян в 1875-1878 гг. (на материалах Поволжья) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2021, Т.3. С.25-32.
104. Балканские исследования. Вып. 4. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и Балканы. М., 1978. Балканские исследования. Вып. 8.
105. Балканские исследования. Вып. 3. Освободительные движения на Балканах. М., 1978;
106. Балканские народы и европейские правительства в XVIII - начале XX вв. М.,1982.
107. Балканы в конце XIX - начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М.,1991.
108. Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии. Механизмы формирования и специфика развития. Конец XVIII - середина 30-х гг. XIX века. Санкт-Петербург, Алетейя, 2007.

109. Богучарский В. Русское освободительное движение и война за освобождение Болгарии // Современник. 1911. №3. С.181-220.
110. Бочкарева С.И. (Данченко С.И) Русско-сербские отношения в 1875-1878 гг. // Советское славяноведение. 1977. № 4. С.37-47.
111. Виноградов В. Н. Балканская эпопея князя А. М. Горчакова. М.: «Наука», 2005.
112. Виноградов В. Н. Двуглавый российский орел на Балканах: 1683–1914. М., Индрик, 2010.
113. Виноградов В.Н. Дипломатия великих держав в тупике Восточного кризиса //История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) М., URSS, 2012. С. 163-177.
114. Виноградов К.Б. Русско-австрийские отношения в связи с восстанием в Боснии и Герцеговине//Međunarodni naučni skup povodom 100-godišnice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama u istočnoj krizi 1875-1876. godine. Sarajevo. 1977. T. I. S. 124-127.
115. Войводич М. Русско-сербские отношения периода Восточного кризиса 1875–1878 гг. в сербской историографии// Россия и Сербия глазами историков двух стран. СПб., Алетейя, 2010. С.114-128.
116. Восточный вопрос во внешней политике России конец XVIII - начало XX вв. М., 1978.
117. Вяземская Е.К. Из предыстории Будапештской конвенции 1877 г. /депонированная рукопись в ИНИОН АН СССР № 17124 от 14.06.84.
118. Вяземская Е.К. Российская дипломатия и вопрос об автономии Боснии и Герцеговины в 1876 г. // Советское славяноведение. 1984 . № 1. С.17-32.
119. Гейсман П.А. Славяно-турецкая война 1876,1877,1878 гг. и ее значение в истории развития восточного вопроса. СПб., 1878.
120. Генов Ц. Добровольческое движение на Балканах во время . сербо-турецкой войны 1876 г. // Congres international del etudes balkaniques et Sud-Est Europeenes.1-er.1966.Actes. 4.Sofia. 1969. P.231-241.

121. Градовский Г.К. Архистратиг славянской рати. // Образовани-е. 1909. № I.
122. Гросул В.Я. Революционная Россия и Балканы (1874–1883). М., 1980.
123. Данченко С.И. Развитие сербской государственности и Рос-сия. 1878-1903 гг. М., 1996.
124. Данченко С.И., Карасев А.В. Основные этапы развития серб-ской национальной государственности и Россия (1858-1903 гг.) // Балканские исследования. М., 1984. Вып.9. С.123-138.
125. Данченко С. И. Начало Великого Восточного кризиса 70-х го-дов XIX в. и русское общество: проблема отечественной исто-риографии // Славяне и Россия: исторический контекст и про-блемы историографии. М., 2015. С. 209-235.
126. Двести лет новой сербской государственности. СПб., 2005.
127. Деметер Габор. Граф Андраши и позиция Австро-Венгрии по вопросу Восточного кризиса (1875–1879 гг.). Историогра-фический обзор//Генерал М.Д. Скобелев и его время. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2014. С.182-201.
128. Достян И.С. Россия и балканский вопрос : Из истории рус-ско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М. , Наука, 1972.
129. Достян И.С., Карасев А.В. Православная церковь и складыва-ние сербской нации // Роль религии в формировании южносла-вянских наций. М., 1999.
130. Дранг нах остен» и народы Центральной. Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871-1918. М., 1977
131. Дурново Н.Н. К истории сербо-турецкой войны 1876 г. // Исторический вестник. 1899. № 2. Т. XXV. С.531-537.
132. Зайцев В.В. К вопросу о становлении межгосударственных русско-сербских отношений в конце 70-х - начале 80-х го-дов XIX в. // Вопросы новой и новейшей истории. Киев, 1984. Вып.30. С.80-87.
133. Зайцев В.В. Русско-сербские отношения конца 70-х - начала 80-х гг. XIX века в русской дореволюционной историографии // Etudes balkanique. Sofia. 1983. №.3. P.40-57.

134. Золотухин М.Ю. Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885-1888 гг.). М., 1993.
135. Исламов Т.М. Внешняя политика России и русско-австрийские отношения в современной русской историографии // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Москва-Ставрополь, 2004. Вып. I. С. 4–63.
136. Исламов Т.М. История югославян империи Габсбургов в освещении русских историков конца XX столетия // Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время (памяти Владимира Павловича Шушарина). М., 2004. С. 289–313.
137. История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) М., URSS, 2012.
138. История Балкан: На переломе эпох (1878–1914 гг.). М., Институт славяноведения РАН. 2017.
139. История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. История внешней политики России: В 5 т. Т. 4. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., Академический проект. Парадигма, 2018.
140. История дипломатии. М., 1963. Т. 2.
141. История Югославии. В 2-х тт. М., Т.1. 1963.
142. Кович М. От Сан-Стефано к Берлину: сербский вопрос в переговорах между Россией, Австро-Венгрией и Великобританией // Из истории Сербии и русско-сербских связей: 1812–1912–2012. М., Институт славяноведения РАН, 2014. С. 106-124.
143. Козьменко И.В. Д. Маккензи. Сербь и русский панславизм. 1875-1878. Рецензия // Вопросы истории. 1969. № I. С.188-191.
144. Колиненко Ю.В. Сербская православная церковь в 1878–1920 гг.: национальная идеология и политическая практика. М., 2016. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук.
145. Костяшов Ю.В. Сербь в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград. 1997.

146. Кочуков С.А. Сербо-турецкая война 1876 года на страницах воспоминаний В.В. Ящерова//Война и оружие. Новые исследования и материалы 2017. Часть 2 .СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. С.409-423.
147. Кочукова О.В. Записки саратовских добровольцев – участников Сербо-турецкой войны 1876 г. как исторический источник//Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 252-257.
148. Кудрявцева Е.П. Россия и Сербия в 30-40-х годах XIX века. Ин-т рос. истории. - М., Институт российской истории РАН, 2002.
149. Кудрявцева Е.П. Россия и становление сербской государственности. 1812–1856. М., Ин-т российской истории РАН, 2009.
150. Кузьмичева Л. В. Деятельность московских славянофилов по укреплению позиций сербской православной церкви в середине XIX в.// Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами: К 200-летию со дня рождения М. Ф. Раевского. М., СПб., Нестор-История, 2013. М., СПб., Нестор-История, 2013. С.123-130.
151. Кузьмичева Л.В. А.С. Хомяков и сербский вопрос // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист. (Сборник статей. в 2-х томах .Отв. редактор Б.Н. Тарасов) М., Языки славянских культур. 2007. Том.1. С. 89-105.
152. Кузьмичева Л.В. «Фальшивый партизан русский». Йован Ристич и обретение Сербией независимости// Родина. 2003. № 10. С.70-74.
153. Кузьмичева Л.В. Австро-русские инициативы по решению Восточного кризиса и начало сербо-турецкой войны 1876 года // Средняя Европа: проблемы межнациональных и международных отношений (XII-XX вв.), место издания. СПб., Алетейя 2008.
154. Кузьмичева Л.В. Благими намерениями... Сербский вопрос на заключительном этапе русско-турецкой войны 1877-78 гг.

- // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1875-1878 гг., М., 2006. С. 91-108;
155. Кузьмичева Л.В. Никола Крстич о роли России на начальном этапе Великого Восточного кризиса 1875-78 гг.// Српске студије= Serbian Studies, 2011, № 2. С. 81-88.
156. Кузьмичева Л.В. Открытие Сербского Подворья в Москве в 70-е гг. XIX века // Историки-слависты МГУ: Кн. 8: Славянский мир: в поисках идентичности М., 2011. С. 301-313.
157. Кузьмичева Л.В. Пушкин и Балканы // Югославянская история в новое и новейшее время (К 80-летию профессора В.Г. Карасева). М., 2002.
158. Кузьмичева Л.В. Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г // Россия и Восточный кризис 70-х гг. XIX в, М., МГУ. 1981. С. 77-98.
159. Кузьмичева Л.В. Сербо-русские отношения в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва. МГУ. 1986.
160. Кузьмичева Л.В. Сербо-русские отношения в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Москва. МГУ. 1986;
161. Кузьмичева Л.В. Сербское подворье в Москве в последней четверти XIX — начале XX вв. Проблема подбора кадров // Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. М., Институт славяноведения РАН, 2018. С.172-185.
162. Кузьмичева Л.В. Штаб М.Г. Черняева и русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 года // Међународни научни скуп Алексинач и околина у прошлости (2016:Алексинач) Зборник радова са међународног научног скупа Алексинач и околина у прошлости, 500 година од првог писаног помена 1516-2016, одржаног 3. септембра 2016. године у Алексиначу. Алексинач Завичајни музеј Алексинач, 2016. С.255-280.
163. Кузьмичева Л.В. Русско-турецкая война 1877-78 гг. и Сербия //Славянский альманах. 1996, Том 199. Москва. 1997. С.68-86.

164. Курдин Ю.А., Панов, А.Р., Ширинянц А.А. Поездка М. Г. Черныяева по Европе после сербско-турецкой войны (конец 1876 – начало 1877 г.) // *Российская история*. 2022. №5. С. 108-116.
165. Лещиловская И.И. Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб., Алетейя, 2006.
166. Ливен Доменик. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007.
167. Медяков А.С. История международных отношений в новое время. М., 2007.
168. Международные отношения на Балканах. 1815-1830. М., 1983.
169. Международные отношения на Балканах. 1830-1856. М., 1990.
170. Международные отношения на Балканах. 1856—1878 гг. М., «Наука», 1986.
171. Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., Кучково поле. 2020.
172. Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856-1875 гг. М., Индрик, 2019.
173. Мещерский В.П. Правда о Сербии. Письма. СПб., 1877.
174. Миличевич М. Славянские гости у русского царя (14 мая 1867 г.). [Пер. с сербскохорв. Предисл. П. И. Бартенева]// *Русский Архив*, 1885. Кн. 1, Вып. 4.
175. Милютин Д. А. Дневник 1876-1878 гг. М., РОССПЭН, 2009.
176. Милютин Д.А. Дневник. Т. II М., 1949.
177. На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII - начало XX вв. М., 1997.
178. Нарочницкий А.Л. Берлинский конгресс. Россия и южные славяне // *Новая и новейшая история*. 1979. № 2.
179. Никитин С.А. Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875-1876 гг. // *Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии*. М., 1957. С. 3-77.
180. Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в. М., Наука, 1970.

181. Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 гг. М., 1960.
182. Никифоров К.В. Сербия в середине XIX в (Начало деятельности по объединению сербских земель) М., 1995.
183. Никифоров К.В. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М.: «Индрик», 2015.
184. Оброк Е. [Поливанова Е.Д.] Кто такие славяне? Почему мы любим славян и зовем их нашими братьями. Для народного чтения. В пользу страдающих славян. М., 1876.
185. Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957.
186. Овсяный Н. Накануне освободительной войны // Военно-исторический сборник. 1912. № 4.
187. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв. М., 1984.
188. Паскалева В. Австро-Венгрия и национальное движение на Балканах (1875-1877)// Međunarodni naučni skup povodom stogodišnjice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama u istočnoj krizi 1875–1878. godine.. Sarajevo, 1977. Т. 1. С. 148–150.
189. Пахомова Л.Ю. Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М., Индрик, 2021.
190. Пилипович Радован. Сербь в богословских учебных заведениях России во второй половине XIX века - мнение царского дипломата // Русский сборник. Т. XIV, М., 2013. С. 95-152.
191. Писарев Ю.А. Восстание в Боснии и Герцеговине 1875-1878 гг. в освещении русской и советской литературы // Balcanica. Belgrade, 1976. Књ. 7. С.153-165.
192. Пичета В.И. Предисловие к публикации писем М.Г. Черняева и П.А. Кулаковского к И.С. Аксакову // Голос минувшего. 1915. № 9.
193. П-ов Н. Воспоминания добровольца о сербо-турецкой войне 1876 г. // Русский вестник. 1877. Т.129. № 5.

194. Поплыко Д.Ф. Проблема освобождения народов Балканского полуострова в русско-сербских отношениях начала 70-х годов XIX в. // Балканские исследования. 1982. Вып.8. С.173-191.
195. Попов А. Наступление царской России на Балканах // Авантюры русского царизма в Болгарии. Сб. док. сост. П. Павлович. М., 1935.
196. Попов Н.А. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г. М., 1869.
197. Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге. Воронеж, 2013. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук.
198. Пушкаревич К.А. Балканские славяне и русские «освободители» (Славянские комитеты и события на Балканах перед русско-турецкой войной 1877-1878 гг.) // Труды института славяноведения АН СССР. Л., 1934. Т. II. С.189-229.
199. Ровнякова Л.И. Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е годы XIX века). Очерки. Ленинград, 1986.
200. Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999.
201. Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII -1878 г.) М., 1993.
202. Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981.
203. Россия и славянский мир на этнографической выставке 1867 г.: Материалы Международной научной конференции, посвященной 140-летию первой этнографической выставки России. СПб., 2009.
204. Сергеенкова В.В. Белорусская составляющая биографии российского генерала Михаила Григорьевича Черняева // Российские и славянские исследования. Вып. 8. Минск, БГУ, 2013. — С. 304-308.
205. [Синкел Платон] Сербское Подворье в Москве. (Краткий исторический очерк). Составил Синкел Платон. М., 1902
206. Славянские съезды XIX-XX вв. М., 1994.

207. Снытко Т.Г. Из истории народного движения в поддержку борьбы южных славян за свою независимость в 1875-1876 гг. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957. С. 78-106.
208. 100 лет освобождения балканских народов от османского ига. М., 1979.
209. Струкова К.Л. К истории русско-сербских межгосударственных отношений в 1875 г. // Балканские исследования. 1982. Вып. 8. С.192-221.
210. Струкова К.Л., Хитрова Н.И. Сербия и Черногория в войне с Турцией (1876-1878 гг.) // Балканские исследования. Вып.4. М., 1978. С.43-76.
211. Турилов А. А. Исследования по славянскому и сербскому средневековью. Београд: Чигоја штампа, 2014.
212. Улуян А.А. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия. М., 1978.
213. Хевролина В.М. Восточный кризис 1875-1878 гг. и русско-турецкая война в новейшей советской литературе // Вопросы истории. 1980. № 5. С.127-135.
214. Хевролина В.М. Революционная Россия и боснийско-герцеговинское восстание // Балканские исследования. Освободительные движения на Балканах. М., 1978 Вып. 3.
215. Хевролина В.М. Революционное народничество и сербо-турецкая война 1876 г. // Вопросы первоначального накопления капитала и национального движения в славянских странах М., 1972.
216. Хевролина В.М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М., 2004.
217. Хитрова Н.И. Россия и Черногория. Русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878-1908 гг. М., ИРИ РАН, 1993.
218. Хомяковский сборник. Томск. 1998.
219. Церковь в истории славянских народов. М., 1997.
220. Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной – жизни пореформенной России. М., 1978.

221. Чернов С. Л. Россия на завершающем этапе восточного кризиса 1875-1878 гг. М., 1984.
222. Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославыне. М., Институт славяноведения РАН, 2011.
223. Чуркина И.В. Россия, славянофилы и зарубежные славяне. Очерки истории. М., Индрик, 2020.
224. Шемякин А. Л. Смерть графа Вронского. СПб.: Алетейя, 2007. 2-е изд., испр. и доп.
225. Шемякин А.Л. Генерал М. Г. Черняев и Сербская война. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 2. М., 2006. С. 199-217.
226. Шемякин А.Л. Идеология Никола Пашича. Формирование и эволюция. М., 1998.
227. Шемякин А.Л. М.Г. Черняев и Сербия // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник к 50-летию О.Р. Айрапетова. М., Регнум, 2012. С.187-200.
228. Шемякин А.Л. Тайная миссия Н.Н. Раевского на Балканах в 1867 г. // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. М., 2004.
229. Шепелева А.Ю. Вклад народов Поволжья и Южного Урала в борьбу южных славян за национальное освобождение. Саратов, 2014. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук.
230. Яковлев Н.Н. Добровольческое движение сербов и болгар в сербо-турецкую войну 1876 года //Първи Международен конгресс по българистика. София, 23 май-3 юни, 1981. Доклади. Т.1. София, 1982, С.640-648.
231. Яковлев Н.Н. Русское добровольческое движение на Балканах в 1876 г. // Ученые записки Куйбышевского педагогического института. Вып. 15. Куйбышев, 1955.С.177-206.
232. Алимпић М. Живот и рад генерала Ранко Алимпића у свези са догађајима из најновије српске историје. Београд.1892.
233. Берић Д. Српско питање и политика Аустроугарске и Русије: 1848-1878. Београд: Гутенбергова галаксија. 2000.

234. Бранковић Слободан. Европска Србија и свет. Београд. Наша прича плус. 2011.
235. Венев К. Поведението на сръбското правителство през руско-турската война (1877-1878 гг.) // Исторически преглед. 1982. № 5. С.73-83.
236. Војводић М. Србија и балканско питање (1875-1914). Нови Сад, Матица Српска. 2000.
237. Војводић Михаило. О неким аспектима последица кризе 1875–1878. на Србију // Велика Источна криза и српско питање. Београд. Историјски институт. 2019. С. 7-15.
238. Вулетић Витомир. Руси и Срби у сусрету. Нови Сад, 1995.
239. Дворниковић В. Борба идеја. 1995.
240. Ђорђевић М. Друштвено-политички услови и исходи српско-турских ратова 1876-1878 // Србија у завршно фази Велике источне кризе (1877-1878). Београд, 1980. С.39–57.
241. Ђурковић В. Односи између Српства и Русије од 1185–1903. Београд, 1903.
242. Екмечић М. Стварање Југославије: 1790-1918. Београд. Прогреса, 1989. 2 књ.
243. Екмечић М. Историјски значај народних устанка у Великој источној кризи од 1875 до 1878 године//Србија у завршној фази велике источне кризе (1877-1878
244. Екмечић М. Дуго кретање између клања и орања: историја Срба у Новом Веку: 1492-1992. Београд, 2008.
245. Екмечић М. Устанак у Босни 1875–1878. Београд, 1996.
246. Екмечић, Милорад. Српска војска у националним ратовима од 1876. до 1878. *Balkanica*, IX .1978. С. 97-129.
247. Екмечић, Милорад. Српски народ у Турској од средине XIX века до 1878// Историја српског народа, V–1 (Београд: СКА, 1994): 449–526.
248. Живот и рад Јована Ристића. Српска академија наука и уметности. Научни скупови. Књ. XXV. Председништво. Књ.5. Београд, 1985.
249. Илић Н. Ослобођење јужне Србије 1877-1878. Београд. 1977.

250. Историја српског народа. Књ. V. Том 1. Београд. 1981.
251. Јовановић Сл. Влада Милана Обреновића. Књ. II. Београд. 1934.
252. Јовановић Р. Политички односи Црне Горе и Србије 1860-1878. Цетиње, 1977.
253. Ковић Милош. Дизраели и источно питање. Београд. Слио, 2007.
254. Кузмичева Људмила. Русија и припреме Србије и Црне Горе за рат са Турском у пролеће 1876. Околности доласка у Србију М.Г. Черњајева // Делиград од устанка ка независности 1806-1876. Београд, 2007. С. 247-262;
255. Кузмичева Људмила. Русско-српска ратна сарадња у Источној Србији 1876-1878 // Међународни научни скуп Браничево у историји Србији. Зборник радова. Пожаревац-Београд. 2008. С. 517-534.
256. Леовац Д. Србија и Русија за време друге владавине кнеза Михаила (1860-1868). Београд, Службени гласник. 2015.
257. Љушић Р. Књига о Начертанију: национални и државни програм Кнежевине Србије (1844). Крагујевац, Јефимија. 2003.
258. Љушић Радош. Јован Ристић и уставно питање 1869. године // Живот и рад Јована Ристића. Београд, 1985.
259. Љушић Радош. Србија 19. века : изабрани радови (1). – Београд, Војска, 1994. Љушић Радош. Србија 19. века : изабрани радови (2). Београд, Војска, 1998.
260. Љушић Радош. Србија 19. века : изабрани радови (3). Београд, Војноиздавачки завод, 2005.
261. Љушић Радош. Српска државност 19. века. Београд, 2008.
262. Македонија во источната криза 1875-1881. Скопје, 1978.
263. Милосављевић П. Припреме Србије за рат са Турском 1876. године // *Balkanica IX. Belgrade.* 1978. S. 131-157.
264. Опачић П., Скоко С. Српско турски ратови 1876-1878. Београд, БИГ, 1981.
265. Перовић Л. Пера Тодоровић. Београд. 1983.
266. Петровић Бранко. Јован Ристић. Биографске и мемоарске белешке. Београд. 1912.

267. Пирочанац М.С. Поводом једне «Дипломатске историје». Београд, 1896.
268. Попов Чедомир Србија 1868–1878. // Историја српског народа, V–1. Београд: СКА, 1994. С.305–421.
269. Попов Ч. Јован Ристић у српско-турским ратовима 1876-1878. Године//Живот и рад Јована Ристића. Београд,1985. С. 73-74.
270. Поповић В. Источно питање. Београд, 1928.
271. Прелог Милан. Др М. Полит и свеславенски конгрес у Москви године. 1867 // Летопис Матице српске. Књ. 313. Нови Сад, 1927.
272. Пузовић Предраг. Подворје српске цркве у Москви // Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века: међународни научни скуп, 23-25. септембар 2010. Београд, САНУ. 2011. С.77-93.
273. Рајић С. Владан Ђорђевић: Биографија поузданог обреновићевца. Београд, Завод за уџбенике. 2007.
274. Радовић Д. Јован Ристић. Биографија државника. Докторска дисертација одбрањена на Филозофском факултету Универзитета у Београду, 2020.
275. Ражнатовић Н. Питање Новопазарског санџака на завршетку велике Источне кризе (1877-1878)//Србија у завршној фази велике источне кризе (1877-1878) Историјски институт. Зборник радова књ.2. Београд,1980.
276. Рајић Сузана. Криза пре кризе – Србија и Велике силе 1870–1875. године // Велика Источна криза и српско питање. Београд, Историјски институт. 2019. С. 17–39.
277. Рајић Сузана. Спољна политика Србије. Између очекивања и реалности. 1868-1878. Београд, Српска књижевна задруга, 2015.
278. Растовић Александар. Савремена тумачења Велике источне кризе Берлинског конгреса у англосаксонској историографији // Велика Источна криза и српско питање. Београд, Историјски институт. 2019. С.129-152.

279. Руски добровољци у Србији 1876.: тематски зборник радова = Русские добровольцы в Сербии 1876.: тематический сборник трудов. Београд, Графо сан, 2022.
280. Скоко С. Улога српске војске у руско-турском рату 1877-1878. // Србија у завршној фази велике источне кризе (1877-1878). Историјски институт. Зборник радова књ.2. Београд, 1980.
281. Слијепчевић Ђоко. Историја српске православне цркве. Минхен, Искра. 1966. Књ. 2
282. Слијепчевић Ђоко. Михаило, архиепископ београдски и митрополит Србије. Минхен, Искра, 1980.
283. Србија у завршној фази велике источне кризе (1877-1878). Историјски институт. Зборник радова. Књ.2. Београд, 1980.
284. Стојановић Р. Геостратешки чиниоци односа великих сила према Србији 1875-1878 године. // Србија у завршној фази велике источне кризе (1877-1878) Историјски институт. Зборник радова књ.2. Београд, 1980.
285. Стојановић Р. Јован Ристић као дипломата. // В кн. Живот и Рад Јована Ристића. С. 114-117.
286. Стојанчевић В. Политички погледи Ј. Ристића и проблем ослобођења српског народа у Турској // Историјски часопис. Београд, 1981. № 28.
287. Стојанчевић В. Србија и Бугарска од Санстефанског мира до Берлинског конгреса. Београд, 1986.
288. Стојанчевић Вл. Политички погледи Ј. Ристића и проблем ослобођења српског народа у Турској // Историјски часопис. Београд, 1981. № 28.
289. Стојанчевић В. Мисија генерала Милојка Лешјанина у Сан-Стефану пред закључење руско-турског уговора 1878 // Годишњак града Београда. 1977. С. 115-124.
290. Стојанчевић В. Србија и Русија од Санстефанског мира до Берлинског конгреса. // Отпор аустроугарској окупацији. Сарајево. 1979. Р. 203-214.
291. Стојанчевић В. Србија, Русија и Бугари од Цариградске амбасадорске конференције до Берлинског конгреса (1876-1878) // Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века:

- међународни научни скуп 23-25. септембар 2010. Београд, САНУ, 2011. С. 121-133.
292. Стојанчевић В. «Коџибаша» Трнске казе Аранђел Станојевић и српско-бугарски спор око Трна и Знепоља 1878-1879 // Историјски часопис XXV-XXVI. Београд, 1979.
293. Терзић Славенко. Руски словенофили и српско питање (1856-1878)//Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века : међународни научни скуп 23-25. септембар 2010. Београд, САНУ, 2011. С. 95-107.
294. Терзић С. Срби у политичко-културним концепцијама руских словенофила (шездесете - седамдесете године XIX века) // Зборник Матице Српске за историју. 102 (2/2020). С. 85-100.
295. Хаджиниколова Е. Срђско-турската война, Русија и Западна Европа през 1876 г. Софија, ФТП. 1999.
296. Хаджиниколова Е. Българите и срђско-турската война 1876. Софија 1996.
297. Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Друго издање. Београд, 1982.
298. Чубриловић В. Райхштатски споразум (8 јул 1876) // Српски Књижевни гласник. Нова серија. Београд, 1931 . Књ. XXXIII . Бр. 3 . С.187-194; Бр.4 . С. 285-293.
299. Чубриловић В. Србија и Аустрија у XIX веку // Велике силе и Србија пред први светски рат. Београд, 1976. С.1-36.
300. Чубриловић В. Ђоровић В. Србија од 1858. до 1878. године. // Српски народ у XIX веку. Књ. 3. Београд, 1938.
301. Чубриловић, В. Босански устанак 1875–1878. Београд, Службени лист, Балканолошки институт САНУ, 1996.
302. Екмеџић М. Ustanak u Bosni 1875-1878. V. Masleša. Sarajevo. 1960.
303. MacKenzie D. Serbia and Russia to 1918 // Европа и Срби : међународни научни скуп 13-15. децембра 1995. – Београд, Историјски институт САНУ, Нови Сад, Православна реч. 1996. С.285-298.
304. MacKenzie D. The Lion of Tashkent. Athens, 1974.
305. MacKenzie D. The Serbs and Russian Pan-Slavism. Ithaca, Cornell University Press. 1967.
306. MacKenzie D. Serbs and Russians. New York, 1996.

307. Međunarodni naučni skup povodom 100-godišnice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama u istočnoj krizi 1875-1876. godine. Sarajevo. 1977. T. 1-3.
308. Mekenzi D. Jovan Ristić – evropski državnik. Beograd. 2004
309. Otpor austrougarskoj okupaciji 1878. godine u Bosni i Hercegovini – Sarajevo, 1979.
310. Popović Bogdan. Istorija Ministarstva inostranih dela Srbije. Beograd. 2005.
311. Popović-Obradović Olga. Ideja i praksa ustavnosti u Srbiji 1869-1914: između liberalne i «narodne» države// Rusija, Srbija, Crna Gora. Beograd. 2000.
312. Subotić M. Političke ideje klasičnog slovenofilstva // Tokovi istorije. 1999. № 1- 4. S. 7 -35
313. Subotić M. Sricanje slobode. Niš, Gradina 1992.
314. Sumner B.H. Russia and the Balkans 1870 - 1880. Oxford. At the Clarendon Press. 1937.
315. Vučković J. Misija Jovana Marinovića u Petrogradu 1876// Jugoslovenska revija za međunarodno pravo - 1957. № 3, S.352-371.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абдул-Азиз, турецкий султан
155, 161

Аксаков И.С. 25, 30, 65-70, 72,
73, 76, 112, 157, 159-161, 178, 203,
205, 206, 210,

211, 219, 220, 225, 230, 233, 234,
236, 247, 255, 257, 268, 342

Александр II, российский им-
ператор 82, 88, 115, 140, 144, 161,
162, 170, 239, 247, 262, 266, 273,
274, 276, 280, 285, 292, 294, 309,
311

Александр III, российский им-
ператор 216

Александр Карагеоргиевич,
сербский князь 67

Алимпич Р. 25, 133, 143, 194, 215,
230

Андраши Д. 18, 36, 37, 40, 128,
129, 138-141, 145, 146, 152, 168,
172-174, 253, 273, 302, 303, 305,
306, 308, 309, 311, 314-316, 319,
320, 323, 329, 332, 335, 351

Андреев, врач 222

Андреев В.К. 198, 216

Антония, настоятельница мо-
настыря 100

Анучин Д.Г. 29

Арсеньев А. В. 189

Б

Баранцевич Ст. 193

Баргенов П. 70, 85, 93, 344

Башмаков А.А. 29

Безсонов П.А. 70

Беккер В. 203, 213

Беляев И.Д. 70

Беляев, врач 222

Березин Л.В. 188

Березовский А.И. 89

Бинички Ст. 25

Блазнавац М. 109, 164

Бисмарк О. 152, 240

Блудова А.Д. 96

Бобриков Г.И. 25, 29, 277, 280,
284, 285, 287-294, 297-300, 304,
312, 316,

317, 332, 342

Богичевич М. 129, 290

Боголюбов А.А. 180

Бордеано 270, 271

Браилко Н.И. 260

Бубнов 222

В

Васильевич А. 101

Васильчиков А.И. 154, 208, 210,
211, 247

Велимирович Ст. 234

Величковский 238

Веселитский-Божидарович Г.С.
147, 148

Витте Н. 199

Влайкович Г. 194

Вреде Н. 143, 144, 297, 303, 319,
320, 328, 329

Вукичевич Н. 93

Г

Газенкампф М.А. 24, 273, 282,
284, 285, 294, 298, 343

Гамбургер А.Ф. 274

Гарашанин И. 13, 85, 139, 356

Гарашанин М. 119-121, 139, 262,
346

Гейден Ф.Л. 264

Гейсман П.А. 52, 204, 215, 232,
343, 351

Гильфердинг А.Ф. 68, 112

Гирс Н.К. 140, 143, 153, 260, 262,
310, 313, 315, 317, 324

Голенищев-Кутузов П.А. 241

Гольдштейн Д.А. 196, 197, 226

Гопчевич С. 36

Горбатовский 259

Горчаков А.М. 18, 29, 48, 49, 77,
87, 129, 136, 139-142, 147, 151,
152, 155, 165, 167-170, 172, 176-
178, 239, 240, 245, 247, 249, 263,
265, 268, 272-274, 276-278, 286,
306, 308, 309, 327, 332, 350

Градовский Г.К. 30, 159, 227, 351

Груич Е. 23, 130, 136, 150, 284,
295, 320, 324, 325, 330

Груич С. 25, 36, 52, 149, 236, 238,
256, 288, 299, 300, 343

Д

Дандевиль В. Д. 200, 205-211,
238

Данилевский Н.Я. 28

Дашков В.А. 83

Деволлан (Де-Волан, Де-Вол-
лан, Деволан) Г.А. 25, 212, 233,
343.

Дерби Э. 219, 286

Дервиш-паша 124

Джернингам Х. 315, 324, 325, 333

Джорджевич В. 23, 25, 36, 51, 86,
87, 89-91, 233, 347

Дизраэли Б. 41, 49, 152

Дохтуров Д.П. 180, 193, 213,
214, 250, 260

Дримпельман Г.Л. 209

Дурново Н.Н. 25, 52, 103-105,
158, 343, 351

Дучич Никифор, архимандрит
193

Е

Евецкий 218

Елагин Н.В. 70

Ж

Жданов, врач 222

Жданов, поручик 215

Жомини А.Г. 128, 129

Журавлев 215

З

Зах Ф. 234

Зверинский 215

Зеленый А.С. 228

И

Иванов 15 215

Игнатъев Н.П. 29, 43, 48, 49, 124,
125, 153, 154, 161, 165, 174, 213,
237-240,

265, 272, 273, 277, 280, 304-310,
318, 324, 341, 343, 358

Игнятович Я. 72, 75

Измайлов А.Л. 203

Ионин А.С. 124-126, 136, 142,
143, 148

Иустин (Попович) 112

Й

Йованович В. 150

Йованович К. 150

К

Калай Б. 18, 347

Калевич Л. 135-137, 140, 150,
154, 166, 276

Карагеоргий 11, 61, 63

Карасев А. А. 201

Карцев Ю.С. 25, 29, 30, 158, 159,
162, 164, 214, 244, 257, 259, 343

Карцов А.Н. 25, 29, 108, 129-131,
135, 140, 141, 144, 145, 153, 154,
160, 161, 165,

166, 179, 180, 206, 210, 211, 236,
241, 242, 244-247, 253, 254, 256,
257, 262, 263, 268, 269, 273, 274,

Катарджи Д. 269, 270, 272, 273,
278-281, 283, 284, 292

Кечет 143

Киреев А.А. 24, 28, 148, 174, 177,
241

Киреев Н.А. 192, 202-204, 235

Киреевский И.В. 98

Клиндер П. 215

Кобылков Ф. 233

Ковачевич 86

Кожевников В.Ф. 73

Коломнин С.П. 222, 223, 226,
343

Комаров В.В. 213, 214

Костич Л. 91, 92

Котур П. 86

Кошелев А.И. 70

Крстич Н. 24, 25, 235, 354

Крушенбах 216

Кудрявцев А.Н. 336

Кузьминский П.Е. 209, 259

Кущевский И.А. 189, 190

Л

Лаврентьев В. 203, 206

- Ладыженский Н.Н. 274-276, 280-282, 286, 288
Лаярд О.Г. 271, 286
Лазо 215
Ламанский В.И. 27, 68, 178, 268
Ламанский Е.И. 178
Ларионов 218
Левашов 215
Левкоев 218
Леер Г.А. 163
Леонтьев К.Н. 28
Летур 215
Лешгьянин М. 234, 304, 311
Лозинский 215
Ломан 215
- М**
- Майков А.А. 242
Мак-Ивер 216, 344
Максимов Н.В. 25, 52, 196-198, 207, 212, 214, 215, 217, 218, 226, 231, 234, 344
Маринович Й. 129-131, 150, 241-246, 249, 253, 261-264, 274, 276
Маркович Е. 316, 317
Маркович С. 24, 316
Маргьянов Л.К. 199, 200, 201
Матич Д. 165
Медакович М. 86
Медведовский Н.Ю. 196, 217
Меженинов А.П. 215, 219, 260
Мезенцев Н.В. 184
Мельницкий 259
Мерчанский 215
Мехмед-паша 299
Мидхат-паша 155
Микешин М.О. 186-188, 192-194, 200, 202
Милан Обренович – князь, с 1882 -король Сербии 12, 18, 107, 109-111, 125, 126, 128-131, 135, 136, 143, 150, 158, 160, 161, 165-167, 170, 172, 180, 181, 200, 206, 208, 213, 219, 226, 227, 229, 233, 237, 241, 243-246, 248, 249, 253, 261-263, 268, 270, 272-278, 280, 282-284, 286, 289-294, 296, 297, 302, 304 311, 315-317, 319, 320, 322, 324, 330-332, 334-337
Милинкович Й. 86
Миличевич М. 24, 69, 84-87, 89, 90, 93, 94, 154, 336, 344, 347, 355
Милоевич М. 25
Милойкович Р. 150
Милорадович А.М. 259-261
Милош Обренович - сербский князь 11, 59, 62, 63, 67, 69, 70
Милутинович У. 93
Милютин Д.А. 21, 141, 156, 157, 160, 163, 164, 166, 172, 179, 180, 204, 224, 228,

237-240, 244, 245, 252, 255, 256,
259, 264, 267, 268, 281, 318, 321,
324, 326-328, 342, 344, 345.

Миних 215

Михаил (Йованович) – серб-
ский митрополит 97-100, 103,
105-110, 120, 128, 158, 160, 177,
178, 209, 347, 363

Михаил Обренович - сербский
князь 12, 15, 17, 18, 67, 69, 85, 93,
156, 157, 163, 164, 176, 188, 361

Михаилович Ст. 130, 131, 132,
136

Михайловский Н.К. 182

Мишкович Й. 24, 25, 218, 347

Молостов 215 Монтеверде П.А.
146, 147, 154, 157, 189, 206, 259,
341, 342

Мурад V - турецкий султан 155

Мурашкин 215

Мусулин 86

Н

Нарышкин А.А. 247

Небольсин 215

Недич 134

Нелидов А.И. 272, 273, 284, 285,
305

Неманичи - сербская средневе-
ковая династия 314

Немец А. 86

Непокойчицкий А. А. 252, 257,
264, 281

Нестор - архимандрит 107, 109,
110

Никитин А.П. 8, 255-259, 264,
265

Никола (Николай) – черногор-
ский князь 125-127, 142, 143,
180

Николай (Велимирович) 112

Николай Николаевич (стар-
ший) - великий князь 237, 244,
257, 261, 274, 276, 277, 278, 280,
285, 292, 298, 302, 318

Николич Т. 166, 172

Новиков Е.П. 29, 128, 129, 140,
306, 309, 310

Новоселов С.К. 193, 208

О

Овсяный Н.Р. 29, 30, 206, 344

Ольром И. 111

Орци Б. 328

Осман-паша 288

Островский А.Н. 193

П

Павлович Г. 142

Павлович М. 224

Павлович П. 189

Павлович Т. 86

Пацци Э. 188

Пашич Н. 53, 76, 97, 359

Персиани А.И. 290-292, 302, 303,
313, 317, 320, 322, 324, 325, 335

- Петкович Д. 86
 Петр (Йованович) - сербский митрополит 97
 Петров Петр (псевдоним П.А. Монтеверде) 189
 Петровский П. 199
 Петрониевич М. 86
 Петухов 215
 Пирочанац М. 24-26, 51, 119, 121, 129, 151, 317, 331, 348, 362
 Пичета В.И. 30, 233, 234, 345, 356
 Платон - протосингел 105, 107, 357
 Погодин М.П. 66
 Покровский 222
 Поленов В.Д. 197, 198, 238, 345
 Полит-Десанчич М. 87, 92
 Попов Н.А. 66, 77, 81, 100, 102, 105, 112, 178, 342, 344, 357
 Поршняков А.М. 154
 Постельников В.И. 163
 Потапов А.Л. 189
 Протасов Н.А. 99
 Протич К. 335-337
 Протич М. 151, 165, 177, 178, 227, 237, 242, 246, 247, 262, 292, 302, 305, 311, 313, 314
 Протопопов А. П. 224, 225
 Пуцич М. 86
- Р**
- Радивоевич Л. 86
 Раевский М.Ф. 68, 94, 96, 98, 99, 359
 Раевский Н.Н. 163, 204, 226, 359.
 Раячич (Иосиф), митрополит, с 1848 патриарх сербский 98, 99
 Рейтерн М. Х. 25, 237, 259
 Рерберг П.Ф. 201
 Ржевусский А.А. 53, 216, 218, 225, 345
 Ригер Ф. 89
 Ригонде 145
 Риза-паша 85
 Ринек 222
 Ристич Й. 18, 19, 23, 25, 26, 36, 40, 42, 51, 115-123, 130-137, 139, 147, 150, 151, 159, 161, 162, 165, 167, 170, 177, 188, 220, 223, 227, 237, 241-243, 245, 246, 248, 249, 251, 253, 256, 257, 262-264, 268-284, 286-288, 291-294, 296-298, 302, 303, 311, 313-315, 319, 320, 323-326, 328, 329, 330-332, 335, 338, 339
 Рихтер П. А. 245
 Родич Г. 143, 148, 149
 Ростригин 259
 Ротшильд 306
- С**
- Савва (Грбович) – архимандрит 110
 Самарин Ю. Ф. 66, 70
 Сикорский К.В. 196
 Симич М. 94
 Скалон Д.А. 25, 29, 318, 346

Славолюбов Я.П. 124, 125
Снеissorев (Снесарев, Снесорев)
Н.А. 164, 259, 260
Соколовский В. 217
Соллогуб В.А. 162
Солсбери Р. 324, 325, 333
Солсбери Ф. 216, 225
Срезневский И.И. 27, 66
Станкович К. 87
Стефанович Д. 129, 130
Стойкович Е. 100
Стремоухов П.Н. 87, 124, 126,
136
Сумароков-Эльстон 240

Т

Татищев С.С. 87, 88
Тимашев А.Е. 154, 210, 211
Тодорович П. 24, 211, 224, 225
Тодорович Ст. 85, 87
Толстой П.С. 236, 257
Тотлебен Э.И. 321-323
Троянский А.С. 108

У

Уайт У.А. 333
Успенский Г.И. 232, 233, 346
Ушаков В.В. 218, 225

Ф

Фадеев Р.А. 28, 267-269, 271,
281, 282, 323-325, 327-329, 334,
346

Фазли-паша 224
Федоров 225
Фельдман Ф.А. 306
Фермор В. 196
Фигнер А.С. 186
Флейшер 215
Франц-Иосиф – император Ав-
стро-Венгрии 18, 124, 240, 309

Х

Хвостов А.Н. 25, 52, 201, 203,
212, 218, 220, 225, 229, 231, 234,
235, 346
Хитрово М.А. 295
Хорватович Д. 198, 215, 234

Христинич Н. 262
Христинич Ф. 23, 143, 270, 271,
277, 282, 283, 286, 291, 293, 294

Ц

Церетелев А.Н. 110, 280, 283, 284
Цукич К. 262, 297, 313, 319, 328,
329

Ч

Черкасский В.А. 304
Черняев М.Г. 16, 24, 30, 53-55,
146, 147, 156-163, 165, 166, 170,
178, 180, 189, 190, 192-195, 198-
200, 202, 203, 206, 208, 211-214,
216, 217, 219, 220, 224, 226-231,
233-235, 237, 250, 257-259, 267,
337, 342, 346

Черняева А.М. 53
Чижов Ф.В. 24, 66, 67, 70, 77,
147, 179, 255, 342
Чилиев К.В. 261
Чичагов Н.М. 35, 322, 323
Чичерин Б.Н. 146
Чолокантич Л. 234
Чорба А.А. 259
Чумич А. 261

Ш

Шаврин 215
Шафарик Я. 85, 87

Швегель Й-Ф. 311
Шишкин Н.П. 106-110, 126, 130
Штробиндер 225
Шувалов П.А. 25, 311, 318, 325,
332, 346

Щ

Щербина Т.Ф. 191, 192

Я

Янкович М. 136
Янчич 222
Ястребов И.С. 174

Кузьмичева Людмила Васильевна
«НАД СЕРБИЕЙ СМИЛУЙСЯ ТЫ, БОЖЕ!»
**Очерки истории русско-сербских отношений накануне
и в годы Великого восточного кризиса 1875-1878 гг.**

Штампа
Графо сан

Тираж
200 примерака

CIP - Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

355.48(470:497.11)”1876/1878”

355.087.2(=163.1)”1876/1878”

94(470:497.11)”1876/1878”

327(470:497.11)”1876/1878”

КУЗЬМИЧЕВА, Людмила Васильевна, 1954-

“Над Сербией смилуйся ты, Боже!” : очерки истории Русско-сербских отношений накануне и в годы Великого восточного кризиса 1875-1878 гг. / Кузьмичева Людмила Васильевна. - Београд : Центар за руске и источноевропске студије „М. Јовановић“ Филозофског факултета универзитета : Руски научни институт : Информатика, 2022 (Београд : Графо сан). - 372 стр. ; 21 см. - (Библиотека Руско-српски односи кроз историју ; бр.1)

Тираж 200. - Напомене и библиографске референце уз текст. - Библиографија: стр. 341-365. - Регистар.

ISBN 978-86-81328-09-5 (РНИ)

а) Источна криза -- Србија -- 1875-1878 б) Српско-турски рат 1876-1878 -- Добровољци, руски в) Србија -- Војна историја -- Русија -- 19в

COBISS.SR-ID 84061193